Тесла Лейла Хугаева Тиникашвили

Убийство Святой Дианы

Тесла Лейла Хугаева Тиникашвили

Убийство Святой Дианы

2025

УДК 82-9
ББК 76.01
Х98

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Хугаева Тиникашвили Тесла Лейла
Х98 Убийство Святой Дианы / Тесла Лейла Хугаева Тиникашвили. — [б. м.] : [б. и.], 2025. — 400 с.
[б. н.]

УДК 82-9
ББК 76.01

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ГЛАВА 1. ПРИНЦЕССА ДИАНА И ЦИТАДЕЛЬ РАБСТВА

1. ПРИНЦ ГАРРИ УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО «РАССЛЕДОВАНИЕ» ОБ УБИЙСТВЕ ПРИНЦЕССЫ ДИАНЫ –ЭТО «НАСМЕШКА И ОСКОРБЛЕНИЕ» (JOKE AND INSULT)

В 2023 году увидели свет мемуары младшего сына Принцессы Дианы, Принца Гарри, где он утверждает, что отчет о расследовании убийства его матери — это насмешка и оскорбление, и что они с братом были абсолютно согласны в оценке. Он также подчеркивает, что особенно абсурден заключительный вывод расследования, который возводит всю вино на пьянство водителя, тогда как, утверждает Гарри, туннель настолько прям и короток, что и пьяному не было никакого труда его миновать. Одним словом, если и была причина, которая привела к катастрофе, то вовсе не те, что указаны в расследовании. И если это вина папарацци, то опять таки почему же эти папарацци не в тюрьме? Почему винят мертвого водителя, но не папарацци? Кто их послал, спрашивает Принц Гарри?

Нью-Йорк Таймз, январь 2023:

> «Если есть в его мемуарах убийство, которое Гарри пытается расследовать, то это убийство его матери, принцессы Дианы, чья смерть в туннеле Алма моста в 1997 в ходе преследования ее машины папарацци, стала трагедией всей его жизни, и таким образом, центральной трагедии его мемуаров».
>
> New York Times, 10 Jan, 2023
> «If there’s a murder Harry is trying to solve, it’s of course that of his own mother, Princess Diana, whose death in the Pont de l’Alma tunnel in 1997, under chase by paparazzi, is the defining tragedy of his life,

and thus of this book.

Принц Гарри, «Запасной»:

«Позже, когда я проснулся, я набрал Вилли, и рассказал ему о своей ночи в туннеле. Он нисколько не удивился. Оказалось, что он тоже ездил по этому туннелю. Он как раз приезжал в Париж на финал чемпионата по регби, и мы решили вместе побывать в туннеле еще раз. Потом мы с ним говорили об автокатастрофе, впервые в жизни. Мы говорили о недавнем расследовании. Насмешка, мы оба были согласны в этой оценке результатов расследования. Последняя письменная версия отчета была просто оскорблением. Домыслы, усеянные ошибками в базисном фактическом материале и зияющие логические пустоты. Этот отчет поднимал больше вопросов, чем отвечал на поставленные вопросы. После стольких лет, мы сказали с Вилли, и после стольких затрат — как? И хуже всего, заключительный вывод, что водитель Мамы был пьян и потому он был единственной причиной катастрофы, вывод этот был удобен и абсурден. Даже если этот человек был пьяницей, даже если он был пьян в говно в тот день, все равно никаких проблем у него бы не возникло с тем, чтобы проехать по этому короткому туннелю. Только если папарацци не гнались за ним и не ослепили его. Тогда почему эти папарацци не были как следует привлечены к ответственности? Кто их послал? И почему тогда они не в тюрьме? Почему же в самом деле — только если коррупция и покрывательство преступников не были в порядке вещей. Мы с братом были согласны по всем этим пунктам, а также в том, что нам дальше следует предпринять. Мы сделаем заявление в прессе, и призовем возобновить расследование. Может быть дадим пресс-конференцию. Однако, нас отговорили люди во власти.

….Later, after I'd had a sleep, I rang Willy, told him about my night. None of it came as news to him. Turned out, he'd driven the tunnel too. He was coming to Paris for the rugby final. We decided to do it together. Afterwards, we talked about the crash, for the first time ever. We talked about the recent inquest. A joke, we both agreed. The final written report was an insult. Fanciful, riddled with basic factual errors and gaping logical holes. It raised more questions than it answered. After all these years, we said, and all that money — how? Above all, the summary conclusion, that Mummy's driver was drunk and thereby the sole cause of the crash, was convenient and absurd. Even if the man had been drinking, even if he was shit-faced, he wouldn't have had any trouble navigating that short tunnel. Unless paps had chased and blinded him. Why were those paps not more roundly blamed? Why

> were they not in jail? Who sent them? And why were they not in jail? Why indeed — unless corruption and cover-ups were the order of the day? We were united on all these points, and also on next steps. We'd issue a statement, jointly call for the inquiry to be reopened. Maybe hold a press conference. We were talked out of it by the powers that be».

Из приведенной ниже статьи видно, что у убийц было много возможностей добить Диану после катастрофы, и услугами тех же папарацци, и проезжающими врачами, и наконец, в госпитале, куда ее отвезли. Если убийство было запланировано спецслужбами, что ее выживание не могли предоставить случаю. Так или иначе, она оставалась еще несколько часов жива после катастрофы.

Википедия, статья «Гибель принцессы Дианы»:

> «Подушка безопасности переднего пассажирского сиденья функционировала нормально. У пассажиров не было ремней безопасности. Диана, которая сидела на заднем правом пассажирском сиденье, была ещё в сознании. Сначала было сообщено, что она находилась на полу автомобиля спиной к дороге. Также сообщалось, что фотограф описал её состояние как кровотечение из носа и ушей, а голова её покоилась на спинке переднего пассажирского сиденья; он пытался достать её из машины, но ноги застряли. Затем он сказал ей, что помощь уже в пути и просил не терять сознания; никакого ответа от неё не последовало, она просто моргнула.
> В июне 2007 года на канале Channel 4 в документальном фильме *Диана: свидетели в туннеле* утверждалось, что первый человек, коснувшийся Дианы, был доктор Майлз, который случайно наткнулся на место происшествия. Он сообщил, что Диана не имела никаких видимых телесных повреждений, но была в шоке, и он снабдил её кислородом.
> Первый патруль полицейских прибыл в 00:30. Вскоре после этого семь папарацци на месте происшествия были арестованы. Диана была вытащена из автомобиля в 1:00 ночи, после чего у неё случился сердечный приступ. После внешней сердечно-лёгочной реанимации её сердце снова начало биться. Она была переведена в машину скорой помощи SAMU в 1:18, которая уехала с места происшествия в 1:41 и прибыла в больницу Питье-Сальпетриер в 2:06. Несмотря на попытки спасти её, её внутренние повреждения были слишком

> обширны: её сердце было смещено в правую сторону груди, что разорвало лёгочную вену и перикард. Несмотря на продолжительные реанимационные попытки, включая внутренний массаж сердца, она умерла в 4:00 утра, поскольку данные ранения оказались несовместимыми с жизнью.»

2. ПРИНЦ ГАРРИ КАК ПРИНЦ ГАМЛЕТ:

И сам Гарри, и обозрение его мемуаров в прессе настаивают на том, что Гарри ассоциирует себя с принцем Гамлетом, — тем самым Датским принцем, знаменитым тем, что один его родитель убил другого его родителя, и «женился на узурпаторе», как пишет сам Гарри.

В этой связи Гарри много говорит о почтении своего отца к наследию Шекспира, и что он всячески старался угодить отцу в его любви к Шекспиру, но вынужден был признать свое поражение.

Ведь даже его детскую роль в пьесе Шекспира отец его поддержал таким образом, что у всех, и прежде всего у самого Гарри, осталось впечатление, что отец его публично высмеял.

И вот он начинает свое повествование с того, как отец зашел к нему рано утром в спальню, чтобы сообщить о смерти его матери. Сообщил, похлопал по колену, и ушел. И Гарри еще много часов лежал один с такой страшной вестью наедине, в свои 12 лет. «Он был похож на призрака из пьесы в своем белом одеянии», говорит Гарри об отце, который не обнял и не приласкал ребенка, сообщая ему о смерти матери. «Какого призрака и какой пьесы?» спрашивает обозреватель НьюИоркера. И отвечает: Гамлета. Действительно, ведь Призрак рассказал Гамлету об убийстве его отца. И вот, Гарри начинает свое расследование вместе с Гамлетом.

Prince Harry, «Spare»:

> «Когда мне было шесть или семь лет, Папа поехал в Стратфорд и прочитал там публичную лекцию о достоинствах Шекспира. Стоя на земле, где был рожден и умер величайший писатель Британии,

Папа выступил против небрежения пьесами Шекспира в школах, против игнорирования Шекспира школьными программами, и против вымывания Шекспира из коллективного национального сознания. Папа приправил эту страстную речь цитатами из Гамлета, Отелло и Макбета. Это было похоже на шоу, но в шоу был смысл. Вы все должны быть способны цитировать Шекспира. Вы все должны знать его пьесы. Это наше общее наследие, мы должны беречь и лелеять его, а мы позволяем ему умирать. Я никогда не сомневался как сильно это ранило Папу, что я был один из той толпы, незнающих наследие Шекспира. И постарался измениться. «Я открыл Гамлета. Гм. Одинокий принц, погруженный в трагедию смерти родителя, наблюдает оставшегося в живых родителя в романтической любви с тем, кто стал узурпатором погибшего родителя....?! Я с шумом захлопнул книгу. Нет, спасибо».

...Вечер Открытия, мой отец сидел в самом центре забитого до отказа Театра Фарера и никто не был так счастлив как он в тот день. Вот оно, его желание сбылось: его сын играл в пьесе Шекспира, и деньги, вложенные в его обучение получали свое оправдание. Он ревел, он выл и он аплодировал. Но, что невозможно было объяснить, всегда в неправильном месте. Его реакции казались безнадежно нелепы. Он оставался нем, когда все смеялись. Он смеялся, когда все были спокойны. Это было больше чем заметно, это страшно меня расстраивало. Публика думала, что Папа был частью спектакля, специально подсаженный. Кто это там, кто смеется над ничем? Ох — это Принц Уэльский? Позже, за кулисами, Папа рассыпался в комплиментах. Ты был прекрасен, дорогой мальчик. Папа, но ты смеялся всегда в неправильных местах!»

«When I was about six or seven, Pa went to Stratford and delivered a fiery public defense of Shakespeare. Standing in the place where Britain's greatest writer was born and died, Pa decried the neglect of Shakespeare's plays in schools, the fading of Shakespeare from British classrooms, and from the nation's collective consciousness.

Pa

peppered this fiery oration with quotations from Hamlet, Macbeth, Othello, The Tempest, The Merchant of Venice — he plucked the lines from thin air, like petals from one of his homegrown roses, and tossed them into the audience. It was showmanship, but not in an empty way. He was making the point: You should all be able to do this. You should all know these lines. They're our shared heritage, we should be

cherishing them, safeguarding them, and instead we're letting them die. I never doubted how much it upset Pa that I was part of the Shakespeare-less hordes. And I tried to change. I opened Hamlet. Hmm: Lonely prince, obsessed with dead parent, watches remaining parent fall in love with dead parent's usurper…? I slammed it shut. No, thank you.

…Opening night, my father sat dead center in a packed Farrer Theatre and no one had a better time. Here it was, his dream come true, a son performing Shakespeare, and he was getting his money's worth. He roared, he howled, he applauded. But, inexplicably, at all the wrong moments. His timing was bizarrely off. He sat mute when everyone else was laughing. He laughed when everyone else was silent. More than noticeable, it was bloody distracting. The audience thought Pa was a plant, part of the performance. Who's that over there, laughing at nothing? Oh — is that the Prince of Wales? Later, backstage, Pa was all compliments. You were wonderful, darling boy. But I couldn't help looking cross. What's the matter, darling boy? Pa, you laughed at all the wrong times!»

The New Yorker 13 January, 2023

«Король Карл, как он стал им после смерти Королевы Елизаветы в сентябре, не много найдет приятного в «Запасном», который предлагает самую основательную критику членов королевской семьи и занятых интригами придворных со времен Принца Датского. …Король Карл описан более нежно. В «Запасном» Король есть фигура трагического пафоса, чьи часто повторяемые слова ласки для Гарри — «дорогой мальчик» — часто предшествуют допущению, что ничего нельзя поделать, или что он ничего не может поделать по поводу тяжкого груза их общей участи членов самой важной, самой привилегированной, самой изучаемой публикой, и самой дисфункциональной семьи нации. Как бы больно не было Карлу от разоблачений содержания «Запасного», он мог бы ворчливо одобрить то, как Гарри обращается к Шекспиру, чтобы изложить это содержание. В «Запасном» Гарри рассказывает о преданности своего отца Шекспиру.

…Эта сцена в спальне Гарри, рано утром 31 августа 1997, когда Гарри, в 12 лет, разбужен отцом, Карлом, тогда еще Принцем Уельса, страшными новостями, которые уже знал весь мир: мать принца, Диана, с которой Карл был разведен уже год назад и с которой разошлось задолго до этого, погибла в автокатастрофе в Париже. «Он

стоял у изголовья кровать и смотрел в пол» пишет Гарри о моменте, когда он узнал о потере, которая изменит его личность и определит курс его жизни. Он продолжает описывать внешность отца с необычной улыбкой: «Его белое одеяние делало его похожим на призрака в пьесе». Какой же это призрак и из какой пьесы? Известная пьеса, конечно: Гамлет. Уже с первых страниц «Запасного» эта пьеса Шекспира упоминается больше одного раза. В том числе в шутку: «Быть бородатым или не быть».

«King Charles, as he became upon the death of Queen Elizabeth, in September, will not find much to like in «Spare,» which may offer the most thoroughgoing scything of treacherous royals and their scheming courtiers since the Prince of Denmark's bloody swath through the halls of Elsinore. ...Charles is, for the most part, more tenderly drawn. In «Spare,» the King is a figure of tragic pathos, whose frequently repeated term of endearment for Harry, «darling boy,» most often precedes an admission that there is nothing to be done — or, at least, nothing he can do — about the burden of their shared lot as members of the nation's most important, most privileged, most scrutinized, most publicly dysfunctional family. As painful as Charles must find the book's revealing content, he might grudgingly approve of Harry's Shakespearean flourishes in delivering it. In «Spare,» Harry describes his father's devotion to Shakespeare.

...It was in this bedroom, early in the morning of August 31, 1997, that Harry, aged twelve, was awakened by his father, Charles, then the Prince of Wales, with the terrible news that had already broken across the world: the princes' mother, Princess Diana, from whom Charles had been divorced a year earlier and estranged long before that, had died in a car crash in Paris. «He was standing at the edge of the bed, looking down,» Harry writes of the moment in which he learned of the loss that would reshape his personality and determine the course of his life. He goes on to describe his father's appearance with an unusual smile: «His white dressing gown made him seem like a ghost in a play.» What ghost would that be, and what play? The big one, of course, bearing the name of that other brooding princely Aitch: Hamlet. Within the first few pages of «Spare,» Shakespeare's play is alluded to more than once. There's a jocular reference: «To beard or not to beard».»

3. ЗА ЧТО УБИЛИ ПРИНЦЕССУ ДИАНУ?

Может быть обстоятельства смерти Дианы настолько подозрительны, что все люди в здравом уме сомневаются в катастрофе и справедливо полагают, что скорее всего ее смерть подстроили. Однако, далеко не так очевидны в нашем безумном мире основания ее убийства. А за что же убили такого прекрасного ангела, спрашивают люди и не находят ответа.

То, что сегодня в безумном мире псевдонауки, прикрывающей своим лживым телом мощную реакцию консерваторов, и утверждающей что мы живем в мире прогресса, кажется загадкой, будет очевидно людям следующих поколений. Ведь всякой лже-науке приходит конец, и всякая реакция только временная деградация общества и культуры.

Диану убили за то, что она была Личностью и Человеком в мире Господ и Рабов. Более того, она была Личностью будучи Женщиной в мире, где несмотря на все разговоры об эмансипации женщин, последние все еще остаются униженными и подчиненными. Вспомните песню Джона Леннона: «Женщина — негр нашего мира». Леннона, который тоже открыто выступал против монархии, и которого тоже «случайно» убили.

Диана была молода и плохо образована, потому плохо формулировала свои мысли. У нас нет ее рукописей, из которых бы мы дали оценку ее политическим убеждениям. Однако, и Монархия давно перестала быть политическим учреждением, не так ли? Что такое монархия сегодня? Эстетический институт? Но тогда какого рода та особая красота, которая называется королевской? Религиозный институт? Но тогда какому богу они поклоняются? Христу? У Христа есть своя церковь! Политический институт? Но что такое король парламентской республики? Ничего. Этический институт? Но что это за Этика, когда одна семья владеет такими богатствами, а большинство населения бедны или за чертой бедности? Мифологический институт? Но что это за Миф, который стоит так дорого нации, и что он олицетворяет? Диане, этой принцессе, погнавшейся за мифом о Золушке, такое

воплощение сказки стоило жизни. Видимо, это очень плохой миф, и нам предстоит это доказать.

Несмотря на тот факт, что Диане было 18, и она читала только романы в своей юности, нам доподлинно известно, что у нее был серьезный и фундаментальный конфликт с самой системой монархии, выросший не из теоретического осмысления, а из ее каждодневного опыта борьбы с системой, задушившей ее как личность. Другого бы просто смололи и выбросили, как тысячи обычных жертв системы, но феномен Дианы в том, что она не была обычным человеком. Она была Человеком Духа, Личностью, которая отчаянно боролась, и борьбу которой заметил и оценил весь мир. Вот почему это не просто жертва. Диана не просто замученная Диана, а Святая Диана. Она успела, прежде чем ее убили, показать нам чудовищ системы изнутри, и рассказать нам о своей борьбе с ними. Она не сломалась, не стала манекеном для раззолоченных диадем и модных шляпок, не стала еще одной ложью, которая ценой продажи разума и совести, становится очередным винтиком системы, скрывающим за искусственной улыбкой смерть своей личности. Она была Женщиной, а значит бороться с системой рабства было во много раз сложнее. Д. С. Милль в трактате «О свободе женщин» говорит, что подчинение женщин есть цитадель рабства, и что чтобы разбить рабство навсегда мы должны развить его здесь в его цитадели. В этом величие Дианы и ее жертва нам, разумным, сильным женщинам, которые продолжают борьбу за эмансипацию женщин. Оставаться человеком, оставаться личностью, значит оставаться божьим духом, его разумом и совестью. И вот мы видим Диану, которая не сломалась и не стала частью машины господства и подчинения «по ту сторону добра и зла», но поднялась во весь рост своей личности и пошла наперекор всему за своим духовным призванием: служить людям, служить богу, оставаться человеком, оставаться личностью во чтобы то ни стало.

Казалось бы, как ее могли убить только за это? Это конечно нонсенс, скажет каждый, кто видит только глянцевый фасад

королевских дворцов. Однако, откройте книгу Андре Мортона: «История Дианы с ее собственных слов», и убедитесь в этой позорной мелочной войне, которую ей объявил ее муж и его «Офис». Ей ставили условие при котором ее примут в королевскую семью: быть красивой вещью, носить шляпки и платья, улыбаться на камеру и молчать. Вот и все что ей требовалось делать, чтобы ее никто не трогал. Современные принцессы прекрасно усвоили урок, и кажется умело несут свою роль украшения монархии и вышколенных реверансов. Однако, как можно видеть из под приоткрытого занавеса закулисья в мемуарах принца Гарри, и там кипят жестокие страсти — ведь лишить человека воли, значит его сломать. Диана вовсе не шла на компромиссы с совестью, вот что делает ее особенной, вот что заставляет восхищаться волей этой хрупкой девочки. Она не говорит, я вам это, а вы мне вот это. Она говорит, или по человечески, по божески, или никак, потому что я иначе не могу.

Как вы сами понимаете, чтобы вам было просто жить как манекен, вы должны Быть этим манекеном. Человек не может жить как манекен. Человек думает, человек оценивает действительность, человек несет ответственность за свои поступки перед богом и людьми. Человек — это тот, кто имеет потребность в мысли, и кто знает что есть совесть, справедливость, сочувствие к другим людям. И если вы вдруг предъявите нормальному здоровому человеку требование редуцировать свою жизнь до манекена с красивой одеждой, вы превратите его жизнь в ад. Вы растерзаете все что есть в нем живого и божеского, и поставите его на грань гибели, на грань самоубийства.

Диане повезло, она сразу привлекла своей непосредственностью, своим чистым божьим духом большую любовь людей, как какой-нибудь Франциск Ассизский. И эта любовь людей хранила ее до конца жизни от прямого и грубого насилия: ведь ей часто угрожали отобрать детей и запереть ее в сумасшедший дом, «на лечение», пока она не сломается настолько, что роль манекена для шляпок показалась ей раем. Но та же популярность у людей, у народа по всему миру, и обострила ненависть

к ней ее мужа и его офиса. Ведь теперь она не просто становилась непослушным рабом, но и опасным мятежником, в случае, если она решит выступить в открытой войне против него. И вот ей постепенно запрещают все светские выходы, все поездки, все больше и больше ограничивая ее круг деятельности до детской и гостиной. Но и тут уже нет никакой уверенности: начинаются угрозы лишить ее прав материнства. В то же самое время ее муж открыто живет с Камилой Паркер, и ей прямо говорят, что она чужая в их кругу, что она никто, потому что не знает своего места.

Итак, что же оставили Диане для жизнедеятельности? Какое пространство для жизни личности? Общественную работу запрещали, танцевать не разрешали, детей угрожали отнять, муж стал ее открыто игнорировать, саму ее старались посадить на психотропные таблетки, или вообще увезти и запереть. Это уже смерть, это уже убийство. И она действительно принимает многочисленные попытки свести счеты с жизнью. Чем большим выглядит королевство, которое имеет только цель вас задушить, тем страшнее оно душит. Вот и все прелести ее монаршего замужества.

И вот Диана решается на отчаянный шаг. Она находит через друзей Андре Мортона, и просит его рассказать людям о том, что происходит за стенами ее царской клетки. Чтобы народ решал, кто прав, кто виноват. Чтобы не стать жертвой их угроз, чтобы однажды у нее не отняли детей, а ее саму не заперли где нибудь и не изуродовали ей психику психотропными препаратами. И она опять выходит победительницей: им удается секретно подготовить и опубликовать материалы. Ведь если бы ее семья прознала об этом ранее, публикацию ее книги предотвратили бы на самом корню! Такова сила королевской семьи и такова слабость демократии в Британии!

И вот здесь ее очередная победа сделала ее уже серьезным соперником и серьезным врагом ее мужа. Ведь Диана оказалась права: народ встал на ее сторону! Народ однозначно высказался о том, кто прав и кто виноват! И теперь Диана уже не грязная

Золушка-прихлебательница королевских щей, а Народная Принцесса, которая служит людям, а не придворному этикету. Это была их с Мортоном большая победа, и эта победа могла спасти ей жизнь. Если бы Диана потребовала здесь развода и строго бы на нем настояла, продолжая заниматься служением обществу. Книга Мортона и Дианы «История Дианы с ее собственных слов» — вот переломный момент, который мог стать ее жизнью и свободой ее личности, а мог привести теперь уже к физической гибели.

Увы, как все здоровые, наивные люди она стала легкой жертвой обмана людей порочных и лживых. С выходом ее книги Семья больше не воспринимала ее своей частью, но теперь она становилась серьезным врагом — так они думали. Ведь популярность ее росла, а она продолжала утверждать свою личность вопреки всем правилам королевского этикета, предписывавшего ей роль тени мужа. И тогда Семья сделала с ней трюк, который так легко проходит с Наивными хорошими людьми. Они стали уверять ее в своей Дружбе: «Good Friendship» and «Second Honeymoon». Так назывались мероприятия, которые для всего мира символизировали якобы примирение супругов. И она поверила, и согласилась, - и это после той войны что она объявила Семье, защищая свою независимость в книге. И подписала себе смертный приговор. Вопрос перешел в плоскость ее любовных дел, и перестал быть политической реальностью. Так, опять поиздевались над Женщиной, задавив в ней личность через постоянно растравливаемый комплекс женской неполноценности.

Ведь когда она пошла на мировую с мужем, она ушла из политической плоскости в плоскость любовных внутрисемейных дел, а следовательно лишалась своей главной силы: силы общественной поддержки, силы быть личностью, силы быть духом. Так ее и обманули ложным примирением и вторым медовым месяцем. Потом ей оставалось жить считанные месяцы.

Вот почему я настаиваю, что убили Диану за то, что она была Личностью и Человеком, и при этом была Женщиной. Парламентская республика Англии и Монархия Англии — два непере-

секающихся мира, как демократы и консерваторы в США. И если Маргарет Тетчер олицетворяет свободу Женщины в свободной Англии, то гибель Дианы олицетворяет Рабство старой монархии, и рабство прежде всего в его цитадели — рабство Женщин.

Выводы понятны. Нет никакого демократического капитализма в Америке — но есть война демократов и консерваторов, которая закончится победой одной из сторон. И нет никакой конституционной монархии в Англии — но есть война между консерваторами монархии и демократами республики, которая тоже закончится победой одной из сторон. И в этом смысле Диана, которая до конца не на живот, а на смерть сражалась за свободу личности и за эмансипацию женщины, такой же герой Республики, какими были Сократ для Стоиков, Цицерон, Катон и Брут для римлян, а Жанна д Арк для женщин всего мира.

Я знаю, о чем говорю, ведь я Тесла Лейла Хугаева Тиникашвили — следующая жертва заговора консерваторов во всем мире, ведь главный и единственный враг консерваторов — разум и совесть, и наука которая дает им фундамент. Я готова была считать Британскую Монархию безобидным обломком прошлого, не замечая ее и не вмешиваясь в ход ее существования. Но она сама меня нашла, став одним из лидеров заговора против Научной Революции Энергетика. Ну что же, Диана, теперь и мы знаем, с какой страшной машиной тебе пришлось сражаться в одиночку, будучи невинным еще ребенком!

ГЛАВА 2. ЗДОРОВЬЕ ДИАНЫ И БОЛЕЗНЬ МОНАРХИИ: САТАН-ЭГО МАКИАВЕЛЛИ И НИЦШЕ

1. Британская монархия как оплот реакции консерваторов по всему миру. «Революция консерваторов» Путина.

2. «Royal Madness». Сатан-Эго: Устойчивая Верхняя Эгозащита Циклического Гомеостаза.

1. БРИТАНСКАЯ МОНАРХИЯ КАК ОПЛОТ РЕАКЦИИ КОНСЕРВАТОРОВ ПО ВСЕМУ МИРУ. «РЕВОЛЮЦИЯ КОНСЕРВАТОРОВ» ПУТИНА

Я не ставлю целью в этой книге расследование обстоятельств смерти Дианы и доказательство того очевидного факта, что она была убита. Это просто очевидный факт, хотя даже если бы в самом деле она погибла случайно, это нисколько не изменило бы того факта, что ее затравили и уничтожили морально задолго до того, как она погибла физически.

Для меня лично самым веским доказательством тайного убийства, организованного спецслужбами являются липовые расследования, шитые белыми нитками, когда абсурд и подтасовка фактов становятся очевидными каждому, кто их читает. Если принц Гарри и принц Уильям, дети Дианы, которые читали этот отчет о расследовании смерти Дианы, утверждают, что спецслужбы представили им именно такой липовый отчет, шитый белыми нитками, значит так оно и есть. И других доказательств того, что это было убийство, организованное спецслужбами уже не надо. Хотя вся жизнь Дианы в ее войне с британской монархией — одно сплошное косвенное доказательство того, что ее ранняя смерть не была случайностью.

Другой такой очевидный пример убийства, организованного спецслужбами — это конечно убийство президента Кеннеди. И Бертран Рассел, который в свое время организовал Комитет «Кто убил Кеннеди?» и написал в качестве отчета работы комитета статью «16 вопросов убийства» Кеннеди (опубликована в его автобиографии), также отзывается об отчете властей о расследовании убийства президента, как сыновья Дианы об отчете убийства их матери: «joke and insult», говорят сыновья Дианы. А вот что пишет об отчете спецслужб об убийстве Кеннеди Бертран Рассел в «Автобиографии»:

> «Меньше чем через два месяца после учреждения Фонда Бертрана Рассела за Мир», вместе со всем остальным миром, я был шокирован новостями об убийстве президента Кеннеди. Я был меньше удивлен этой подлой атакой чем большинство людей, потому что уже несколько лет я писал о возрастающей толерантности к необузданному насилию во всем мире и особенно в США. Некоторые мои статьи на эту тему были опубликованы, но некоторые показались редакторам слишком прямолинейными. По мере того как я читал отчеты прессы относительно убийства президента и позже, так называемые доказательства против Оствальда, застреленного Руби, мне становилось ясно, что там должно быть имело место какое-то ужасное извращение справедливости, и что скорее всего, что-то очень мерзкое было скрыто. Когда в июне, 1963, я встретил Марка Лейна, ньюйоркского адвоката, который с самого начала занимался делом матери Оствальда, мои подозрения были подтверждены фактами, которые он успел собрать. Все члены нашего Фонда согласились с моей точкой зрения, и мы делали все что мы могли, лично и все вместе, чтобы помочь Марку Лейну и распространить те факты, которые он нашел. Было совершенно очевидно из методов которыми пытались умиротворить общественное мнение, и фактов, которые отрицались или пропускались, что очень важные вопросы были на кону. Я был глубоко впечатлен не только не только энергией и проницательностью с которыми Марк Лейн находил относящиеся к делу факты, но и скрупулезной объективностью, с которой он представлял эти факты, никогда не выходя за рамки этих фактов в своих интерпретациях. Мы решили что Фонд не должен участвовать в поддержке тех, кто выискивал факты и пропагандировал их толкование в нужном направлении. Поэтому мы учредили собственную комиссию с неудовлетворительным названием «Британская Кто убил Кеннеди? Комиссия». Мы нашли несколько спонсоров, и даже секретаря, но с тру-

дом, потому что многие считали что это не нашего британского ума дело. Немногие понимали, что может мошенничество американских властей означать не только для жителей Америки, но и для всего остального мира также. И те кто понимал это попали в очень трудное положение. На нас обрушили грязные помои клеветы. Один из членов нашей комиссии получил угрожающий звонок из Американского посольства. Комиссии похожие на нашу были учреждены в других странах, и некоторых из них получили похожие предупреждения. В конечном итоге, наш Фонд был вынужден взять под свое крыло Комиссию, и ее члены днем и ночью тянули эту дополнительную работу. К августу, когда я опубликовал статью «Вопросы относительно убийства Кеннеди», начались митинги, и другие статьи были опубликованы. Марк Лейн путешествовал на нашей стране и по другим странам, включая свою Америку, рассказывая факты которые он раскопал, которые опровергали официальную и принятую большинством версию в отношении дела об убийстве. Мне прислали Отчет Комиссии Уоррена прежде чем он был опубликован в 1965 году, и сразу сказал, к очевидному неудовольствию многих, что я думаю об этом отчете. Распустили слухи, что я говорю, ничего не зная о деле, потому что я не видел отчет и не мог видеть его. На самом деле, Лейн прислал мне копию до ее публикации, так что у меня было время его прочитать и обдумать. Теперь когда Отчет Комиссии Уорена все тщательно исследовали и теперь стало почетно его критиковать, многие люди согласны со мной, и совершенно забыли и свою и мою позицию вначале. А на то время они были слишком робкими, чтобы следовать за фактами, и слепо принимая официальную трактовку. Они делали все в их силах, чтобы помешать нам помочь им узнать правду.

Официальная версия убийства президента Кеннеди была настолько испещрена противоречиями, что от нее отказывались и переписывали по меньшей мере три раза. Вопиющие фабрикации широко освещались прессой, но опровержения на эту ложь не были допущены к печати. Фотографии, доказательства и письменные показания вымарали из истории дела и не признали. Наиболее важные аспекты дела против Lee Harvey Oswald полностью умолчали. В то же время ФБР, полиция и секретные службы старались закрыть рот ключевым свидетелям или научить их, какие показания давать. Другие участники странным образом пропали или умерли в экстраординарных обстоятельствах. Такие факты требуют к себе пристального внимания, и комиссия Уорена должна была признать их существенными для расследования дела. В силу того, что комиссия была организована президентом Джонсоном и состояла из высокопоставленных чинов-

> ников, ее рассматривали как сакральный институт, правдивость которого самоочевидна и не нуждается в доказательствах. Однако, бесстрастное исследование состава и деятельности комиссии приводит к другим выводам»

Вы сами можете убедиться, что тон критической оценки сыновей Дианы и Бертрана Рассела двух отчетов о расследовании убийства абсолютно совпадает. И когда умные люди, знающие обстановку о которой идет речь, говорят так об отчетах о расследовании спецслужб, других доказательств, что убийство было проведено самими этими спецслужбами уже не надо.

Вот почему вовсе не этот очевидный факт убийства Дианы в центре расследования моего эссе. Для меня важно доказать не юридическую, а научную истину. Истину, которая вовсе не является самоочевидной в современном мире. Я говорю о факте смертельной войны между демократической и монархической системой в современном мире. К сожалению, утверждения о победе демократии сегодня только Миф. Но этот миф о победе демократии и поражении монархии дал последней время и симпатию народа, чтобы собраться с силами и окрепнуть. По всему миру побеждает реакция и консервативные силы, тогда как демократия продолжает стабильно терять свои позиции. Конечно, главная и основная причина в победе Лже-науки, в дарвиновской парадигме, которая доказала, что общество людей — это общество хищников и их жертв. Отсюда, из «научного доказательства» общества господства и подчинения и поднимает опять голову страшное Чудовище Левиафан, садомазохизм господства и подчинения физического контроля. И тогда как наивные люди, уверенные в победе демократии и свободы, снисходительно улыбаются «примитивному прошлому королей и лакеев», как сказочным мифам о золушках, принцах и принцессах, монархия, и в частности британская монархия, оказывается мощным оплотом консервативных сил по всему миру, реальной политической силой, далекой от романтики и наивности старых детских сказок.

Вот та истина современной социальной и политической действительности, которую я ставлю своей задачей доказать научно в данном исследовании о гибели принцессы Дианы. Я утверждаю, что в современном мире торжествует реакция, то есть откат назад всех прогрессивных политических сил, которые когда-то привели к победе демократии и справедливости правового государства. Я утверждаю, что в основе этого торжества реакции крушение философии рационализма и утверждение лже-науки дарвинизма, что явилось «самоубийством разума» (Камю) и таким образом возвратом к варварским Левиафанам садомазохизма. Я утверждаю вместе с Огюстом Контом, что в основе всех политических и социальных систем лежит духовное развитие общества, здоровье и патология сознания общества, и что по этой причине кризис в науке не мог не привести к кризису политическому и социальному. Я утверждаю, что монархия сегодня вовсе не рассматривается как отживший обломок прошлого, способный только плодить сказочное настроение мифов и детских фантазий. Совершенно напротив, она является мощной политической силой — оплотом реакции консерваторов всего когда-то «демократического» мира. Как например, режим Путина со всей очевидностью в своей реакции и «Революции консерваторов» делает ставку на авторитет британской монархии в своих планах реанимации царизма в России. Или другой пример, ориентация американских консерваторов на авторитет британской монархии. (Я говорю здесь не о партиях демократов и консерваторов в Америке, а о более широких политических течениях о противоборстве которых сообщает А. Шлезингер в книге «Циклы американской истории»).

И в этом коротком исследовании гибели принцессы Дианы я постараюсь доказать ту очевидную истину, что убийство Дианы — было, во первых, убийством политическим. Что конфликт между супругами был конфликтом политическим. Что вовсе не различия в характере привели к этому знаменитому на весь мир разводу, а абсолютная противоположность двух несовме-

стимых систем: общества свободных людей, к которым принадлежала Диана, и общества мертвой энергии физического контроля, которое олицетворяет британская монархия (сегодня для всего мира).

И в этом смысле убийство Дианы — сигнал для всего прочего демократического мира о том, что британская монархия, как символ древних Левиафанов садомазохизма, несет смерть всему духовному, живому, разумному, совестливому. То есть всему божескому и человеческому, ведь это мертва энергия физического контроля поля Эгосистемы.

2. «ROYAL MADNESS». САТАН-ЭГО: УСТОЙЧИВАЯ ВЕРХНЯЯ ЭГОЗАЩИТА ЦИКЛИЧЕСКОГО ГОМЕОСТАЗА

Монархия обвинила Диану в сумасшествии. Диагнозом ей подобрали «паранойю» как известно, но суть не в конкретном диагнозе, а в том, что ее объявили больной именно потому, что она оказалась совершенно неспособна сосуществовать с этой системой, то есть с монархией. Она говорила в знаменитом интервью «Панораме», что устала чувствовать себя «шизиком», «пропащим человеком» (basket case) в этой системе, и что в конечном итоге поняла, что неправы они, а вовсе не она. И что теперь она хочет быть «самой собой», и уже больше ни в коем случае не хочет быть похожей на своего мужа и его компанию, где она всегда была чужой (аутсайдером).

Я ставлю себе задачей доказать, что права была Диана, а не ее супруг и монархия, которую он олицетворял. Я ставлю себе задачей показать, что Здоровье было на стороне Дианы, и что Болезнь тоже имела место, но то была болезнь системы Монархии, отжившего аппарата Левиафана, которому не место в современном мире. Именно поэтому на самом деле случился этот конфликт, протекавший на глазах у всего мира, но так до сих пор и не получивший адекватной оценки. Даже сейчас, когда сын Дианы, принц Гарри, следуя по стопам матери, вынуж-

ден был вступить в конфликт с системой, которая теперь душила его как когда то его мать, сущность конфликта опять остается скрытой от глаз общественности. Однако для меня, автора Научной Революции Энергетика, существо конфликта более чем очевидно: Здоровье Духовной Энергии не может уживаться с Болезнью варварского Левиафана. Ибо как бы варвары Левиафанов не прикрывали себя изысками «эстетики», подобно Нерону или Гелиобалу, они всегда останутся варварами «Мертвой совести» физического контроля, понимающего только язык насилия, только отношения господства и подчинения. Разум и совесть, то чем Господь отделили Человека от всего остального мира, им не ведомы. Вот почему худшие варвары — именно коронованные варвары Левиафанов. В Древнем Риме лик этих Чудовищ явили нам Императоры Зла, чья низость, разврат, подлость и жестокость поразили античный мир глубиной падения человеческой природы: Тиберий, Нерон, Калигула, Домициан, Коммод, Каракалла, Гелиобал и др. Уже тогда, в античном мире начинается жесткое противостояние двух общественных систем, каждая из которых имеет в своей основе какое-либо силовое поле психики: поле разума и совести научного контроля или поле Эгосистемы физического контроля. Здесь, в Римской Империи, борьбе между двумя этими системами накаляется и обостряется до такой степени, что образы Добра и Зла, порожденные ходом этой борьбы станут Религиозным Откровением и Священным Писанием для многих следующих поколений. Действительно, я писала в «Антихристе Путине», что этот период римской истории стал религиозной революцией, утвердившей в Риме Религию Этики в трудах ее великих пророков: Эпиктета, Диона Хризостома, Сенеки, Персия, Ювенала, Плутарха, Светония, Тацита и Плиния Младшего, Марка Аврелия и Цицерона. «Философы-моралисты» этого периода римской истории — это пророки, священники этической религии Сократа и Платона. В то же время, наряду с этими великими людьми и зарождавшейся этической религией, шло становление Сатанизма поля Эгосистемы, отвергавшего этику (совесть и сострадание), и утверждавшего «право сильного»

физического контроля. Ведь Сатанизм это и есть физический контроль, насилие и подчинение садомазохизма, которые всегда «по ту сторону добра и зла».

И вот мир Римской Империи разделился на два лагеря с четкой линией демаркации по этике совести: с одной стороны стояли божьи пророки, несущие людям Откровение Сократа и Платона, Республику Идеального Государства Платона; с другой стороны оказались сатанисты, Императоры Зла и их приспешники, первые последователи той философии софистов, скептиков и циников, которая в 19 веке приведет к окончательному крушению рационализма и становлению сатанизма Библии Дарвина. Чудесно написали об этом периоде Плутарх и Светоний, однако, слово Тацита гремит как Гром Божий, изобличая Зло сатанистов физического контроля через призму его великой, добродетельной души ангела, глубоко потрясенного страшной деградацией этих людей. Только на том безупречно белом фоне, каким были души этих великих ангелов и мог быть схвачен и запечатлен весь ужас и грязь зла, бездонная низость Императоров Зла и подобных им сатанистов. Тацит, когда отсылает своих читателей к платоновскому Сократу, впервые нарисовавшего образ Сатан-Эго Правителя-Тирана как душевно больного человека, очерчивает образы Добра и Зла как образы Здоровья и Болезни.

Еще рельефнее разделил эти образы Добра и Зла, Здоровья и Болезни, великих Правителей-философов с одной стороны, и варваров Сатан-Эго с другой стороны Плиний Младший в своем панегирике Императору Тациту. Мы наслышаны страшными пороками Императоров Зла, но мы также наслышаны великими добродетелями Императоров Добра: Цезаря, Августа, Веспасиана и Тита, Нервы, Траяна, Адриана, Антонина Пия, Марка Аврелия, Александра Севера, Юлиана Отступника и др великих императоров. Панегирик Траяну Плиния Младшего до сих пор оценивали как слово лести императору. В теории Научной Революции Энергетика этот Панегирик имеет особое место (как многие другие труды великих, оцененные мной за-

ново): это четкое, точное, вдохновенное определение линии демаркации между двумя совершенно несопоставимыми антагонистичными политическими системами, — полем разума и совести с одной стороны, и с другой стороны, полем Эгосистемы физического контроля. Четкое противопоставление Императоров Добра и Императоров Зла на основе которого Плиний воздает хвалу Императору Добра Траяну — вот громадная заслуга перед историей этого «Откровения» римских пророков. Даже Гиббон отмечает в своей истории Рима, что спецификой этого периода античности были резкие контрасты между людьми Зла и людьми Добра, которого не знает современность.

В политической реальности античной Римской Империи два враждебных государства соперничали друг с другом под именем одного: в зависимости от того, кто оказывался на троне, негодяй или порядочный человек, государство превращалось поочередно то в Империю Добра, то в Империю Зла. Какой красоты красками описывает нам «здоровое тацитовское ядро общества» и «Республику Платона» при Марке Аврелии гений Эрнеста Ренан в «Упадке Римской империи и Марке Аврелии». Чуть ли не единственный пример в истории когда «философы — правители» победили в самом деле, а результатом стало Естественное Право, ставшее основой современных правовых государств. Тогда разделить эти два государства — Республику Платона Императоров Добра и Левиафаны Императоров Зла не представлялось возможным, потому что единственной альтернативой Империи были жестокие междоусобия Греции, погубившие ее политически.

Сегодня, когда развитие правовых государств и представительной демократии вполне себе разделили раз и навсегда республику и монархию, сосуществование этих двух систем под крышей одного государства выглядит полным историческим анахронизмом. Только если существование монархии не связано с ее амбициями отвоевать назад свои лидирующие позиции у республики и демократии (как на самом деле все и обстоит в действительности). На примере трагедии Дианы, мы можем ви-

деть, что монархия сегодня уже не система «добрых и злых монархов», поскольку эта система с таким нескрываемым отвращением и ожесточением выплюнула и раздавила первый здоровый элемент, который попал туда случайно — прекрасного человека, божьего ангела принцессу Диану. Мы можем сделать такой же вывод, какой делает Солженицын о системе чекистов: она просто уничтожает или выплевывает все здоровые элементы, так что служить в ней остаются только те, что «По ту сторону добра и зла», только носители физического контроля поля Эгосистемы.

Почему реакция торжествует мы знаем: крушение рационализма неминуемо ведет к регрессу ко временам варварских Левиафанов, ко временам насилия и подчинения физического контроля, ко временам магического сознания дикарей. Вы же не будете в самом деле говорить о «цивилизации» современного мира, или об «этических религиях» там, где христианство превращают в пошлую магию ритуалов и поклонения идолам? Если цивилизация и спит где-то в укромных уголках сознания последних культурных людей, то по крайней мере ее давно и абсолютно нет в политике и в «элитах» современных обществ. Интересно, что факт этого регресса культуры самым рельефным образом отмечен и отражен в трудах мыслителей-метафизиков, рационалистов, таких как Швейцер, Тойнби, Бенда, Ясперс, Честертон, Камю, Солженицын, Трубецкой, Мережковский; и только для материалистов-дарвинистов он остается совершенно незамеченным. Как бы там ни было, понятно, что мир наш — мир Божий, стоит не на трех китах, а на Интеллекте, на идеях Господа, задавшего направление движения материи. И что каким бы сильным не был кризис науки и регресс культуры, человечество опять вернется к Интеллекту, к Науке, к Совести, и к Этическим Религиям.

Правовые государства сегодня, будучи организациями Верховенства Закона, не имеют главного — самого Закона, потому что идет борьба между Нормативным и Естественным правом. Причем процесс этот настолько затемнен общим кризисом науки, что никто вам не сформулирует так проблему современных

правовых государств: борьбе между Нормативным (позитивным) и Естественным (научным) правом. То есть между правом установленным соглашениями людей с одной стороны, и правом как законами науки, законами природы с другой стороны. Открытие психической энергии, законов противостояния, антагонизма двух силовых полей психики — дают то научное основание Естественному праву, которого оно было лишено до сих пор. Божественным правом называли слова откровений Священных писаний, однако, как говорили Спиноза и Томас Пейн –законченное слово Божье есть слово науки, вскрывающей законы природы Творца. До тех пор пока Естественное право как незыблемые (и научно доказанные) законы природы не будут положены в основу правовых государств — свободные общества здоровой духовной энергии лишены своего основания, своего равновесия — научного контроля. Ибо Духовная энергия основана на научном контроле (закона сохранения силы психики), также как материальная энергия основана на физическом контроле (закона сохранения силы психики). Реакция консерваторов тянет общество назад к циклическому равновесию своей энергии — к садомазохизм Левиафанов. Прогресс демократии свободных обществ ведет людей к устойчивому равновесию научного контроля, к Естественному праву, к Республике Платона, к международным институтам Прав Человека.

Но сегодня, когда вместо естественного права преобладает нормативное право, когда еще даже вопрос во всей строгости не поставлен как альтернатива между двумя этими видами Закона общества, западная цивилизация оказалась лишенной равновесия, и балансирует на «ничейной земле» научной культуры без науки, правовых государств без Закона. Не так много ученых, которые четко ставят вопрос об антагонизме между Нормативным и Естественным правом: «Законы» Цицерона, «Град Божий» Августина, Фома Аквинский выступает за естественное право, Гуго Гроций и его труд о праве, «Что такое собственность?» Прудона (очень четкая постановка проблемы), «Социальная статика» Г. Спенсера, «Два трактата о правлении» Локка,

«Право» и очерк о св. Августине Е. Трубецкого, позитивизм О. Конта ставит вопрос о научном контроле и естественном праве, а также «Этика» Кропоткина. Это как вы понимаете, не те авторы, которых сегодня читают и с мнением которых считаются. Например К. Поппер тоже четко ставит вопрос о Нормативном и Естественном праве в «Открытом обществе и его врагах», но только в с тем, чтобы доказать, что понятия естественного права не существует (как и «Республики Платона»). А это уже вполне современный автор и авторитет, что говорит о плачевном состоянии социальной науки и науки о праве в частности.

Конфликт между Демократией и Монархией получит свое разрешение только с утверждением Естественного права, как общих для всего человечества Прав Человека и Международных институтов, которые призваны будут контролировать национальные правовые системы. До тех пор, проблема «раздвоенности» современных государств между демократами и консерваторами, между республикой и монархией будет оставаться выражение кризиса «ничейной земли», отсутствия равновесия, где силы реакции будут настойчиво и жестко тянуть общество назад, к своему равновесию физического контроля: к устойчивости Левиафанов, основанных на насилии, на физическом контроле.

Существует не так много книг, где Сатан-Эго Устойчивой Верхней Эгозащиты показано как единый синдром со всей симптоматикой физического контроля поля Эгосистемы. Например, в «Республике» Платона описание правителя-тирана, как душевнобольного человека, утратившего разум и совесть, волю и дружбу людей, человека власти «по ту сторону добра и зла», для которого нет справедливости, а есть только победа силы — одна из прекрасных демонстраций такого Сатан-Эго Верхней Эгозащиты. Другие книги — это описание Нерона Тацитом, и описание Домициана — Плинием Младшим. «Антихрист» Эрнеста Ренана, где он дает яркий образец Сатан-Эго в портрете Нерона. В книге «Век Дьявола» я показала, что Солженицын дал очень удачный портрет Сатан-Эго, изображая характеры своих мучителей и палачей.

Другие очень известные портреты Сатан-Эго нам оставили Макиавелли в «Государстве» и Ницше в ряде своих книг, посвященных Сверхчеловеку. Понятно, что в этих книгах Сатан-Эго представлено как похвальба — великая похвальба Сатане в образе Чезаре Борджа (и его отца папы Александра 6), убийцы, развратника, негодяя и подлеца, продавшего разум и совесть ради власти. Истинный герой насилия, цинизма, имморализма, который всегда на стороне власти и всегда «по ту сторону добра и зла». И вот Ницше, описывая своего Сверхчеловека, берет вслед за Макиавели Чезаре Борджа за образец Человеческого Совершенства. Вот позорный гимн Сатан-Эго, спетый этими двумя авторами в похвальбу душевной болезни. И надо сказать, что несмотря на тот факт, что оценка у них неправильная, сам портрет Сатан-Эго дан вполне правдоподобно.

Мы помним, что то что Кьеркегор в «Болезни к смерти» называет гибелью человека, Ницше прославляет как Совершенство Сверхчеловека. Там, где Кьеркегор говорит, что эстетика может стать сатанинским бунтом против Господа и погубить человека, лишив его основы его существа, там Ницше прославляет эстетику как инструмент отказаться от Этики, от совести и разума, чтобы самому стать богом, то есть стать сатаной, упершимся против бога. Там, где у Шекспира в трагедии «Макбет» показана великая трагедия Совести человека, променявшего Этику на мишуру Короны, там у Ницше в «Рождении трагедии» специально подчеркнуто, что отказ от совести и сострадания надо славить как Миф о преступлении, и что совестливость евреев, которая породила Миф о грехопадении есть абсурд и слабость «другой расы». Таким образом, Трагедия Совести как истинная трагедия человечества, как грехопадение запечатленная в мифах о Каине и Авеле, в о Самсоне и Далиле, и столь талантливо развитая в трагедиях Шекспира и романах Достоевского, у Макиавелли и Ницше предстает ложными ценностями и слабостью сострадания. А истинной ценностью становится борьба за власть, «преступление» как вызов людям и обществу, насилие физического контроля, которое переосмысливает самое понятие «трагедии»

в нечто положительное, в эстетическое удовольствие в наблюдение убийства и насилия.

В книге о гибели Дианы я хотела показать, отталкиваясь от этих известных образов Сатан-Эго в литературе, что Здоровьем в этой борьбе Дианы с Монархией душившей ее, была Диана, а болезнью — Монархия. Что супруг ее принц Чарльз, так славивший на словах Шекспира, на самом деле стоит на позициях Макиавелли и Ницше в оценке Сатан-Эго как Устойчивой Верхней Эгозащиты (физический контроль по ту сторону добра и зла). И что это не его личный выбор, а то наследие прошлого, что несет в себе институт монархии. Важно понимать, что недостаточно иметь четкое представление о психологическом портрете императоров Зла — Сатан-Эго Устойчивой Верхней Эгозащиты. Важно еще определиться какую оценку вы или тот или иной институт дает этому феномену: оценку Сократа, Тацита, Шекспира, Ренана и Солженицына или же напротив, оценку Макиавелли и Ницше?

Диана давала оценку Тацита и Шекспира, а принц Чарльз — оценку Макиавелли и Ницше. Вот почему я назвала этот синдром Сатан-Эго в английской версии этой книги — «Сумасшествием Монархии». Да, совершенно очевидно, что там где напоказ выставляют трагедии Шекспира как кульминацию духовной культуры, а на деле имеют образцом Сверхчеловека Макиавелли и Ницше, Здоровым поведением будет протест Дианы.

Ниже я привожу цитаты из двух книг А. Мортона о Диане: первую он написал до ее смерти («Диана, ее истинная история»), а вторую после ее смерти («Диана, ее истинная история. С ее собственных слов»). Вторая сохранила костяк первой, но там добавлены несколько глав о событиях после публикации первой книги до смерти Дианы, а также распечатка магнитофонных записей слов Дианы, которые она посылала Мортону. Первая книга есть у меня в русском переводе (ее издавали в России). Вторую книгу я буду цитировать со своим переводом и давать текс оригинала на английском. Также я привожу свой перевод книги принца Гарри «Запасной».

A. Morton, «Diana, her true story, In her own words», 2011:

«Она была глубоко разочарована Протоколом, абсурдом этикета и лицемерием неизбежно окружавшими королевскую власть. Она поставила себе задачей пересоздать себя и свой общественный имидж, отбросить парадные мантии своего офиса и сохранить его авторитет. Как ее близкий друг заметил: Она говорила, что монархия сковывала ее деятельность и не давала ей раскрыть свой человеческий и профессиональный потенциал». Сущность ее неудовлетворенности в манере и стиле британской монархии, придирчивых формальностях и оглушающих разум нелепостях королевской жизни. Принцесса инстиктивно чувствовала что если она изменит стиль своей общественной деятельности, она сможет утвердить существо своего вклада в благополучие нации. «Я хочу помочь людям на улице», сказала она однажды, высказывая чувство которое обнажала правду: она счастлива с простым народом, но не с ее окружением. «Я чувствую себя гораздо ближе к людям низов общества, чем к тем кто сидит на самом верху, и они (королевская семья) мне этого не прощают», сказала она незадолго до своей смерти.

Yet she was deeply disenchanted with the protocol, the flummery and the
artifice which inevitably surrounded royalty. Her challenge was to reinvent her
public persona, to discard the robes of her office whilst retaining her authority.
As a close friend noted: «She felt she was being held back by the system and
unable to fulfil her true potential.»
Essentially the fount of her discontent lay in the manner and style of the
British monarchy, the brittle formality and mind-numbing irrelevance of so
much of royal life. The Princess felt instinctively that if she could change the
style of her public life she could enhance the substance of her contribution to
the nation. «I want to help the man in the street,» she once said, a sentiment
which reflected the fact that in her heart she was a woman happier with *the*
people rather than *her* people. «I feel much closer to people at the bottom than

to people at the top and they [the royal family] don't forgive me for it,» she said
shortly before her death.

«Пусть люди будут моими судьями», она сказала, уверенная что люди не будут так жестоки к ней как королевская семья или масс медиа. Ее желание рассказать людям правду о своей ситуации во дворце питалось к тому же назойливым страхом, что в любой момент ее враги во Дворце поставят ей диагноз душевно больной и запрут ее в сумасшедшем доме. Это не было пустыми страхами — когда ее интервью Панораме вышло на экраны в 1995, министр Вооруженых Сил, Николас Сомс, близкий друг принца Чарльза, описал ее поведение как «прогрессирующую паранойю».

«Let them be my judge,» she said,
confident that her public would not criticize her as harshly as the royal family
or the mass media. Her desire to explain what she saw as the truth of her case
was matched by a nagging fear that at any moment her enemies in the Palace
would have her classified as mentally ill and locked away. This was no idle
fear — when her *Panorama* interview was screened in 1995, the then Armed
Forces Minister, Nicholas Soames, a close friend and former equerry to Prince
Charles, described her as displaying «the advanced stages of paranoia'.

Ее брак с принцем Уэльским пришел к своему окончательному завершению. Она знала, что он вернулся к первой любви своей жизни, Камиле Паркер Боулз. В то же время, как персонажи в романе Кафки, ее озабоченность неверностью мужа была отвергнута как чрезмерная игра фантазии и паранойа Истеблишментом, который шел на сложные ухищрения чтобы скрыть адюльтер ее мужа. Как Диана объясняла годы спустя в своем телеинтервью Панораме BBC: «Друзья моего мужа указывали что я опять нестабильна, больна и должна быть помещеа в специальный дом, где меня вылечат. Я была только тяжким бременем для них». Как мир теперь знает ее интуиция оказалась верна, ведь принц Уэльский сам признался в адюльтере, и их брак был безвозвратно разрушен в середине 80-х годов.

Her marriage to the Prince of Wales was effectively over. She knew that he
had returned to the first love of his life, Camilla Parker Bowles. Yet, like a
character in a Kafka novel, her concerns were dismissed as so much fantasy
and paranoia by an Establishment that went to elaborate lengths to conceal the
infidelities of her husband. As Diana was to explain years later in her famous
television interview on the BBC's *Panorama*: «Friends on my husband's side
were indicating that I was again unstable, sick and should be put in a home of
some sort in order to get better. I was almost an embarrassment.» As the world
now knows her instincts proved true, the Prince of Wales himself having
confessed to adultery after his marriage had «irretrievably broken down' during
the mid-1980s

«В то же время, когда она наблюдала как разваливается ее брак, ее самым большим страхом были попытки друзей ее мужа начать процесс ее дискредитации, и убедить мир, что она невменяема, иррациональна — не способна ни на материнство, ни на представительство монархии»

At the time, as she watched her marriage unravelling, her greatest fear was
that her husband's circle would soon begin the process of discrediting her and
convincing the world that she was irrational — unfit either for motherhood or torepresent the monarchy.

Действительно, она так опасалась, что ее опять будут обвинять в паранойе и глупых фантазиях, как это постоянно делали друзья ее мужа, что она показала нам несколько писем от миссис Паркер Боулз к принцу Чарльзу чтобы доказать, что она не придумывала их отношения. Эти свидетельства не оставили у нас с моим издателем никаких сомнений в правоте Дианы

> Indeed, she was so anxious not to be seen as paranoid or foolish, as she had been so often told by her husband's friends, that she showed us several letters and postcards from Mrs Parker Bowles to Prince Charles to prove that she was not imagining their relationship. These billets-doux, passionate, loving and full of suppressed longing, left my publisher and I in absolutely no doubt that Diana's suspicions were correct.».

А. Мортон, «Диана, ее истинная история», 1997:

> «Лет десять я посвятил изучению современной монархии, написал немало книг, прослыл знатоком в этой области на радио и телевидении.
> Мне казалось, что я действительно досконально изучил этот предмет. Однако последнее исследование, на которое ушел год, показало, как мало я, в сущности, знаю о том, что происходит за чугунными воротами Букингемского дворца и какие тайны скрывает кирпичный фасад Кенсингтонской резиденции членов королевского семейства. .....С самого начала их брак дал трещину, и это предопределило дальнейший ход событий. Итогом нескольких лет совместной жизни стала взаимная неприязнь, которую обоим с трудом удается скрывать приличия ради.
> Непривычный стиль жизни при дворе, новые трудные обязанности, семейные неурядицы — все это вкупе спровоцировало болезнь, которая в ряде случаев приводит к летальному исходу — нервную булимию. Диана чувствовала себя отверженной в этом новом мире, среди фальшивых улыбок и освященных традицией ритуалов. Безысходность толкала на крайности: она многократно покушалась на самоубийство, хотя, как правило, это было лишь жестом безумного отчаяния, а не проявлением твердой воли лишать себя жизни. Это был самый мрачный период ее жизни, и ей до сих пор тяжело вспоминать первые годы в королевском семействе.
> Тем большее впечатление произвел на меня рассказ о том, как Диана сумела найти в себе силы, чтобы противостоять обстоятельствам, как искала путь к духовному и физическому обновлению, опираясь на друзей и наставников, как боролась за право быть самой собой. Она была уничтожена, раздавлена — и сумела

вновь обрести себя. Эта удивительная метаморфоза стала ключевой темой моей книги.

.....Впрочем, вскоре я обнаружил, что мои дела не так уж плохи.

Нашлось немало сторонников Дианы, которые считали, что пришла пора расставить все по своим местам. Они были твердо убеждены, что
невозможно больше скрывать правду о горьком прошлом принцессы и
о проблемах, которые стоят перед ней сегодня. Так что далеко не все
мои письма с просьбой об интервью остались без ответа. Некоторые соглашались дать интервью без права публикации, однако большая часть материала была записана на пленку. Таким образом, основной костяк книги оброс дополнительными фактами и деталями, документально подтверждающими исходную посылку. Один из близких друзей Дианы объяснил, почему многие ее знакомые так охотно идут на сотрудничество: «Десять лет мы беспомощно наблюдали, как чахнет Диана. Все чувствовали, что дальше так не может продолжаться. Однако время шло, а перемен не было. Она задыхалась в тисках придворного стиля жизни, и смотреть на это было
невыносимо больно».

......По мере накопления материала все рельефнее проступал облик реальной Дианы, мало похожей на многократно тиражированный официальный имидж. Забудьте лицо, привычно улыбающееся с журнальных обложек, и вы увидите перед собой очень одинокую и несчастную молодую женщину, обреченную на брак без любви, которая так и осталась чужой в королевском доме и с годами все острее чувствует бессмысленность монархических устоев, во многом ставших анахронизмом. В связи с этим уместно привести слова мисс Тофоло, которая в свое время лечила герцога Виндзорского, а теперь
проводит с Дианой сеансы акупунктуры и медитации: «Она настоящая
узница монархической системы — вроде тех несчастных, что томятся в женской тюрьме Холлоуэй».

......В 1991 году она в течение
нескольких месяцев ухаживала за умирающим от СПИДа Адрианом Уорд-Джексоном, и, по ее собственному признанию, эти месяцы заставили ее в корне пересмотреть свои представления о жизни. Это был незабываемый урок, который обогатил ее духовно, помог лучше познать самое себя и свое предназначение в жизни. Любопытно, что

внутренние изменения сказались и на ее внешности: именно в тот период Диана решила изменить прическу и выбрала более короткую стрижку в спортивном стиле. Эта прическа — своего рода символ внутренней независимости, освобождения от оков прошлого.

......Ее дорога ведет к больным, умирающим, отчаявшимся. Источник внутренней духовной энергии, питавший Диану в самые мрачные времена, теперь нашел выход в искреннем стремлении помочь тем, кто
в этом нуждается. Это призвание. Брат Дианы, граф Спенсер, так и сказал мне: «В моем представлении Диана — воплощение христианского милосердия. Она обладает силой духа, которая свойственна лишь истинным христианам, и в отличие от многих знает,
зачем живет. Меня поражает ее целеустремленность и твердая решимость использовать свое положение в обществе, чтобы творить добро. Я уверен, что она многого добьется на этом поприще».

По иронии судьбы эти качества проявились в полной мере именно благодаря тому, что Диана познала тяжелейшее разочарование в любви
и семейной жизни. Ее деятельность не вписывается в рамки официальной благотворительности. По зову сердца она идет к тем, кто
понес тяжелую утрату и нуждается в ее доброте и сочувствии; ухаживает за неизлечимо больными. Эта работа приносит ей истинное
удовлетворение. «Я, как голодная, жду не дождусь, когда можно будет
взяться на настоящее дело. Это то, что мне нужно», — говорит Диана.

Последние десять лет она много страдала, зато этот тяжкий опыт закалил ее характер и вооружил твердостью духа, необходимой, чтобы
выдержать эмоциональные перегрузки, сопряженные с ее милосердной миссией. Когда Диана специально приехала в Рим, чтобы
повидаться с матерью Терезой, та сказала ей: «Чтобы облегчать страдания других, нужно уметь страдать самой». Диана горячо согласилась с этими словами.

......Диана осталась одна в золотой клетке. После шумной и безалаберной жизни в девичьем «общежитии» Букингемский дворец казался ей чуть ли не тюрьмой. Она пришла к выводу, что это место заряжено «отрицательной энергией». Дипломатичные намеки и уклончивые ответы придворных с каждым днем раздражали все

больше: она напрасно пыталась выяснить, что же все-таки связывает ее жениха с Камиллой Паркер-Боулз. Чтобы как-то отвлечься от мрачных мыслей, Диана то и дело спускалась со второго этажа, где находились ее апартаменты, вниз, в кухню и болтала с прислугой. Из уст в уста передавали историю о том, как леди Диана, босая, в джинсах, угощала бутербродами растерянного лакея.
Единственной отдушиной были уроки танца. Для этой цели пригласили из школы Вест-Хет ныне покойную пианистку Лили Снип и преподавательницу танца Уэнди Митчелл. Диана занималась классическим танцем и степом (чечеткой). Надев черное трико, она на
сорок минут отключалась от мучавших ее проблем.
......Не только сама Диана, но и другие члены королевского семейства были уверены, что ее звезда потускнеет вскоре после свадьбы. Даже многоопытных газетчиков феномен принцессы Дианы
застал врасплох. Читатели жаждали все новых подробностей о жизни
принцессы, каждая мелочь вызывала бурный интерес. Журналисты сбивались с ног в поисках людей, когда-либо знавших ее, чтобы взять
очередное интервью, ее фотографии не сходили с обложек журналов.
Не прошло и года, как простая девушка, с грехом пополам окончившая среднюю школу и не блиставшая никакими особыми талантами, стала кумиром прессы и читательской публики. Даже ее обыкновенность превозносили до небес. Диана сама закрыла дверцу
автомобиля; купила пакетик леденцов — из мелочей повседневного поведения лепился образ простой и человечной принцессы, завоевавшей сердца миллионов обывателей. В ту осень даже ближайшее окружение Дианы — гости Балморала подались ажиотажу.
Сама Диана была совершенно сбита с толку.
......К тому же, она чувствовала, что они, как и все, не желали расставаться с красивой сказкой о принцессе-Золушке. У Дианы не повернулся бы язык открыть уродливую правду. Она осталась совершенно одна на виду у миллионов равнодушных и любопытных глаз. Безысходность породила мысли о смерти — не потому, что она искала смерти, а потому, что искала и не находила поддержки.
Не на шутку встревоженный, ее муж обратился к Лоренсу Ван-дер-Посту с просьбой приехать в Шотландию и помочь разобраться,

что происходит с Дианой. Беседы с философом оказались малоэффективными, и в начале октября Диана вылетела в Лондон, чтобы проконсультироваться у специалистов. Ее осматривали врачи и психологи, прописывали различные транквилизаторы, которые должны были успокоить нервы и восстановить психическое равновесие. Диана неизменно встречала подобные советы в штыки: в глубине души она понимала, что нуждается не в лекарствах, а в элементарном отдыхе и в терпеливом и доброжелательном отношении окружающих. Как раз когда на нее со всех сторон наседали с уговорами слушаться врачей, Диана обнаружила, что беременна. «Бог послал мне Уильяма», — говорила Диана, имея в виду, что теперь она могла с чистой совестью отказаться от таблеток — ведь не известно, какой эффект окажут лекарства на ребенка. Беременность дала ей передышку. Увы, не надолго.

......Один из близких друзей, наблюдавший, как складывались тогда отношения между молодыми супругами, недвусмысленно указывает на равнодушие принца Чарльза и полное нежелание считаться с женой именно в тот момент, когда она больше всего нуждалась в поддержке. «Его равнодушие толкало Диану к краю пропасти, хотя, помани он ее — и она пошла бы за ним на край света.

Их жизнь могла стать сплошным праздником. Однако в силу своего специфического воспитания и образа жизни, исключавшего полноценные человеческие отношения с окружающими, он, сам того не желая и не понимая, что происходит, постепенно внушал ей ненависть к самой себе».

......Трехдневный визит в Уэльс в ноябре 1981 года стал первым экзаменом. Народ валом валил поглазеть на новую звезду — принцессу Уэльскую. Диана была нарасхват — Чарльзу оставалось только сожалеть, что у него всего одна жена. Если он появлялся на улице в одиночестве — толпа издавала разочарованный стон: они надеялись увидеть его жену. «Кажется, я здесь только для того, чтобы собирать букеты», — шутил Чарльз. Люди встречали Диану улыбками, однако за спиной удивленно шушукались. Ее трудно было узнать — ничего не осталось от той

Дианы, которую видели сразу после медового месяца. Зрителей поразила болезненная худоба принцессы, когда она ступила на уэльский причал..

.....Диана, естественно, смотрела на мужа, как на советчика и руководителя, однако, реакция общественности и средств массовой информации отнюдь не способствовала взаимопониманию между супругами. Как и в Уэльсе, толпы собравшихся на улице не скрывали разочарования, если принц Чарльз выходил на прогулку без жены. Ее

фотографии не сходили с первых страниц газет и журнальных обложек. Чарльзу ничего не оставалось, как подбирать букеты, брошенные к ее ногам. То же самое было, когда они ездили с трехнедельным визитом в Канаду в том же году. Один из бывших придворных принца Чарльза комментировал это следующим образом:

«Он никак не ожидал подобной реакции. В конце концов, именно он был принцем Уэльским. Он выходил из машины — и толпа стонала от разочарования. Это не могло не задевать его самолюбия и в конце концов он стал ревновать. Со временем их поездки вдвоем стали походить на совместные турне двух конкурирующих поп-звезд. Увы, дух соперничества в немалой степени способствовал тому, что в настоящее время они участвуют в официальных мероприятиях порознь».

......На людях принц Чарльз не показывал виду, что его раздражает падение его популярности, но с глазу на глаз он не скрывал своих претензий к жене. Не кривя душой, она говорила в свое оправдание, что вовсе не жаждет шумной славы, наоборот, внимание средств массовой информации постоянно отравляет ей жизнь. В самом деле, природа хронического заболевания, которым страдала Диана, непосредственно связана с самооценкой, с отвращением к своей внешности — поэтому ежедневно видеть свое многократно тиражированное изображение на журнальных обложках не доставляло

ей никакой радости.

......Давно, очень давно

она не виделась со старыми друзьями — не хватало духу. Они — вольные пташки, им не понять каково ей, запертой в золотой клетке королевского дворца. Казалось бы, звезда мировой величины должна

смотреть свысока на прежнюю жизнь с ее мелкими радостями: дружескими вечеринками, розыгрышами, веселыми уикендами... Но для Дианы эти мелочи символизировали свободу, и ей больно было

думать об этом.

......Это произошло во время гала-концерта в Ковент-Гардене. Ничего не подозревающий принц Чарльз наслаждался музыкой, сидя в королевской ложе. Незадолго до конца представления Диана выскользнула из ложи и переоделась в костюм серебристого шел-ка. В
условленный момент Уэйн жестом пригласила ее на сцену — и зал замер, не веря своим глазам. В полном восторге зрители смотре-ли, как
Уэйн и Диана танцуют свой номер. Их вызывали на бис восемь раз, и
Диана даже сделала реверанс в сторону королевской ложи. Чарльз публично заявил, что экспромт Дианы был для него «полной неожиданностью», а в разговоре с глазу на глаз резко осудил ее выходку. Она выглядела слишком эффектно, а это неприлично. Диана поняла, что опять не угодила. Когда она с предельной добросовестностью выполняла свои обязанности, это воспринима-лось
как должное. Но любая попытка самовыражения, проявление индивидуальности вызывали уничижительную реакцию. Мужа не интересовал ее внутренний мир. От его безразличия у Дианы опускались руки.

.....Диану славили за то, что она Диана. За то, что существует, а не за то, что способна совершить. Один из неформальных консультантов Дианы говорит по этому поводу следующее: «С самого начала от нее ожидали двух вещей: быть покорной женой и удобной вешалкой для нарядов. Так смотрят на женщину в придворном мире, соответствен-но,
ценят в ней главным образом умение одеваться. Самое важное, что-бы
фасон твоего платья отличался от других — тогда ты молодец. Ее не хвалили, когда она что-то говорила или делала. Это попросту не бы-ло
предусмотрено».

......Между тем, пошло-игривый стиль, чьим воплощением служила герцогиня Йоркская, был
в сущности глубоко чужд натуре подлинной Дианы Спенсер. И она поняла, что единственный выход — найти свое собственное «я». Иначе
не выжить. Она должна вернуть к жизни Диану, которой не давали вздохнуть полной грудью в течение семи лет. Должна посмотреть правде в глаза. Слишком долго она плыла по течению, пассивно

приспосабливалась к требованиям мужа, королевского семейства, средств массовой информации. Диана медленно шла по влажному песку, и перед ней все яснее вырисовывались задачи, поставленные самой судьбой. Настал момент, когда она должна, наконец, найти свое
место в жизни.
.....В самом начале борьбы за духовное и физическое выздоровление она отчаянно
нуждалась в поощрении, хотя бы самом незначительном. Однако муж,
как назло, выводил ее из равновесия ироническими замечаниями. За
столом, глядя, как Диана ест, он говорил, например: «Неужели это все
не впрок? Какая жалость!»
......Твердо решив покончить с коварной болезнью, Диана поставила перед собой еще одну задачу: встретиться лицом к лицу с женщиной,
которая столько лет отравляла ей жизнь. Встреча произошла на
праздновании 40-летнего юбилея Аннабел Эллиот, сестры Камиллы, в
доме на Хэм-Коммон, неподалеку от Ричмонд-Парка. Несколько
десятков гостей были неприятно удивлены, когда принц Чарльз явился
вместе с женой. Все давно привыкли к тому, что принцесса под любым
предлогом избегает встреч с Камиллой Паркер-Боулз. После обеда Диана вместе с другими поднялась в верхние комнаты, но вскоре ей бросилось в глаза отсутствие ее мужа и Камиллы, и она вернулась
вниз. Чарльз увлеченно беседовал с Камиллой и еще несколькими гостями. Диана попросила присутствующих оставить ее наедине с
Камиллой: им есть о чем поговорить.
Жгучая ревность, раздражение и отчаяние — все, что накипело на
душе, выплеснулось в этом разговоре. Решительный поступок Дианы принес самые неожиданные плоды. Она избавилась от навязчивой идеи, истощавшей ее физические и душевные силы. Соперница и иже
с ней вызывают теперь у Дианы лишь презрение.__
......Ступив на путь познания духовного мира, Диана на первых порах
готова была все принимать на веру. Вокруг бушевало житейское море,

и она хваталась за любую соломинку, любое пророчество принимала за
истину в последней инстанции. Однако месяцы упорной духовной работы не пропали даром: сегодня она воспринимает метафизические
методы самоанализа и прогнозирования будущего как инструмент, своего рода компас, помогающий ориентироваться на жизненном пути,
но никак не самоцель. Астрология, по ее мнению, дает серьезную пищу для размышления. Диана прислушивается к рекомендациям астрологов, сверяя их с собственной интуицией и здравым смыслом, но они отнюдь не служат для нее единственным руководством к действию. «Самопознание и самосовершенствование — наиболее важный этап нашей жизни. Это следующий шаг, который предстоит сделать Диане», — говорит подруга принцессы Анджела Серота. Преодолевая ступеньку за ступенькой, Диана совершает трудное восхождение к открытию собственного «я» и своего места в мире.
.....Чтобы всегда быть в хорошей физической форме, Диана ежедневно плавает и регулярно занимается балетом как дома, так и в
репетиционном зале вместе с труппой Лондонского городского балета,
над которой она взяла шефство. Кроме того, под руководством личного
инструктора принцесса обучается технике динамичной медитации тай-
чи-хуан, весьма популярной на Дальнем Востоке. Движения этой восточной гимнастики медленны, плавны и грациозны и в конечном счете служат гармонизации функций разума, тела и духа. Принцессе это очень по душе, поскольку напоминает горячо любимый балет.
Подлинное умиротворение приносит ей молитва, часто в обществе Уны Тофоло, которая совершила сложную духовную эволюцию от догматического католицизма к более широким воззрениям под влиянием нескольких лет, проведенных в Индии и на Дальнем Востоке.
Диана по-прежнему охотно читает романтическую прозу: в частности романы Дэниел Стал, которая не забывает прислать принцессе экземпляр очередного произведения со своим автографом,
однако основной круг чтения теперь составляют книги по холистической философии, психологии, нетрадиционной медицине.
По утрам принцесса часто изучает труды болгарского философа

Михаила Иванова. Это укрепляет дух в преддверии суетного дня.
Диана свято хранит переплетенный голубой кожей томик ливанско-го
философа Хаила Джибрана под названием «Пророк». Эту книгу ей подарил Адриан Уорд-Джексон (Диана помогала ухаживать за ним, когда он умирал от СПИДа).
Любовь к хоровой музыке, которая «затрагивает самые сокровенные струны», красноречиво свидетельствует о глубине и богатстве душевного мира Дианы. Если бы ее сослали на необитаемый остров, призналась как-то принцесса, она взяла бы с собой одну из месс Моцарта, реквиемы Верди и Форе.
.....Теперь Диана чувствует, что ей по плечу очень серьезные вещи, как например, проблема СПИДа. Это напрямую связано с ее внутренним преображением. Все больше времени и сил она отдает нуждам здравоохранения, в ущерб своим государственным и свет-ским
обязанностям. Это нередко вызывает нарекания. Как-то раз Диана вынуждена была присутствовать на скучнейшей встрече с чиновниками из балетной компании, которые недвусмысленно намекнули, что ей следовало бы уделять больше времени их проблемам. Задним числом Диана прокомментировала это так: «Есть проблемы поважнее, чем балет. Например, люди, умирающие пря-мо на
улице». Зимой 1992 года Диана посетила семь ночлежек для бездомных. Обычно ее сопровождал кардинал Бэзил Хьюм, глава римско-католической церкви в Англии и Уэльсе и попечитель Общества защиты бездомных. В январе они с кардиналом Хьюмом провели почти два часа, беседуя с бездомными подростками в ночлежке на южном берегу Темзы. Среди подростков было немало больных алкоголизмом и наркоманов, некоторые старались задеть Диану злобно-агрессивными вопросами; большинство же смотре-ли на
нее с недоумением: чего ради тратит на них время, делать, что ли, нечего?
.....В кругу особ королевской крови и их
лицемерных придворных бывает куда труднее. В 1982 году во время королевских скачек на ипподроме Аскот Диана высидела только два дня. Если сами соревнования продолжают вызывать у нее инте-рес, то
многие красочные мероприятия, традиционно приуроченные к скачкам, кажутся теперь скучными и чересчур легкомысленными.
«Меня больше не привлекают пышные празднества. Как-то неловко

делается. Лучше заняться каким-нибудь полезным делом», — признались Диана одному из друзей.

......Рукоплескания толпы всегда вызывали у нее лишь недоумение. Другое дело — теплое слово или дружеское рукопожатие. Если это есть, значит, день прошел не зря. Органично присущая ей потребность помогать страдальцам, больным, умирающим стала настоящим призванием. Диана советовалась по этому поводу с деятелями церкви, в том числе архиепископом Кентерберийским и другими выдающимися епископами. «Где бы я ни видела страдающих людей, мне хочется быть там, с ними, делать то, что в моих силах», — признается Диана. Посещение специализированных больниц для тяжелых и безнадежных больных для нее не тяжкий крест, а потребность души. В июле 1991 года Барбара Буш и принцесса Диана посетили отделение для больных СПИДом Миддлсекской больницы, и первая леди Америки сразу же обратила внимание на то, как естественно вела себя в этой ситуации Диана.

Уход за больными СПИДом требует не только особого такта — нужны еще твердость и мужество, чтобы нарушить табу, окружающие болезнь, которая пока что не поддается излечению. Диане чуждо ханжество или слезливое сочувствие. Она понимает, что СПИД — это целый комплекс проблем, индивидуальных и социальных. «Хорошо, что она взялась за такое трудное дело, — считает ее брат Чарльз. — Это не то, что обычная благотворительность, когда знаешь, что любой справится не хуже тебя. СПИД — совсем другое. Нужна подлинная любовь к людям и самоотверженность, чтобы делать то, о чем другим страшно даже подумать».

......Слухи о том, что принцесса буквально днюет и ночует в больнице св. Марии, дошли до журналистов, и в четверг у входа Диану поджидала группа фоторепортеров. «Некоторые думают, что Диана появилась в самый последний момент, — говорит Анджела. — Это какое-то недоразумение, мы разделили бремя поровну». Утром в четверг 23 августа Адриана не стало. Когда он умер, Анджела вышла в соседнюю комнату позвонить Диане. Прежде чем она заговорила, Диана сказала: «Еду». Когда она приехала, они вместе помолились за упокой души умершего, и затем Диана вышла из палаты, чтобы

Анджела Могла побыть у тела друга какое-то время одна. «Я не знаю никого, кроме Дианы, кто бы сначала думал не о себе, а обо мне», — говорит Анджела. Привычка заботиться о других взяла верх над собственным горем. Диана приготовила постель для подруги в соседней комнате и уговорила ее лечь.

.....Диана чувствовала, что одержала важную победу, тем более что на этот раз у нее хватило решимости противостоять даже всемогущему
придворному протоколу. Ведь принцесса покинула Балморал, не испросив предварительно разрешения королевы, и не подчинилась требованию незамедлительно вернуться из самовольной отлучки. В придворных кругах господствовало убеждение, что в сложившейся ситуации достаточно было нанести символический визит
умирающему, и самоотверженность Дианы вызывала недоумение, как
нечто из ряда вон выходящее. Принц Чарльз никогда не принимал всерьез ее деятельность и отнюдь не приветствовал многочасовые бдения у постели умирающего — в ущерб формальным обязанностям.

Душевный порыв Дианы не нашел отклика в сердцах королевских родственников. Они не понимали, как важно для нее выполнить данное слово: до самого конца оставаться с умирающим другом, облегчая его муки. Но Диана не сдалась. В этот критический момент на внутренних нравственных весах долг милосердия перевесил долг по отношению к королевскому дому с его жестким формальным протоколом. Анджела приводит слова принцессы, отражающие ее переживания в тот период: «Вы оба нуждаетесь во мне. Как странно чувствовать, что кому-то нужна именно я — я сама. Почему именно я?»

Принцесса больше не желала скрывать свою скорбь в угоду придворным условностям. Теперь, когда она поверила в себя, не было
нужды прятаться под опостылевшей личиной. Несколько месяцев общения с Адрианом перевернули ее представления о системе ценностей в человеческой жизни. Вскоре после его смерти она писала
об этом Анджеле: «Я проникла в такие глубины собственной души, о которых прежде даже не подозревала. Мое отношение к жизни изменилось, стало более устойчивым и сбалансированным».

.....Разительный контраст в поведении супругов во время болезни сына сделал достоянием широкой общественности то, о чем до сих пор

знали лишь немногие посвященные. Красивая сказка о принце и Золушке растаяла, как призрачный мираж. Они продолжали числиться
мужем и женой, но на деле семьи не было. Их супружеский союз распался — осталось одно название. Да и на профессиональном поприще они стали не столько партнерами, сколько соперниками (к величайшему огорчению многих искренних друзей). Как много радостных надежд было вначале, и какой плачевный результат спустя
десять лет: взаимная подозрительность и враждебность, в лучшем случае холодное равнодушие.

......Взаимная неприязнь настолько велика, что, по наблюдению близких друзей, само присутствие мужа раздражает и расстраивает Диану. Тот, в свою очередь, проявляет к жене равнодушие, граничащее
с отвращением. На торжественном концерте в Букингемском дворце по
случаю 90-лётия королевы-матери принц Чарльз демонстративно пренебрегал женой, что вызвало негативную реакцию прессы. Журналисты удивлялись, а принцесса сыронизировала: «Он давно уже
пренебрегает мною везде и всюду. Попросту не замечает моего присутствия». Диане пришлось отказаться от попыток обсуждать с мужем его дела, особенно в тех областях, которые интересуют его больше всего: архитектура, экология, сельское хозяйство. На собственном горьком опыте она убедилась, что любое, самое доброжелательное замечание встречает откровенно пренебрежительную реакцию. «Это вызывает у нее ощущение собственной интеллектуальной неполноценности, и муж постоянно поддерживает в ней этот комплекс», — утверждает один из близких друзей. В день, когда ему исполнилось 43 года, Чарльз повел жену на
пьесу «Никчемная женщина». Ироническая подоплека этого поступка
ясна даже посторонним.

......Человек незаурядного обаяния, остроумный собеседник, Чарльз, тем не менее, беспощадно расправляется с теми, кто пытается ему противоречить. Жертвами нетерпимости принца стали несколько личных секретарей, слишком активно возражавших патрону, целый ряд других придворных чиновников и, наконец, его собственная жена.

Мать Дианы также поплатилась за свое прямодушие. Это случилось во

время крестин Гарри. Принц Чарльз пожаловался теще, что ее дочь наградила ребенка рыжими волосами (это наследственная черта Спенсеров). Миссис Шанд-Кид осталась верна себе. Не взирая на придворные условности, она заявила, что принц должен быть счастлив, что его второй сын вообще родился здоровым. С этого момента принц Уэльский без всякого снисхождения вычеркнул тещу из своей жизни. Зато миссис Шанд-Кид стала с большим сочувствием
относиться к дочери.

……Проблема будущего неотступно терзает Диану. На одной чаше весов чувство долга перед королевой и народом, на другой — надежда
обрести наконец счастье и покой. Чтобы стать свободной, нужно развестись; если же она получит развод, то неизбежно потеряет детей,
без которых не мыслит существования. Кроме того, в этом случае ее ждет всеобщее осуждение, поскольку люди не подозревают о том, как
одинока и печальна ее жизнь, отождествляя по инерции ее образ с улыбающимся лицом на журнальных обложках. Изо дня в день она перебирает варианты решения этой дилеммы, каждый раз возвращаясь
к исходной точке и вовлекая в это круговращение многочисленных друзей и советчиков.

В течение последних нескольких лет близкие друзья наблюдали, как их семейная жизнь превращалась в ожесточенную войну, в которой
ни та, ни другая сторона не согласны ни на какие уступки. Дома они воют из-за детей и из-за связи Чарльза с Камиллой Паркер-Боулз. Необъявленная война самым плачевным образом сказывается на традиционных государственных функциях принца Уэльского и его супруги, принцессы Уэльской.

…..В конфликт втягиваются и придворные. После дискуссии в прессе об отцовских качествах принца Чарльза его личный секретарь Ричард
Эйлард попытался исправить положение. Он написал записку, в которой умолял патрона как можно чаще появляться на публике в обществе своих детей, чтобы по крайней мере создать видимость отцовской заботы. В заключение своего послания он начертал большими буквами и обвел красными чернилами одно слово: «Постарайтесь!» Уловка дала кратковременный эффект. В газетах появилось фото: принц Чарльз отводит принца Гарри в школу Уэтерби

или катается верхом вместе с детьми по аллеям Сандрингемского парка. Ловкий придворный мог гордиться этой маленькой победой. Принцесса испытывает глубокое отвращение к подобным лицемерным трюкам. Уж ей-то хорошо известно, сколько внимания уделяет принц Чарльз воспитанию детей в повседневной жизни. «Она считает его плохим, эгоистичным отцом, — говорит Джеймс Джилби, — поскольку на первом месте у него всегда собственные интересы, а уж потом дети. Он никогда не станет ради детей отменять или откладывать то, что заранее наметил. Именно так воспитывали его самого, и теперь воспроизводится старая схема. Поэтому принцесса расстраивается, глядя на фотографии, где он изображен играющим с детьми в Сандрингеме. Мы с ней говорили об этом, и ей с трудом удавалось сдерживать раздражение — ведь подобные фотографии, судя по всему, должны показать, что он хороший отец, в то время как она прекрасно знает истинное положение дел».

Диана — самоотверженная мать, она старается любить детей за двоих (обычно это бывает в неполных семьях). Уильям и Гарри окружены любовью и нежной заботой. Дети для нее — якорь спасения, источник разума и спокойствия среди уродливо искаженной реальности ее жизни. Это всепоглощающая любовь. Как мать, Диана служит одной абсолютной цели: избавить своих сыновей от страданий, которые выпали в детстве ей самой.

Именно мать подбирает для них школу, заботится об одежде, планирует досуг. Диана подгоняет свои дела к расписанию детей. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на страницы ее рабочего дневника: расписание школьных занятий, дни спортивных состязаний и экскурсий детей жирно подчеркнуты зеленым. Дети занимают первое и самое главное место в ее жизни. Принц Чарльз считает, что достаточно послать слугу из усадьбы Хайгроув с корзинкой слив для Уильяма в его школу-интернат, а Диана обязательно выкроит время, чтобы «поболеть» за него на футбольном матче, когда он играет левым полузащитником за школьную команду. Конечно, мальчики привыкли к длительным отлучкам отца, однако время от времени они начинают тосковать. После перелома левой руки

Чарльз несколько месяцев почти безвыездно жил в Шотландии, в усадьбе Балморал, и это очень огорчало принца Уильяма. Диане пришлось обратить внимание мужа на страдания ребенка. Дело кончилось тем, что Чарльз стал регулярно присылать сыну рукописные
факсы, где рассказывал о своих делах.__
....На войне как на
войне: и Диана, и принц Чарльз обзавелись со временем целой армией
сторонников, и теперь у каждого есть своя гвардия, готовая стать на защиту командира. Диана в тяжелые минуты ищет поддержки у самых
верных приверженцев, к которым, без сомнения, относятся ее старая
подруга Кэролин Бартоломью, Анджела Серота, Кэтрин Сомс, герцог Девонширский и его жена, Люсия Флеча-Де-Лима, супруга бразильского посла, сестра Джейн (она живет буквально в нескольких
ярдах от Кенсингтонского дворца) и, конечно, Мара и Лоренцо Берни.
Это самые близкие друзья, которым Диана доверяет полностью и безоговорочно. Кроме того, ей приятно проводить время в обществе Джулии Сэмюэл, Джулии Додд-Нобл, Дэвида Уотерхауза, а также известного актера Теренса Стампа, с которым она всегда рада поболтать за ленчем в его лондонской квартире.
Чарльз, со своей стороны, опирается на Эндрю и Камиллу Паркер-Боулз — благо те живут неподалеку от Хайгроува, в Миддлуич-Хауз; прислушивается к мнению сестры Камиллы, Аннабел
и ее мужа Саймона Эллиота; к его близким друзьям относятся также Чарльз и Пэтти Палмер-Томкинсон, большие любители горнолыжного
спорта; член парламента от консерваторов Николас Сомс; писатель и философ Лоренс Ван-Дер-Пост; леди Сьюзен Хасси, придворная дама
королевы с большим стажем; лорд и леди Трион, а также супруга из Голландии Хью и Эмили Ван Кацем, купившие недавно поместье близ Сандрингема.
В узком кругу Диана называет этнх людей «хайгроувской компанией». Они безудержно льстят принцу Чарльзу и с тайным недоброжелательством относятся к его жене. Если возникают споры по

поводу семейных отношений, воспитания детей, вообще, образа жизни
принца Чарльза, они всегда принимают его сторону, игнорируя мнение
Дианы. Не удивительно, что узы дружбы крепнут по мере разрушения
семейных уз. Общих друзей у принца и принцессы практически не осталось: слишком много накопилось взаимного недоверия и подозрительности.
.....Вражда между принцем и принцессой неминуемо отражается на их знакомых. Никому не удается остаться в стороне. Это особенно бросалось в глаза во время подготовки к 30-летнему юбилею принцессы Дианы. На страницах газет появились результаты опроса общественного мнения, согласно которым принцесса Диана получила
высший рейтинг популярности среди членов королевского дома. Одновременно «Дэйли-Мэйл» опубликовала оскорбительную статью, недвусмысленно обвинявшую принцессу в срыве семейного праздника
в Хайгроуве;
......Что же из себя представляет женщина, омрачавшая жизнь Дианы на протяжении стольких лет? Начиная с медового месяца, когда из дневника принца Чарльза выпали фотографии, и по сей день эта женщина, в которую он был влюблен еще до женитьбы, заставила Диану пройти все круги ада: постоянные подозрения, ревность, оскорбленное самолюбие, разбитые надежды... Кто же она такая?
.....Все эти годы ее мучили
сомнения и ревность. «В итоге их семейная жизнь превратилась в сплошной кошмар, — рассказывает Джеймс Джилби. — Одна мысль о
Камилле выводит Диану из себя. И я ее пониманию. По какому праву,
черт возьми, эта женщина вмешивается в ее жизнь? В этом суть проблемы. Диана не может смириться с таким положением вещей». Джилби познакомился с Дианой, когда ей было всего 17 лет.
Спустя годы они встретились на вечере у общей знакомой. До глубокой ночи проговорили о сердечных делах. Джеймс как раз расстался с любимой женщиной, а Диана горевала по поводу своего неудачного замужества. Это было летом 1989 года, когда она еще не потеряла надежду вернуть любовь мужа и вырвать его из «хайгроувской компании». «Видно было, что Диана болезненно переживает унизительность своего положения в королевском

семействе, — вспоминает Джеймс Джилби. — Ее муж и весь двор не принимали в расчет ее гордость и чувство собственного достоинства».

.....Советовали завести еще
одного ребенка, и она готова была пойти на это, лишь бы восстановить
семейный очаг. К сожалению, принц Чарльз оттолкнул протянутую руку с холодной враждебностью, которая в конце концов стала нормой
в их отношениях. Поначалу поведение мужа доводило Диану до исступления. Гнев и оскорбленное самолюбие жгли душу. В 1990 году
принц Чарльз сломал руку, играя в поло, и вынужден был на некоторое
время оставить дела. Он жил в Хайгроуве или Балморале, куда
регулярно наведывалась Камилла, а Диана оставалась в
Кенсингтонском дворце — брошенная жена, нежеланная, униженная.
Джеймс Джилби вспоминает ее слова, сказанные в порыве отчаяния:
«Джеймс, я сыта всем этим по горло. Я должна отвлечься, иначе
совсем раскисну. Единственный выход — уйти с головой в работу,
выбросить их из головы. Если я буду сидеть без дела, я сойду с ума».

.....Трудно не согласиться с комментарием одного из близких друзей:
«Диана не может смириться с тем, что ее муж столько лет
поддерживает отношения с другой женщиной. Разве в этом ее вина? Ей
все равно не удастся вернуть мужа — слишком поздно. Нет смысла собирать осколки».

Надежды больше нет», — эти слова лейтмотивом звучат в
высказываниях озабоченных друзей Дианы. «Она одолела самые
трудные вершины государственной и общественной работы и стала
виртуозом в своем деле, — говорит одна из близких подруг. — Но
Диана не может реализоваться как женщина, потому что их отношения
с мужем безнадежно испорчены. В этом суть проблемы». Нет согласия
в семье — значит, нет и нормальных товарищеских взаимоотношений
на общественном поприще. Формально принц и принцесса являются
союзниками, а на деле они выступают совершенно независимо друг от
друга — своего рода конкурирующие фирмы. По свидетельству одного

из бывших придворных, «почти сразу сталкиваешься с выбором: либо ты на стороне принца, либо — на стороне принцессы. Весь штат сотрудников поделен на два лагеря, и не рекомендуется пересекать невидимую линию фронта больше двух-трех раз. Стоит нарушить негласный запрет, и ты выходишь из игры. В такой обстановке трудно рассчитывать на успешную карьеру».

Какая уж тут карьера! В офисах принца Уэльского и принцессы Уэльской чиновники долго не задерживаются. В феврале 1992 года неожиданно для всех подал в отставку заведующий финансовым отделом Дэвид Арчибалд. По мнению коллег, Дэвид просто не выдержал атмосферы взаимного недоверия и соперничества между двумя враждующими офисами. Предпочел покинуть поле боя. Принц Чарльз, как всегда, возложил ответственность на жену. Перетягивание каната приводит к курьезным ситуациям. Так, однажды принц Чарльз выступил с речью об образовании, а принцесса Диана на этот же день назначила важное выступление по проблеме борьбы со СПИДом. Получилось, что и тот и другой неизбежно отвлекают часть аудитории на себя. Дух бессмысленного соперничества проявляется самым неожиданным образом. По возвращении из совместного турне по Канаде Диана написала несколько благодарственных писем в адрес государственных и благотворительных учреждений, организовавших поездку. Вслед за тем письма поступили к ее супругу. Предполагалось, что принц внесет соответствующие дополнения от своего имени. Вместо этого принц просмотрел каждое письмо и добросовестно повычеркивал местоимение «мы», заменив его местоимением «я». И лишь тогда поставил свою подпись.

Увы, подобные накладки стали едва ли не нормой. В январе 1992 года принц Чарльз распорядился передать букет цветов матери Терезе, которая слегла от сердечного приступа. При этом он поручил своему личному секретарю Ричарду Эйларду проследить, чтобы цветы вручили только от имени принца Уэльского, а не от имени обоих супругов. На этот раз Диане удалось обойти мужа на повороте. Она специально вылетела в Рим, чтобы лично отдать дань уважения замечательной сподвижнице. В ходе подготовки к совместному визиту

в Индию в январе того же года было принято решение поручить Ди-ане
тему планирования семьи. Представитель дипломатического ведом-ства
высоко оценил работу Дианы во время предыдущего визита и выра-зил
надежду, что она прекрасно справится с этой ответственной задачей. Принц Чарльз на это возразил с явной досадой, что сам намеревал-ся
выступить именно по этой проблеме. Чиновники растерялись, а Диа-на
посоветовала не обращать внимания на капризы мужа. По мнению одного из близких друзей, «прошли те времена, когда Чарльз смот-рел
на жену, как на обузу. Теперь ей по плечу работать наравне с мужем. Но в придворном «ведомстве» ей практически не на кого опереть-ся». __
......Годы неустанного самосовершенствования и жизненный опыт преобразили принцессу Уэльскую. Теперь она не бессловесная тень своего мужа, а равный по силам партнер. Но не следует думать, что их
стартовые возможности тоже равны. Единственное преимущество принцессы — это неослабевающее внимание средств массовой информации. Все прочие козыри в руках принца Чарльза. На содержание собственного офиса нужны немалые средства. Диана может рассчитывать на доходы с герцогства Корнуолл, которое по традиции передается в собственность наследнику престола, но эти доходы контролирует ее муж. Принц Чарльз занимает более высо-кую
ступеньку на королевской иерархической лестнице, и последнее слово
всегда остается за ним. В конечном счете от него зависит реше-ние всех
важных вопросов, начиная с разработки программы совместного зарубежного турне и кончая структурой личного офиса принцессы Уэльской. В поисках средств для осуществления многочисленных благотворительных проектов, Диана задумала основать Фонд принцессы Уэльской, однако ее муж не поддержал инициативу, усмотрев в этом посягательство на финансовый и моральный капи-тал
своего собственного благотворительного Фонда принца Уэльского. Во время войны в Персидском заливе принцесса Диана и ее

золовка, принцесса Анна, собирались посетить английские войска, дислоцированные на территории Саудовской Аравии. Обе принцессы с
энтузиазмом обсуждали, как они будут встречаться с рядовыми солдатами и бесстрашно колесить по пустыне в танке. Их планам не суждено было осуществиться из-за вмешательства сэра Роберта Феллоуза, который рассудил, что столь ответственную миссию целесообразно возложить на более высокопоставленного представителя королевского дома. Таким образом, в Саудовскую Аравию отправился принц Чарльз, а Диане поручили вспомогательную
роль: навестить жен и родственников солдат, принимающих участие в
боевых действиях.

Конкурирующие «фирмы» принца и принцессы действуют в обстановке строжайшей секретности. Это отнюдь не способствует плодотворному сотрудничеству. Иной раз Диана добывает необходимую для работы информацию с помощью сложных дипломатических маневров.__

.....Близкие друзья в шутку расшифровывают аббревиатуру ее титула — ПУ как «пленница Уэльская». Она действительно чувствует себя заложницей своей необычной судьбы, официального мифа о принцессе Уэльской и многочисленных табу, окружающих ее высокий
титул. Диана с детства не переносит глухих стен и запертых дверей. Годы, проведенные в замкнутом пространстве придворного мира, явно
обострили бессознательный страх.

.....По понятным причинам Диана пришла к выводу, что чиновникам монархического «ведомства» нельзя доверять. Перечень людей, на которых она может положиться, очень невелик. По утрам, возвращаясь
из бассейна, Диана сама вскрывает свою почту, не дожидается, пока адресованные ей письма пройдут сквозь чиновничий фильтр. Эта тактика имеет ряд преимуществ. Однажды Диана получила письмо, в котором отчаявшийся отец умолял принцессу посетить его умирающего от СПИДа сына. Это было последнее желание обреченного юноши. В письме сообщалось, что несколько месяцев назад этот человек уже обращался в офис принцессы, но не получил никакого ответа. Диана взялась за дело сама: устроила умирающему персональное приглашение в приют для больных СПИДом, содержащийся на средства одного из благотворительных фондов. У

нее как раз было запланировано посещение этого учреждения. Таким
образом принцессе удалось выполнить предсмертную просьбу больного, избежав при этом упреков в нарушении протокола. Попади
письмо в руки равнодушных чиновников, несчастный отец скорее всего вместо конкретной помощи получил бы ни к чему не обязывающую отписку.
Осознав, насколько малоэффективна помощь придворных, которые, по традиции, должны сопровождать ее во время визитов и других мероприятий, Диана предпочитает вообще обходиться без официальных помощников. Диана поручила функции придворной дамы сестре Саре, которая сопровождала принцессу во время официального визита в Венгрию. Иногда Диана берет «выходной» и отправляется по делам без свиты. Причиной тому горький опыт прежних дней, когда, по словам близкого друга принцессы, «дело доходило до яростных споров с придворными дамами, в особенности с
Анной Бекуит-Смит, которая работала одно время личным секретарем
принцессы. Ее раздражала постоянная опека верных слуг монархии».
Реальную помощь Диане оказывают те, кто критически настроен по отношению к монархической системе. Она регулярно связывается по телефону с сэром Кристофером Эри, который после неожиданной отставки с поста личного секретаря принца Чарльза поселился в своей
усадьбе в графстве Девоншир. Сэр Кристофер в курсе закулисных махинаций с целью направить деятельность принцессы в русло официальной политики, и Диана всегда внимательно прислушивается
к его советам. Есть и другие консультанты: Джимми Савил помогал выработать публичный имидж принцессы, а Теренс Стамп «доводил до ума» тексты ее выступлений. У Дианы есть надежная команда неофициальных помощников и консультантов, которые предпочитают
держаться в тени и не афишировать свою работу. Они помогают принцессе анализировать ситуацию, составлять тексты речей, прогнозировать реакцию общественного мнения._
….Диану привлекают критически настроенные умы потому что она так и не смогла адаптироваться к чуждой по духу монархической системе. По мнению Джеймса Джилби, «Диане легче найти общий

язык с аутсайдерами, нежели с официальными чиновниками, потому что последние верой и правдой служат идее, которую она считает отжившей свой век. Налицо столкновение интересов: защитники традиционных устоев боятся перемен, которых жаждет Диана». К этому можно добавить тонкое наблюдение астролога Феликса Лайла:

«Обладая благородной и возвышенной душой, Диана слишком уязвима для пагубного влияния тех, у кого более сильный характер и твердая воля. Ей пока что не под силу дать решительный бой системе».

Работа в королевском «ведомстве» изматывала Диану. «Ей было очень трудно, тем более что работать приходилось в обстановке недоверия и предвзятости», — свидетельствует одна из подруг. Поиски своего места в жизни привели Диану к мысли, что в рамках монархической системы невозможно реализовать свой истинный потенциал. Она так и говорит близким друзьям: «В королевском доме я всегда чувствовала себя изгоем. Мне казалось, что я не такая, как все — хуже всех. Слава Богу, теперь-то я знаю: это хорошо, что я не такая, как они». Диане приходилось жить как бы в двух измерениях: на людях она была кумиром толпы, объектом поклонения, а в королевских покоях ее окружали равнодушие и ревнивое недоброжелательство. Для широких масс Диана — яркий самоцвет в изрядно потускневшей короне династии Виндзоров, но в кругу королевской семьи именно ее яркость, незаурядность вызывают досаду и беспокойство. Верность долгу и традициям, строгий самоконтроль, — эти принципы Виндзоры пестовали из поколения в поколение. Принцесса Диана явно не вписывается в эту четкую схему. Слишком уж она непосредственна в проявлении чувств, слишком впечатлительна и ранима, а главное, не способна слепо подчиняться чужой воле. Королевскому семейству она кажется непредсказуемой, даже опасной: того и гляди что-нибудь сломает в чопорном мире традиций и реликвий, где на каждом шагу таблички с надписью «Руками не трогать!» Диана, со своей стороны, не рассчитывает на искреннее сочувствие и поддержку мужней родни.

Даже если правда на ее стороне, голос крови сильнее чувства справедливости. Она не ищет сочувствия у свекра и свекрови, поддерживает ровные, ни к чему не обязывающие отношения, избегает
острых углов — короче, соблюдает дистанцию. В этом есть свои плюсы и свои минусы. У Дианы нет надежных союзников среди членов королевского семейства, что существенно ослабляет ее позиции
как в семейных делах, так и в государственных. Зато так спокойнее.» Я
не вмешиваюсь в их дела, — говорит Диана, — а они не трогают меня». __

....О королеве-матери Диана отзывается с прохладцей. По ее мнению, Кларенс-Хауз, резиденция королевы-матери, превратился в штаб-квартиру ее критиков и недоброжелателей. Приемы в этом дворце проходят по всем правилам придворного церемониала, и Диана
умирает от скуки. Вообще, она предпочитает держаться на безопасном
расстоянии от милой и всеми любимой старушки. Оно и понятно: невольно напрашивается сравнение с собственной бабушкой Дианы, придворной дамой королевы-матери, которая когда-то ходатайствовала
перед судом о лишении своей дочери Франсис права опеки над четырьмя детьми. Суд вынес решение в пользу графа Спенсера, и мать
Дианы навсегда затаила боль и обиду на ее бабушку. Можно без преувеличения сказать, что королева-мать имеет практически безграничное влияние на своего внука, принца Чарльза, а потому понятна тревога Дианы: в Кларенс-Хаузе ее не жалуют, как когда-то ее
мать. «Королева-мать вбивает клин между Дианой и другими членами
королевской семьи, — свидетельствует один из близких друзей. — Вполне естественно, что Диана старается ее избегать».

.....Елизавета II ясно дала понять, что неудачный брак наследника отодвигает на неопределенный срок вопрос о ее отречении от престола. Для Чарльза это болезненный удар. После обращения королевы к народу по радио в канун Рождества 1991 года, когда Елизавета II заявила о своем намерении служить нации и Содружеству
еще несколько лет, принц Уэльский довольно долго избегал

разговаривать с матерью. Если учесть, что он всегда был почтительнейшим сыном, такая реакция указывает на крайнюю степень раздражения. Опять посыпались упреки на принцессу Диану. Скоро все обитатели Сандрингемского дворца, где зимой собирается королевское семейство, были в курсе семейной драмы обиженного принца. Тогда Диана напомнила мужу, что он по собственной воле уступил некоторые королевские полномочия младшим братьям. Дело в том, что в случае болезни или отсутствия в стране монарха некоторые церемониальные функции выполняют государственные советники, которыми могут быть пять членов королевской семьи в порядке престолонаследия. Чарльз передал свои права государственного советника принцам Эндрю и Эдуарду. «С какой стати мать доверит ему трон, если он пренебрегает даже чисто формальными обязанностями?» — не без ехидства заметила Диана.

.....Принцесса Диана считает, что институт монархии в целом сильно обветшал и нуждается в реконструкции, однако лично к королеве она испытывает искреннее уважение и отдает должное мастерству и твердости, с которыми та ведет свое сложное «хозяйство» уже более сорока лет. Не скрывая страстного желания получить свободу, Диана неоднократно подчеркивала в беседах с королевой: «Я никогда Вас не подведу». Она равняется на свою свекровь даже в мелочах. Как-то, в жаркий июльский день, собираясь на традиционное чаепитие в саду Букингемского дворца, куда приглашаются официальные лица и дипломаты, Диана отказалась взять с собой веер, предложенный подругой. «Я не могу его взять, — объяснила принцесса. — Свекровь будет одета по всей форме, в чулках и перчатках, и даже не покажет виду, что ей жарко».

.....Королева настояла на двухмесячном «тайм-ауте», чтобы супруги еще раз всесторонне обдумали роковое решение. Это время герцогиня прожила затворницей в своей загородной усадьбе, лишь изредка появляясь на официальных мероприятиях. Зато она часто встречалась с юристами, обсуждая планы на будущее, и делилась своими переживаниями с родственниками, в первую очередь с принцессой Дианой и золовкой, принцессой Анной.

Одним из первых узнал о случившемся принц Чарльз. В разговоре с герцогиней он посетовал на свой собственный неудачный брак и подчеркнул, что по конституции он является прямым наследником престола, а потому о разводе с Дианой не может быть и речи. На это Ферги язвительно заметила: «Что ж, я, по крайней мере, верна самой
себе». Этот ответ вскрывает самую суть дилеммы, стоящей и перед принцессой Уэльской. Она остро ощущает фальшь своего положения и
противоестественность традиционных устоев современной монархии.

.....Длящийся годами семейный кризис принца Уэльского так же, как и крах брака принца Эндрю — не только их личная драма. Это тревожный симптом неустойчивости современной монархии перед лицом необратимых исторических процессов. В свое время решение Георга V дать своему сыну, герцогу Йоркскому, согласие на брак с «простолюдинкой», леди Элизабет Боуз-Лайон, было обусловлено трагическими последствиями первой мировой войны. С исторической
сцены были сметены несколько европейских царствующих династий, и
ряды женихов и невест королевской крови значительно поредели. Этот
брак пробил брешь в королевской цитадели, и замкнутая каста, допускавшая лишь браки между равными, начала медленно превращаться в обычную социальную группу. Несмотря на аристократическое происхождение женихов и невест, практически все
попытки привить «дичок» на генеалогическое древо Ганноверской династии закончились плачевно.

....Где истоки кризисных явлений: в изменившемся характере общества? Или же их следует искать внутри королевского дома, в отношении его членов к пришельцам извне? Очевидно, что, выйдя замуж за принца Чарльза, леди Диана Спенсер вошла в совершенно обособленный семейный клан со своими ритуалами и табу — вроде туземцев какого-нибудь Богом забытого острова, которые и не подозревают о существовании остального человечества. Самоизоляция
служит надежной защитой от бурь и тревог внешнего мира, однако постороннему, не знакомому с правилами игры, выжить в этих условиях практически невозможно.

.....Принцесса Диана слишком долго варилась в котле

придворной жизни, слишком много времени и сил отдавала протокольным обязанностям. Может быть, именно поэтому она пришла к горькому выводу: двор с его особой моралью и особым мироощущением потерял живую связь с реальностью, объективным ходом событий. Королевское семейство живет как бы в ином измерении, откуда не видны эволюционные процессы, происходящие в
обществе. Попытки восстановить обратную связь малоэффективны. Как-то за ужином в Сандрингемском дворце Диана осторожно завела
разговор о судьбе британской монархии в контексте интеграционных
тенденций в современной Европе. Присутствующие посмотрели на нее, как на сумасшедшую, и до конца вечера продолжали с увлечением
обсуждать важный вопрос: кто подстрелил последнего фазана на сегодняшней охоте.
....По свидетельству одного из друзей, «Диана считает, что институт монархии отгородился глухой стеной от реальной жизни и не поспевает за ходом истории. Если члены королевского дома не изменятся сами, назревающие в обществе перемены застанут их врасплох, неподготовленными».
Консультант Дианы Стивен Твигг разделяет ее мнение. По его словам, «если члены королевского семейства не осознают необходимость перестройки своих отношений с обществом, их ждет тупик, вырождение. Монархия утратит функции полезного социального инструмента. Чтобы этого не произошло, необходимо гибко и динамично реагировать на изменения. При этом общество также должно внести коррективы в свое отношение к королевскому дому. Давайте спросим себя: чего мы ждем от королевской семьи? Хотим ли мы, как встарь, падать ниц перед королевскими регалиями или же представители династии должны заслужить искреннее восхищение народа стойкостью и благородством, с которыми они принимают многочисленные вызовы нашей бурной эпохи? Восхищаться — значит, учиться у своего кумира, следовать его примеру»
....Несмотря на то, что Диана ведет упорную борьбу с широко распространенным мифом о принцессе-кукле, озабоченной лишь красивыми тряпками и модными фасонами, многие по-прежнему относятся к ней с известным предубеждением. Она привыкла к добродушно-снисходительному тону. «Я сталкиваюсь с этим на каждом шагу, — признается принцесса близким друзьям. — Интересно наблюдать за реакцией лю-

дей. Вступая в разговор, они думают одно, а поговорив со мной немного, начинают вести себя совсем по-другому». Диана не приемлет и формальную маску королевского величия — слишком долго она сама отстаивала свое право на естественные человеческие чувства. Ей чуждо лицемерие. Неподдельная доброта и милосердие, которые проявляются в повседневном общении с людьми, — не поза, а нормальное состояние души. Порфироносец вознесен высоко над земной юдолью, однако Диану не устраивает традиционное королевское воспитание, прививающее «иммунитет» к бедам и заботам простых смертных. Она твердо знает, что ее сыновья должны воспитываться иначе, нежели предыдущие поколения венценосцев. Маленькие принцы и принцессы когда-то чуть ли не с пеленок приучались скрывать свои мысли и чувства от чужих любопытных глаз. Пядь за пядью возводилась невидимая стена, отделяющая особу королевской крови от простолюдинов. Диана же стремится воспитывать в сыновьях искренность и прямоту. Они должны реально оценивать свои возможности и воспринимать жизнь во всем ее многообразии, а не возноситься над нею на контурах королевского величия. Как мать, Диана озабочена прежде всего тем, чтобы сыновья твердо стояли на земной почве. Уверенность в себе питает безграничная материнская любовь и нежность. Диана признается, что любит своих детей до безумия и отдает им каждую свободную минуту. Дети, обделенные родительским вниманием и любовью, вырастают с изъяном в душе, им труднее противостоять житейским бурям. Диана не хочет, чтобы ее сыновья выросли чопорными и высокомерными».

ГЛАВА 3 РИМ АНТОНИНОВ — ПЕРВАЯ ВЕЛИКАЯ ТЕОКРАТИЯ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА

1. Доказательство «Естественного права» в социальных науках есть Великая Революция

2. Непримиримая война между магиями-Левиафанами и Теократиями Естественного права (Этических религий).

3. Римская Империя Антонинов — как Первая Великая Теократия Естественного Права. Auctoritas и Potestas.

1. ДОКАЗАТЕЛЬСТВО «ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА» В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ ЕСТЬ ВЕЛИКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

В каком то смысле книга Карла Поппера «Открытое общество и его враги» обобщает и подытоживает победу Нормативного Права над Естественным правом вместе с победой Дарвиновской парадигмы после кризиса рационализма 19 века.

Карл Поппер там четко формулирует различие между Нормативными и Естественными законами, и утверждает, что не может быть естественных законов в жизни человека и общества. Он поясняет, что под естественными законами он разумеет «законы природы», как скажем движение планет или таблицу Менделеева. А под нормативными законами — законы установленные договоренностями между людьми. И Поппер утверждает, что никаких законов природы, которые бы правили человеком и обществом, быть не может, поскольку человеком правит разум, утверждает дарвинист Поппер. И потому люди, сами придумывают себе законы, они обладают свободной волей, они не детерминированы законами природы. Поэтому

естественного права, как права законов природы общества и человека, быть не может. Может быть только Нормативное право — то есть законы, достигнутые договоренностями и утвержденные под угрозой наказания силовыми институтами общества. Такова победившая сегодня Теория права — теория Нормативного Права.

Мы должны помнить, читая книгу Поппера, что это вывод не только Поппера, но, повторяю, всей социальной науки, основанной на дарвиновской парадигме, — это и Макс Вебер, К. Маркс и Ленин, и Ницше, и даже Кант и Гегель, эти активные участники крушения рационализма 19 века. Так, друзья Поппера, представители так называемой австрийской школы, Фридрих фон Хайек («Дорога к рабству») и Людвиг фон Мизес также доказывали в своих книгах, что не существует естественных законов в жизни человека и общества, а есть только установленные людьми законы, нормативные законы. Эта тенденция восходит к книге Дарвина «Происхождение человека», где Дарвин отказывается признавать этику (мораль, нравственность, совесть), как законы сознания человека, и сводит все душевные закономерности к традициям закрепленным в нуждах биологического выживания.

Книга Поппера «Открытое общество» примечательна по ряду причин. Например тем, какие оценки Поппер дает Д. С. Миллю и К. Марксу, противопоставляя их подходы. Он хвалит «экономизм» Маркса и противопоставляет его «психологизму» Милля. Надо сказать, что все работы Бертрана Рассела, который тоже прямо объявляет себя сторонником «психологизма» (книга «Власть» например) построены на обратной критике Маркса: Рассел упрекает его в отказе от психологизма и в преувеличении значения экономики в жизни людей. При этом Рассел поддержал книгу Поппера и его критику Платона, и оставаясь сам сторонником Естественного права (не иначе, если стоит на позиции законов психологии, движущих общество), все же заявляет о победе Нормативного права. Эта путаница не позволила Рассела донести до людей разработанную им «теорию психической энергии».

К. Поппер «Открытое общество и его враги»:

> «Милль считал, что изучение общества, в конечном счете, должно быть сводимо к психологии, а законы исторического развития должны быть объяснимы в терминах человеческой природы, «законов психики» и, в частности, законов ее прогрессивного развития. Я назову этот подход к социологии (методологическим) психологизмом. Милль, как мы установили, верил в психологизм. Маркс бросил ему решительный вызов. «Правовые отношения, — утверждал он20, — так же точно как и формы государства, не могут быть поняты... из так называемого общего развития человеческого духа...» Глубокое сомнение в психологизме — это, пожалуй, величайшее достижение Маркса как социолога. Это его достижение открыло дорогу более глубокой концепции особого царства социологических законов и социологии, которая, по крайней мере частично, является автономной наукой
> ...Если мы теперь вновь сравним Марксов вариант историцизма с миллевским, то обнаружим, что Марксов экономизм легко разрешает те трудности, которые, как я показал, стали фатальными для психологизма Милля. Я имею в виду ту совершенно неадекватную доктрину возникновения общества, которая формулируется в психологических терминах — доктрину, которую я охарактеризовал как психологический вариант общественного договора».

Здесь видно, что Дарвинисты обоих политических полюсов — правого и левого — одинаково пришли к обоснованию Нормативного права и к отказу от Естественного права: Поппер, будучи крайне правым хвалит крайне левого Маркса за презрение к «психологизму» Милля. Действительно, как современные представительные демократии есть государства Нормативного права, так и советское государство марксизма-ленинизма есть государство Нормативного права (права, установленного людьми и введенного под угрозой наказания силовыми институтами).

Далее, мы видим что Поппер похваляется, что доказал несостоятельность «психологизма» в объяснении исторического процесса. Он действительно начинает свою книгу с анализа первобытного общества и предлагает такую аргументацию: поскольку общество дикарей есть общество коллективных представлений, это доказывает что Институты произошли раньше, чем разумный

Индивид. А поскольку психика человека есть психика индивида, то мы не можем говорить, что психология сыграла решающую роль в становлении общества. Ее сыграли Институты, а вовсе не психика индивида. Вот такое оригинальное рассуждение, которое должно доказывать несостоятельность «психологизма».

Однако, теория психической энергии легко опровергает эту аргументацию Поппера. Правда, что коллективные представления магического сознания аборигены были раньше, чем разумный индивид. Однако, «психика» не есть свойство индивида, а есть природная энергия, подчиняющаяся своим законам. Единицы психики — не сознание индивидов, а «силовое поле психики», которое может быть и больше и меньше сознания индивида. Больше, когда речь идет о соединении силового поля разных индивидов в одно общество; и меньше, когда речь идет о двух силовых полях в сознании одного индивида — поля интеллекта и поля Эгосистемы. Таким образом, коллективные представления магического сознания абориген тоже психика — только в данном случае это соединение психики индивидов через поле Эгосистемы (потому это магическое сознание, потому это садомазохизм насилия и подчинения в добровольном самоотречении в служении тотемам и самоистязаниях и тп).

Следующая важная деталь книги Поппера «Открытое общество и его враги» — это знаменитый анализ «Государства» Платона, предпринятый в ней. Там, Поппер старается доказать, что «психологизм» Платона есть не только абсурд, но еще и очень вредный абсурд, поскольку «государство» Платона есть обоснование, как считает Поппер, тоталитаризма и автократии, и таким образом первый враг свободы разумного индивида. Ниже я еще вернусь к аргументации Поппера против «Государства» Платона, здесь скажу только, что главная ошибка Поппера в вопиюще неверной оценке Платона состоит в том, что отказавшись от «психологизма» он уже больше не видит истинной основы законов общества. Так, он путает две совершенно несопоставимые вещи: тоталитаризм Левиафана поля Эгосистемы и единение в церкви Дружбы поля интеллекта и совести. Общества возника-

ют как единения через какое-то одно силовое поле психики. Это значит, что не каждое единение есть тоталитаризм, все зависит от того через какое поле соединилось общество. Так, Церковь ранних христиан — образец истинного братства и дружбы — было единением через поле интеллекта и совести, а единение аборигеи или гитлеровского и сталинского тоталитаризма — это единение через поле Эгосистемы.

Теперь обратимся к «Психологизму» «Государства» Платона. Если был кто-либо, кто трактовал общество и историю с позиций психологизма, то это был несомненно Платон. Всем известны основные тезисы его «Государства», которые держатся на обосновании «теории психической энергии». Платон ни много ни мало доказывает, что человек имеет психическую энергию в корне отличную от его биологической энергии. Он говорит: душа отличная во всем от тела, что и означает, что он разделяет два уровня энергии в человеке: психическую и биологическую. И дальше все его построения связаны уже с закономерностями души — психики, и мало относятся к биологии человека. Прежде всего, Платон утверждает главный тезис теории ПЭ, который оказался недоступен Попперу: что от специфики психики индивидов, составляющих государство будет зависеть тип общества, которое они образуют. Душа человека, говорит Платон в «Федре» подобна парной упряжке и возничему:

«Уподобим душу соединенной силе окрыленной парной упряжки и возничего. У богов и кони и возничие все благородны и благородных кровей, а у остальных они смешанного происхождения. Во-первых, это наш повелитель правит упряжкой, а затем и кони-то у него — один прекрасен, благороден и такого же происхождения, а другой конь ему противоположен, и его происхождение тоже. Неизбежно, что править ими — дело тяжкое и докучное».

Если возничий — это Господь, а прекрасный конь — Разум человека, который слушает Господа, возничего, то порочный Конь — поле Эгосистемы человека, его врожденный грех который должен быть подчинен Разуму, иначе никакой езды не по-

лучится, кони будут тянуть в разные стороны. Такова блестящая метафора Платона, в которой он схватил суть теории психической энергии.

Известно, что его Государство рассказывает о том, что все разновидности плохих государств есть проявления патологии порочного коня в душе человека, то есть соединения через поле Эгосистемы; в то же время его Идеальное Государство, в котором правит Разум философов-правителей есть единственное государство, где соединились здоровые люди, подчинившие порочного коня души контролю Разума, то есть единение людей через поле Интеллекта и Совести.

На том основана вся книга «Государство» Платона: на доказательстве того факта, что Разум, Добродетель и Счастье Здоровой Души едины, и что поэтому только то государство которое ставит совей задачей воспитание таких здоровых людей будет здоровым и прекрасным во всех отношениях государством. Так Платон впервые в истории развивает теория естественного права, основанную на закономерностях психики человека.

Саймон Блэкберн, учены Кембриджского университета, в книге «Платон и его «Государство» говорит о том, что в век Дарвиновской парадигмы, доказательства Платона о причинной связи между разумом, добродетелью и здоровьем души не выглядят убедительными. И что теория Платона все еще ждет своего основательного доказательства. Что ж, Научная Революция Энергетика утверждает, что она научно доказала справедливость психологизма, Естественного права, и зародыша теории психической энергии, скрытой в «Государстве» Платона. Мы видим в этом отрывке из книги Блэкберна, что Афины в данном случае представляют «физический контроль поля Эгосистемы», где только право силы решает все. Тогда как Меляне взывают к совести и справедливости научного контроля поля интеллекта и совести. И Платон, говорит автор, пока еще не смог предложить нам доказательств, что действительно совесть и справедливость поля интеллекта есть здоровое и правильное решение. На самом деле, политическая гибель, постигшая в скором вре-

мени Афины, была лучшим доказательством несостоятельности физического контроля.

С. Блэкберн, «Платон и его «Государство»:

> «Историк Фукидид рассказывает один из самых мрачных эпизодов из своей истории Пелопонесской войны, когда Афины, с позиции власть держащего, потребовали от маленького независимого государства под названием Мелос, сдаться. Это событие произошло за 40 лет до «Политии» Платона, когда Афины направили 37 военных кораблей и 10000 воинов против 500 человек мелян. Можно представить что один из таких безжалостных и дерзких посланцев из Афин на этот остров послужил прототипом Фрасимаха. Прежде всего, эти посланцы грубо отвергают все призывы к соблюдению прав и к справедливости и настаивают на том что дело должно решаться с точки зрения личных интересов: «Вы также хорошо знаете как и мы, что между людьми только тогда говориться о правах справедливости, когда сила с обеих сторон равна, а сильнейшая сторона требует всего, что только может, а слабейшая соглашается на эти требования».
>
> В драме Платона Фрасимах фактически представляет интересы афинских посланцев. Они представляют собой людей реальной политики, знающих, что они живут в жестоком мире, и приспосабливающихся к нему. Вместе со своими преемниками они оставляют огромное красное пятно в истории человечества (меляне не захотели сдаваться, и тогда афиняне уничтожили мужчин и обратили в рабство женщин и детей). От них нам в наследство достались блицкриг, терроризм, почитание свободного рынка и этика бизнес-школы. От них же Америка унаследовала «неоконсерватизм», идеологию, вдохновителем которой послужил политик Лео Страус.
>
> В девятнадцатом веке Фрасимах снова стал популярным благодаря теории Дарвина, которую зачастую рассматривали как оправдывающую жестокость мира не только как обоснованную с точки зрения морали, но и неизбежную. Поэтому любая попытка смягчить ее или облегчить суровые результаты считалась бесполезной. Реальная политика являлась законом природы. Победители побеждают, а проигравшие отходят в сторону. Логику необузданного капитализма считали собственной логикой природы, вмешиваться в которую не только бесполезно, но и неблагочестиво. Конечно же, в результате мы пришли к скудному или несуществующему социальному обеспечению внутри страны, колониализму и империализму за ее пределами и конкуренции между индустриальными державами, которая переросла в милитаристскую экспансию и агрессивную гонку

вооружений. Мелянский спор показывает, Фрасимах был не просто воображаемым противником. Подобные ему есть и сейчас. Стоит вспомнить, что прежде чем Гоббс стал популярным за свою теорию Левиафана и «войны всех против всех», он первым в 1628 г. перевел Фукидида с греческого на английский.

Герой Шекспира Фальстаф так и говорит: «Что же тогда честь? Слово. Что же заключается в этом слове. Воздух».

Вот насколько трудный вызов бросает Фрасимах Сократу, и сколь сложная задача стоит перед Сократом. Сократ отвечает введением нового закона: что справедливость и добродетель совпадают с понятием счастья. И таким образом, доказывает обратную связь между несправедливостью и несчастьями. Это значит, что справедливость является хорошим душевным состоянием (правильно организованной души), а несправедливость — плохим, и значит справедливый человек будет счастлив, а несправедливого ждет плохая жизнь. Кажется, Сократ пытается прийти к заключению, что плохое поведение приведет к внутренней дисгармонии, психологическому надлому, который разрушит счастье и благополучие, как будто афинским посланцам предстоит испытать стресс, чувство вины и угрызения совести за свой поступок. (Даже если у них на самом деле возникли бы проблемы с совестью, Фрасимах мог бы сказать, как Ницше спустя две тысячи лет, что угрызения совести — это болезнь).

...Теперь афинские посланцы не являются образцом разума в поведении. Не страдая от тревоги за мелян, они должно быть отсекли часть своего разумного «я», и потому не могут быть хорошо организованными и справедливыми.

Вопрос заключается в том, заслужило ли «Государство» Платона сказать это, и имеются подозрения, что не заслужило. Так как у нас до сих пор нет ни малейшего намека на то, почему наличие хорошо организованной души позволит нам иметь общие взгляды с окружающими и склонность принимать во внимание их нужды и проблемы. Именно этого так не хватает афинским посланцам, когда дело касается мелян. Мы не знаем почему, если они следуют своим чисто эгоистическим интересам, это пошатнет их счастье или процветание. Мы не знаем, почему посланцы, если им надлежит быть «разумными» должны поступиться или пренебречь интересами Афин. И пока мы не сможем доказать причинную связь между хорошо организованной душой и счастливой душой ситуация не изменится. Это значит, что Фрасимах, афинские посланцы, неоконсерваторы и другие сторонники реальной политики все еще не получили достойного ответа».

Достойный ответ афинским посланникам и представляющим их Фрасимаху и Каликлу («Горгий») дает Научная Революция Энергетика, которая есть полное научное обоснование Теории Психической Энергии, предложенной Платоном и всеми другими этическими религиями только в зачаточном виде. Ибо нет никакого сомнения в том, что Откровения Пифагора, Сократа, Платона есть Этическая Религия, которая стала религиозной и научной революцией своего времени в Греции.

Что предполагает Естественное право? Прежде всего, Законы Природы, установленные Творцом, то есть Интеллект в основе мироздания. Эмпирики, которые отрицают Творца и интеллект в основе мироздания, отрицают также вместе с Юмом, Гоббсом и Кантом законы природы. Далее, естественное право в основе общества предполагает, что человек обладает отличной от животного энергией, что уровни психической и биологической энергий — это уровни двух различных систем закономерностей природы. Одни законы работают для психики, другие законы работают для биологии человека. Наконец, Естественное право, как это показал Платон в «Государстве» обосновывает причинную зависимость между типом общественного союза и видом психической энергии индивидов его составляющих. Одно дело союзы людей через силовое поле Эгосистемы — это физический контроль, садомазохизм и тоталитаризм Левиафанов. Совсем другое дело союзы людей через поле интеллекта и совести — это научный контроль братства и дружбы, творчества и свободы в поисках истины.

Какие самые яркие системы Естественного права нам известны? Прежде всего, «Государство» Платона. Однако, то же самое мы можем сказать и в отношении всех Теократий этических религий. Так Э. Ренан пишет в «Истории израильского народа», что религиозная революция пророков 8—7 веков до н.э. была «победой идеализма и мы должны приравнять ее к Греции 5 века до н.э.». Ибо Ренан расценивает Теократию при пророке Исайе как «Государство Платона», а пророков Израиля того периода как «первых народных трибунов». То же самое

можно сказать и о теократии, учрежденной другим пророком этической религии — Заратустрой, и о нем тоже много упоминают и Ренан и Швейцер, и Тойнби, и Толстой. Наконец, самым выдающимся примером такой Теократии естественного права будет несомненно Церковь Христова первых веков христианства, где Евангелия «Царствия Небесного» есть прообраз Града Божьего на земле, а мораль Евангелия — естественное право законов психики, на котором этот Град будет основан. Развивали Естественное право Града Божьего уже философы-рационалисты, часто христианские отцы церкви, такие как Августин или Фома Аквинский, С. Кьеркегор и Ж. Санд, Э. Ренан и А. Швейцер, А. Эйнштейн и М. Ганди, Д. Мережковский и Е. Трубецкой, А. Тойнби и Г. Честертон, К. Ясперс и Ж. Бенда, Л. Толстой и Достоевский, Н. Гоголь и И. Сикорский.

Нельзя однако сказать, что только высшие религии, как называет этические религии Тойнби, дали нам образец Естественного права. Есть выдающиеся работы «честных материалистов» как называет своих друзей материалистов Честертон, — то есть материалистов, которые искренне верят, что истина в отрицании интеллекта как первоосновы мироздания, и делают так потому что искренне ищут истину. Например, работы Бертрана Рассела, Герберта Уэллса, Герберта Спенсера, Д. С. Милля, Дж. Оруэлла, А. Герцена, П. Кропоткина, Ж. Прудона или О. Конта (он отрицал психологию, но поставил на ее место Этику, как высшую стадию развития науки и основу социальной науки), Э. Фромма и А. Маслоу. Эти ученые сказали много важного и полезного, и я часто цитирую их работы, однако, путаница в их философской позиции не могла не внести путаницу и в их социологию. Они все стоят на позициях психологизма и утверждают, что в основе деятельности человека и общества лежат законы психологии, но при этом никогда не обосновывают эти законы как «законы природы», как интеллект в основе мироздания, как естественное право, которое должно лежать в основе законодательства потому что это есть основа сущего. Кто прячется за феноменологией, кто за кантианством, кто старает-

ся утвердить психологию на дарвинизме, и в итоге, их колоссальные интеллектуальные усилия не привели к утверждению и победе Естественного права.

Вот почему на сегодняшний день, несмотря на тот факт, что и высшие этические религии и такие великие умы защищали Естественное право, тема эта вообще больше не ставится в учебниках, и единственным правом которое еще рассматривается — остается Нормативное право. По той же причине, как пишут исследователи проблемы Прав Человека, стали отмирать международные институты прав Человека, ибо фундаментов Прав Человека является только Естественное право. Нормативное право отрицает права человека и ставит во главе угла субъективизм национальных правовых систем.

2. НЕПРИМИРИМАЯ ВОЙНА МЕЖДУ МАГИЯМИ-ЛЕВИАФАНАМИ И ТЕОКРАТИЯМИ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА (ЭТИЧЕСКИХ РЕЛИГИЙ)

Итак, мы прежде всего должны дать определение Теократии как Государству, основанному на Естественном праве, то есть на божественном законе природы, доступном познанию нашему разуму; на научном контроле поля интеллекта человека. Вот что такое Теократия. Конечно, она не могла быть сразу полноценной, ведь знания приходят к человеку весьма медленно и постепенно, и чтобы Теократия стала полноценным институтом она должна базироваться на полноценном научном знании.

Здесь, мы следующим шагом должны провести жесткую черту между Теократией, основанной на Естественном праве законов природы (Бога-Творца, Интеллекта), и Левиафанми, основанными на магическом сознании поля Эгосистемы, то есть на Кривом зеркале искаженной чувственной (материальной) информации. Теократия есть Правление и жизнь Духа; Левиафаны есть правление и динамика физического контроля материальной энергии. Магическое сознание Левиафанов не имеет ничего общего с духом, с мистическим откровением, с этическими ре-

лигиями, с законами природы, с истиной и интеллектом. Напротив, все иллюзии и искажения поля Эгосистемы — это «чудовища, которых рождает сон разума», как сказал нам еще Гойа.

Однако, сегодня принято понимать под Теократиями все древние Левиафаны Египта, Ассирии, Вавилона и тому подобные восточные деспотии, основанные на суевериях магического сознания, и не имеющие ничего общего с духовной энергией поля интеллекта и совести. В этом отношении, большое прозрение несет нам философия истории К. Ясперса, которая проводит демаркационную линию между до-историческими временами восточных деспотий-Левиафанов и собственно началом истории Осевого времени, с рождением этических религий в Персии, Израиле, Индии, Греции, Китае. Если Тойнби все еще считает, что «низшие и высшие религии» суть количественная разница, и низшие могут развиться в высшие, то Ясперс этой своей демаркационной линией между до-историей и началом истории человечества, четко разделил времена магического сознания Левиафанов и времена этических религий Теократий, как качественно несопоставимые.

И мы предлагаем остановиться на этой классификации Ясперса, и строго отличать магическое сознание Левиафанов садомазохизма от становящихся Теократий Естественного Права Осевого времени. И в этом отношении лучший образец вечной борьбы между Теократиями Этических Религий и Левиафанами –магиями служит История Израильского народа, неустанно боровшаяся против Зверя-государства Египта, Ассирии и Вавилона, -этих центров физического контроля садомазохизма, права силы и обожествления военных вождей.

Э. Ренан «История израильского народа»:

> «В позднейшие века в Ниневии возникло ядро империи Ассирии, силу которой составляли орды из гор Курдистана. Это было первое появление военной силы в мире. Плодом ее явился грубый деспотизм, не одушевлявшийся никакой нравственной или религиозной идеей. Разум и право, как понимали их древние, стали словами, лишенными смысла. Барельефы длинной в километр с ужасающим реализмом рисуют перед нами эту деятельность ми-

литаризма. Жестокость является здесь как у краснокожих, главной силой и двигателем. Сцены истязаний изображены также любовно и тщательно, как сцены побед. Царь, напоминающий Атттилу или Тамерлана, один находится в центре картины. Рядом с царем только солдаты, слуги, палачи, там нет великих государственных деятелей и выдающихся людей. Царь является настоящим богом в этой среде искусных вскрывателей черепа. Рядом с ним не существует ничего. Все изображения имеют одну цель — показать его силу. А сила заключается в том, по этой логике дикарей, чтобы видеть у своих ног врага, с которого живьем сдирают шкуру. Ассирия была — как поняли еврейские ясновидцы –первой империей завоевания. Мы прощаем греческой и римской, а отчасти и персидской империи, их насилия ради тех благ, которые они дали миру, ради той дани, которую внесли они в сокровищницу прогресса. Ассирийская империя, по-видимому, не принесла ничего кроме зла. Подобно татарским империям средних веков, она только разрушала все на своем пути. Евреям, сохранившим верность духу древности, новая ассирийская империя была ненавистна особенно из-за господствовавшего в ней безверия. Эта замена Бога человеком, еще в древних мифах о Немвроде, о Кесиле, представлялась крайним безумием. Основное свойство семитской души — это уважение к человеческой личности. Это принижение божьих сознаний во имя чьей то необъятной гордости, это равенство всех в общем рабстве возмущало гордые натуры, которым чужда была идея государства, которым казалось унижением даже подчинение мелким царькам Иудейского и Израильского царств… Халдейское господство представлялось для благочестивого израильтянина царством идолопоклонства, силы и зла. Оно было, кроме того, железным господством, не выпускавшим ни одного из своих пленных. Действительно смертельным ударом для Вавилона была его осада Дарием. Полное разрушение произошло лишь в царствование Селевкидов. Весть о взятии Вавилона пьянила народ Израиля. Расы, относительно нравственные заменили прежнюю неинтеллигентную и свирепую расу. Новая империя не была насильнической и не мешала движению».

Из этой цитаты гениального Ренана мы видим, что он строго различает с одной стороны «насильнические и неинтеллектуальные империи», а с другой стороны империи Персии и Рима, которые обладали этическими религиями и не только «не мешали движению», но и принесли большой прогресс в свое время. Из-

раиль не был большим государством, и его упорство в противостоянии «насильническим и неинтеллектуальным» империям еще более обнажает факт непримиримой борьбы между магиями-Левиафанами с одной стороны, и Теократиями Естественного права (этических религий) с другой стороны.

3. РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ АНТОНИНОВ — КАК ПЕРВАЯ ВЕЛИКАЯ ТЕОКРАТИЯ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА. AUCTORITAS И POTESTAS

Древнюю Грецию, как известно погубили свирепые междоусобия — такие, как мы встречаем в войне Ахилла и Агамемнона в «Илиаде» Гомера. Греки славны тем, что тоже разрушили свои магии-Левиафаны, подобно израильтянам и римлянам, но они однако, не смогли создать нового общества — общество союза поля интеллекта и совести. Война всех против всех уничтожила Грецию политически. И гениальный Платон уже тогда знал болезнь и предлагал ее лечение в своем «Государстве». С. Блэкберн пишет в своей книге о «Государстве» Платона, что Платон в отличии от Ницше вовсе не хвалит «мужественность» как ее хвалит Ницше в Героях-Человекобогах языческого Олимпа, а напротив считает Гибрисом, болезнью тщеславия, которая уничтожила и самих греков и их государства. Платон как всегда интуитивно очень четко разделяет поле Эгосистемы и поле интеллекта и совести. Конечно Гибрис-Эго шизоидов не то же самое что циклическое Эго магий-Левиафанов, потому что Гибрис-Эго есть патология поля Эгосистемы, сломанный циклический гомеостаз (что привело к слому Левиафанов в Дввреней Греции). Однако, и то и другое остается полем Эгосистемы: Циклическое Эго деспотий — здоровое поле Эгосистемы, а Гибрис-Эго шизоидов — патология поля Эгосистемы, но и то и другое есть поле Эгосистемы, и потому в конечном счете оба остаются болезнью сознания человека. Вот почему Платон выступает против Гибрис-Эго (thumos), или против «мужественности» как физического контроля права силы. Там, где Ницше восхищается языческими Че-

ловекобогами греческого Олимпа, Платон выступает резко против языческого Олимпа, и подобно еврейским пророком вводит Единого Бога-Интеллекта, добродетельного и мудрого.

С. Блэкберн, «Платон и его Государство»:

> «Образцом мужественного человека служил Ахилл из «Илиады» Гомера. Ахилл как львы представляет проблему. Он нетерпелив, и его необузданная свирепость может быть направлена как против врага, так и против Агамемнона, что почти и происходит, когда во власти гнева он совершает непростительные зверства. Однако, он притягивает к себе более слабые характеры. Александр Македонский с чувством неловкости выбрал его в качестве образца для подражания, а арийская «мужественность» занимала важное место в нацистской идеологии. Сегодня ни один из демократов-политиков не осмелится бросить тень на этот романтический ореол. Только подумайте о Буше-младшем, позирующем на авианосце, или жителях Калифорнии, избирающих надуманного героя своим губернатором, или о всеобщей тенденции среди британских политиков симулировать интерес к футболу. Наоборот, для Платона кто-либо подобный Ахиллу далек от идеала, а его thumos является проблемой. На самом деле то, что именно такой тип характера стремится к доставляющей удовольствие драме, частично вызывало у него опасения о вредном влиянии драматургии. Таким образом Платон далек от того, чтобы воспевать идеал «мужественности». На самом деле тут Ницше находит повод поворчать о том, что его философия бледная и нездоровая, активно выступающая против «стремления к власти». Платон в особенности хочет чтобы мы пересмотрели свой идеал храбрости, отделив ее от стремления к власти, военного духа и жажды военной славы. Храбрость -это не надменное расположение духа, а скорее твердость и стойкость проявленные Сократом. Как мужчины так и женщины могут присоединиться к правящей элите. Если перевести на язык правильно организованной души, то женская добродетель тождественна мужской добродетели, а это само по себе проводит грань между « добродетелью и «мужественностью»

А. Тойнби пишет в «Постижении истории», что современные языческие демократии есть возврат к «абсолютному» греческому государству, в котором религия была только департаментом государства. Действительно, греческие полисы остались языческими, как мы видим на образе «афинских посланников» и Фрасимаха, и это Гибрис-Эго погубило их (и погубило Ниц-

ше). Греция погибла в междоусобиях, а вот Риму суждено было покорить мир своим политическим гением.

Война между платоновским Сократом и языческой Грецией — это война между Теократией Естественного Права и Междоусобиями Гибрис-Эго языческого Олимпа. Действительно, Ницше в «Рождении Трагедии» выступает против «Теоретического Человека Сократа, который принес вместе с научным сознанием и «оптимизм» добродетели как дороги к счастью и здоровью души человека. Платон, как мы видели в самом деле явился религиозной революцией Осевого времени, которая стала первыми шагами рационалистического движения к Логосу и От Мифа., от языческого Олимпа, которым так восхищался бедняга Ницше (Честертон говорит в Фоме Аквинате, что «бедный Ницше» хотел распрямиться, а в результате разбился). В Теократии Платона правит Разум, как законы природы Творца-Интеллекта, и эта Теократия Платона самым прямым образом отрицает всю политическую реальность своего времени, как глубокую патологию. Раздору и праву силы «абсолютного» государства, где между насилием и людьми только Нормативное Право демократий, Платон противопоставляет Единство естественного права своей Теократии, где все равны перед Законом Разума, и все едины как единая церковь братства.

Е, Трубецкой, «Социальная утопия Платона»:

> «Для осуществления религиозной цели спасения необходим особый религиозный союз, не связанный мирскими задачами, отличный от государства и свободный от него. Такого союза языческая древность не знала. В результате получается то двойственное создание, которое Платон изобразил в своей «Политии»: государство с функциями церкви, языческий монастырь идеальных граждан, общество верующих во всеоружии светского меча. Прежде всего это — подготовительная ступень к блаженству — воспитательное учреждение, которое должно вести человека к его вечной цели спасения. В платоновском государстве спасение — не одна из многих задач, а та единая и единственная задача, которая определяет собою все его устройство и все направление его деятельности. Одна из любимых тем «Политии» — полемика против многоделания. Платон хочет, чтобы у всего государства, как и у каждого отдельного человека, было

только одно дело, одна всепоглощающая забота — о том едином, что есть на потребу. Это единое и единственное дело государства и гражданина есть справедливость, правда.

Правда в государстве и душе таким образом, — одно и то же. Гармоническое соотношение общественных сил, которое она устанавливает в государстве, совершенно соответствует той внутренней гармонии сил и способностей, которую она устрояет в душе: а потому справедливое государство совершенно подобно праведному человеку. Нормальное состояние души заключается в господстве высшей способности над низшими, то есть ума — над честолюбием и чувственными влечениями. Ум видим красоту, истину и благо, он распознает ту цель к которой надо стремится, ему и подобает вести душу к этой цели. Задача философского государства именно в том и заключается, чтобы осуществить этот нормальный душевный строй, совершить тот полный душевный поворот человека к Богу, о котором повествуется в знаменитом сравнении земной жизни с пещерой. Чтобы быть совершенно благим, государство должно быть мудрым, мужественным, воздержанным и справедливым.

Отсюда видно, что собственно светские задачи в платоновом государстве — на последнем плане: они здесь составляют не цель, а средство и допускаются лишь в пределах забот о хлебе насущном. Основная же задача заключается в полном духовном возрождении человека, в изменении всех его жизненных ценностей, в преобразовании всего его внутреннего мира.. Но вопрос о спасении души сплетается с вопросом о образах правления очень тесно. Чтобы порвать путы, задерживающие полет человеческой души в горние выси, нужно освободить ее от честолюбия и властолюбия, от стяжания, от вольницы разнузданных страстей, от тирании аффекта. Но все эти разнообразные пути неправды и соответствующие им человеческие типы, выражают собой внутреннее содержание существующих образов правления — тимократии, олигархии, демократии, тирании. Вот почему и царство правды в философии Платона стремится выразиться в особом образе правления.

Этой новой форме общежития предстоит заботится не столько о телах, сколько о душах. Неудивительно, что когда Платон говорит о ней, самый язык его предвосхищает позднейшие христианские и в особенности средневековые выражения: правители у него — пастыри, воины — сторожевые псы, охраняющие стадо (Платон озабочен тем, чтобы они не выродились в волков); наконец, прочие граждане — овцы. И совершенно также как впоследствии в средние века, на первом плане у Платона — единство стада. Начиная от Августина религиозно-политическая литература средних веков

видит в Единстве форму царствия Божьего, печать божественного в строе вселенной, в человеческой душе и в особенности в человеческом обществе. В действительности мы имеем здесь традицию идущую от Платона, быть может даже от пифагорейцев. Во всяком случае несомненно, что для Платона идея блага — начало единства всего мира идей, а идея вообще — единое во многом, то что сводит к единству разнообразие мира явлений, начало стройного порядка; раздвоение же проявление дурного материального начала, которое противится идее.

К своим гражданам Платон предъявлял те же требования какие впоследствии апостол Павел предъявлял к членам Церкви — тела Христова: «страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены». Сходство выражений тут не случайно. Платон ставит идеальному государству ту самую задачу, которая по праву принадлежит только церкви.

Но еще ценнее и значительней для нас положительный вывод философа: он понял, что в этой языческой жизни от начала до конца все — ложь, что правда не справа, не слева и не в центре, а сверху, НАД борьбой классов и партий, НАД существующими формами общежития, что жизнь личности и общества только тогда обретет свой смысл, когда она воссоздается согласно ее божественному первообразу. Гигантским усилием мысли он вознесся над землею и вспомнил небесную родину. В порыве вдохновения он увидел то, чего раньше в его вреде никому не было дано видеть — тот мир, тот мир где Бог есть все во всем, где нет ни борьбы, ни раздвоения, ни ненависти, ни страсти, ту всеобщую гармонию где хаосу навеки положен предел. Он понял, что истинное общежитие есть то, где люди едины в Боге, где все живут единой мыслью и единым чувством — в том совершенном дружестве, которое упраздняет различие моего и твоего. Даже гениальный его ученик, Аристотель, увидел в идеальном государстве только принудительный аппарат, который не достигает своей цели, не объединяет людей. Аристотель показал, что Единство в государстве Платона является призрачным, мнимым. Мыслитель-прозаик, Мыслитель-прозаик он не нашел и не понял в «Политии» самого главного — ее религиозного содержания, ее идеи, ее мистического настроения. Задача историка именно в том и заключается, чтобы отделить эту идею от затемняющего ее исторического покрова, распознать то вечное неумирающее содержание, которое в творениях Платона облеклось в смертную, античную форму. Смысл социальной утопии Платона — за пределами того древнего мира, для которого философ был «чуждым семенем», более того — за пределами его собственных философских построений. Смысл этих построе-

> ний не в том городе-государстве, который он наше, а в том вышнем городе, который он искал. Теперь нам ясен смысл утопии Платона. Это звезда, с которой путешествовал мудрейший из волхвов, приводит к яслям Спасителя».

Однако, Сократ был казнен «абсолютным» государством Греции, как до него был убит великий Пифагор. Греция, как все другие народы, показывала, что нет пророков в своем отечестве. Пифагор и Сократ погибли также как погиб Заратустра или Иисус. Но труды этих великих религиозных гениев не пропали даром: зороастризм питал Пифагора и корни иудаизма, Сократ стал Христом стоиков, а Иисус соединит в себе откровение греко-римской церкви и откровение иудаизма.

Теократия Платона, которая не смогла родиться в Греции, праздновала свое рождение в Римской Империи. Выше я намеренно пропустила философов-моралистов Римской империи, когда говорила о выдающихся сторонниках естественного права, чтобы сказать о них отдельно. Ведь очевидно теперь, что Римская Империя Антонинов (не вся конечно!) была Первым Великим примером Теократии Естественного Права. И как всякая Теократия она стояла на своих пророках — стоиках и последователях платонизма, о которых мы тоже узнаем из сочинения Ренана о веке Марка Аврелия. Еще больше о римских философах-моралистах второго века нашей эры нам рассказывает К. Марта в книге «Римские философы-моралисты 2 века нашей эры», где он дает развернутые характеристики жизни и учений таких ключевых мыслителей своего времени как Сенека, Дион Хризостом, Эпиктет, Персий, Маркс Аврелий, Ювенал, Плутарх, Лукиан. Конечно, мы должны добавить имена философов-моралистов 1-го века, века Августа — Вергилия и Горация, Тацита и Плиния, и тогда по крайней мере тот базис мыслителей, пророков, философов-моралистов, которые разрабатывали Этическую религию Римской империи, ее самые фундаментальные этические основы будет хотя бы очерчен.

Э. Ренан: «Марк Аврелий»:

«Еще со времен Адриана стоицизм успел провести в римское право свои широкие правила и сделал его правом естественным, философским, мыслимым по разуму для всех людей. Постоянный эдикт Сальвия Юлиана был первым полным выражением этого нового права, которому предстояло сделаться всемирным. Это было торжество греческой мысли над латинской. Жесткое право уступает дорогу справедливости; кротость берет верх над строгостью; правосудие кажется нераздельным с благотворительностью. Знаменитые юристы Антонина, Сальвий Валент, Ульций Марцелл, Иаволен, Волузий Мэциан продолжали это дело. Последний был учителем Марка Аврелия по правоведению, и справедливо будет сказать, что дело обоих святых императоров не может быть разделено. При них получила начало большая часть человечных и разумных законов, которые смягчили суровость древнего права и превратили законодательство, первоначально узкое и беспощадное, в кодекс, приемлемый всеми цивилизованными народами.

В древних обществах слабому оказывалось мало покровительства. Марк Аврелий сделался как бы опекуном всех, над кем не было опеки. Ребенку бедному, ребенку больному обеспечен был заботливый уход. Для ограждения сирот создалась претура, заведующая делами по опеке. Получили начало акты гражданского состояния и метрическая записи. Множество постановлений, направленных к водворению правосудия, распространили во всех органах правительства дух кротости и человечности. Повинности куриалов были уменьшены. Благодаря более правильному подвозу, голодовки стали в Италии невозможными. По юридической части, к царствованию Марка также относятся несколько полезнейших реформ. Надзор за общественной нравственностью, в особенности за банями для обоих полов, сделался строже.

Наибольшие благодеяния Антонин и Марк Аврелий оказали рабам. Некоторые наиболее чудовищные стороны рабства были смягчены. Допущена, возможность несправедливости владельца по отношению к рабу. Виды телесных наказаний определены законом. Убить раба становится преступлением. Чрезмерно жестокое обращение признается проступком, обязывающим владельца продать несчастного, которого он истязал. Наконец, раб появляется в судебных учреждениях, становится личностью, членом общества. Он владеет своим достоянием; иметь семью; нельзя продавать отдельно мужа, жену и детей. Применение пытки ограничено. За некоторыми изъятиями, владелец не может продавать своих рабов для боя с дикими зверями в амфитеатрах. Рабыня, проданная под условием ne prostituatur, ограждена от дома терпимости. Установлен так называемый favor libertatis;

в случай сомнения, принимается толковать, наиболее благоприятствующее свободе. Постановляются приговоры по человечеству, вопреки строгости закона, часто даже наперекор букв завещания. По существу, начиная с Антонина, юрисконсульты, проникнутые учением стоиков, считают рабство нарушением естественного права и изыскивают лазейки для его ограничения. Отпуск на волю поощряется всячески. Марк Аврелий идет дальше и в известных пределах признает за рабами право на имущество владельца. Если никто не является за получением наследства завещателя, рабы могут требовать укрепления имущества за ними, причем для них безразлично, совершится ли закрепление на имя одного или нескольких. Отпущенник также огражден строгими законами от рабства, которое тысячами способов стремилось вновь овладеть им.

Сын, жена, малолетний сделались предметом законодательства разумного и человечного. Сын остался обязанным отцу, но перестал быть его вещью. Ненавистнейшие излишества, которые старинное римское право считало естественным предоставлять родительской власти, были отменены или ограничены. На отца возложены были по отношению к детям обязанности, за исполнение коих он ничего не мог требовать. Сын, со своей стороны, обязан был пропитателем родителей, соответственно своим средствам.

Законы об опеке и опекунах были до тех пор очень неполны. Марк Аврелий сделал их образцом правительственной предусмотрительности. По прежнему праву мать почти не принадлежала к семье мужа и детей. Сенатские постановления 158 и 178 года (le senatus-consulte tertullien le senatus-consulte orpbitien) установили право наследования матери по ребенку и ребенка после матери. Чувства и естественное право берут верх. Превосходные законы о банках, о торговле рабами, о доносчиках и клеветниках положили конец множеству злоупотреблений. Фиск всегда был суров, требователен. Теперь постановлено было, чтобы в случаях сомнительных дело решалось против фиска. Налоги, сбор которых озлоблял население, были отменены. Длительность тяжбы уменьшена. Уголовное право стало мене жестоко, и обвиняемому были дарованы драгоценные гарантии; кроме того, сам Марк Аврелий обыкновенно смягчал наказания. Были предусмотрены случаи помешательства. Основной принцип стоиков что вина в воле, а не в факте, сделался душою права.

Таким образом, окончательно сложилось чудесное целое, названное римским правом, тоже своего рода откровение, честь коего, по неведению, присваивается компиляторам Юстиниана; но которое, в действительности, было делом великих императоров II века, превосходно разъясненным и продолженным выдающимися юри-

> стами III века. Римскому праву предстояло торжество менее шумное, нежели христианству, но в известном смысла более прочное. Вытесненное сначала варварством, оно воскреснет к концу средних веков, станет законом возрождающегося мира и при небольших изменениях сделается законом новейших народов. Этим-то путем великая школа стоиков, попытавшаяся во II веке преобразовать мир и испытавшая, как казалось, полную неудачу, в действительности одержала полную победу. Собранные классическими юристами времен Северов, искаженные и измененные Трибонианом, тексты сохранились и стали впоследствии законом всего мира. А эти тексты — дело выдающихся законников, которые собрались вокруг Адриана, Антонина и Марка Аврелия и окончательно ввели право в философский его период. Эта работа продолжалась при сирийских императорах; страшный политический упадок III века не остановил медленного и могучего роста этого величественного здания»

Здесь важно отметить, что начиная с Империи Августа, Рим уже не был «только Языческим», каковыми оставались до конца абсолютные государства Греции. В этом смысле и Цезарь и его сын Август очень много сделали для становления Теократии Естественного права в Риме. И если Цезарь не успел сделать того, что впоследствии с таким блеском воплотил Август, то только потому что был преждевременно убит. Достаточно вспомнить какую громадную роль в сознании римлян играли понятия Auctoritas и Potestas, как разделение научного контроля и физического контроля, и какую ставку сделал Август на первое в противовес второму, чтобы оценить его вклад в становление Теокартии Естественного права. Обычно римскому Аукторитас дают размытые определения, освещенного традицией, богами или личным авторитетом человека власти. Однако, если мы проследим эволюцию римского язычества к этому времени к высшей этической религии, какой был платонизм, развиваемый стоиками, то мы увидим, что уже тогда «освещенное богами» означало куда больше естественное право научного контроля нежели глупые и порочные сказки язычества. Очень хорошо это прослеживается в трудах Тацита и его друга Плиния Младшего, особенно в «Панегирике Траяну», где четко показано, что освещенное

богами — это только то, что разумно и основано на добродетели совести и справедливости.

Гений Августа в том, что он не стал Сарданапалом магии-Левиафана (подобно всем последующим Императорам Зла), а сделал все, что было в его силах, чтобы поставить в основу государства Естественное Право под которым тогда понимали современную этическую религию и философию, как мы можем видеть из прекрасных сочинений друзей Августа — Вергилия и Горация. Это в век Августа такой толчок получили науки и такими темпами стало развиваться римское право, это в век Августа Вергилий и Гораций, Тит Ливий и другие великие историки и сатирики положили основание этической религии и Теократии Рима. Век Великих Антонинов завершил и усовершенствовал этот импульс, явив миру впервые в такой громадной и величественной форме Теократию естественного Права, как мы знаем Век Антонинов от Нервы до Марка Аврелия: Нерва, Траян, Адриан, Антонин Пий, Марк Аврелий. Ренан пишет, что Антонины явили миру «Государство» Платона, и что благородное здоровое ядро римской аристократии, знакомое нам по Тациту и Плинию, получило в этой империи доступ к власти. Действительно сбывался психологизм Платона: пришедшие к власти лучшие и мудрейшие породили лучшее и мудрейшее государство известное к тому времени.

Э. Ренан, «Марк Аврелий»:

> «Во славе наилучшего из государей Антонин не имел бы соперника, если бы не назначил своим преемником человека равного ему по доброте и скромности, но сверх того одаренного блеском, талантом, прелестью, которые дают образу жизнь в памяти человечества. Простой, приветливый, одушевленный кроткой веселостью, Антонин был философом, не упоминая об этом, почти этого не сознавая. Марк Аврелий, при изумительнейшей естественности и чистосердечии, был философом рассудочным. Наиболее прекрасный мысли не излагаются письменно; но прибавим, что мы бы не знали Антонина, если бы Марк Аврелий нам не передал чудного портрета своего приемного отца, в котором, по чувству смирения, он постарался изобразить человека еще лучшего, нежели он сам. Антонина можно уподобить Христу, который бы не имел Евангелия; Марк Аврелий как бы Христос, который сам написал свое.

К чести государей относится, что мы в их рядах находим два образца безупречнейшей добродетели, и что возвышенные примеры терпения и самоотречения представляются нам средой, которую люди склонны считать подверженной всем соблазнам наслаждения и тщеславия. Престол иногда помогает добродетели, и нет сомнения, что Марк Аврелий стал тем, чем он был, только потому, что обладал верховною властью. Есть способности, которые приводятся в действие только в этом исключительном положении, и такие стороны действительности, с которыми оно лучше знакомит. Таковы были во главе величайшей империи, когда-либо существовавшей, эти два превосходные государя, Антонин благочести-вый и Марк Аврелий. Спасительный принцип усыновления сделал императорский двор, во II веке истинным рассадником добродетели. Установив этот принцип, благородный и умный Нерва обеспечил счастье человеческого рода почти на сто лет и дал миру прекраснейший век общественного роста, о каком сохранилась память.

В первой книге своих «Дум», Марк Аврелий сам начертал нам картину той чудной среды, где как бы в небесном сиянии движутся благородные и чистые образы его отца, матери, деда, наставников. Благодаря ему, мы имеем возможность понять, сколько в старинных римских фамилиях, которые видели царствование дурных императоров, сохранялось еще честности, достоинства, прямоты, гражданского и, смею сказать, республиканского духа. Там чтили память Катона, Брута, Тразея и великих стоиков, душа которых не преклонилась перед тиранией. Царствование Домициана там ненавидели. Мудрецы, перенесшие его без унижения, почитались героями. Воцарение Антонинов было лишь призванием к власти того общества, чье праведное негодование нам изобразил Тацит, общество мудрых, сплотившегося путем союза всех, кого возмущал деспотизм первых цезарей.

Ни суетная роскошь восточных царств, основанных на низости и глупости людей, ни педантическая гордыня средневековых владычеств, воздвигнутых на преувеличенном уважении к наследственности и наивной вере германских племен в права крови, не могут дать нам понятая о чисто республиканском владычестве Нервы, Траяна, Адриана, Антонина и Марка Аврелия. Никакого сходства с государем наследственным или Божьего милостью, ни с военачальником; это была как бы высокая гражданская должность, без чего-либо похожего на двор и без всяких признаков, которые бы лишали императора значения частного лица. Марк Аврелий в особенности не был ни в какой степени государем в прямом смысле этого слова. Он владел состоянием громадным, но вполне родовым; его отвращение к «Це-

> зарям», которых он считал своего рода Сарданапалами, роскошными, развратными и жестокими, выражается беспрестанно. В жизненном обиходе он был вежлив до крайности; сенату он возвратил все его прежнее значение; когда он был в Риме, он никогда не пропускал ни одного заседания, и не покидал своего места, пока консул не произносил формулы: Nihil vos moramur, Paters conseripti.
> Никогда еще до тех пор задача осчастливления человечества не преследовалась с такой последовательности и настойчивостью. Идеал Платона осуществился: миром стали управлять философы. Все, что в великой душе Сенеки существовало в виде красивой фразы, становилось действительностью. Подвергавшаяся в течение двухсот лет насмешкам грубых римлян, греческая философия побеждает их силой терпения. Уже при Антонине были философы привилегированные, получавшие пенни, пользовавшиеся, до известной степени значением должностных лиц. Теперь, император буквально окружен ими. Бывшие его наставники сделались его министрами, государственными людьми. Он расточает им почести, воздвигает им статуи, помещает их изображения в ряду своих домашних богов и в годовщины их смерти приносит жертвы на их гробницах, которые содержит постоянно украшенные цветами. Консульство, составлявшее до тех пор принадлежность римской аристократии, заполонили риторы и философы. Ирод Аттик, Фронтон, Юний Рустик, Клавдий Север, Прокул в разное время становятся консулами или проконсулами. Питая особенно нежную привязанность к Рустику, Марк Аврелий дважды назначал его консулом и всегда целовал его ранее лобызания с префектом претория. Важные обязанности римского префекта в продолжение многих лет неизменно оставались в его руках».

Гибель Цезаря — такая же трагедия, как казнь Сократа или Заратустры, как гибель его товарищей и убийц — Цицерона, Катона, Брута, Кассия. Это был период когда Наука и естественное право дали только первые зачатки знания, когда этические религии еще соревновались с языческими (до сих пор соревнуются при полной победе последних!), и когда еще никто не знал, какая альтернатива может быть двум известным типам государства: греческому полису с одной стороны и магии-Левиафану востока с другой стороны. Убийцы Цезаря все сами погибли, Брут и Катон покончили с собой. И в данном случае нельзя сказать, кто был жертвой, а кто палачом, потому

что все они, и Цезарь и его убийцы одинаково сражались за цивилизованное государство с верховенством закона. Убийцы Цезаря видели все еще идеалом республиканский Рим, хотя кризис республики, с ужасными кровопролитными гражданскими войнами, с продажными трибунами и сенаторами, с многочисленными убийствами и тех и других наглядно показал, что и Рим заболел болезнью греческих городов-государств: всеобщими междоусобиями и распадом, и что возврата к республике больше нет и быть не может. Убийцы Цезаря этого не понимали, но Цезарь очень хорошо это понимал. И тогда когда он начал строить свою большую дорогу к Теократии Естественного Права в Риме (смотрите книги Моммзена и Утченко о Цезаре), его действия были расценены как попытки построить личный трон магии-Левиафана на восточный лад. Действительно, его роман с Клеопатрой много этому содействовал, но если Антоний впоследствии и сломался на этом пути, с великим Цезарем не могло произойти ничего подобного. Он наверняка справился бы с задачей, которую так блестяще провел за него его приемный сын и наследник Август: построил бы первую в мире великую теократию естественного права. Вот почему в этой трагедии — убийстве Цезаря — нет правых и виноватых — а есть только мученики своего времени с обеих сторон, и вот почему со временем именно как на мученика будут смотреть на Цезаря, вовсе не как на узурпатора власти.

Подобно тому, как первые откровения Осевого времени были ограниченным знанием, неизбежно еще смешанным с мифологическим языком, рациональной философией все еще далекой от строгости научной системы, так и первые теократии были очень ограниченными политическими построениями, колебания которых достигали такой амплитуды, что каждый раз грозили уничтожить все хрупкое здание. Это видно и на примере первых теократий Израиля, Персии, и на примере этих первых теократий Римской Империи. Знания были все еще столь ограничены, что никакого научного контроля, как системы в основе государства не могло быть и в помине. В резуль-

тате все зависело от личности очередного императора. Когда в период адоптивной империи Антонинов усвоен был принцип передачи власти лучшему — все шло хорошо, и целых пять великих императоров наследовали друг другу. Однако, как только Марк Аврелий передал власть своему сыну, Коммоду, возможности колебаний Первой Теократии между империями добра и империями зла были исчерпаны. С Коммодом начинался устойчивый и неуклонный упадок империи. Ведь в этих несовершенных теократиях естественного права, где вместо научного контроля и должной системы образования, преобладали только зачатки этических религии и философии моралистов, все зависело от личности императора, который приходил к власти. Если приходил платоновский мудрец, подобный Августу, Веспасиану и Титу, даже Клавдию частично, Нерве, Траяну, Андриану, Антонину Пию, Марку Аврелию — Империя приобретала вид той благословенной теократии, описанной в «Панегирике Траяну» Плиния, где Этическая религия, как поклонение естественному праву этики, — справедливости, совестливости, сочувствию, честности, отваге — ставилось во главе угла, и император послушно служил обществу, как какой-нибудь святой отец церкви будущего христианства, жертвуя собой, и противопоставляя дружбу и справедливость надменности и грабежу граждан. Однако, стоило прийти к власти Тиберию, Нерону, Калигуле, Домициану, Коммоду, Каракалле, Гелиогабалу, как все переворачивалось с ног на голову: больше не было теократии естественного права, ей на смену приходили магии-Левиафаны, с самообожествлением императора, с чудовищными злоупотреблениями законом, с произволом, развратом, казнями и грабежами граждан.

Вот почему, совершенно несправедливо называть всех этих людей — императоров зла и императоров добра — цезарями, и говорить о «цезаризме», как о болезни Левиафанов императоров Зла. Правильнее было бы, называть последних «Неронами», а императоров Добра — «антонинами», чтобы избежать чудовищной путаницы.

Сейчас же мне бы хотелось заострить ваше внимание на следующем факте: Ренан отмечает также, что Римская Империя именно после Марка Аврелия становится уже в умах всех последующих поколений Теократией Естественного права в полном смысле этого слова.

Э. Ренан, «Марк Аврелий»:

> «Его тело перевезли в Рим и похоронили в мавзолее Адриана. Привязанность народа к нему выразилась трогательнейшим образом. Его так любили, что никогда не называли его полным именем или титулами, а смотря по возрасту говорили: «Марк, отец мой, Марк, брат мой, Марк, сын мой». В день его погребения почти не было пролито слез, так все были уверены, что он возвратился к богам, которые только на короткое время отпустили его на землю. Во время самой церемонии погребения его с беспримерным общим порывом провозгласили «богом благоприятствующим». Обтьявили святотатцем каждого, кто, при достаточных средствах, не поместит в своем доме его изображения. И этот культ не уподобился стольким другим мимолетным апофеозам. Еще сто лет спустя статуя Марка Антонина виднелась во множестве божниц, в ряду богов-пенатов. Император Доиклетиан воздавал ему особенное поклонение. Имя Антонина стало отныне свято и сделалось, подобно именам Цезаря и Августа, как бы принадлежностью верховной власти, признаком человеческого и гражданского главенства. Numen Antoninum стал как бы споспешествующим светилом той империй, коей великолепная программа осталась для последующего века упреком, надеждой и сожалением. Даже души настолько непоэтические, как душа Септимия Севера, мечтали о ней, как об утраченном благе. Даже Константин преклонился перед этим благим божеством, и пожелал, чтобы золотая статуя Антонинов поставлена была в ряду предков и охранителей его власти, основанной, однако, под совершенно иным покровительством.
> Никогда культ не был более законным, — и он остается нашим до сих пор. Да, все мы, сколько нас ни есть, мы носим в сердце траур по Марку Аврелию, как если бы он умер только вчера. С ним властвовала философия. Благодаря ему, мир, хотя минуту, находился под управлением лучшего и величайшего человека своего века. Важно, что этот опыт был сделан. Повторится ли он еще раз? Будет ли новейшая философия властвовать в свой черед, как властвовала философия античная? Будет ли у нее свой Марк Аврелий, окруженный Фронтонами и Юниями Рустикани? Управление чело-

> веческими делами перейдет ли еще раз в руки мудрейших? Верно то, что человек, призванный управлять себе нодобными, всегда должен будет изучать чудный образец, данный нам Римом в лучшие его дни. Если правда, что его можно превзойти в некоторых частях науки управления, которые выяснились лишь в новейшее время, то сын Анния Вера останется навсегда неподражаемым по силе своей души, по самоотречению, по идеальному благородству и совершенству своей доброты. День смерти Марка Аврелия может быть назван предельной гранью, когда решена была гибель античной цивилизации».

Зачем такой обстоятельный анализ происхождения государства и права в книге об Убийстве принцессы Дианы, спросит читатель? Затем, чтобы в последующих главах показать, что современные государства вернулись, как говорит Тойнби к языческим абсолютным греческим государствам, что утвердила ложная дарвиновская парадигма. И что это в конечном итоге привело к страшной реакции всей цивилизации, к регрессу к магиям-Левиафанам, только еще умноженным на возможности современной техники, сосредоточенной в руках Зла. Не Марки Аврелии и не Теократии Естественного Права сегодня правят миром, а магии-Левиафаны Неронов и Тибериев. И когда Тойнби говорит о «призраке Римской империи» и о Левиафанах, порожденных им, он имеет ввиду Рим Тибериев и Неронов, но не Рим Антонинов.

А. Тойнби, «Постижение истории»:

> «Если в определенном смысле секулярная цивилизация современного западного мира представляет собой эманацию духа империи Фридриха II Гогенштауфена, то что же являлось источником той демонической силы, благодаря которой неудачливый строитель империи, потерпевший поражение при жизни, одержал столь выдающуюся посмертную победу? Загадка будет разгадана, если мы вспомним о причине, побудившей императора Фридриха II увлечься архиамбициозными династическими целями, в чем он намного превзошел Фридриха I. Целью династии Гогенштауфенов было возрождение духа Римской империи в западном христианстве, подобно тому как она была возрождена в православном христианстве гением Льва Исаврийца. Чудовищное рождение современной западной секулярной цивилизации из утробы средневекового западного христианского мира ста-

ло возможным благодаря ошибкам и грехам средневековой западной церкви, практически воплотившись через ренессанс эллинского института «абсолютного» государства, в котором религия стала одним из ведомств политики. В западном христианстве ренессанс эллинистического политического абсолютизма был достигнут не без посторонней помощи. Собственно западная попытка Карла Великого возродить Римскую империю потерпела неудачу, тогда как смелая попытка Фридриха II Гогенштауфена повторить инициативу Карла Великого явилась посмертной победой. Возрождение мертвой цивилизации порождает «регресс» живой высшей религии, и, чем дальше заходит этот процесс, тем интенсивнее происходит скольжение назад.

Ранняя глава в истории христианства была зловещим провозвестником духовных перспектив западного общества XX в., ибо поклонение Левиафану, которому ранняя христианская церковь нанесла решительное поражение, охватило в конце концов как восточное православие, так и западное христианство. В православно-христианском мире призрак Римской империи успешно процветал до VIII в. н.э.; затем, пережив катастрофу, постигшую православное христианство в X в., он вновь напомнил о себе установлением христианства в России. В западном мире за падением австразийской машины Карла Великого, в чем-то сопоставимой с достижением Льва Исаврийца, в конце концов последовало появление тоталитарного типа государства, сочетающего в себе западный гений организации и механизации с дьявольской способностью порабощения душ, способностью, которой могли позавидовать тираны всех времен и народов».

ГЛАВА 4. КРУШЕНИЕ РАЦИОНАЛИЗМ В 19 ВЕКЕ И ДЕМОКРАТИИ-ТИРАНИИ НОРМАТИВНОГО ПРАВА

1. Римское Папство — Вторая Великая Теократия Естественного права. И его падение.
2. Языческое Греческое Государство. Демократии –Тирании и Гибрис-Эго
3. Тиранический человек Платона как Сатан-Эго

1. РИМСКОЕ ПАПСТВО — ВТОРАЯ ВЕЛИКАЯ ТЕОКРАТИЯ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА. И ЕГО ПАДЕНИЕ

Вот в этой выдержке из интернета о письме Папы Римского Геласия Первого в 5 веке византийскому императору Анастасию Первому сообщается о словах папы, ставших пророческими для всего последовавшего становления католической церкви как Духовного меча строго разделившего власть в западном мире на духовную и королевскую (государственную). Мы можем видеть, что папа прямо отсылает к римским понятиям разделения научного и физического контролей — Auctoritas и Potestas. Эти понятия отныне лягут в основу теории двух мечей средневекового мира, предводительствуемого католической церковью: духовного и железного мечей.

«Теория двух мечей опиралась на учение папы Римского Геласия I (492–496 гг.) „о двух властях“ — священной власти духовенства и мирской власти государей. В период акакианской схизмы (484–519 гг.) папа Геласий I в послании к византийскому императору Анастасию I (491–518 гг.) охарактеризовал власть

церкви (лат. auctoritas sacra pontificum) и власть империи (regalis potestas), которые правят миром в обоюдной взаимосвязи, при этом священники имеют больший вес, поскольку на Страшном Суде они должны будут держать ответ и за королей, в то время как за правителями признаётся высшее достоинство (dignitas) среди людей».

В «Постижении истории» Тойнби мы находим краткую характеристику становления и падения Католической Церкви как Духовного меча западного средневекового мира. Мы видим, что Тойнби также сравнивает Католическую Церковь с Империей Антонинов, и что он также подчеркивает, что успех церкви, который превзошел даже успех Антонинов в завоевании сердец граждан, заключался в разделении духовного и военного управления, которого еще не знал Рим. Действительно, вклад христиан в уже сложившуюся к их приходу Теократию Естественного права состоял прежде всего в разделении церкви и государства, как следует из всей евангельской проповеди Христа.

И своим падением, церковь также была обязана тому, что забыла со временем об этом разделении научного и физического контролей, и стала вполне себе государством военного управления. Как пишет об этом крушении Власти Церкви Мережковский — роковой процесс превращения пап в кесарей на западе, и кесарей в патриархов на востоке, который уничтожил церковь как духовный институт в обеих частях света. Так что вновь торжествовало свою победу «языческое греческое государство», то есть «демократии-тирании» Нормативного права.

А. Тойнби, «Постижение истории»:

> «Таким образом, за восемь столетий колесо судьбы совершило полный оборот, сначала возвысив папство из глубокого унижения, а затем вновь низведя его. Произошло это не из-за нападения внешних врагов на Рим, а вследствие внутренних духовных изменений. Когда в последней четверти XI в. на папский престол сел тосканец Гильдебранд, положение Рима было весьма жалким. Однако Гильдебранд и его преемники сумели создать мощный институт западного христианства. Благодаря им папский Рим сохранил империю, которая более, чем империя Антонинов, преуспела в завоевании человече-

ских сердец и которая территориально расширилась до таких пределов, куда не ступали легионы ни Августа, ни Марка Аврелия. Владения ее были обширнее владений Карла Великого. Средневековое папство унаследовало от понтификата Григория Великого духовную власть над Англией, установленную там за два века до появления Карла Великого, и продолжало распространяться в Скандинавии, Польше и Венгрии в течение двух веков после смерти Карла. Успех папских завоеваний частично определялся самим духом христианства, учившим доверию и любви, а не вражде и ненависти. Папство опиралось на сочетание церковного централизма и единообразия с политическим многообразием и преемственностью; но поскольку кардинальным пунктом в его установлениях было безусловное преобладание духовной власти над светской, в этом сочетании преобладало единство, оставлявшее в то же время широкую свободу и для разнообразия, дававшего свободу и гибкость как неотъемлемые условия роста. Социальное единство западного христианства, вытекавшее из духовного авторитета папы, гарантировало политическую независимость любому локальному обществу, которое признавало папскую власть, — бремя, бывшее в XI в. еще апостольски легким.

Причина, по которой большинство тогдашних государей и городов-государств легко принимали гегемонию папства, состояла в том, что Святой Престол той эпохи никак не участвовал в соперничестве за территориальное господство, настаивая лишь на вселенской духовной власти. Отсутствие территориальных претензий у папской теократии, когда та находилась в своем зените, сочеталось с энергичным и предприимчивым административным даром, доставшимся папскому Риму в наследство от Византии. Если в православном христианстве дар этот использовался для насильственного наполнения им возрожденного призрака Римской империи, то римские зодчие *Respublica Christiana* направили свое административное искусство на создание более легкой структуры по новому плану и на более широких основаниях.

Однако главная причина успеха Святого Престола в деле создания христианской республики под эгидой папы заключалась в сознательном принятии на себя морального долга. Гильдебрандово папство придало ясный смысл скрытым надеждам христиан и превратило мечтания ищущих людей в сознательное дело, вдохновляемое и поддерживаемое высшими ценностями и духовной властью.

Падение гильдебрандова папства столь же необычно, как и его взлет. Все его добродетели будто обратились в свои противоположности. Воздушно легкий институт, казалось уже выигравши битву за духовную свободу против грубой материи, вдруг сказался зара-

женным тем самым злом, которое он усердно изгонял из социальной системы западного христианства. Римская курия, некогда шедшая во главе нравственного и интеллектуального прогресса, бывшая оплотом не только для монастырей, но и для университетов, оказалась зажатой в тиски глубокого духовного консерватизма. Сама ее власть становилась все более мирской. Был ли когда другой институт, который дал бы столько поводов врагам Господа для богохульства? (3 Царств 12, 14). Падение гильдебрандова папства представляет один из ярчайших примеров смены ролей. Как это случилось и почему? Как это случилось, можно понять из биографии самого Гильдебранда в ее, так сказать, первой редакции. Творческий дух римской церкви к XI в. был направлен на спасение западного мира от феодальной анархии с помощью христианской республики. В борьбе против насилия единственным победоносным оружием был духовный меч. В 1076 г. слова папы произвели на сердца трансальпийских подданных императора столь сильное впечатление, что через несколько месяцев Генрих IV вынужден был явиться в Каноссу. Однако были и другие случаи, когда военная мощь готова была противопоставить себя духовному мечу. Именно в этих ситуациях римской воинствующей церкви был брошен вызов: может ли воитель Господа прибегнуть к иному оружию, если сила слова оказывается недостаточной? Должен ли он сражаться за Бога против Дьявола, используя оружие противника? В тот момент, когда Гильдебранд сделал первый шаг на пути к папскому престолу, нравственная сторона его поступка казалась недостаточно определенной. Но через сорок лет, в 1085 г., когда он. будучи папой, умирал в ссылке в Салерно, все стало на свои места. Престол его был сожжен и разграблен норманнами, которых он сам и призвал на помощь в войне, начатой у алтаря Св. Петра и распространившейся по всей Европе Выбрав силу для борьбы с силой, Гильдебранд направил церковь против Мира, Плоти и Дьявола во имя Града Божия, который он хотел создать на Земле.

Когда папство поддалось соблазну физического насилия, тогда и остальные папские добродетели быстро превратились в пороки; ибо замена духовного меча на материальный есть главная и роковая перемена, а все другие — лишь ее следствия. Система папского налогообложения теперь сосредоточилась на регулярном пополнении папской казны, оплачивающей непрерывные войны между папством и империей. Папство не устояло и в Авиньоне перед сильными мира сего... Когда же силы папства истощились в смертельном конфликте со Священной Римской империей, оно оказалось в зависимости от местных правителей в их средневековых доспехах. Единственная

> компенсация, которую папство получило от осквернителей, — это небольшая территория, ранее отобранная ими у папы. Теперь, когда власть папы ограничилась только этой скромной территорией, начался непоправимый отлив верующих: и сознание этого отлива послужило причиной того консерватизма, в который папство впало после Реформации.
>
> Деятели церкви, одни — предавшие заветы церкви, другие — свято следовавшие им, далеко отступили от канонических идеалов писания. Христианская церковь, например, открыла себя для обвинений в том, что она присвоила священство и фарисейство иудеев, политеизм и идолопоклонство греков, ростовщичество римлян. Можно, пожалуй, сказать, что в результате получилось нечто прямо противоположное тому первоначальному облику церкви, которая рассматривала Бога как «дух истины» (Иоанн 4, 24), где социальный раскол между классами и государствами уравновешивался единением сердец в царстве Любви («где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» (Кол. 3, 11). Махаяна и индуизм, как это представляется автору настоящих строк, уязвимы для критики в не меньшей степени. А об исламе можно с большим сожалением сказать, что уже сам его Основатель предал собственные идеалы, став правителем агрессивного государства».

В ниже приведенном отрывке из произведения Е. Трубецкого «Учение Августина Блаженного о Граде Божьем» мы видим, что Трубецкой также подчеркивает преемственность католической церкви как Теократии Естественного права у традиции Римской империи: он делает упор на учение Цицерона (учителя Августина) о естественном праве, а также на работах знаменитых римских юристов, положенные в основу учения о естественном праве.

Е. Трубецкой «Учение Блаженного Августина о граде Божьем»:

> «Подобно идеальному государству Платона, Град Божий, хочет быть царством сверхчувственной идеи. До сих пор сколько мне известно, никто из современных исследователей не обращал внимания на тесное сродство между мировоззрением Августина и учением римских юристов и Цицерона о «естественном праве» (jus naturale). Между тем, при некотором знакомстве с философскими

воззрениями римских юристов, сходство это бросается в глаза..Под естественным правом здесь разумеется неизменный строй вселенной, единый порядок, определяющий взаимные отношения живых существ между собой. Как Августин различает вечный и неизменный мир, так и римский юрист Марциан различает естественное право, как вечную, незыблемую правду божию, от человеческих законодательств, неустойчивых и подверженных беспрестанным переворотам. «Институты естественного права, которые хранятся одинаково у всех народов, установленные некоторым божественным Провидением, всегда пребывают тверды и неизменны; те же, которые каждое государство установило само для себя, имеют обыкновение часто меняться либо в силу молчаливого согласия народа, либо посредством другого закона, изданного после. Как Августин в понятиях мира смешивает правовой и нравственный идеал, так же точно и римские юристы смешивают то и другое в идее естественного права. «То, что всегда хорошо и справедливо, говорит юрист Павел, «называется правом, какого и есть естественное право». Именно этот идеал справедливости и правды по учению Августина достигается в спокойствии вечного порядка, вечного мира Божия, где воздается каждому должное. Как для Августина Божеский мир, так точно и для римских юристов естественное право есть универсальный порядок, в отличие от различных положительных законодательств, которые носят на себе печать местных и национальных особенностей. «Ибо, — говорит Ульпиан, — при господстве естественного права все люди рождаются свободными». Для Августина, как и для римских юристов, раздробление единого рода человеческого на враждующие между собой царства, войны и рабство суть проявления извращенной человеческой природы. И если с точки зрения римских юристов все эти институты действующего права суть результат некоторого рода отпадения от нормального, естественного состояния, то Августин видит в них следствия грехопадения. Насколько это слияние римского идеала всемирного права с идеей всемирной божественной правды было подготовлено и предвосхищено уже в произведениях самих языческих римских мыслителей, читатель может видеть из следующих слов Цицерона: «Истинный закон есть правый разум, согласный с природой, незыблемый, вечный; он призывает к исполнению обязанностей, повелевая, и запрещая устрашает от обмана. Однако добрым он не напрасно повелевает и запрещает, злых же не подвигает к делу повелениями и запрещениями. Этот закон не может быть изменен или заменен в какой-либо части, либо в целом своем составе. Ни сенат, ни народ не может освободить нас от этого

> закона. И не нужно искать для него какого либо иного объяснителя или толкователя. И закон этот не будет иным в Риме, иным в Афинах, иным теперь, иным после, но один и тот же вечный и неизменный закон будет обнимать собой все народы во все времена, и будет единый и общий всем как бы учитель и повелитель — Бог, изобретатель, судья и установитель этого закона. Кто ему не подчинился тот отвергается самого себя и призрев человеческую природу, в силу этого самого понесет величайшие наказания, даже в том случае, если он избежит других мучений, которые считаются таковыми». Так выражается Цицерон в учении, которого римский юридический идеал воспринимает в себя элементы стоической философии. Из позднейших римских стоиков, Сенека в выражениях чрезвычайно напоминающих Августина, говорил о противоположности Божеского и человеческого царств. Марк Аврелий, выражая ту же мысль, возвещает, что «человек есть гражданин высшего города, по отношению к которому остальные города суть как бы отдельные дома». В идее всемирного естественного права римские стоики сходятся с римскими юристами коих философские воззрения, несомненно, носят на себе печать стоического влияния»

Действительно, также и Д. Мережковский в труде о Святом Августине, а позже и Г. Честертон в труде о Святом Фоме Аквинском, писали о том, что эти «святые интеллигенты» понимали службу Господу, как службу разуму, как открытий законов природы, то есть как становление естественного права. И Мережковский и Честертон много писали о Крушении рационализма в 19 веке. Мережковский назвал феномен «Грядущим Хамом», а Честертон подобно Камю говорит о «безумии» современной философии, и противопоставляет ей классическую метафизику интеллекта, философию рационализма Фомы Аквината.

Д. С. Мережковский, «Павел и Августин»:

> «Странно! — удивляется Августин, уже святой или «святеющий», в письме к другу своей языческой юности, — странно! даже в минуты самой пламенной веры я не могу не рассуждать».
> В этом глубочайшем признании — он весь — первый «Св. Интеллигент»; первый, и уже крайний «интеллигент» — св. Августин, а второй, еще более крайний, — св. Фома Аквинский.
> «Я очень устал… Боже мой, единственная надежда моя, услышь ме-

ня, не дай мне изнемочь, в поисках моих, от усталости и отчаяния... дай силу искать Тебя до конца. Ты один видишь силу и немощь мою; исцели немощь, укрепи силу. Ты один видишь знание мое и неведение. Я стучусь, — отвори... Дай мне знать Тебя и любить». Вот вечная молитва всех мучеников мысли, «святых Интеллигентов», от Августина до Паскаля»

Г. Честертон, «Фома Аквинат»:

«Наши современники приняли без доказательств, что всякий шаг к свободе уводит от веры к безбожию, и начисто забыли одну очень важную черту веры.
Невозможно больше скрывать, что святой Фома Аквинат был одним из великих освободителей разума. Сектанты XVI и XVII веков — редкостные мракобесы — лелеяли легенду о мракобесии Фомы. В XIX веке это еще сходило, в XX не сойдет. Тут дело не в теологии, дело в исторической правде, которая стала понемногу проявляться по мере того, как стихают старые распри. Святой Фома — тот великий человек, который примирил веру с разумом, с опытом, с науками; он учил, что чувства — окна души, что разуму дано божественное право питаться фактами; что только религии по зубам твердая пища труднейшей и самой здравой из языческих философий. Именно он боролся за просвещение и свободу яростней, чем все его соперники и даже последователи. Если мы честно признаем, к чему привела Реформация, нам придется признать, что Аквинат и был реформатором ...С тех пор как в XVI веке начался нынешний мир, ни одна философская система не соответствовала общему чувству реальности — тому, что здравые люди, если их не трогать, назвали бы здравым смыслом. Каждая начинает с парадокса: каждая требует, чтобы для начала отказались от того, что кажется здравым. Это единственная общая черта Гоббса и Гегеля, Канта и Бергсона, Беркли и Джеймса. Мы должны принять на веру что-нибудь такое, во что не поверил бы ни один нормальный человек: что закон выше права, или что право не зависит от разума, или что все существует лишь в сознании, или что все относительно по отношению к реальности, которой, впрочем, нет. Философ обещает, что, если мы уступим ему в одном, все остальное пойдет само собой. Он обещает выправить мир, если мы разрешим свихнуть нам разум. ....Поэтому он спокойно, даже кротко пишет такие фразы: «Метод святого Фомы можно в определенной мере сопоставить с методом Гегеля. Однако есть и существенное различие. Для святого Фомы противоположности не едины; кроме того, хотя действительность постижима, нечто должно сперва быть, дабы мы его постигли». Простим рядового человека, если он прибавит, что суще-

> ственное различие в том, что Фома здоров, а Гегель — безумен....Мы начинаем наконец догадываться, что если XVIII век считал себя веком разума, а XIX — веком здравого смысла, то XX может назвать себя разве что веком нездоровой бессмыслицы. В таких случаях миру необходим святой, но прежде всего необходим философ»

Так или иначе, падение папства также связано с несовершенствами и даже примитивностью научного контроля как он есть в первых полумифологических откровениях, как кризис нашего времени, породивший «век дьявола Сатан-Эго», связан со сломанным научным контролем в лже-науке дарвинизма. То есть в том самом феномене, который выделяют и подчеркивают все великие умы своего времени: Ренан, Мережковский, Трубецкой, Швейцер, Ясперс, Толстой, Солженицын, Тойнби, Честертон и другие. Поэтому Мережковский видел выход только в обновлении Откровения в Третьем Завете, своего рода развитии идеи Лессинга в «Воспитании человеческого рода», где тот выдвигает идею, что Откровение дается с нарастающей сложностью и научностью по мере развития разума человека. А Ренан прямо писал, что первые Откровения не могут быть объектами поклонения как абсолютные истины так как смешаны с магическим сознанием, и что нам надлежит искать рационального и полностью научного знания («Будущее науки»). Об этом собственно пишут все метафизики интеллекта, которые подобно Спинозе в Теолого-политическом трактате, настаивают, что Священные Писания есть «детские» книги в смысле первичной информации, и что поклонятся букве писаний значит идолопоклонствовать, ибо служить Господу значит мыслить и понимать разумом, то есть говорит Спиноза искать законы природы «написанные в наших сердцах». Он также большой сторонник естественного права, который стоит за законы природы «открываемые естественным светом разума», и враждебен ко всему, что требует «сверхъестественного света» магии.

Тойнби в «Постижении истории» сообщает нам о плачевных результатах, которые принесло всей западной цивилизации крушение папства, как Международного Института Естественного

Права, как Теократии Духовного Меча, которая объединяла и облагораживала военное правление национальных государств. Он говорит о том, что задача современной западной цивилизации «открыть» новую Теократию Естественного права, которая подчинит единому высшему закону суверенитеты местных национальных государств. В противном случае, настаивает Тойнби, нас ждет Идолизация местных государств Левиафанов, что непременно приведет к катастрофе. Здесь важно отметить, что к таким же выводам об угрозе цивилизации современной политической реальности абсолютных национальных суверенитетов приходят и ряд других великих мыслителей, которые высказываются с такой же экспрессией как Тойнби: Б. Рассел, А. Эйнштейн, К. Ясперс, Ж. Бенда, А. Швейцер, Э. Ренан, Г. Уэллс, Д. Мережковский, О. Конт, Г. Спенсер и др.

Не лишним будет также напомнить, что политическая теория, на которой основан режим Путина, и которая выражены в книгах «Происхождение суверенитета» И. Грачева и «Революция консерваторов» В, Соловьева, есть теория Абсолютного Национального Суверенитета.

> «Передача власти от Папства — светским правительствам началась за два века до Реформации, и была проведена как в тех странах, что остались католическими, так и в протестантских. В 16 веке процесс передачи власти был завершен. И это конечно не случайность, что в том же веке были заложены основы тоталитарных государств современного западного мира. Самый важный фактор в этом процессе тот, что поклонение когда то отдаваемое вселенской Церкви теперь было передано локальным светским государствам (parochial secular states). Эта власть над сердцами людей была самым драгоценным из всего награбленного этими наследователями-государствами у более великого и более благородного института, потому как жизненную силу этих государств составляет больше Лояльность граждан нежели количество вооруженной силы которую они могут поднять. Точно также, это то самое духовное наследие церкви Гильдебранда которое превратило когда-то безвредный и полезный институт локальных государств в угрозу цивилизации, которую они совершенно очевидно представляют сегодня. Потому как дух поклонения, который был благодатной и творческой силой, когда через каналы Града Божьего направлял жизни людей на службу Господу, теперь дегене-

рировал в деструктивную силу будучи оторван от оригинального объекта поклонения и посвящен Идолам- государствам, созданным людьми. Локальные государства, как знают наши средневековые предшественники, это сооружения людей которые будучи полезны и необходимы, достойны только того добросовестного, но без излишнего энтузиазма служения наших повседневных обязанностей к нашим муниципалитетам и советам округа. А вот Идолизация этих кусочков социальной инженерии значит заигрывать с катастрофой. Что нас интересует в нашей задаче это так это оба ответа на тот вызов, с которым не справились Перикловские Афины, и ответ Рима, а также все подготовительные вклады других участников эллинистической цивилизации, тех, кто не был полностью безумен в поклонении Идолу суверенных городов-государств. Структура Рима была чем то противоположным такой Идолизации локальных государств; поскольку принципом Рима было «двойное гражданство», которое делило преданность граждан между их родным городом-государством и более широкой государственностью, созданной Римом. Этот творческий компромисс был возможен только в обществах, где Идолизация городов-государств не захватила полностью сердца и умы граждан.

Аналогия между суверенитетом мелких городов-государств эллинистической цивилизации и соответствующей проблемы в нашем собственном мире должна быть подчеркнута здесь. Как мы можем видеть на примере истории эллинистической цивилизации мы можем ожидать решения нашей современной западной проблемы — если мы вообще можем надеяться на решение — от тех окраин, где институт национального суверенитета не стал объектом поклонения и Идолизации. Мы не должны ожидать решения от исторических национальных государств Западной Европы, где каждая политическая мысль и чувство тесно связаны с локальным суверенитетом, который есть узнаваемый символ славного прошлого.

Это не в этом психологическом окружении наше общество может ожидать необходимого открытия какой-либо новой международной ассоциации, которая подчинила бы местные суверенитеты дисциплине высшего единого закона, и таким образом предупредила бы по другому неизбежную беду, когда этот суверенитет будет аннулирован силой (calamity of its annihilation by a knock-out blow).

Если это открытие когда-либо будет сделано, то лабораторией политических экспериментов может предстать Британское Содружество Наций, или же Советский Союз, который мы можем сравнить с Империей Селевкидов, или же наша вторая попытка построить Лигу Наций. Мы не можем знать; но мы можем быть уверены, что если эти

> пионеры потерпят неудачу в строительстве такого Международного Института Прав Человека (Higher Law), работу эту никогда не сделают прогнившие поклонники Идола Национальных Суверенитетов» (We cannot tell; but we can almost feel sure that, if these pioneers fail, the work will never be done by the petrified devotees of the idol of national sovereignty)».

2. ЯЗЫЧЕСКИЕ ГРЕЧЕСКИЕ ГОСУДАРСТВА: ДЕМОКРАТИИ-ТИРАНИИ ГИБРИС-ЭГО

Что мы знаем из истории государства? Что сначала были деспотии-Левиафаны на востоке, потом в Греции Левиафаны были разрушены и возникли гражданские общества, которые мы до сих пор знаем как свободные общества правления народа. Вот собственно вот эти две полярности преподает нам современная политическая теория как полюса Добра и Зла, как полюса с одной стороны свободы, разумности и правления народа, а с другой стороны тирании, абсурда суеверий, и произвола автократии.

Нам ничего не говорят о полярности Естественного и Нормативного права, и нам ничего не говорят о вух первых великих Теократиях Естественного Права: Риме Антонинов и Католической Церкви. Эти участники политической истории приравниваются молчаливо или явно к магиям Левиафанам востока, тем более, что и Римская Империя давала прекрасные образцы в лице «неронов», и католическая церковь под конец своего существования удивила мир «чудовищами» Ренессанса. Так, эти великие институты смываются с лица истории в качестве «суеверий и деспотий» прошлого, и нам оставляют только антитезу между Демократиями Нормативного Права, как их знала еще языческая Греция с одной стороны, и магиями-Левиафанами востока, куда теперь также относят гитлеровский и сталинский тоталитаризмы.

Получается, — и это следует из всех современных учебников, — что нет никакой альтернативы этим двум политическим организациям. Причем если запад продолжает открыто утвер-

ждать, что Добром являются Демократии (а скрытно ведет себя противоположным образом), то например режим Путина набрался цинизма, чтобы прямо заявлять, что царизм Российской империи является идеалом этого режима. На том и основано внешнее политическое противостояние современных «партнеров» политического мира.

Как можно видеть, единственно здоровое политическое тело, то есть Теократия Естественного права, несмотря на тома книг написанные по теме, и громадную политическую историю, оставалось до сих пор незамеченным. И только благодаря Научной Революции Энергетика становится очевидным, что ни Демократии Нормативного Права, ни магии-Левиафаны тем более не могут претендовать на статус здорового политического тела, которое несет людям свободу, безопасность и здоровье научного контроля Естественного Права.

Если с магиями-Левиафанами это более менее очевидно (для всех кроме режима Путина и Северной Кореи), то с Демократиями Нормативного права необходимо обосновать свою точку зрения.

Прежде всего, нет такого понятия как «демократии» в чистом виде, начиная уже с их зарождения в Древней Греции. Демократии всегда идут вперемежку с тираниями, постоянно сменяя друг друга, и процесс этот настолько закономерен, что неправильно говорить только о демократиях, но нужно говорить о «демократиях-тираниях».

Б. Рассел «История западной философии»:

> «В большинстве греческих городов, и особенно в городах Сицилии, имел место постоянный конфликт между демократией и тиранией. Вожди той и другой партий в моменты поражения подвергались казни или изгнанию. Изгнанники редко стеснялись вступать в переговоры с врагами Греции — Персией на Востоке и Карфагеном на Западе… В Греции революции были столь же часты, как недавно в Латинской Америке. …Олигархи, по-видимому, были весьма энергичными людьми. В некоторых городах, оказывается, они давали такую клятву: «Я неизменно буду врагом народа и буду причинять ему такой вред, какой только смогу». Современные реакционеры

> не так откровенны»

И. Суриков «Пифагор»:

> «Находясь в состоянии почти постоянных войн друг с другом, греческие полисы при этом стремились к установлению все более тесных контактов различного характера.
> Боролись друг с другом группировки аристократов; известны и случаи противостояния богатых и бедных. Междоусобные конфликты очень часто приводили к установлению тиранических режимов,
> и тирания стала в архаической Ионии особенно распространенным явлением.
> Да, в сущности, вся жизнь греков в каком-то смысле была «спортом». Что бы
> ни делал эллин — воевал или писал стихи, принимал законы или
> ваял статуи, — он всегда соревновался, стремился быть первым,
> победить всех соперников, обрести славу.
> Оба злосчастья, о которых идет речь, были, по сути дела, «двумя сторонами одной медали» — они порождались отсутствием единства, по-
> стоянной борьбой. Проявлялась эта борьба и на внутриполисном,
> и на межполисном уровнях. Надо сказать, что почти каждое эллинское
> государство разъедалось междоусобной распрей, которую сами греки
> обозначали термином стасис. Соперничали друг с другом за власть и влияние, различные группировки аристократов; из этой конкуренции, как мы знаем, могли вырастать жестокие режимы тирании.
> Воплощением индивидуализма в максимальной степени может считаться тиран, воплощением коллективизма — мудрец-законодатель.
> Это, так сказать, идеальный тиран, «великий и ужасный». А вот,
> в противовес ему, — идеальный законодатель: афинянин Солон, современник Периандра (и тоже, между прочим, один из «Семи мудрецов»)»

Мы не станем удивляться этому феномену, если вспомним законы «психологизма» естественного права, а значит вспомним, что демократии в Греции возникли как результат Слома Циклического гомеостаза поля Эгосистемы. Что это значит? Это значит, что был разрушен психологический механизм господства и подчинение (садомазохизма), на котором держатся клас-

сы господ и рабов Левиафанов-деспотий. Поле Эгосистемы и его искаженная чувственная информация показывают мир как противостояние двух фигур — Эго и СуперЭго (себя и всего внешнего мира). Если это кривое зеркало чувственной информации показывает что больше сила Эго возникает притяжение Самолюбия (Верхняя Эгозащита, Господство), а если показывает что СуперЭго превосхоит Эго, то возникает притяжение Влюбленности (Нижняя Эгозащита, подчинение). Оба притяжения есть части единого циклического гомеостаза материальной энергии: Самолюбие и Влюбленность соединяются в отношениях Господства и Подчинения, возникают Левиафаны и внутри них поменьше союзы основанные на этом садомазохизме. Однако, поскольку информация это ложная она будет меняться, и вместе с ней будут происходить циклические перевороты: новые союзы Господства и подчинения, и так по кругу, без перемен и остановок: сама система будет оставаться незыблемой. Эта ложная информация поля Эгосистемы и есть магическое сознание первобытных людей, которые например подобно аборигенам, у которых еще нет господ и которые остаются больше на притяжении Влюбленности, поклоняются силам природы, тотемам, и добровольно отдают им свое питание и даже сами себя истязают для них.

Система, то есть Левиафаны, будет ломаться, только в случае пробуждения Интеллекта. Пробуждение Интеллекта либо вообще нейтрализует поле Эгосистемы, доказав человеку, что информация его ложная и что это есть патология психики, либо же, на ранних этапах зарождения интеллекта, когда он еще только формальная логика и нет научного знания, интеллект этот вторгнется на поле Эгосистемы. То есть вместо того, чтобы иметь прямой контакт с фактами мира, интеллект станет работать с материалами иллюзий и миражами ложной информации поля Эгосистемы. И значит, станет защищать воображаемое Эго (ведь это ложное отражение истинного Я человека) от такого же ложного СуперЭго (миража внешнего мира). И докажет эту защиту Логически, то есть Необратимо. Как например это

сделал в своей безумной философии Фридрих Ницше. И таким образом утвердит навсегда притяжение Самолюбия (сверхчеловека)!

Конечно, интеллекту не место на поле Эгосистемы — прямая историческая задача разума разоблачить поле Эгосистемы и нейтрализовать его полностью, а не играть с его миражами усугубляя болезнь. И интеллект в данном случае, утверждая притяжение Самолюбия, и устраняя притяжение Влюбленности Ломает Циклический Гомеостаз отношения господства и подчинений (садомазохизма поля Эгосистемы). Теперь нет постоянного круговорота рабов и господ, остались одни только господа. Понятно, что Система Левиафана будет сломана — больше не будет верхов и низов, командующих и подчиняющихся, не будет и суеверий на который были основаны эти отношения. Вместо Циклического Эго Левиафанов, где притяжение Самолюбия Господ есть органическая часть притяжения Влюбленности Рабов, образуя единый циклический гомеостаз материальной энергии, мы получаем Гибрис Эго шизоидов, то есть сломанный циклический гомеостаз формально-логического интеллекта.

Известно, что Господа в Левиафанах умеют быть и хорошими рабами по отношению к тем, кто выше них в иерархии власти (Спенсер хорошо описал этот механизм магического сознания). Когда они сильны они командуют, когда слабы переходят на притяжение Влюбленности и подчиняются, и в итоге этой гибкости природного циклического механизма Левиафаны устойчивые системы Физического контроля закона сохранения силы материальной энергии психики.

У шизоидов со сломанным циклическим гомеостазом больше нет притяжения Влюбленности (характерная черта шизоидов их неспособность подчиняться и гиперэстезия самолюбия, то есть чрезвычайная болезненность ударов по самолюбию). Сами греки называли гиперэстезию Самолюбия своих Человекобогов — Сверхчеловеков Ницше — Гибрисом. Потому мы обозначили сломанное циклического Эго как Гибрис-Эго. Понятно, что Гибрис-Эго — есть патология поля Эгосистемы. Но если учесть, что

само поле Эгосистемы есть болезнь сознания, паразит который разуршает духовную энергию поля интеллекта, то есть и положительное в Гибрисе как разрушителе поля Эгосистемы.

Так, сломанный циклический гомеостаз Гибрис-Эго ломает Левиафаны восточных деспотий: и мы видим что с зарождением интеллекта в Греции (еще далекого до научного метода, пока в основном только дедуктивного, формально-логического интеллекта) распадаются Левиафаны и зарождаются Демократии-Тирании.

Таким образом, мы видим, что Демократии-Тирании есть результат разрушительной работы Гибрис-Эго, как патологии поля Эгосистемы, когда все чувствуют себя господами, и никто не может согласиться на роль раба (лучше смерть!). Гиперэстезия самолюбия шизоидов — это смертельные удары по самолюбию в связи с тем, что переход на притяжении Влюбленности закрыт. В этом и разница между размытыми линиями между рабами и господами на Востоке где Циклическое Эго (и вообще в Левиафанах), и четкой линией отделяющей господ и рабов в античности (рабами были в подавляющем большинстве иностранцы).

Положительное в Гибрис-Эго — это разрушение Левиафанов. Но много и отрицательного: они знают, чего не хотят, они не хотят рабства, подчинения. Однако, они продолжают желать быть Господами, то есть остаются на поле Эгосистемы. Они еще не вышли за рамки физического контроля, они еще знают только Верхнюю и Нижнюю эгозащиту, насилие и подчинение, господство и рабство. Вот почему Демократии есть только компромисс, при котором все договариваются, что никто никому не подчиняется, то есть негативная система, которая не ставит положительных целей, потому что еще не знает их. Цель демократии только предотвратить сползание власти в тираническую, потому что все хотят быть тиранами, а это невозможно. В результате, несмотря на договоренности, идет постоянная раскачка между правлением народа и захватом власти тиранами. Равновесие физического контроля Левиафанов в их иерархии господ и рабов потеряно, а новый научный контроль церкви дружбы естественного

Права еще не найден. В итоге, демократии — это промежуточные общества между двумя контролями психики — они ушли уже от физического, но не пришли еще к научному, они висят над бездной в состоянии постоянного неравновесия. Можно видеть, что это довольно глубокая патология общества, о чем писал уже Платон в своем «Государстве».

Так, Рассел говорит в книге «Власть»: «Достоинства демократии негативны: она не устанавливает хорошего правительства, она предназначена для предупреждения определенных злоупотреблений»

(Russell, «Power»: The merits of democracy are negative: it does not insure good government, but it prevents certain evils). В другой книге, «борьба за счастье», Рассел утверждает, что эволюция человека далека от конечной стадии, и что мы должны расширить свой ум и свое сердце (развитие духовной энергии разума),

чтобы достичь последней стадии. Там же Рассел отмечает, что демократией правит зависть, которая путает равенство возможностей с уравниванием равных и неравных способностей. Он очень много уделяет внимание в книге «Борьба за счастье» зависти как болезни современному ему общества.

В точности эту мысль задолго до Рассела сформулировал Герцен в эссе «С того берега»:

> «Демократия не может ничего создать, это не ее дело, она будет нелепостию после смерти последнего врага; демократы только *знают* (говоря словами Кромвеля), *чего не хотят; чего они хотят, они не знают*. Но действительного творчества в демократии нет — и потому-то она не будущее. Будущее вне политики, будущее носится над хаосом всех политических и социальных стремлений и возьмет из них нитки в свою новую ткань, из которой выйдут саван прошедшему и пеленки новорожденному. Социализм соответствует назарейскому учению в Римской империи

В результате этой патологии, когда распад Левиафанов означал не переход к другой здоровой общественной системе научного контроля (церкви дружбы и естественного права),

а только слом старой, где все хотели быть господами, возникли свирепые междоусобия, которые политически уничтожили Древнюю Грецию. Конечно, такие глубокие умы как Платон и Аристотель сразу диагностировали демократии-тирании как нездоровые плиические системы.

Интересно, что В. Соловьев в «Революции консерваторов» ссылается на эту критику Платона и Аристотеля, чтобы доказать, что демократии плохи, а магии-Левиафаны хорошие. Действительно, если другой альтернативы магиям-Левиафанам нет, то эти две системы вполне могут поспорить, ведь Левиафан обладает устойчивостью физического контроля, хоть это и достигается адом отношений насилия и подчинения. А в книге «Происхождение суверенитета» приводятся в пример междоусобия греков, и демократия именуется — «революцией ремесленников», которые взяли власть аристократов и жрецов себе. Так или иначе, реальные недостатки этого строя ведут к тому, что даже сторонники чудовищных Левиафанов получают аргументы, чтобы оправдывать эти сатанинские учреждения садомазохизма. Вот почему так важно разоблачить демократии-тирании как альтернативу Левиафанам и показать истинную альтернативу в виде учреждений поля интеллекта и совести — Теократий Естественного права.

Ницше, большой поклонник Гибрис-Эго языческой мифологии греческого Олимпа, не свободу положил в основу своего учения о Сверхчеловеке, а Волю к Власти, Господство, мужественность (он не считал женщин полноценными личностями как известно). Понятно почему Ницше выступил против Сократа и Платона, определившими Гибрис-Эго и трагедии языческой мифологии, которые его популяризировали, как патологию человека и общества. Платоновский Сократ никогда не говорит об абсолютной свободе, но говорит о дисциплине в подчинении законам бога (природы, разума). Абсолютная свобода есть признак не человека, но Бога, потому что только Творец свободен от законов положенных им в основу мироздания. И если Ницше в своем гимне власти и вспоминает о свободе, то только об аб-

солютной свободе, позволяющей ему такие вещи, как «переоценку всех ценностей» для всего человечества: «Если бы был Бог как бы я мог вынести, что я не бог?»

Определение свободе людей дал Спиноза, когда сказал, что Свобода есть осознанная необходимость. То есть Разум человека не способен сам устанавливать законы природы, но способен познавать и контролировать их. Мы, носители активного интеллекта, что делает нас особой духовной энергией, тоже не обладаем абсолютной свободой, но лишь относительной свободой, позволяющей нам познавать законы природы и контролировать природные энергии. Мы не можем сами устанавливать и создавать природные энергии, или менять закономерности своей собственной энергии. Так, наш разум не освобождает нас от закономерностей нашей психики: мы можем только познать законы нашей и психики и контролировать их, но не можем изменить эти законы, или вообще от них избавится. Так, мы узнаем что психика имеет два поля, и будем их контролировать: нейтрализуем поле Эгосистемы, и таким образом избавим поле интеллекта от паразита, станем сильными и здоровыми. Именно об этом рассказывали нам Евангелия, об этом Сократ и Пифагор, Спиноза и Кьеркегор, Фромм и Маслоу.

Вот почему Платон высмеивает демократии, как общества, где все хотят абсолютной свободы, где нет понимания дисциплины в подчинении естественному праву законов природы. Ведь Нормативное право Демократий-Тираний — это законы, которые люди устанавливают себе сами, и такое Нормативное право создает иллюзию абсолютной свободы, как у Сверхчеловеков Ницше.

Платон «Государство»:

> « — Эти и подобные им свойства присущи демократии — строю, не имеющему должного
> управления, но приятному и разнообразному. При нем существует своеобразное равенство —
> уравнивающее равных и неравных
> — Так вот, и то, что определяет как благо демократия и к чему она ненасытно стремится,

именно это ее и разрушает.
— Что же она, по-твоему, определяет как благо?
— Свободу. В демократическом государстве только и слышишь, как свобода прекрасна и
что лишь в таком государстве стоит жить тому, кто свободен по своей природе.
— Да, подобное изречение часто повторяется.
— Так вот, как я только что и начал говорить, такое ненасытное стремление к одному и
пренебрежение к остальному искажает этот строй и подготовляет нужду в тирании.
— Как это?
— Когда во главе государства, где демократический строй и жажда свободы, доведется
встать дурным виночерпиям, государство это сверх должного опьяняется победой в
неразбавленном виде, а своих должностных лиц карает, если те недостаточно снисходительны и
не предоставляют всем полной свободы, и обвиняет их в мерзком олигархическом уклоне.
— Да, так оно и бывает.
— Граждан, послушных властям, там смешивают с грязью как ничего не стоящих
добровольных рабов, зато правители, похожие на подвластных, и подвластные, похожие на
правителей, там восхваляются и уважаются как в частном, так и в общественном обиходе. Разве
в таком государстве не распространится неизбежно на все свобода?
— Как же иначе?
— Она проникнет, мой друг, и в частные дома, а в конце концов неповиновение привьется
даже животным.
— Да, например, отец привыкает уподобляться ребенку и страшиться своих сыновей, а сын
— значить больше отца; там не станут почитать и бояться родителей (все под предлогом
свободы!)
— А кроме того, разные другие мелочи: при таком порядке вещей учитель боится
школьников и заискивает перед ними, а школьники ни во что не ставят своих учителей и

наставников. Вообще молодые начинают подражать взрослым и состязаться с ними в
рассуждениях и в делах, а старшие, приспособляясь к молодым и подражая им, то и дело острят
и балагурят, чтобы не казаться неприятными и властными.
— Очень верно подмечено.
— Да, мы едва не забыли сказать, какое
равноправие и свобода существуют там у женщин по отношению к мужчинам и у мужчин по
отношению к женщинам.
— А насколько здесь свободнее, чем в других местах,
участь животных, подвластных человеку, — этому никто не поверил бы, пока бы сам не увидел.
Прямо-таки по пословице: «Собаки — это хозяйки», лошади и ослы привыкли здесь
выступать важно и с полной свободой, напирая на встречных, если те не уступают им дороги!
Так-то вот и все остальное преисполняется свободой.
— А кончат они, как ты знаешь, тем, что перестанут считаться даже с законами — писаными или Неписаными, — чтобы уже вообще ни у кого и ни в чем не было над ними власти.
— Я это хорошо знаю.
— Так вот, мой друг, именно из этого правления, такого прекрасного и по-юношески
дерзкого, и вырастает, как мне кажется, тирания.
— Та же болезнь, что развилась в олигархии и ее погубила, еще больше и сильнее
развивается здесь — из-за своеволия — и порабощает демократию.
Ведь черезмерная свобода, по-видимому, и для отдельного человека, и для государства
обращается не по что иное, как в чрезмерное рабство»

В итоге, правы оказались Сократ и Платон, а Ницше и его восхищение языческой мифологией человекобогов, оказался не прав. Не может быть абсолютной свободы, но есть у человека великий дар мышления, активного интеллекта, и это есть его великая сила относительной свободы, открывающая доступ к силе космоса, к природным энергиям. Тот же кто покусится на абсолютную свободу, потеряет научный контроль, и вместе с ним всю силу духовной энергии, превратившись в беспомощный детерминизм материальных энергий.

Мы рассмотрели и доказали, что демократии нормативного права не есть здоровые общественные системы, и что как утверждал уже Платон, они всегда стремятся обратиться в свою противоположность — в тирании.

3. ТИРАНИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК ПЛАТОНА КАК САТАН-ЭГО УСТОЙЧИВОЙ ВЕРХНЕЙ ЭГОЗАЩИТЫ

Как же мы определим современные Демократии-Тирании?

Уже в Древней Греции, где интеллект только только еще зародился, началось вместе с его рождением «раздвоение» личности и общества, о котором так много пишет Мережковский. То есть если мы не видим этой проблемы в обществах первобытного сознания (где тем не менее тоже имеет свое проявление поле интеллекта и совести в виде всякого рода изобретений и искусных умений, но в целом общество живет магическим сознанием коллективных представлений), то в античности «раздвоение» есть базисная черта общества. Так, параллельно с культом Гибрис-Эго языческой мифологии, с острой конкуренцией и войнами шло развитие гражданского общества и сплоченности полиса, становление пифагорейских сообществ, этих малых теократий естественного права. Сократ и Платон как последователи Пифагора уже представляют первое откровение о теории Теократии Естественного права, которому не суждено было найти своего воплощения в Греции, но которое мы видим в Империи Антонинов.

Тем более двоится современный нас социальный мир, где интеллект развивается еще две тысячи лет как на поле духовной энергии, так и в своей патологии в виде шизоидных оторванных от реальности формально-логических системах, на поле Эгосистемы. Конечно, за эти две тысячи лет интеллект проделал громадный путь, нашел научный метод, приблизился к Энергетике как к теории познания, сделал открытия многих природных энергий. Это значит что и мощь духовной энергии сильно приросла, потому что усиление научного контроля все-

гда есть усиление мощи поля интеллекта и совести человечества.

С другой стороны, как мы видели и шизоидный интеллект лже-науки делал свои большие успехи. Так, в социальных науках утвердилась Дарвиновская парадигма, что значит что научный контроль общества был разрушен до самого фундамента. Этические религии теперь перестали волновать умы даже в качестве начального зачаточного знания о психической энергии человека, о противоборстве двух антагонистичных энергий в психике человека. Все это нанесло большой удар по полю духовной энергии, мир стал беспомощным и безумным, как пишут Тойнби, Честертон, Швейцер и другие рационалисты-метафизики.

Это ловушка, самый настоящий тупик для научного контроля нашего разума, поскольку его заблокировали с двух сторон: этические религии деградировали в магию, а то что было социальной наукой превратилось в пошлость дарвинизма, эмпиризма и агностицизма. Теократии научного контроля естественного права стали недостижимы для разрушено разума, а Демократии Нормативного права беспомощно зависли в своем старом тупике вечного неравновесия. Вот почему для многих стал казаться привлекательным возврат к магиям-Левиафанам, как единственным устойчивым политическим системам. Но как же система физического контроля, устойчивая во времена абсолютного невежества, может быть устойчивой в наш век энергетики! Рано они празднуют победу! Научному контролю не много надо, чтобы оправиться и встать на ноги!

Современные Демократии-Тирании уже конечно не совсем те, что прежде. Теперь вместе с ростом духовной силы усилились и тенденции здорового общества, союзы через совесть и сострадание поля интеллекта. И сегодня эта здоровая тенденция, как показал Шлезингер в «Циклах американской истории» составляет мощную силу американского общества. Борьба с рабством и национализмом Линкольна, «Новый курс» Рузвельта, и его преемника Кеннеди в развитии и становлении социали-

стической тенденции общества показывает как пишет Шлезингер, что истинная демократия является основным импульсом Америки. Однако, сильны и противоположные силы, силы консерваторов, которые тянут общество назад, и которые виновны в заговоре против Рузвельта и в убийстве президента Кеннеди. Сегодня Демократии-Тирании современного запада — это больше арена борьбы между двум различными социальными системами в рамках одного государства, чем война всех против всех шизоидного Гибрис-Эго античности. И то что, столько книг написаны самими американцами о преступлениях различных режимов, как например преступления Никсона и в известном политическом скандале, и во Вьетнаме, тоже обнажает остроту борьбы внутри этой все еще становящейся страны. Поскольку плохие силы совершают преступления, но и добрые силы достаточно сильны, чтобы рискуя жизнью доводить правду до сведения мировой общественности. В такой стране достаточно потенциала, чтобы победить свои злые силы, свою политическую системы поля Эгосистемы.

Что мы можем сказать в этом отношении об Англии, прославленной своей Великой хартией свободы уже в 13 веке? Только то, что сама история получения этой хартии народом, сражавшимся с Воплощением Зла в лице Короля Иоанна Безземельного, уже все нам рассказала и о современной истории. Ведь продолжается противостояние народа и Британской королевской семьи, как можно видеть из непрекращающихся скандалов, потрясших мировую общественность. Достаточно, если Британская королевская семья виновна только в убийстве Дианы Спенсер, чтобы сказать, что монархия воплощает зло консервативных сил Англии. Однако, как мы можем судить по мемуарам ее сына принца Гарри и его семейство подвели к черте гибели, так что его выживание долгое время было под вопросом. Если Британская королевская семья есть Тиранический человек Англии, который ведет ее демократию назад к магиям-Левиафанам, и в таком качестве является плотом всех консервативных сил мира, этого достаточно чтобы объявить ее абсолютным злом.

Что же до здоровой части общества, то Англия всегда была знаменита своей способностью ставить на место своих деспотов и отвечать достойно каждому Сатан-Эго негодяев. Не менее знаменита она выдающимися борцами за свободу, за истину и за совесть. И если бы даже ничего больше не было у Англии, то только имена Д. Локка, Мильтона, Кромвеля, Монфора, автора "Песни Битвы при Льюисе", Томаса Мора, Милля, Бертрана Рассела, Дж. Оруэлла, Г. Спенсера, А. Тойнби, Свифта, Шекспира, Томаса Бэкета, Г. Уэллса, Г. Честертона составили бы ее вечную славу. И Дианы Спенсер, добавим мы, ибо ее отвага и добрая воля при всех обстоятельствах вокруг нее вызывают искреннее восхищение.

Ниже я привожу довольно подробные выдержки из «Государства» Платона о «Тираническом человеке». О том, как по мнению платоновского Сократа Тиранический человек рождается из демократического человека. Цитаты очень важны для подтверждения выводов и формулировки новых закономерностей Научной Революции Энергетика. Мне не нужен объем книги, я не торгую книгами и не зарабатываю на них, а новизна моей научной теории только выигрывает от сравнения с текстами предыдущих писателей. Но для читателя очень важно убедиться в правильности новых формулировок, находя им подтверждение в цитатах классических писателей. Для меня же подборка цитат — самая тяжелая часть работы.

Этой цитатой, где Платон дает такое блестящее определение Сатан-Эго тех тиранических людей, которым удалось добраться до власти, я хочу показать, во-первых сходство с выводами Солженицына о злодеях, а во-вторых, его догмат о том, что Сатан-Эго как абсолютная воля к власти «по ту сторону добра и зла», где только физическое насилие важно и есть победа — это тяжелая душевная болезнь, которая свидетельствует о гибели человека. И показать, что Теория Психической Энергии Научной Революции Энергетика вполне ответила на «вызов Главкона», как Блэкберн определил в своей книге о Платоне требование Главкона Сократу доказать, что насилие физического контроля поля

Эгосистемы есть болезнь психики, и значит несчастье для человека. Мне кажется, и вам уже очевидно, что Теория Психической Энергии дала «Вызову Главкона» вполне удовлетворительный ответ.

Что же до аналогии с определением злодеев (Сатан-Эго) у Солженицына, то обратите внимание, как Платон также показывает, что Сатан-Эго тирана вырастает из «демократического человека», который еще мечется между добром и злом. Но по мере злодеяний, насилия усиливают садизм поля Эгосистемы, и уничтожают этику поля интеллекта и совести. В конечном итоге, тиран — душевнобольной человек, «вечно насилуемый слепнем» своих вожделений. Чехов писал, что сумасшествие есть извращение нравственного закона.

Платон «Государство»:

> «Тиранический» человек
> — С чего же начинается превращение такого ставленника в тирана? Впрочем, ясно, что это происходит, когда он начинает делать то же самое, что в том сказании, которое передают относительно святилища Зевса Ликейского в Аркадии.
> — А что именно?
> — Говорят, что, кто отведал человеческих внутренностей, мелко нарезанных вместе с мясом жертвенных животных, тому не избежать стать волком. Или ты не слыхал такого предания?
> — Слыхал.
> — Разве не то же и с представителем народа? Имея в руках чрезвычайно послушную толпу, разве он воздержится от крови своих соплеменников? Напротив, как это обычно бывает, он станет привлекать их к суду по несправедливым обвинениям и осквернит себя, отнимая у человека жизнь: своими нечестивыми устами и языком он будет смаковать убийство родичей. Карая изгнанием и приговаривая к страшной казни, он между тем будет сулить отмену задолженности и передел земли. После всего этого разве не суждено такому человеку неизбежно одно из двух: либо погибнуть от руки своих врагов, либо же стать тираном и превратиться из человека в волка?
> — Да, это ему неизбежно суждено.
> — Когда же он примирится кое с кем из своих врагов, а иных уничтожит, так что они перестанут его беспокоить, я думаю, первой его задачей будет постоянно вовлекать граждан в какие-то войны, чтобы народ испытывал нужду в предводителе…

— Это естественно.
— ...да и для того, чтобы из-за налогов люди обеднели и перебивались со дня на день, меньше злоумышляя против него.
— Это ясно.
— А если он заподозрит кого-нибудь в вольных мыслях и в отрицании его правления, то таких людей он уничтожит под предлогом, будто они предались неприятелю. Ради всего этого тирану необходимо постоянно будоражить всех посредством войны.
— Да, необходимо.
— Но такие действия сделают его все более и более ненавистным для граждан.
— Конечно.
— Между тем и некоторые из влиятельных лиц, способствовавших его возвышению, станут
открыто, да и в разговорах между собой выражать ему свое недовольство всем происходящим — по крайней мере, те, что посмелее.
— Вероятно.
— Чтобы сохранить за собою власть, тирану придется их всех уничтожить, так что в конце концов не останется никого ни из друзей, ни из врагов, кто бы на что-то годился.
— Ясно.
— Значит, тирану надо зорко следить за тем, кто мужествен, кто великодушен, кто разумен, кто богат. Благополучие тирана основано на том, что он поневоле враждебен всем этим людям и строит против них козни, пока не очистит от них государство.
— Дивное очищение, нечего сказать!
— Да, оно противоположно тому, что применяют врачи: те удаляют из тела все наихудшее, оставляя самое лучшее, здесь же дело обстоит наоборот.
— Если ему уступят без сопротивления; если же государство не допустит этого, тогда, как в недавно упомянутом примере у него поднялась рука на родных мать и отца, точно так же поступит он и со своей родиной, лишь только окажется в состоянии: он покарает ее тем, что введет в нее своих новых сподвижников; в рабстве у них будет содержаться и воспитываться
некогда милая ему «родина-мать», как говорят критяне, то есть его отечество. Вот конечная цель вожделений подобного человека.
— Она состоит именно в этом.
— Подобного рода люди таковы и в частной жизни, еще прежде, чем станут у власти. С кем бы они ни вступали в общение, они требуют лести и полной готовности к услугам, а когда сами в чем-нибудь нуждаются, тогда так и льнут к человеку, без стеснения делая

вид, будто с ним близки, но чуть добьются своего — они опять чужие.
— Это очень верно подмечено.
— Значит, за всю свою жизнь они ни разу ни с кем не бывали друзьями; они вечно либо господствуют, либо находятся в рабстве: тираническая натура никогда не отведывала ни свободы, ни подлинной дружбы.
...... — Остается рассмотреть самого человека при тираническом строе, иначе говоря, как он развивается из человека демократического, каковы его свойства и что у него за жизнь — бедственная или, напротив, счастливая.
— О тех, что пробуждаются во время сна когда дремлет главное, разумное и кроткое, уначало души, зато начало дикое, звероподобное под влиянием сытости и хмеля вздымается на дыбы, отгоняет от себя сон и ищет, как бы это удовлетворить свой норов. Тебе известно, что в таком состоянии оно отваживается на все, откинув всякий стыд и разум. Если ему вздумается,
оно не остановится даже перед попыткой сойтись с своей собственной матерью, да и с кем попало из людей, богов или зверей; оно осквернит себя каким угодно кровопролитием и не воздержится ни от какой пищи. Одним словом, ему все нипочем в его бесстыдстве и безрассудстве.
— Сущая правда.
— Когда же человек соблюдает себя в здоровой воздержности, он, отходя ко сну, пробуждает свое разумное начало, потчует его прекрасными доводами и рассуждениями и таким образом воздействует на свою совесть. Вожделеющее же начало он хоть и не заглушает вовсе, но и не удовлетворяет его до пресыщения: пусть оно успокоится и не тревожит своими радостями и скорбями благороднейшее в человеке; пусть это последнее без помехи, само по себе, в совершенной своей чистоте стремится к исследованию и ощущению того, что ему еще не известно, будь то прошлое, настоящее или будущее. Точно так же человек укротит и яростное свое начало, для того чтобы не отходить ко сну взволнованным и разгневанным. Успокоив эти два вида свойственных ему начал и приведя в действие третий вид — тот, которому присуща разумность, — человек предается отдыху. Ты знаешь, что при таких условиях он скорее всего
соприкоснется с истиной и меньше всего будут ему мерещиться во сне всякие беззаконные видения.
— А что же с ним будет, когда истощатся у него и отцовские, и материнские средства, а между тем в нем скопился целый рой прихотей? Не заставит ли его это сначала покуситься на стены чужого дома ли-

бо на плащ запоздалого ночного прохожего, а затем дочиста ограбить какой-нибудь храм? Во всех этих поступках прежние его мнения о том, что прекрасно, а что гадко, усвоенные им с детских лет и считавшиеся правильными, покорятся власти недавно выпущенных на волю желании, сопровождающих Эрота и им возглавляемых. Раньше, пока человек подчинялся обычаям, законам и своему отцу и внутренне ощущал себя демократом, эти желания высвобождались у него лишь в сновидениях; теперь же, когда его тиранит Эрот, человек навсегда становится таким, каким изредка бывал во сне, — ему не удержаться ни от убийства, ни от обжорства, ни от проступка, как бы ужасно все это ни было: посреди всяческого безначалия и беззакония в нем тиранически живет Эрот. Как единоличный властитель, он доведет объятого им человека, словно подвластное ему государство, до всевозможной дерзости, чтобы любой ценой удовлетворить и себя, и сопровождающую его буйную ватагу, составившуюся из всех тех вожделений, что нахлынули на человека отчасти извне, из его дурного окружения, отчасти же изнутри, от бывших в нем самом такого же рода вожделений, которые он теперь распустил, дав им волю. Разве не такова жизнь подобного человека?
Когда в государстве наберется много таких людей и их последователей

и они ощутят свою многочисленность, то как раз из их среды и рождается тиран, чему способствует безрассудство народа. Это будет тот из них, кто сам в себе, то есть в своей душе, носит самого великого и отъявленного тирана.
— Предположи еще, что и с ним произойдет то же самое, что с его отцом: его станет тянуть ко всяческому беззаконию, которое его совратители называют полнейшей свободой. Отец и все остальные его близкие поддерживают в нем склонность соблюдать середину, но его совратители этому противодействуют. Когда же эти искусные чародеи и творцы тиранов не надеются как-либо иначе завладеть юношей, они ухитряются внушить ему какую-нибудь страсть, руководящую вожделениями к праздности и к растрате накопленного; такая страсть — прямо-таки огромный крылатый трутень. Или, по-твоему, это нечто иное?
— По моему, именно так.
— Вокруг этой страсти ходят ходуном прочие вожделения, за которыми тянется поток благовонных курений и мазей, венков, вин, безудержных наслаждений, обычных при такого рода общениях. До крайности раздув и вскормив жало похоти, эти вожделения снабжают им трутня, и тогда этот защитник души, охваченный неистовством, жалит. И если он захватит в юноше какое- нибудь мнение или

желание, притязающее на порядочность и не лишенное еще стыдливости, он убивает их, выталкивает вон, пока тот совсем не очистится от рассудительности и не преисполнится нахлынувшим на него неистовством.
— Ты описываешь появление вылитого тирана.
— А разве не из-за всего этого и тому подобного Эрот искони зовется тираном
— Ну, а кто тронулся в уме и неистовствует, тот надеется справиться не то что с людьми, но даже с богами.
— Действительно.
— Человек, мой друг, становится полным тираном тогда, когда он пьян, или слишком влюбчив, или же сошел с ума от разлития черной желчи, — а все это из-за того, что либо такова
его натура, либо привычки, либо то и другое.
— Совершенно верно.
— Видно, вот так и рождается подобный человек. Ну, а как же он живет?
— Есть шутливая поговорка: «Это и ты мне скажешь».
— Скажу. По-моему, после этого пойдут у них празднества, шествия всей ватагой, пирушки, заведутся подружки, ну и так далее: ведь тиран-Эрот, обитающий в их душе, будет править всем, что в ней есть.
— Это неизбежно.
— С каждым днем и с каждой ночью будет расцветать много ужаснейших вожделений, предъявляющих непомерные требования.
— Да, их расцветет много.
— Значит, доходы, если какие и были, скоро иссякнут.
— Конечно.
— А за этим последуют заклады имущества и сокращение средств.
— И что же?
— Когда все истощится, тогда рой раздувшихся вожделений, угнездившихся в этих людях, начнет жужжать, и люди, словно гонимые стрекалом различных желаний, а особенно Эротом (ведь он ведет за собой все желания, словно телохранителей), станут жалить, высматривая, у кого что есть и что можно отнять с помощью обмана или насилия».
— Что же, назовешь ли ты такую душу рабской или свободной?
— Я-то назову ее рабской.
— А ведь рабское и тиранически управляемое государство всего менее делает то, что хочет.
— Конечно.
— Значит, и тиранически управляемая душа всего менее будет делать что ей вздумается, если говорить о душе в целом. Всегда под-

стрекаемая и насилуемая яростным слепнем, она будет полна смятения и раскаяния.
— Несомненно.
— Богатым или бедным бывает по необходимости тиранически управляемое государство?
— Бедным.
— Значит, и тиранически управляемой душе приходится неизбежно быть всегда бедной и неудовлетворенной.
— Да, это так.
— Что же? Разве такое государство и такой человек не преисполнены неизбежно страха?
— И даже очень.
— Где еще, в каком государстве, по-твоему, больше горя, стонов, плача, страданий?
— Нигде.
— А думаешь ли ты, что всего этого больше у кого-нибудь другого, чем у человека тиранического, неистовствующего из-за своих вожделений и страстей?
— Конечно, у него этих переживаний больше, чем у любого.
— А разве не в такой тюрьме содержится тот тиран, чью натуру мы разбирали? Ведь он полон множества разных страстей и страхов; со своей алчной душой только он один во всем государстве не смеет ни выехать куда-либо, ни пойти взглянуть на то, до чего охотники все свободнорожденные люди; большей частью он, словно женщина, живет затворником в своем доме и завидует остальным гражданам, когда кто-нибудь уезжает в чужие земли и может увидеть что-то хорошее.
— Значит, хотя иной с этим и не согласится, но, по правде говоря, кто подлинно тиран, тот подлинно раб величайшей угодливости и рабства, вынужденный льстить самым дурным людям. Ему не удовлетворить своих вожделений, очень многого ему крайне недостает, он оказывается поистине бедняком, если кто умеет охватить взглядом всю его душу. Всю свою жизнь он полон страха, он содрогается и мучается, коль скоро он сходен со строем того государства, которым управляет. А сходство между ними ведь есть, не правда ли?
— И притом большое.
— Кроме того, мы отметим в этом человеке те черты, о которых мы уже говорили раньше: власть неизбежно делает его завистливым, вероломным, несправедливым, недружелюбным и нечестивым; он поддерживает и питает всяческое зло; все это постепенно разовьется в нем еще больше; он будет чрезвычайно несчастен и такими же сделает своих близких»

ГЛАВА 5. НАЦИОНАЛЬНЫЕ СУВЕРЕНИТЕТЫ ДЕМОКРАТИЙ — ЭТО ВАРВАРСКИЕ СИСТЕМЫ ФИЗИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ

1. Разные Объекты Контроля Закона Сохранения Силы Психики.

2. Разные понятия Лояльности. Идолы поля Эгосистемы физического контроля и Истина поля Интеллекта научного контроля.

3. Идолопоклонство Деньгам и Власти

4.Идолы Демократий Национальных Суверенитетов — поклонение Физической Силе, Насилию

5. Демократии Национальных Суверенитетов мало отличаются от Левиафанов

1. РАЗНЫЕ ОБЪЕКТЫ КОНТРОЛЯ ЗАКОНА СОХРАНЕНИЯ СИЛЫ ПСИХИКИ

Д. С. Милль пишет в книге о позитивизме Огюста Конта, излагая его систему иерархии наук, что наука становится зрелой дисциплиной, когда находит свой основной закон, как, например гравитация для механики. Таким законом для теории психической энергии является Закон Сохранения Силы психической энергии, который одинаково лежит в основе обоих силовых полей — поля Эгосистемы и поля Интеллекта.

Этому закону мы обязаны понятием «Я», которое, как выяснили ученые, известно всем обществам и всем языкам. И однако же, которое с таким трудом поддается точному описанию и определению. Человек затрудняется ответить на вопрос, что он имеет ввиду, когда говорит «Я». Теория психической энергии

дает четкий ответ на этот вопрос: понятие «Я» есть порождения закона сохранения силы психики и обозначает объект контроля этого закона. То есть, когда человек говорит «Я» он говорит: это тот, чью силу надо сохранить.

В. Оствальд, автор старой эмпирической теории Энергетики (наша теория есть Энергетика Метафизики, о чем я много писала подробно в других книгах), разделял живые и неживые энергии на основе специфики закона сохранения силы: если закон этот принимает форму самосохранения, как в биологии например, значит это живая энергия. Если не принимает, то это энергия мертвая. Мы можем убедится из механизмов двух контролей этого закона в психике человека, что только поле Интеллекта есть живая энергия, тогда как поле Эгосистемы есть неживая, или иначе мертвая энергия.

Мы уже знаем, что силовых полей в психике два и что каждое имеет свою системы контроля закона сохранения силы: 1) для поля Эгосистемы — это физический контроль насилия и подчинения, 2) а для поля Интеллекта это научный контроль доступа к силам природных энергий. Два контроля таким образом будут означать наличие двух «Я», и только живое Я будет истинным Я человека. Вот почему, начиная уже с Платона и дальше через Евангелия, Спинозу и Кьеркегора до Фромма, Хорни и Маслоу современной психологии мыслители разделяют сознание человека на два «Я»: Истинное Я, которое понимают как разумное, совестливое и живое, как здоровье и добро таким образом; и другое Ложное Я, которое понимают, как автоматизмы бессознательного (вместо воли сознания), как жестокость насилия и мертвенность, то есть иными словами как болезнь и зло.

Действительно, зная механизмы двух силовых полей психики, нетрудно убедиться в том, что одно из них есть базисная энергия сознания человека, живая и разумная, а другое — только мертвый паразит на теле этой энергии. Для этого рассмотрим уравнение между понятием «Я» и потоком энергии каждого силового поля. Если они равны, то закон сохранения силы есть за-

кон самосохранения, если не равны то нет. Обозначим «Я» и «Эго» соответственно объекты контроля поля интеллекта и поля Эгосистемы, чтобы не путаться, и будем помнить, что обычный человек не умеет разделять их сам в себе и называет одним именем своего языка.

Что такое поток Энергии? Это специфика эмоциональной ткани каждого силового поля, порождаемая полюсами этого поля. Для поля Интеллекта, у которого полюса составляют Активный и Пассивный интеллект (Мышление и Законы природы), потоком энергии будет любознательность, страсть к познанию миру, интеллектуальный голод. Именно этот поток энергии человек и обозначает как свое «Я». Здесь равенство между Я и самой энергией есть закон самосохранения.

Для поля Эгосистемы полюса образуются как искажения чувственной информации о мире и о себе: Эго и СуперЭго это всего лишь искажения восприятия своей собственной энергии и всего остального мира. Истинное живое Я как поток энергии эмоций любознательности «отражается как в зеркале» в чувственной информации материальной энергии. Так мы получаем отражение истинного «Я» в виде «Эго», и уже знаем кардинальную разницу между ними: одно дело живой человек, другое дело его отражение в зеркале, одно дело сам человек, другое дело его фото, какими бы точными они ни были. Одно живое, другое мертвое. Так соотносятся истинное Я и ложное Эго: одно есть поток живых эмоций, а другое есть только мертвое фото этого потока.

Нам осталось выяснить, что же есть поток эмоций поля Эгосистемы и как он соотносится с Эго. Мы уже знаем, что чувственная информация дает нам две фигуры, а не одну: Эго как отражение поля интеллекта человека, и СуперЭго как отражение всего остального мира. Именно эти две фигуры образуют полюса силового поля материальной энергии психики. Поток эмоций поля Эгосистемы возникает между двумя этими полюсами из «страха сверхъестественных сил», который они порождают, провоцируя Эгозащиту. Это Верхняя и Нижняя Эгозащита циклического гомеостаза — притяжения Самолюбия и Влюб-

ленности (эмоции совершенно качественно отличные от эмоций поля Интеллекта). Таким образом, мы можем видеть что «Эго» будучи всего лишь одним из полюсов поля Эгосистемы не равно потоку ее энергии, то есть притяжениям Самолюбия и Влюбленности, и следовательно закон сохранения силы не носит закона самосохранения здесь. Что и требовалось доказать. Другими словами, тот паразит который поживает человечество не есть какой то живой злодей, который получает из этого выгоду, но мертвая энергия, которая течет автоматически через нашу живую разумную энергию и разрушает ее. В каком то смысле, здесь более уместна аналогия с тем, что человечество попало под грузовик, чем с тем, что сожрал какой-нибудь динозавр.

Язычество или иначе Идолопоклонство, с которым начали свою борьюу первые этические религии, как раз и были поклонением первобытного сознания «миражам Кривого зеркала» поля Эгосистемы: абстрактной силе как загрузкам Эго и СуперЭго, тотемам, камням и прочей магической материи в которой видели всесилие.

Этические религии объявили, что магия, наделяющая всесилием материю есть ложь, болезнь и порок, а Бог есть истина и этика, справедливость и совесть, и таким образом, раз и навсегда разделили «Истинное Я» поля Интеллекта и «Ложное Эго» идолопоклонства язычества. Понятно, что и раньше они были в человеке разделены, но только с осевого времени этических религий человек стал осознавать эту раздвоенность в себе.

С этих пор одно продолжали молиться идолам, которых видели или в кусках материи, или в самих себе, в своем Эго, которое наделяли всесилием; а другие поняли, что истинная сила нематериальна, что это Интеллект Господа и дух человека, произошедший от этого интеллекта, и что вера во всесилие материи разрушает истинную силу научного контроля своей нелепостью. Физический контроль остался магией всесилия материи, а научный контроль развивался как сила научного контроля над энер-

гиями природы, и как сила человеческого духа, потока эмоций поля интеллекта.

2. РАЗНЫЕ ПОНЯТИЯ ЛОЯЛЬНОСТИ. ИДОЛЫ ПОЛЯ ЭГОСИСТЕМЫ ФИЗИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ И ИСТИНА ПОЛЯ ИНТЕЛЛЕКТА НАУЧНОГО КОНТРОЛЯ

Итак, для нас важно выяснить, что такое понятия Преданности и Предательства для разных энергий сознания человека:

В зависимости от того, физический контроль поля Эгосистемы преобладает в человеке или научный контроль поля Интеллекта он будет предан либо Идолам Всесилия материи (как загрузкам Эго и СуперЭго, то есть как информации кривого зеркала); либо, если в нем преобладает научный контроль поля Интеллекта он будет предан Истине и Этике своей духовной энергии.

Понятно, что в первом случае человечество будет бесконечно дробиться на союзы и группы противостоящие друг другу в зависимости от своих ложных ассоциаций в противостоянии Эго друг друга и также легко предавать эти союзы, ведь все основано на ложной информации, и на ложной энергии. А во втором случае, служение Истине и Этике будет означать служение Богу-Интеллекту и соответственно всему человечеству как духовной энергии, ведь Истинное Я человечества едино. Это единство и проявляются в законах этики духовной энергии — совесть, справедливость и сочувствие не выражают ничего другого, как того факта что сохранить свою энергию также важно как сохранить всю духовную энергию человечества. У духовной энергии единый объект контроля закона сохранения силы психики.

Вот теперь когда мы вернемся к словам Тойнби о том, что «языческое государство» есть окаменелое Левиафан, где люди делают себе идолов из самих себя и из государства, эти слова больше не будут казаться нам пустым звуком. Теперь понятно,

что это значит, что Левиафан есть мертвое сообщество, которое служит миражам кривого зеркала, не существующим в действительности, теряя при этом свою разумную и живую энергию. Вот что значат эти слова, если мы расшифруем их на основе открытых законов психической энергии.

А. Тойнби «Постижение истории»:

> «Возврат современных людей к античным Идолам самих себя (Человекобоги, Сверхчеловеки) в их современных доспехах власти корпораций не дает адекватного представления о размерах этого зла. Самым серьезным симптомом этой болезни был другой, тот что в странах заявленных как демократии и заявленных как христианские страны подавляющее большинство религии и населения были на деле примитивным языческим поклонением Идолу общества, скрытому под красивым именем патриотизма».
>
> «recrudescence of Man's ancient worship of himself in the panoply of his corporate power gave no measure of the actual prevalenceof the malady. The most serious symptom was that, in professedly democratic and professedly Christian countries, four-fifths of the religion of five-sixths of the population was, in practice, now the
> primitive pagan worship of the deified community concealed under the fine name of patriotism».

Таким образом, мы можем оценить всю важность введенных Тойнби в анализ исторического процесса таких понятий как «Идолизация Левиафанов», «Эфемерное Эго», «Эфемерные институты», когда речь идет о национальных суверенитетах и патриотизме как истинного приложения Лояльности 9верности, преданности, служения, поклонения). Тойнби в этой связи, говорит о том, что Папская Церковь потеряла свою истинную силу научного контроля (естественного права этических религий) в результате того, что тоже склонилась к идолам поля Эгосистемы: к ложному Эго и Идолизации государства, и падение Папства стало «возмездием Немезиды»: «retribution of Nemesis for idolization of ephemeral self and ephemeral institutions».

А. Швейцер дает аналогичный Тойнби анализ развитию современного понятия и факта национализма и национальных суверенитетов, как Идолов «самомнения, высокомерия и само-

Обольщения», где «тщеславие зашло уже так далеко, что возможны и Геркулесовы столбы Глупости». И что национализм на деле означает разрушения цивилизации, культуры, рационализма и есть симптом возврата к варварству язычества. Таким образом, Швейцер тоже подчеркивает, что Наицонализм суверенных государств есть Идолы Левиафанов — варварство язычества мертвой энергии, и смерть разумной цивилизации.

А, Швейцер «Упадок и возрождение культуры»:

> «Что такое национализм? Неблагородный и доведенный до абсурда патриотизм, находящийся в таком же отношении к благородному и здоровому чувству любви к родине, как бредовая идея к нормальному убеждению. Культ национализма самого по себе должен быть приравнен к варварству; он действительно заявляет о себе как о варварстве из за неизбежных войн, которые он всегда с собой приносит. С упадком цивилизации характер идеи национализма изменился. Если раньше понимание национализма вытекало из общих моральных идей цивилизации, то теперь эта связь с этикой прекратилась, потому что этика сама оказалась осуждена. И таким образом, идеи национализма приобрели свое собственное независимое от этики существование.
> Современные массы требуют оградить национальные воззрения от влияния разума и нравственности,
> считая это самым верным средством не допустить профанации священнейших чувств. Если в былые времена упадок культуры не вызывал такой путаницы в чувствах народов, то объясняется это тем, что национальная идея в рамках прежних культур никогда не возводилась до уровня культурного идеала нынешней значимости. Поэтому тогда и не могло случиться, чтобы национальная идея в конце концов подменила подлинные идеалы культуры и еще больше стимулировала и усложнила состояние бескультурья представлениями
> и убеждениями, внушенными уродливо националистическим подходом к жизни. В том, что истоки национализма лежат не столько в самой действительности, сколько в ее искаженном преломлении в воображении масс, нетрудно убедиться на примере любой националистической концепции. Национализм утверждает, что ведет реальную политику. В действительности же для него совершенно не характерен подлинно деловой и здравый подход к решению любых вопросов внешней и внутренней политики. Ибо национализм по своей сущности не только эгоистичен, но и энтузиастичен.
> Напоказ она выставляла экономические интересы,

а про запас держала националистические идеи величия и преследования «врагов» нации. Ради усиления своей мощи каждое культурное

государство брало себе в союзники всех, кого только могло. В результате полуцивилизованные и совсем нецивилизованные народы стали использоваться в эгоистических интересах одними культурными народами против других. Но помощники не довольствовались отведенной им ролью слепых орудий. Они во все возрастающей степени влияли на ход событий, пока не приобрели власти предписывать культурным народам Европы, когда следует выступить ради них друг против друга. Таково было возмездие за то, что мы отказались от собственного достоинства и принесли в жертву бескультурью последние остатки того общего достояния, которым некогда располагали

Показательным для нездоровой сущности так называемой реальной политики национализма было стремление во что бы то ни стало прикрыться розовым флером идеала. Борьба за власть стала борьбой за право и культуру. Коалиции, в основе которых лежали эгоистические интересы борьбы одних народов против других, выдавались за содружества, продиктованные исконным родством уз и судеб, и подкреплялись ссылками на прошлое, даже если история давала больше примеров смертельной вражды, чем проявлений внутреннего родства. В конечном счете национализму было уже недостаточно в своей политике отвергать любую надежду на осуществление идеи культурного человечества. Провозглашая идею национальной культуры, он стал разрушать представление о самой культуре.

Противоестественность такого развития проявляется не только в его непосредственных результатах, но и в той роли, которая по его вине выпадает на долю самомнения, высокомерия и самообольщения. Все ценное в личности пли в ее действиях, объясняется национальным своеобразием. Считается, что под чужими небесами ничто подобное вообще невозможно. В большинстве стран это тщеславие зашло уже так далеко, что для него вполне достижимы и геркулесовы столбы глупости. Само собой разумеется, духовное начало в национальной культуре отступает далеко на задний план. Оно теперь в большей мере лишь внешний наряд ее. А на деле национальная культура носит ярко выраженный материальный характер. Она представляет собой совокупность всех внешних достижений соответствующего народа и выступает в союзе с его экономическими и политическими требованиями. Современные народы ищут рынков сбыта для своей культуры так же, как и для изделий своей промышленности или сельского хозяйства.

> Так мир становится ареной конкуренции
> национальных культур, пагубно сказывающейся на собственно культуре. Мы уже больше не верим, что пароды, которые в качестве наследников греко-римского мира вместе вступили в средневековье и затем в условиях интенсивнейшего взаимного обмена идеями на собственном опыте познали Ренессанс, Просвещение и мышление нового времени, составляют вместе со своими ответвлениями в новых частях света монолитное культурное целое. Но если различия в их духовной жизни проявлялись в новейшее время все сильнее, то причина здесь прежде всего в неуклонном упадке культуры. Так при отливе обнажаются разделяющие водную стихию мели, которые во время прилива скрыты под водой
> Теперь уже для всех очевидно что идет процесс самоубийства цивилизации. То что еще остается от нее теперь в опасности. Ибо как все остальное что осталось от культуры оно теперь стоит на развалинах, и следующий оползень скорее всего снесет и эти остатки цивилизации»

Есть замечательная книга Ж. Бенда «Предательство Интеллектуалов», всемирное признание которой придет (как в случае с рядом других прекрасных книг) вместе с признанием Научной Революции Энергетика (хотя и сейчас эти книги хорошо известны в кругах специалистов). Там Бенда остро ставит вопрос о том, что есть Долг Людей Мысли или Священства (clergy), чему они должны быть верны и когда они становятся Предателями. Конечно, то что верно для Людей Мысли — верно для всех людей, но пока идет процесс становления цивилизации простых людей упрекать неразумно, так как они просто неспособны достигнуть таких духовных высот как интеллигенция общества.

И вот Бенда рассказывает в своей книге Историю Крушения Рационализма, крушения Метафизики Интеллекта Платона, Декарта, Спиноза и Ренана, что принесло потерю Истины, потерю Науки, потерю Этики. В результате, сокрушается Бенда, интеллектуалы, которые должны были защищать Истину и Совесть, сохранять в обществе науку и этику, оказались теми самыми, кто оправдывал на теоретическом уровне отсутствие всякой истины, крайний имморализм и насилие. Результатом стало распространение теорий национальных суверенитетов и противопоставле-

ния всех народов друг другу, что как предсказал Бенда привело сначала к Первой мировой войне, а потом и ко Второй мировой войне.

Таким образом, интеллектуалы Предали Истину — свой реальный объект контроля, и поступили на службу к Идолам Левиафанам, перестав быть интеллектуалами и превратившись в рядовых аборигенов — язычников магических культов идолопоклонства. Так, Ганди в «Мои эксперименты с истиной» пишет что работа адвокатом вызвала у него глубокое отвращение к тем представителям профессии, кто «проституировал свой разум» ради денег (сам он отдавал все силы своим беззащитным собратьям и никогда не брал деньги за защиту). О том же пишет другой святой адвокат — Августин Блаженный в своей знаменитой «Исповеди», как он пришел к глубокому раскаянию в своей светской профессии адвоката, занятого только красноречием в самолюбовании. Б. Рассел пишет в «Истории западной философии», что философ должен всегда следовать за истиной, и что любой отход от нее, даже в самых лучших целях, есть предательство истины.

И наоборот. Национальные суверенитеты обвиняют настоящую интеллигенцию, которая подобно Бенде всегда остается на стороне Истины общечеловеческих ценностей, на стороне общечеловеческой этики — в предательстве своих стран. Как называли предателем Бертрана Рассела, известного своей теорией Интернационального или демократического социализма; как называли предателем Ромена Ролланда, отказавшегося подобно Расселу принимать участие в Первой мировой («Над схваткой»), а Жореса за такую позицию даже убили как известно.

Понятно, что Научная Революция Энергетика ставит вопрос ребром: Кто есть предатель? Тот кто предал Идолопоклонство Левиафанам или тот кто предал Истину и Этику Человечества?

Д. С. Мережковский «Красная Шапочка»:

> «Великая Россия для своего создания, — говорит Струве, — требует от всего народа, и прежде всего от его образованных классов, при-

знания идеала государственной мощи». Этот идеал должен образовать «железный инвентарь нового политического и культурного сознания». Только государство и его мощь могут быть для настоящих патриотов путеводной звездой. Остальное — «блуждающие огни». Верховный закон государственной мощи для Струве определяется так: «Всякое слабое государство — добыча государства сильного».
Надо есть других, чтобы не быть съеденным; народ народу — зверь. Этот закон природного, дочеловеческого, звериного бытия есть вместе с тем будто бы и верховный закон бытия государственного.
Человек не зверь. Человек иногда не может не быть, но никогда не хочет быть зверем; не быть зверем и значит быть человеком.
Уход от зверства и есть человечество. Так нам казалось; но вот оказывается, что все это революционная «романтика», «блуждающие огни», гнилые устои почти рухнувшей идеологии. Патриотизмом «великой России» должно отныне сделаться стремлением к новому, сознательному, оправданному культурному зверству, и это стремление должно образовать «железный», может быть, не только железный, но и кровавый «инвентарь нового культурного сознания» — почему же, однако, «нового», а не древнего? почему «культурного», а не варварского? Ведь именно безусловное принятие закона: слабый — добыча сильного, как закона верховного и единственного, восторженное преклонение перед зверством как перед абсолютной «мощью» и есть глубочайшая основа древнего варварства, пусть даже вечного и неизбежного, но с которым так же вечно и неизбежно вся человеческая культура борется.

Я люблю свободу больше, чем родину: ведь у рабов нет родины; и если быть русским значит быть рабом, то я не хочу быть русским; и если в такой любви к свободе вплоть до возможного отречения от родины состоит «банальный радикализм» — я хочу быть банальным.

Как ни субъективны эти мои признания, они для Струве не могут не иметь и некоторого значения объективного. Я — член того «образованного русского общества», которому он предлагает свой идеал. По мне может он судить если не о всех, то о множестве подобных мне. Та же соль, которою все море солоно, должна быть и в каждой капле.

Ежели русская соль — государственность в том смысле, как ее понимает Струве, то я пресен, как родниковая вода».

3. ИДОЛОПОКЛОНСТВО ДЕНЬГАМ И ВЛАСТИ — КОЛИЧЕСТВЕННАЯ АБСТРАКЦИЯ ПОЛЯ ЭГОСИСТЕМЫ

Нормальные люди видят свое благосостояние в Здоровье. Причем одинаково в Здоровье Духа и Здоровье Тела. Конечно, если бы эти два вида здоровья составляли альтернативу друг другу, то мы, носителям духовной энергии, выбрали бы несомненно здоровье духа, как всегда его выбирали люди развитого сознания в более трудные времена. Однако, к счастью никакого противоречия в Нормальном обществе между здоровьем духа и здоровьем тела не существует. Так что мы вполне можем определить идею благосостояния человечества как Здоровье Человека на обоих уровнях его энергии — на психическом уровне, и на биологическом уровне.

Однако, сегодня наше общество Нездорово, как очень красноречиво доказывается в книге Э. Фромма «Здоровое общество». Этот автор один из самых глубоких ученых, создавший свою теорию психической энергии об «Истинном Я» и «Ложном Эго», выразив все существенные закономерности антагонизма этих энергий в сознании человека. Недостатком как у всех писателей до Научной Революции Энергетика является отсутствии терминов энергетики, отсутствие описания психики как двух силовых полей, и потому его теория для его времени оставалась недоказуемой. Сегодня, мы можем уже научно доказать, что психика есть закономерности двух силовых полей психической энергии.

Первым западную цивилизацию назвал шизоидной Фромм, хотя теория Гибрис-Эго как историю античности была разработано уже в рамках Научной Революции Энергетика. Фромм же дал определение и диагноз болезни современных национальных демократий как общества Идолопоклонства (Идолизации) Деньгам и Власти, как «Религии Успеха». При этом именно Фромм подчеркнул в той же книге, что Идолизация Денег и Власти — процесс, основанный на Количественной Абстракции, который сводит Идею Благосостояния человека не к здо-

ровью (духовному и телесному), а к Накоплению Абстрактной Силы в руках индивидов. В этом и состоит душевная болезнь общества, где здоровьем жертвует для Накопления Абстрактной Силы, не зная зачем она им нужна. Фромм и называет этот процесс ненасыщаемым иррациональным служением Идолам Денег и Власти.

Итак, давайте еще раз вернемся к закономерностям поля Эгосистемы. Что отражают две фигуры поля Эгосистемы: Эго и СуперЭго? Противостояние «отражения» самого человека и всего остального мира, это мы знаем. Мы также помним, что отражение это человека и мира происходит как количественная абстракция силы, когда все разнообразие мира и вся сущность самого человека сводятся только к условному силовому давлению, к некоей единой «силе», различие которой только в количествах. Понятно, что в реальности, в природе такой единой количественной силы не существует, и что это есть только порождение искаженного чувственного восприятия физического контроля ЗСС (закона сохранения силы). Дюркгейм так и определил тотемизм в своей книге об австралийских аборигенах: как поклонение некоей количественной абстракции силы, и даже провел параллель (неверно) с нашим научным восприятием природных энергий. Потому что научное восприятие есть восприятие реальности, и оно отражает энергии природы во всем их качественном разнообразии, тогда как количественная абстракция физического контроля сводит все многообразие природных энергий космоса к одному количественному силовому давлению. В чем то впрочем аналогия Дюркгейма верна, если мы вспомним что и научный контроль и физический контроль есть функция закона сохранения силы психики, и в этом смысле в самом деле и разумное сознание видит энергии в природе, и магическое сознание видит количественную абстракцию сил.

Однако, если разумное сознание видит реальные энергии, в том числе и реальные механизмы и качества своей собственной энергии, и потому здоровое, то магическое сознание поля Эгосистемы сводит все отношения в мире к борьбе за накопле-

ние физической силы, в борьбе за концентрацию возможностей силового давления. В этом и есть энергетический смысл Идолопоклонства Деньгам и Власти, которые интересны таким энтузиастам (или как говорит Макс Вебер в «Протестантской этике и капитализме» Поэтам Чисел) как выражение давления силы, ведь они не смогут столько потребить благ. Действительно, деньги — идеальный инструмент не только для разумных целей экономики, которые тоже конечно имели и все еще имеют свою важную историческую роль (хотя представляется что она будет с ростом цивилизации сводится к минимуму), но и для такого процесса «количественного абстрагирования» поля Эгосистемы, которое в деньгах как бы получает свою материализацию. То что раньше виделось сверхъестественными силами природы и порождало поклонение тотемам у абориген, теперь в обществах, где все человеческие отношения получают выражение в количественной абстракции денег материализуется в реальной силе денег. Деньги становятся той всесильной магией, тем тотемом, которому поклонялись аборигены. То же самое, хотя в меньшей степени можно сказать и о власти. Аборигены еще не знали что такое власть, хотя у них уже было готово притяжение Влюбленности для подчинения любой власти (поклонение тотемам, добровольные самопожертвования, самоистязания, изнуряющие магические ритуалы и тд). Зато в современных обществах ее очень много, начиная от самых небольших организаций до правительственных уровней. И вот современные аборигены гоняются за «магией» власти и денег, и когда накопления не делают их счастливее они очень удивляются. Но как же, оставаясь на больной энергии поля Эгосистеме и гоняясь за количеством силового давления в образе «магии всесилия», они хотели обрести Благосостояние?

Э. Фромм, «Здоровое общество»:

> «Мы можем говорить об идолопоклонстве и отчуждении, присущим отношению не только к другим людям, но и к самому себе в том случае, если человек находится во власти иррациональных стра-

> стей. Человек, движимый главным образом жаждой власти, уже не воспринимает себя во всем богатстве и во всей безграничности человеческого существа; он становится рабом своего частичного, проецируемого на внешние цели стремления, которым он <одержим>. Человек, предающийся исключительно страсти к деньгам, охвачен этим своим стремлением; деньги — идол, которому он поклоняется как воплощению одной отдельно взятой собственной силы и его неудержимой тяги к ней. В этом смысле невротик — это отчужденная личность. Его действия не являются его собственными; хотя он и питает иллюзию, будто делает то, что он хочет, в действительности им движут силы, отделенные от его Я, действующие за его спиной; он — чужой самому себе, подобно тому как чужд ему его ближний. Он воспринимает другого человека и самого себя не такими, каковы они в действительности, его восприятие искажено неосознаваемыми им силами, действующими в нем. Душевнобольной — это человек, абсолютно отчужденный; он полностью перестал ощущать себя средоточием своего собственного восприятия; он утратил чувство самости».

Э. Фромм, «Человек для себя»:

> «Распространенное отсутствие подлинной радости и счастья совершенно исключает такое объяснение. Современное общество, несмотря на все то значение, какое оно придает счастью, индивидуальности и личным интересам, научило человека чувствовать, что не его счастье (или, если воспользоваться теологическим термином, не его спасение) является целью жизни, а его долг трудиться или его успех. Деньги, престиж и власть стали его побудительными мотивами и целями. Человек пребывает в иллюзии, что он действует в своих личных интересах, а на самом деле он служит чему угодно, но только не интересам своего реального „я". Все что угодно важно для него, за исключением его жизни и искусства жить. Он существует для чего угодно, только не для самого себя..... В результате современный человек живет по принципу самоотречения, а мыслит с точки зрения личного интереса. Он считает, что действует в своих личных интересах, в то время как в действительности его первостепенным интересом являются деньги и успех; он не отдает себе отчета в том, что его самые важные человеческие возможности остаются нереализованными, и он утрачивает себя в процессе поисков того, что кажется ему наилучшим для него. Вырождение смысла понятия личного интереса тесно связано с изменением концепции Я».

Э. Фромм, «Здоровое общество»:

«Такой абстрактный подход существует и в отношении явлений, не принадлежащих к числу продающихся на рынке товаров, скажем, наводнения; газеты будут писать о нем, называя его <бедствием, нанесшим ущерб в миллион долларов>, подчеркивая скорее абстрактный количественный аспект, чем конкретную сторону человеческих страданий.

Однако абстрактный и количественный подход распространяется далеко за пределы мира вещей. Люди тоже воспринимаются как воплощение выраженной количественной меновой стоимости. Сказать о человеке, что он <стоит миллион долларов>, — значит говорить о нем уже не как о конкретной человеческой личности, а как об абстракции, сущность которой можно выразить цифрами. Проявление подобного отношения наблюдается в случае, когда газета помещает некролог подзаголовком <Смерть обувного фабриканта>. В сущности, умер человек, обладавший определенными человеческими качествами, знавший надежды и разочарования, имевший жену и детей. Он действительно производил обувь или, точнее, владел и управлял фабрикой, на которой рабочие обслуживали станки, изготовляющие обувь. Но когда говорят о <смерти обувного фабриканта>, богатство и конкретность человеческой жизни предстает в виде абстрактного определения экономической функции.

Аналогичный процесс сведения к абстракциям наблюдается и во всех прочих областях. Нью-йоркская газета <Таймс> недавно опубликовала заметку под заголовком: <B.Sc. + PhD = $ 40 000> (то есть: <40 тыс. долл. за две степени: бакалавра и доктора наук>). В статье под таким несколько тяжеловесным заголовком сообщалось, что, согласно статистическим данным, выпускник технического учебного заведения, получивший докторскую степень, заработает за всю свою жизнь на 40 тыс. долл. больше, чем человек, имеющий только степень бакалавра. Поскольку это действительно так, мы имеем дело с интересным социально-экономическим фактом, о котором стоит рассказать. Я упоминаю здесь об этом потому, что способ подачи этого факта в виде равенства между ученой степенью и определенной суммой долларов показателен для мышления, оперирующего абстракциями и количествами, при котором знания воспринимаются как воплощение определенной меновой стоимости на рынке личностей. То же самое имеет место, когда информационный журнал публикует политическое обозрение, в котором говорится, что, по мнению администрации Эйзенхауэра, она располагает настолько большим <капиталом доверия>, что может отважиться на проведение непопулярных мер, так как может <позволить себе> лишиться части этого капитала. Здесь опять такое человеческое

> свойство, как доверие, выражено в абстрактной форме, как если бы оно было капиталовложением, обращаться с которым надо так, как принято на рынке. Насколько сильно коммерческие категории проникли даже в религиозное мышление, показывает следующий отрывок из статьи епископа Шина, посвященной рождению Христа. <Наш разум говорит нам, — пишет автор, — что если бы кто-нибудь из претендентов (на роль Сына Божьего. — Э.Ф.) пришел от Бога, то самое меньшее, что мог бы сделать Господь, чтобы поддержать притязание Посланного Им, это заранее возвестить о Его приходе. Ведь производители автомобилей сообщают нам, когда можно ожидать появления новой модели>. Или, как еще более категорично говорит миссионер Билли Грэхем: <Я продаю величайшее в мире произведение, так почему бы не содействовать его распространению, как это делается при продаже мыла?>.

Однако процесс сведения к абстракциям имеет еще более глубокие корни и серьезные проявления, чем те, что были описаны выше; эти корни уходят в самое начало нашей эпохи: в разложение в ходе жизни всех конкретных референтных систем»

Там, где Фромм говорит об Идолопоклонстве Деньгам и Власти, Бертран Рассел говорит о «Религии Успеха» (о том же писал Фейхтвангер). Мне кажется, что выражение ФРомма много удачнее, хотя говорят они об одном и том же: о «магии денег и власти» как сведении Благосостояния человека к накоплению силового давления. Слово «религия» здесь конечно неуместно. А вот слова «магия и идолопоклонство», конечно, идеально выражают суть, поскольку мы имеем дело с магическим полем Эгосистемы. Рассел подчеркивает, что увлечение бизнесом в своей сути не есть мотивация связанная с достижением Здоровья — Души или Тела. Не здоровье является целью рыночной активности в большинстве своем, а Тщеславие Эгозащиты в достижении максимального силового давления как Победителя в Борьбе за Силу. И он также как Фромм подчеркивает иррациональную сущность поведения бизнесменов мира рыночной конкуренции.

Б. Рассел, «Борьба за счастье»:

> «Если вы спросите любого американца или любого делового англичанина, что приносит им наибольшее удовлетворение в жизни, он

скажет: Борьба за выживание. Он скажет это со всей серьезностью, свято веря в то что говорит. В определенном смысле это правда; но в то же время, в другом, очень важном смысле, это глубоко ложное представление. Прежде всего, бизнесмен имеет ввиду нечто совершенно другое, когда он говорит о „борьбе за выживание". Это неточное выражение, которым прикрываются, чтобы придать достоинство чему-то изначально тривиальному. Спросите его, как много людей своего класса он знает, кто бы умер от голода. Спросите его, что стало с его друзьями после банкротства. Всем известно, что обанкротившийся бизнесмен значительно лучше благоустроен нежели человек, который никогда не был достаточно богат, чтобы иметь шанс для банкротства. Таким образом, истинное значение „борьбы за выживание" лежит в борьбе за успех. Реальный страх такой борьбы не в том, что они могут остаться завтра без завтрака, а в том, что им не удастся затмить своих соседей. ...Это очень хороший доход и они могли бы, если бы захотели, жить на него. Но уйти из бизнеса и жить на проценты им кажется стыдным, как дезертирство из армии перед лицом врага, хотя если вы спросите, какой общественной пользе служит их дело, они затрудняться вам ответить, и пустятся в банальные оправдания необходимости напряженной борьбы за жизнь. Религия и слава бизнесмена требуют производства больших денег, поэтому, подобно индийской вдове, бизнесмен с радостью истязает себя во имя великой цели. Если американский бизнесмен хочет стать счастливее, он должен сначала изменить свою религию. Пока он не просто хочет успеха, но глубоко убежден, что успех есть долг настоящего мужчины, и что те кто не добивается успеха — презренные существа, он будет слишком напряжен и однонаправлен, чтобы быть счастливым. Следствием становятся частые потери денег и постоянная тревога и терзания. Лично я вижу пользу денег только в досуге и безопасности. Но для современного мужчины деньги — это средство пустить пыль в глаза, похвастать своим превосходством, блеском, шикарной жизнью, чтобы затмить тех, кто был до сих пор его ровней. Более того, умение делать деньги стало признанным средством меры интеллекта. Человек, который делает много денег — умен; а тот кто не может — глуп. Никому не нравится прослыть за глупца. Поэтому, когда рынок нестабилен, мужчина чувствует себя так, как юноши чувствуют себя на экзамене. Корень зла в той значимости, которую придают соревновательному успеху, конкуренции и победе, как основным источникам счастья. Я не отрицаю, что чувство успеха делает жизнь более привлекательной. Художник, который творил в безвестности всю свою молодость, скорее всего будет рад, если его

таланты наконец признают. И я не отрицаю, что деньги, до определенной границы, также имеют способность способствовать нашему счастью; но выше этой границы, я не считаю деньги полезными. Главное что я хочу подчеркнуть, что успех — только один ингредиент счастья, и этот ингредиент слишком дорого куплен, если все остальные жизненные ценности и интересы были принесены ему в жертву».

....Как бы там ни было, громадный успех этих современных динозавров, которые, как и их доисторические прототипы, предпочитают силу интеллекту, сделал их образцами для подражания по всему миру: они стали моделью белого человека повсюду, и скорее всего, тенденция эта будет набирать силу еще в течении следующего столетия. Те, однако, кто сегодня не в моде, могут успокаивать себя мыслью, что в конечном итоге динозавры вымрут; они поубивают друг друга и наблюдающие за их битвой со стороны интеллектуалы унаследуют их королевство. Наши современные динозавры сживают друг друга с лица земли».

Джон Перкинс Исповедь экономического убийцы

«Настоящая правда современной империи — это правда о корпоратократии, которая эксплуатирует отчаявшихся людей и производит самый жестокий, эгоистичный и в конечном итоге саморазрушительный захват земель, — не имеет отношения к тому, что появилось в тот день в газетах, но зато напрямую касается нас. И это, конечно, объясняет, почему нам так трудно выслушать эту историю. Мы скорее предпочитаем верить мифу о том, что тысячелетняя социальная эволюция наконец создала идеальную экономическую систему, чем признать, что мы поверили ложной концепции и воспринимаем ее как Евангелие. Мы убедили себя, что экономический рост приносит пользу человечеству и что чем больше этот рост, тем лучше для человечества. И наконец, мы убедили друг друга, что последствия этой концепции морально справедливы: те, кто высекают благословенную искру экономического роста, должны быть возвышены и вознаграждены; стоящие же в стороне подлежат эксплуатации. И сама концепция, и ее следствие используются для оправдания всех видов пиратства: она санкционирует насилие, мародерство и убийство ни в чем не повинных людей в Иране, Панаме, Колумбии, Ираке. ЭУ, шакалы и армии процветают до тех пор, пока их действиями объясняют экономический рост — а рост этот демонстрируют почти всегда. С помощью „научного“ манипулирования методами прогнозирования, эконометрики и статистики, если вы, например, разбомбили го-

> род и затем заново отстроили его, можно продемонстрировать огромный скачок в экономическом росте. Истина состоит в том, что мы живем ложью. Подобно моему резюме в МЕЙН, мы создали внешний слой, который прикрывает смертоносную раковую опухоль. Эта опухоль обнаруживается только с помощью рентгеновских лучей все той же статистики, которая раскрывает ужасающий факт. Наиболее могущественная и богатая империя в истории имеет страшно высокие показатели случаев самоубийств, наркомании, разводов, растления малолетних, актов насилия, убийств. Как злокачественная опухоль, эти несчастья ежегодно проникают своими щупальцами все дальше. Каждый из нас в душе чувствует боль»

К. Поппер, «Открытое общество и его враги»:

> *«Даже если государство защищает своих граждан от запугивания физическим насилием (как оно, в принципе, делает в системе не ограниченного законодательно капитализма), наши цели могут оказаться недостижимыми из-за неспособности государства защитить граждан от злоупотребления экономической властью. В таком государстве экономически сильный все еще свободен запугивать того, кто экономически слаб, и может отнять у него свободу. В этих условиях «неограниченная экономическая свобода может быть столь же саморазрушающей, сколь и неограниченная физическая свобода, и экономическая сила может быть почти так же опасна, как и физическое насилие»*

Артур Шлезингер «Циклы американской истории»:

> «Американцы свято верят в миф о том, что экономическое процветание США является результатом ничем не ограниченного частного предпринимательства — можно подумать, что мощнейшая экономика XX в. — плод непорочного зачатия, при котором роль Богородицы выпала на долю Адама Смита. „Богатство народов“ и Декларация независимости увидели свет в незабываемом 1776 г. Это совпадение окончательно укрепило веру в то, что звезда экономического либерализма и звезда американской республики взошли на небосклоне одновременно и с тех пор сияют в полной гармонии на благо человечества.»
> ....«Кредо манчестерской группы подкреплялось теорией Дарвина. Теоретики неограниченного экономического либерализма, ссылаясь на эволюционное учение Дарвина, приходили к выводу о том, что выживание наиболее приспособленных в процессе свободной конкуренции на рынке является гарантией прогресса цивилизации. „Ес-

ли вообще возможно говорить о какой-то теории в стране, обходящейся без всяких теорий, — писал Брайс в 1888 г. в своей работе „Американская республика“, — то ортодоксальная теория экономического либерализма составляет ныне основу как федерального законодательства, так и законодательства штатов“. Судьи, подобные Дэвиду Брюэру, нанесли тяжелый удар по социальному законодательству во имя святого принципа *laissez-faire*»

.....«Гигантские корпорации становились угрозой для демократии. Генри Адамс поднял этот важнейший вопрос еще в 1870 г. Железнодорожная компания «Эри», писал он, «попирала закон, традиции, мораль и любые другие регуляторы общественной жизни, не испытывая при этом ни малейших угрызений совести и действуя совершенно бесконтрольно. В Америке широко распространено убеждение, что в недалеком будущем корпорации еще более могущественные, чем «Эри»... возьмут под контроль деятельность правительства»

..... «К 1982 г., к столетию со дня рождения Рузвельта, администрация Рейгана, извлекши из сундука ветхие знамена с начертанными на них лозунгами laissez-faire, сконцентрировало всю свою деятельность на опровержении идей Рузвельта и ликвидации его достижений. Никто в XX в. не обрушивался на принципы правительственного вмешательства в экономику столь страстно и яростно, как Рейган... Апологеты неограниченного индивидуализма, отвергающие начисто социальную ответственность государства, льют воду на мельницу марксизма, причем куда более эффективно, чем коммунистические лидеры. В результате проводимой в 80-е годы политики снижения налогового бремени для состоятельных слоев и сокращения социальных программ для неимущих число бедняков в США увеличилось на 6 млн. В результате 5-летнего правления Рейгана по меньшей мере один из каждых пяти американцев в возрасте до 18 лет живет в бедности. «Наше общество — первое в истории, — указывает сенатор Мэйнихен, — в котором самой обездоленной группой населения являются дети». В результате классовая и политическая борьба вновь приобрела остроту и размах, невиданные со времен Великой депрессии. Политика Рейгана обернулась бедой для людей, и без того едва сводивших концы с концами. Говорят об очищении через страдание. Пусть так. Но препохабен тот порядок, при котором имущие классы призывают обездоленных очиститься страданием. Социальная ответственность должна быть неотъемлемой чертой любого свободного политического устройства

.....«Опираясь на опросы общественного мнения, а также на исторические данные, они выявляют наличие продолжающейся борьбы между капиталистическими ценностями — неприкосновенно-

стью частной собственности, максимизацией прибыли, культом свободного рынка, выживанием сильнейших — и демократическими ценностями — равенством, свободой, социальной ответственностью и всеобщим благосостоянием, которые в случае необходимости обеспечиваются общественными мерами по регулированию вопросов собственности и ограничению прибылей. Пока это скорее напряженность, чем непримиримое противоречие. Капитализм и демократия начинали как союзники в ходе революции против абсолютной монархии и феодальной аристократии и продолжают разделять веру в личную свободу, суверенитет народа, ограничение власти государства и равенство всех перед законом. В Америке капитализм включает в себя демократию, а демократия — капитализм. Тем не менее эти две системы взглядов указывают в разные стороны. Обзорное исследование „недвусмысленно“, по определению Макклоски и Заллера, показывает, что, хотя ни одна из этих сторон не стремится к ликвидации другой, те, кто наиболее привержен демократическим ценностям, оказывают минимальную поддержку капитализму, а те, кто наиболее привержен капиталистическим ценностям, оказывают минимальную поддержку демократии»

Эллиот Аронсон «Общественное животное»:

«А теперь взглянем на наше собственное общество. Создается впечатление, что мы, американцы, представляем собой культуру, процветающую благодаря соревнованию, конкуренции: мы вознаграждаем победителей и отворачиваемся от побежденных. На протяжении двух столетий наша система образования была основана на соревновательности и законах выживания. За редким исключением, мы не обучаем детей любить учебу — мы учим их бороться за высшие оценки. Когда Грантленд Раис — журналист, пишущий о спорте, заявлял, что важно не то, проиграл ты или выиграл, а то, как ты играешь, он не описывал доминирующее начало американской спортивной жизни, а прописывал лекарство для лечения нашей зацикленности на выигрыше и ни на чем ином! Проявления этой невероятной культурной одержимости победой видны повсюду. Диапазон простирается от футболиста, рыдающего после поражения своей команды, до студентов-зрителей на стадионе, скандирующих: <Мы — номер один!>, от президентов типа Линдона Джонсона, чьи суждения во время вьетнамского конфликта были явно искажены неоднократно высказываемым им желанием не оказаться первым хозяином Белого дома, проигравшим войну, или Джорджа Буша, который в бытность свою президентом <мужественно> сражался со своим имиджем

> <слабака>, и до простого школьника третьего класса, презирающего одноклассника только за то, что тот не столь успешен в математике. Вине Ломбарди, очень успешный тренер профессиональных футболистов, подытожил все вышесказанное одной простой фразой: <Победа — это не самое важное; это — единственное, что важно>. То, что особенно пугает в подобной философии, — это ее приверженность идее: цель — победа — оправдывает любые средства, использованные вами, чтобы победить. Однако в любом случае, оглядываясь по сторонам и видя вокруг мир, полный раздоров, международной и межрасовой ненависти и недоверия, бессмысленной бойни и политических убийств, мы чувствуем, насколько оправданно наше недоверие к сегодняшней <ценности> такого поведения для выживания человечества»

Г. Уэллс, «Новый мировой порядок»:

> «Военная буря, которая теперь обрушилась на нас из-за продолжившегося раздробления общего управления на лоскутное одеяло суверенных государств, является лишь одним аспектом общей потребности в рациональной консолидации человеческих дел. Независимое суверенное государство с его вечной военной угрозой, вооруженное ресурсами современных механизмов устрашения, является лишь самым вопиющим и ужасающим аспектом того же самого отсутствия согласованного общего контроля, которое делает разросшиеся, независимые, суверенные, частные организации и объединения бизнеса социально разрушительными. Мы все зависели бы от милости „Наполеонов“ торговли и „Аттил“ финансов, если бы в мире не было ни пушек, ни линкоров, ни танков, ни военной формы. Нас можно было бы продать и обездолить».

4. ИДОЛЫ ДЕМОКРАТИЙ НАЦИОНАЛЬНЫХ СУВЕРЕНИТЕТОВ — ПОКЛОНЕНИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ СИЛЕ, НАСИЛИЮ

Как мы могли видеть из приведенных цитат активность поля Эгосистемы как право силы физического контроля оправдывалась теорией Социального Дарвинизма. Действительно, история человечества есть медленный и постепенный процесс в накоплении знании и развитии научного контроля духовной энергии. И пока идет этот медленный процесс становления на-

учного контроль, все тысячелетия было активно ничем неограниченное поле Эгосистемы, которому не нужно созревать и становится и автоматические механизмы которого готовы к работе с самого его зарождения. Вот почему на поверхности реального процесса истории человечества, шла эта трагикомедия войны всех против всех физического контроля. Вот почему менее проницательные люди увидели сходство в механизмах физического контроля поля Эгосистемы с механизмами борьбы за выживание биологического мира. Повторюсь, что теория эволюции очень правильная для биологического мира, не может быть применима к миру социальному, к психической энергии человека; ведь даже сходство с материальной энергией психики, с полем Эгосистемы тоже самое поверхностное. Прежде всего, биологическая энергия –жива, то есть закон сохранения силы имеет вид самосохранения (в этом ее сходство с духовной энергией, но только в этом!). И таким образом противоборство животных действительно имеет смысл как борьба за выживание. А поле Эгосистемы — мертвая энергия-паразит, которая течет через психику живой разумной энергии человека, разлагая ее. Это процесс в котором погибает все человеческое, и никто и ничто не выигрывает — абсурд и бессмыслица. С другой стороны, эволюция животных помогая им приспособиться к окружающей среде тем не менее никогда ничего не изменит в циклическом гомеостазе материальной энергии животных, так что они обречены на циклическое возвращение голодов всех видов, на страдания ненасыщаемой мотивации неустойчивого циклического равновесия. В этом ее действительное сходство с материальной энергией психики, которая также движется циклическим гомеостазом ненасыщаемой болезненной мотивации возобновляемого дефицита (голода).

Вот почему недалекому взгляду Социального дарвинизма представилась аналогия между поверхностной историей человечества как войны всех против всех такой же правдоподобной как афинским посланцам, утверждающим право силы в Истории Фукидида.

Однако Б. Рассел справедливо замечает, что в условиях современной техники уже точно нельзя говорить о войнах, как о выживании сильнейшего или как о биологической войне за выживание.

Так или иначе, для современного социального мира дарвиновской парадигмы и рыночной конкуренции война всех против всех и право сильного остаются первейшей реальностью.

Дж. Гренвилл «История 20 века»:

> «Среди великих держав существовал определенный фатализм — разница в развитие должна непременно привести к войне между ними. Сильные должны обязательно напасть на слабых и разделить добычу между собой... Пять великих европейских наций вступили в войну друг с другом не ради каких- то конкретных территорий. Да и сама война по своему характеру отличалась от всех войн, которые велись в посленаполеоновской Европе в 19 веке. Это была битва гигантов за господство в Европе и во всем остальном мире, похожая на международное умопомешательство. Имело самое широкое распространение мнение о том, что после того, как эта битва будет завершена, наступит конец имперских амбициям побежденных, зато перед победителями откроются новые блестящие перспективы. Возникла иллюзия, что это война навсегда покончит с борьбой за власть над миром»

Ж. Бенда «Предательство интеллектуалов»:

> «Это только наши современники — стараниями интеллек-
> туалов — превращают государство в башню, бросающую вы-
> зов небесам.
> Другая новая черта в патриотизме современных интеллек-
> туалов — их стремление соединить свой духовный строй с некой
> *национальной* духовной формой, которую они, естественно,
> противопоставляют иным национальным духовным формам.
> желанием — которого Баррес, например, вовсе не скры-
> вает — умножить наслаждение самим собой, ибо сознание ин-
> дивидуального ≪я≫ десятикратно углубляется сознанием ≪я≫на-
> ционального можно сказать, что в последние пятьде-
> сят лет все авторитетные моралисты Европы — Бурже, Бар-
> рес, Моррас, Пеги, Д'Аннунцио, Киплинг, значительное боль-
> шинство немецких мыслителей — одобряют готовность лю-
> дей сознавать себя принадлежащими своей нации, своей расе,

поскольку нация и раса отличают их от других и противопоставляют их другим, и стыдят их за всякое стремление сознавать себя в качестве человека, со всем, что есть в этом качестве общего, превосходящего этническое деление. Те, кто со времен стоиков не переставали проповедовать растворение национального эгоизма в чувстве отвлеченного вечного бытия, теперь порочат любое чувство этого рода и провозглашают высокую нравственность такого эгоизма. В наше время потомки Эразма, Монтеня, Вольтера обличают гуманитаризм как моральную деградацию; более того, и как умственную деградацию, поскольку он сопряжен с ≪полным отсутствием практического чутья≫, а практическое чутье стало для этих странных интеллектуалов мерой умственного достоинства.

Современный интеллектуал порицает чувство всеобщего не только в интересах нации, но и в интересах класса. В наши дни моралисты внушают и буржуазии, и рабочим, что они не должны стремиться к тому, чтобы умерить чувство своего отличия и сознавать в себе общность человеческой природы, а, наоборот, должны стараться прочувствовать это отличие во всей его глубине, во всей его неизбытности; что именно это старание прекрасно и благородно, всякая же воля к единению в данном случае служит признаком низости и трусости, равно как и умственной ограниченности. Такова, как известно, главная мысль ≪Размышлений о насилии≫ Сореля, восхваляемая целой плеядой апостолов современной души. В этой позиции интеллектуалов, без сомнения, новизны еще больше, чем в их национальной установке. Что же касается ответственности этого учения за небывалое обострение ненависти у каждого из классов, выливающееся в насилие над противником, то относительно буржуазии о мере ее можно судить по итальянскому фашизму, а относительно другого класса — по русскому большевизму

Отметим другую заслуживающую внимания форму поощрения интеллектуалами партикуляризма: возвеличение особой морали и презрение к морали всеобщей. Как известно, целая школа, включающая не только политических и общественных деятелей, но и солидных философов, в течение полувека доказывает, что народ должен составить понятие о своих правах и обязанностях, обусловленное изучением его особого духа, его истории, его географического положения и конкретных обстоятельств, в которых он находится, а не велениями иллюзор-

> ного сознания человека всех времен и народов; что класс должен построить для себя шкалу блага и зла, определенную рассмотрением его особых нужд, особых целей, особых условий его жизненной среды, и не помышлять о ≪справедливости самой по себе≫, «гуманности самой по себе≫ и другой ≪мишуре≫ общей морали. Сегодня мы наблюдаем у интеллектуалов, в лице Барреса, Морраса, Сореля и даже Дюркгейма52, полный крах той формы души, которая от Платона и до Канта требовала, чтобы в сердце беспристрастного вечного человека было понятие блага. К чему ведет учение, призывающее группу людей назначить себя единственным судьей нравственности своих действий (обожествление группой собственных вождений, узаконение применяемого ею насилия, невозмутимость в осуществлении своих замыслов), — это мы видели на примере Германии в 1914 году. Возможно, мы когда-нибудь увидим это во всей Европе на примере буржуазии, если только нам не доведется увидеть это на примере рабочего класса, способного обратить ее доктрины против нее самой
> Очевидно, что истина — большая помеха для намеревающихся утвердиться в своих отличиях: коль скоро они ее принимают, они принуждены
> сознавать себя во всеобщем. Какая радость для них — узнать, что это всеобщее лишь фантом, что существуют одни только частные истины, ≪истины лотарингские, провансальские, бретонские, согласие между которыми, устанавливавшееся веками, определяет то, что благотворно, почитаемо, *истинно во Франции*≫ (соседи наши говорят об *истинном в Германии*); иными словами, им приятно узнать, что Паскаль — не более чем грубый ум, что истина по сю сторону Пиренеев — полнейшее заблуждение по другую»

А. Швейцер, «Упадок и возрождение культуры»:

> «Неизбежно мы потеряли нашу веру в истину. Наша духовная жизнь дезорганизована, потому как тоталитарное давление окружения подавляет в нас способность мыслить. Не только в интеллектуальной сфере, но также и в моральной отношения между человеком и обществом были разрушены. Вместе с потерей своего собственного мнения современный человек потерял и свою способность выносить моральное суждение. Общественное мнение помогает им в этом через популяризацию идей о том, что общество должно действовать не на основе моральных ценностей, а в соответствии с целесообразностью. Тем не менее, люди ощущают что души их глубоко ранены.

Если сегодня положение такого, что мы с трудом найдем хоть несколько человек чье бы человеческое и нравственное чувство было неповрежденным, то причина в том, что большинство отказалось от своего нравственного чувства и положило его на алтарь национализма своей страны, вместо того, чтобы оставаться неподчиненным массовому тоталитарному давлению и действовать как сила, которая своим примером побуждает толпе найти правильную дорогу. ...Более того, таким образом люди становятся способны закрывать глаза на все что бессмысленно, жестоко, несправедливо или плохо в поведении их нации»

Бертран Рассел «Образование и здоровое общество»

«В любви к дому, любви к родной стране, даже в некоторой доле гордости в ее исторических достижениях, настолько насколько эти достижения действительно достойны гордости, нет ничего недостойного. Это сложное чувство, частично происходящее из любви к земли и окружению, где ты вырос, а частично это сродни любви к семье. Но это примитивное чувство не имеет ничего общего ни с экономикой, ни с политикой. Это любовь к своей стране, а вовсе не ненависть к другим странам. У городского жителя взамен по большей части искусственное чувство, происходящее из его образования и газет которые он читает, и как правило очень вредных. Это чувство не столько любви к дому или к согражданам, сколько ненависть к иностранцам и желание экспроприировать другие страны. Как большинство других плохих сантиментов, оно скрыто за преданностью. Если вы хотите чтобы человек пошел на какое то гадкое преступление, от которого он в обычном состоянии в ужасе отшатнется, вы сначала должны приучить его преданности банде преступников, а потом представить его преступление как способ продемонстрировать свое достоинство в преданности. Патриотизм лучший пример такого рода подвоха. Возьмите, к примеру, почитание флага. Флаг это символ мощи вооруженных сил нации. Он подразумевает битвы, войну, соперничество, и деяния героизма. Британский флаг символизирует Нельсона и Трафальгар, но не Шекспира, Ньютона или Дарвина. Вещи, которые были сделаны англичанами для содействия цивилизации, не были сделаны под символом флага, и потому не возникают в сознании во время благоговения перед этим символом. Самое лучшее, что сделали англичане, они сделали не как англичане, а как индивидуумы. Вещи, которые они сделали, осознавая, что они англичане и потому что они англичане относятся к наименее впечатляющим. Но это именно те вещи, о которых мы вспоминаем, когда восхищаемся своим фла-

гом. И то, что верно в отношении английского флага, также верно и в отношении звезд и полос, или в отношении флага любой другой могущественной нации»

Б. Рассел, «Образование и здоровое общество»:

«Если бы весь процесс не покрывался красивыми словами о патриотизме, то грязь и порочность этого процесса была бы очевидна для всех здравомыслящих людей. Образование могло бы легко, если бы люди захотели, породить чувство солидарности всего человечества, а также важности международной кооперации. В течении одного поколения сильный национализм от которого страдает весь мир мог бы быть уничтожен. Национализм, который сегодня цветет повсюду, есть по большей части продукт школьного образования, и если мы хотим положить ему конец, то другой дух должен пропитать образование. Эта проблема подобно проблеме разоружения должна быть результатом международного соглашения. Может быть Лига Наций, если она найдет время в своей занятости отмыванием и оправданием агрессоров, могла бы в скором времени обратить внимание на важность этой проблемы. Или же правительства разных стран пришли бы к соглашению преподавать один курс истории в своих странах. Может быть после следующей войны, если кто останется в живых, они соберутся и решат утвердить единый флаг Лиги Наций вместо своих национальных флагов. Но это конечно все утопия».

....«Наш мир — сумасшедший мир. Уже с 1914 года он перестал быть конструктивным, потому что люди перестали слушаться своего интеллекта в создании международного сотрудничества, но настаивали в разделении человечества на враждебные группы. Этим коллективным провалом в использовании человеческого интеллекта, функцией которого является самосохранение, мы обязаны в основном нездоровым и деструктивным импульсам, которые спрятаны в бессознательном тех людей, кто получил нездоровое воспитание в детстве и юношестве. Несмотря на постоянно растущие возможности техники и производства мы напротив все больше беднее. Несмотря на то, что мы знаем об ужасах, которые принесет следующая война, мы продолжаем культивировать в молодежи те сантименты, которые сделают эту войну неизбежной. Несмотря на науку, мы препятствуем развитию рационального мышления. Несмотря на растущую власть человека над природой, большинство людей чувствуют себя более безнадежными и немощными нежели люди средних веков. Источник всего этого безобразия находится не во внешнем мире, и даже не в нашем сознании, по-

скольку мы знаем больше, чем люди когда-либо знали. Он находится в наших страстях; в наших эмоциональных привычках; в сантиментах, которые нам внушили в детстве, и в фобиях, проникших в нас в младенчестве. Лечение наших проблем в том, чтобы вернуть людям психическое здоровье, а для этого им необходимо давать здоровое образование. На сегодняшний день все факторы которые мы рассмотрели ведут к социальной катастрофе. национализм, в том виде в котором его преподают в школах учит тому, что основной долг молодых людей есть человекоубийство; классовое сознание способствует соглашательству с экономической несправедливостью; а конкуренция развивает жестокость в социальной борьбе за выживание. Можно ли удивляться что мир в котором силы государства направлены на то, чтобы воспитывать в молодежи невменяемость, тупость, готовность к человекоубийству, экономическую несправедливость и жестокость — можно ли удивляться, я спрашиваю, что такой мир не есть счастливый мир?»

....«Конкуренция вредна не только как фактор системы образования, но также в качестве идеала для подрастающего поколения. Мир в действительности нуждается в организации и сотрудничестве, а не в конкуренции; все веры в полезность конкуренции давно стали анахронизмом. И даже если бы конкуренция была полезной, она не может быть предметом восхищения, поскольку она основана на эмоциях враждебности и жестокости. Концепция общества как органического целого очень трудны для восприятия теми, чье сознание пропиталось идеями конкуренции. Этически таким образом, не меньше чем экономически, нежелательно учить молодежь конкуренции.

В образовании идеал конкуренции имел два вида негативного эффекта. С одной стороны он способствовал воспитанию высокой оценки конкуренции как более предпочтительной формы отношений, чем сотрудничество, особенно в международных отношениях; с другой стороны, он способствовал разрастанию широкой системы соревновательности в учебных заведениях, а также в борьбе за стипендии и соответственно в поисках работы. Эта последняя стадия конкуренции была несколько смягчена за счет объединения рабочих в профсоюзы. Но в среде квалифицированных работников она сохранила всю свою не приглушенную жесткость.

Адлер Понять природу человека

«Особую проблему представляет собой лежащий в основе всей нашей жизни принцип конкуренции, доведенный и до детской. Все эти факты жестко, даже слишком жестко определяют ход нашей по-

> *следующей жизни. Страх, заставляющий столь многих людей избегать основанных на любви отношений, вызван главным образом бессмысленным давлением, которое заставляет любого мужчину доказывать свою мужественность при любых условиях, даже если для этого он вынужден прибегать к предательству и злобе или силе. Очевидно, что, взаимодействуя друг с другом, эти факторы лишают межчеловеческие отношения всякой искренности и доверия. Донжуаны — это мужчины, не уверенные в собственной мужественности и нуждающиеся для ее подтверждения во все новых победах. Недоверие между полами, приобретшее всеобъемлющий характер, не позволяет людям быть откровенными друг с другом, и вследствие этого страдает все человечество».*

Г. Олпорт:

> *«Здесь мы должны добавить пару слов относительно „экономической зрелости". Для многих людей борьба за то, чтобы заработать на жизнь, сохранить платежеспособность, выдержать яростную экономическую конкуренцию, выступает как основное требование жизни. Это вызывает напряжение и порождает кризис, который часто корежит человека сильнее, чем кризис сексуальный или кризис идентичности. Студенты колледжа не всегда правильно оценивают вызов, с которым им предстоит столкнуться, когда они вступят в конкуренцию за доллар. Молодые люди, еще не испытавшие жестоких истязаний на рыночной площади, иногда кажутся спокойными и даже расслабленными. Быть в состоянии содержать себя и свою семью (в Америке, где жизненные стандарты постоянно растут) — пугающее требование.»*

5. ДЕМОКРАТИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ СУВЕРЕНИТЕТОВ МАЛО ОТЛИЧАЮТСЯ ОТ ЛЕВИАФАНОВ

Б. Рассел, «Государство и индивид»:

> «Демократия, как в политике так и в индустрии, более не является психологической реальностью, если управление или менеджмент воспринимаются как оторванные от людей «они», абстрактные существа, живущие своей господской жизнью, к которым естественно рождается чувство враждебности — враждебности, которая бессильна, только если она не принимает формы протеста. В индустрии, очень мало было сделано в этом направлении, и менеджмент остает-

ся, с редкими исключениями, откровенно монархическим и олигархическим. Это зло, которое пущенное на самотек, стремиться возрастать по мере возрастания размеров организаций

...В высоко организованном мире личная инициатива необходимо остается немногим только если группа будет небольшой. Если вы член маленькой группы вы можете рассчитывать влиять на ее решения. В национальной политике, где вы один из двухсот миллионов, ваше влияние бесконечно мало только если вы не занимаете исключительного положения. Вы можете иметь двухсотмиллионную часть влияния на управление другими людьми, но и только такую часть влияния на управление своей собственной жизнью. Таким образом вы гораздо больше чувствуете себя под управлением других, чем в обществе самоуправления. Правительство предстает в вашем восприятии далекими и большей частью злонамеренными «они», а вовсе не теми людьми которых вы вместе с другими выбрали, чтобы они проводили ваше мировоззрение и волю. Ваше личное ощущение о политике в таких обстоятельствах больше соответствует не тому, что бывает при демократиях, а тому что бывает при диктатуре.

....Мы могли избежать этих затруднений если бы ценили свободу также высоко как демократию, потому понятно что общество, где каждый раб всех только немногим лучше общества где каждый раб деспота. Это показывает что равенство само по себе недостаточно для хорошего общества.

.....С чисто биологической точки зрения для нас большое несчастье что прогресс в изобретении средств массового уничтожения так сильно опередил нашу созидательную технику. Сегодня человечество может убить за один заход 500 000 человек, однако детей мы производим с той же скоростью как во времена наших древних предков. Если бы люди могли изготовить 500 000 людей также быстро как они могут их уничтожить атомной бомбой, мо могли бы ценой невероятного страдания оставить эту проблему борьбе за выживание и выживанию сильнейших. Однако, в новом мире старый механизм эволюции больше не имеет смысла»

А. Эйнштейн «Почему социализм»:

«Как никогда раньше человек осознаѐт свою зависимость от общества. Но эту зависимость он ощущает не как благо, не как органическую связь, не как защищающую его силу, а скорее как угрозу его естественным правам или даже его экономическому существованию. Более того, его положение в обществе таково, что заложенные в нѐм эгоистические инстинкты постоянно акцентируются, в то время как социальные, более слабые по своей природе, всѐ больше деград

> руют. Все человеческие существа, какое бы место в обществе они ни занимали, страдают от этого процесса деградации. Неосознанные узники своего эгоизма, они испытывают чувство опасности, ощущают себя одинокими, лишѐнными наивных, простых радостей жизни. Человек может найти смысл в жизни, какой бы короткой и опасной она ни была, только посвятив себя обществу».

Г. Уэллс, «Новый мировой порядок»:

> «По Стрейту, «демократиями-основателями» должны стать: «Американский союз, Британское Содружество (в частности, Соединенное Королевство, Федеральный доминион Канады, Содружество Австралии, Новая Зеландия, Союз Южной Африки, Ирландия), Французская Республика, Бельгия, Нидерланды, Швейцарская Конфедерация, Дания, Норвегия, Швеция и Финляндия». Ни одна из этих пятнадцати (или десяти) «демократий-основателей» на самом деле не является демократией.
>
> ...Начнем с проблемы здравомыслия соотносительно с политическими методами нашего времени. Что мы должны делать, как голосующие граждане? Думаю, что история так называемых демократий за последние полвека достаточно убедительна. Наши нынешние избирательные методы, которые не дают гражданину иного выбора, кроме двустороннего, и тем самым навязывают ему двухпартийную систему, — просто карикатура на представительное правительство. Они создали по обе стороны Атлантики большие, глупые и коррумпированные партийные машины. Механистическая система в Соединенных Штатах более развита, прочнее закреплена — юридически в Конституции и вне закона в принципе «победитель получает все» — и ее может оказаться труднее модернизировать, чем британскую, которая основана на устаревшей кастовой традиции. Но и Парламент, и Конгресс по существу сходны в своих фундаментальных основах. Они торгуют титулами, концессиями и общественным благосостоянием, и только под жестким и долгим давлением поддаются требованиям общественного мнения. Остается открытым вопрос, насколько более чутко они реагируют на общественные настроения, чем диктаторы, которых мы столь безоговорочно осуждаем как антитезу демократии. Они демонстрируют огромное пренебрежение к запросам масс. Они меньше объясняют и больше игнорируют. Диктаторы должны выступать и объяснять, не всегда правдиво, но деваться им некуда. Тупой диктатор немыслим.
>
> ....Я не знаю, насколько Декларация, которую я набросал, может быть принята добрым католиком, но тоталитарная псевдофилософия почитает славным долгом отношение к «неарийцам» как к не рав-

ным. Я полагаю, от приказов из Москвы будет зависеть, как коммунисты отреагируют на ее положения. Но от тех, кого называют «демократиями», должно бы ожидать иного, и теперь можно было бы сделать эту Декларацию испытанием честности и духа их лидеров и правителей, которым они доверяют. Эти правители могут быть проверены на отношении к ней с точностью, недостижимой никаким другим способом.

….Но типами и характерами, авторитетами и чиновниками, а также высокомерными и агрессивными личностями, которые испугаются этой Декларации, заспорят с ней и будут ей противостоять, не исчерпывается сопротивление нашей неисправимой природы ее реализации для установления элементарной справедливости в мире. Потому что среди «демократий» найдется гораздо больше людей, которые будут соглашаться с ней на словах, а затем начнут незаметно саботировать ее и плутовать, движимые чувством собственного превосходства.

….И если мы, добродетельные демократии, не сражаемся сейчас за эти общие права человека, тогда за что же иное, во имя знати и рядового дворянства, Короны и Церкви, Города, Времени и Клуба Армии и Флота, сражаемся мы, простые британские люди?

….В этом отношении демократии лишь немного лучше диктатур. Нелепо представлять их как царства света, спорящие с тьмой. Это большое обсуждение переустройства мира — дело более важное и неотложное, чем война. И в то же время не существует адекватных средств массовой информации для изложения, критики и исправления любых широких общих убеждений. Случаются довольно бесплодные и непродуктивные малые вспышки конструктивных идей, но почти нет стабильных исследований, мало реальных взаимообменов, не хватает продвижения вперед, ничто не обосновано, ничто не отброшено как несостоятельное и ничто не завоевано навсегда. Кажется, никто не слышит, что говорят другие».

Г. Уэллс, «Англичанин смотрит на мир»:

«История либерализма девятнадцатого столетия во всем мире может быть подытожена одной фразой: «Неизменное расширение избирательных прав». Но все эти взгляды принадлежат уходящему этапу политической истории. Теперь недовольство идет гораздо глубже. Наша либеральная интеллигенция столкнулась сейчас с таким положением, когда недовольство охватило людей, уже имеющих избирательное право, когда избиратели выражают презрение и враждебность по отношению к избранным ими самими депутатам.

Такое недовольство и возмущение, такое презрение и даже враждебность по отношению к собственным законно избранным представителям характерны не для какой-нибудь одной или другой демократической страны — они распространены почти по, всему миру. Чуть ли не все народы разочарованы в так называемом народном правительстве, а во многих странах, в частности в Великобритании, это разочарование проявляется в чудовищных политических беззакониях и в странном и зловещем пренебрежении законом. Это видно, например, из того, что большая группа медицинских работников отказывается выполнять закон о страховании; из того, что Ульстер отвергает Ирландский Гомруль; об этом же свидетельствует и неуклонное стремление широких масс индустриальных рабочих к организации всеобщей забастовки.

Временами кажется, что Америка созрела для Цезаря. Если же Цезарь так и не объявится, то лишь по счастливой случайности, а отнюдь не в силу республиканских добродетелей американцев.

Стоит лишь присмотреться к качеству и составу выборного представительства в любом современном демократическом государстве, как сейчас же начинаешь понимать причины и сущность все увеличивающегося разрыва между этим институтом и обществом, которое он представляет. Ибо парламенты ни в коей мере не представляют действительных идеалов и целей страны; что для них достижения науки, последнее слово философии и литературы — все силы, созидающие будущее, — изобретения, эксперименты и исследования, опыты и промышленное развитие!.. Типичным «избранником» является обычно какой-нибудь законник, скорее ловкий, чем одаренный, умело жонглирующий дешевыми лозунгами и изловчившийся собрать голоса на выборах; он клянется служить интересам своих избирателей, но фактически связан по рукам и ногам интересами узкой политической группировки — той партии, которая и навязала его данному избирательному округу. Когда он очутится в законодательном собрании, его следующая честолюбивая мечта — это высокий пост, и для того, чтобы обеспечить и сохранить его для себя, он пускается на всевозможные уловки, стараясь навредить своим политическим противникам в тех областях, которые кажутся особенно выигрышными для личного успеха его ограниченному и узкому уму. Но, будучи человеком ограниченным и узкоспециализированным, он при этом неизбежно полностью отходит от интересов и чувств широких масс своих избирателей. В Англии, так же как и во Франции и Соединенных Штатах, законодательные органы всегда стремятся уйти от жизненных проблем, и внутриправительственные споры и дискуссии, которые должны были бы волновать страну, только надоедают ей.

В Англии, например, в настоящее время обе политические партии совершенно не пользуются доверием общества, которое от всей души жаждет, если это только возможно, избавиться от них обеих. Ирландский Гомруль, этот мертвец, противостоит мертворожденной Тарифной реформе. Большинство народа презирает дикие и неуклюжие попытки отрезать Ирландию от участия в деятельности английского парламента, — это тянется еще со времен провала политических концепций Гладстона; но в народе слишком силен еще страх перед дурацкими фискальными аферами, и это помогает либералам оставаться в правительстве. Недавние разоблачения глубочайшей финансовой коррупции либералов только укрепили решимость общественного мнения не допускать новых возможностей коррупции, какие предоставила бы тарифная реформа не менее сомнительным политическим противникам либеральной партии.
А тем временем за этими нелепыми альтернативами, за этими фальшивыми проблемами никто не желает видеть подлинные, важнейшие задачи, стоящие перед страной: все сильнее углубляющееся недовольство рабочих по всей Британской империи, расовые конфликты в Индии и Южной Африке (которые, если их не остановить, окончатся отделением от нас Индии), безумное расточение национальных средств, борьба с эпидемиями, срочная потребность в сокращении вооружений — вот проблемы, которые остаются в полном небрежении.
Означает ли это провал и несостоятельность представительного правительства? До сих пор у нас еще не было избранного народом правительства, а были только отвратительные карикатуры на него.
И это дает нам возможность заранее предположить в полном соответствии с опытом современной жизни, что во всем мире так называемые народные представительства никого, по сути дела, не представляют. Я пойду еще дальше и скажу, что если бы не порочность нашей избирательной системы, то даже одна десятая ныне подвизающихся американских и французских сенаторов, французских депутатов, американских конгрессменов и английских членов парламента не занимала бы сегодня своих постов. О них никто бы и не услышал. По существу, они вовсе не избранники народа, они всего лишь порождение нелепого метода голосования, незаконные отпрыски партийной системы и избирательной урны, оттеснившие законных детей и захватившие их права. Они выражают всеобщую волю не более, чем царь или какой-нибудь диктатор, провозгласивший себя президентом. Они просто случайная олигархия авантюристов. Действительно представительное правительство пока еще не существовало на свете. Была попытка создать его в восемнадца-

том столетии, но в минуту появления на свет его одолел наступивший хаос. Вместо вождей и представителей народа у нас есть всего лишь политиканы и «депутаты».

Сегодня правительства самых цивилизованных стран мира демократичны только в теории и в наших представлениях. На самом же деле эта демократия настолько изъедена ржавчиной скверных избирательных методов, что она просто вуаль, прикрывающая паразитические олигархии, взращенные внутри демократических форм.

Прежний дух свободы и общей цели, опрокинувший и подчинивший себе церковь и королевскую власть, совершил это словно лишь для того, чтобы проложить путь этим темным политическим силам. Так, вместо либеральных установлений человечество изобрело новый вид тирании. Не удивительно, что многие из нас испытывают чувство политического отчаяния.

Эти партийные олигархии развиваются уже в течение двух столетий, и таившиеся в них зло и опасности проявляются все яснее и яснее. Главное из этих зол — отсутствие в правительстве представителей наиболее активных и образованных слоев общества. Никому не кажется удивительным, наоборот, все считают вполне естественным, что ни в конгрессе, ни в палате общин нет подлинных представителей общественной мысли нашего времени, его науки, изобретательства и инициативы, его искусства и чувств, его религии и идеалов. Когда люди говорят о конгрессменах или членах парламента, они представляют себе, если говорить начистоту, интеллектуальные отбросы общества.

Когда в странах, где говорят на английском языке, заходит речь о выдающемся деятеле, даже если он снискал себе славу на поприще политических или общественных наук, невольно закрадывается сомнение, как только узнаешь, что человек этот — член законодательного органа. Когда лорд Хелдейн разражается лекциями, или лорд Морли пишет книгу «Жизнь Гладстона», или бывший президент Теодор Рузвельт помещает статью в журнале, публику охватывает безумный восторг, словно принцесса крови написала акварель или собака прошлась на задних лапах.

Такая умственная неполноценность законодателя вредна для общества не только потому, что он издает тупые, дурацкие законы, но и потому, что он разлагающе и принижающе влияет на всю нашу духовную жизнь. Ничто так не способствует развитию искусства, мысли и науки, как возможность воплотить их в жизнь; ничто так не губит их, как их неосуществимость. Но глубоко вникать и ясно мыслить можно только, если полностью отказаться от преступной трескотни, каковой является современная политика,

С точки зрения политической устойчивости это отчуждение национальной интеллигенции от национального правительства далеко не так опасно, как полное расхождение во взглядах между правительством и народом. На Британских островах, по мнению многих наблюдателей, эта отчужденность очень быстро может привести к социальному взрыву. Организованным массам трудящихся мешают как их парламентские представители, так и профсоюзные деятели. Они начинают терять доверие к парламентским методам и в гневе вновь возвращаются к мятежным идеалам, к идее всеобщей забастовки и к саботажу. Они делают это без всяких конструктивных предложений, ибо смешно считать конструктивным предложением синдикализм. Они хотят бунта потому, что лишены иной надежды и глубоко разочарованы. То же самое происходит во Франции и очень скоро начнется в Америке. Этот путь ведет к хаосу. В ближайшие несколько лет в большинстве крупных городов Западной Европы могут начаться социальные восстания и кровопролития. К этому скорее всего ведет современное положение вещей. И тем не менее политические деятели продолжают почти совершенно игнорировать признаки надвигающейся бури. Жульнические избирательные методы мешают им видеть происходящее, и когда вместо Твидлдума избирают Твидлди, Твидлди кажется, что он тем самым получил право на полную политическую слепоту».

Ноам Хомский «Системы власти»:

«Эдакий социальный дарвинизм, не так ли? Выживает сильнейший? Мягко сказано, друг мой. Все намного сложней и страшней. И одновременно проще: я сам за себя, и пропади пропадом весь белый свет! — именно так и воспитывают народ. Исподволь воспитывают, конечно. Институт политики при Гарвардском университете провел опрос молодых людей в возрасте от восемнадцати до двадцати девяти лет. Итоги опроса потрясают. Молодежь, как выяснилось, преимущественно придерживается взглядов, которые в Соединенных Штатах проповедуют сторонники либертарианства. Американское либертарианство смыкается с тоталитаризмом. Если внимательно посмотреть на основные положения либертарианства, ясно понимаешь его суть: страной должен всецело править частный капитал, тогда все будут свободны. Я не хочу сказать, будто приверженцы либертарианства — фашисты, но вероятные последствия их политики выглядят именно так. Вдобавок в обществе разрушатся последние человеческие связи. Многих такое положение вещей как раз и привлекает. О правительстве США вообще говорят как о совершенно потусторонней — причем недоброй — силе. Ненависть к демократии

> настолько укоренилась в существующей политической системе, что никто не считает правительство представителями народа, орудиями народного волеизъявления. Правительство — орудие в неких чужих руках, если не в лапах. Прививать ненависть к демократии не так уж просто».

ГЛАВА 6. ПОЗИТИВНЫЙ ДУХ КАПИТАЛИЗМА И НЕГАТИВНЫЙ ДУХ КАПИТАЛИЗМА. КОНЕЦ МАРКСИЗМА-ДАРВИНИЗМА

1. ЧТО ТАКОЕ БОГАТСТВО НАРОДОВ: «КАПИТАЛИЗМ» И «СОЦИАЛИЗМ»

Очевидно, что Третьей Великой Теократией Естественного Права является Америка Отцов Основателей, Рузвельта и Кеннеди. Именно так, в полном соответствие с двумя первыми Теократиями зачаточного научного контроля, которые были разделены в самих себе и чередовались «магиями-Левиафанами» Неронов и Борджа. Мы помним, что Империя Антонинов сосуществовала с Империей Неронов, а Католическая церковь Августина и святых пап с Католической церковью Бонифациев, Борджа и Медичи. Точно в таком же режиме Америка не была Великой Теократией научного контроля целиком и полностью, потому что во всех этих трех первых Теократиях Естественного права научный контроль был все еще очень слаб (не было еще Энергетики как теории познания и знаний о психики как закономерностях

психической энергии). В итоге, системы эти были подвержены сильным колебаниям и постоянно уступали натиску физического контроля Левиафанов. Так и Америка остается Третьей Великой Теократией Естественного права только частично и мы указываем эту часть: Америка Отцов Основателей, Рузвельта и Кеннеди. Неслучайно конечно, что с убийством Кеннеди, последнего большого лидера Америки как Теократии научного контроля, в США победили консерваторы, и теперь уже не может быть и речи об Америке как Теократии Естественного Права.

Однако, прежде чем говорить о политических аспектах становления американской республики, нам необходимо дать оценку «капитализму», который согласно общепризнанному мнению составляет самое существо этой страны. И зачит сказать несколько слов об экономике в целом.

Конечно, в рамках одной главы я не могу дать сколько-нибудь развернутого трактата на тему экономики — ведь опровергать ложь столетий не краткое дело. Скажу только, что мое базовое образование экономическое (я закончила финансовый факультет Плехановской академии и там же аспирантуру на кафедре бухгалтерского учета и аудита). И если написав столько книг в рамках Научной Революции Энергетика, до сих пор так мало внимания уделяла проблемам экономики, так это потому что уже в институте убедилась, что такой науки как «экономика» не существует. Огюст Конт, как известно, отказал в праве называться «Наукой» — психологии, и потом был вынужден заменить ее «Этикой» как самой высокой стадией развития наук. Мы сделаем наоборот: мы будем доказывать вместе с Бертраном Расселом и другими последователями «психологизма», что не существует науки «экономики», а психология напротив, составляет существо всех социальных наук.

Я ставлю себе здесь совсем небольшую задачу: доказать, что «капитализм» и «социализм», как они понимаются современной экономической теорией есть порождения одной и той же ложной и лживой дарвиновской парадигмы, потому что утверждают, что в основе существования человека лежат, так называемые,

«экономические законы». Я постараюсь показать, что не экономические законы движут производством современного человечества, а все те же два силовых поля психики: поле интеллекта и поле Эгосистемы.

Да, капитализм безусловно предпочтительней той формы экономики, которую сегодня мир знаем как марксизм-социализм. Но вовсе не потому, что на это указывают «экономические законы», которых не существует. А просто потому, что то, что сегодня называется марксизмом-социализмом — есть чрезвычайно удобная и абсолютная система порабощения людей и созидания тоталитаризма Левиафанов через методы производства. И таким образом, марксизм-социализм есть абсолютно неприемлемая форма хозяйствования, так как здесь возможно только движений мертвой энергии поля Эгосистемы.

Капитализм же лучше тем, что его систему можно приспособить к обоим силовым полям психики: и поле интеллекта может осуществлять производство через систему капитализма, и поле Эгосистемы точно также. Это как раз связано с частной собственностью и частной инициативой, которые хоть уже под угрозой и на западе, но все еще живы, а также с когда-то сильным акцентом на правовую защиту граждан. Здесь я хочу подчеркнуть одну главную мысль: что не капитализм сам по себе как экономическая система хороший или плохой, а именно тот факт, что он оставляет простор движению поля интеллекта и совести, — тому движению, которое закрыто при марксизме-социализме. Но в то же время, в связи с тем фактом, что капитализм точно также оставляет полный простор движению поля Эгосистемы через его механизмы — это экономическая система остается ущербной и когда-нибудь будет непременно меняться. Понятно, что это случится не раньше того века Здоровья человечества, когда будет достигнута окончательная победа над полем Эгосистемы.

До тех же пор, мы будем вынуждены пользоваться механизмами капитализма. Наша задача четко прояснить, как эту экономическую систему (техническое создание людей под свои

нужны) используют для себя оба поля психики с тем, чтобы постараться благоприятствовать полю интеллекта и блокировать поле Эгосистемы в экономической деятельности общества.

Б. Рассел, «Государство и индивид»:

> «Мир оказался в положении жертвы догматических политических учений, из которых, в наши дни, наиболее влиятельными являются капитализм и коммунизм. Я не верю, что любая из них в их догматической и явной форме, способна предложить методы борьбы со злом, которое можно предотвратить. Капитализм предоставляет возможность проявить инициативу некоторым; коммунизм мог бы (хотя не дает в действительности) предоставить лакейский тип безопасности для всех. Но если бы люди смогли освободиться от влияния неправомерно упрощенных теорий и споров, которые они порождают, стало бы возможным, путем мудрого использования научного подхода, обеспечить как инициативу, так и безопасность для всех. К сожалению, наши политические теории содержат в себе меньше объективного знания нежели наша наука, и мы пока еще не знаем как правильно использовать наши знания и наш опыт таким образом, чтобы сделать жизнь счастливой и даже восхитительной»

А пока давайте попробуем доказать, что понятия «капитализм» и «социализм» как теории экономики — есть продукт одной и той же ложной дарвиновской парадигмы, которая определяет их как «объективные законы в основе общества». Сказать «Природные» они не могут, потому что в теории отрицают природные законы, но на практике они как раз имеют ввиду что это природные, врожденные и неизменные законы — причем и та и другая сторона стоят, что именно их вариант правильный. Но доказать, разумеется, ни в теории ни на практике ничего не могут.

Итак, если посмотрим на сущность этих теорий мы увидим, что и Адам Смит и Карл Маркс одинаково понимали Богатство Народов как Накопление Капитала; одинаково «классическая экономическая теория» Смита и Маркса спорит о «факторах производства» как Источниках Богатства или Добавочной стоимости (прибыли) — земля, труд или капитал увеличивают стоимость никак не могут решить экономисты; одинаково, и Смит

и Маркс не видят экономики без рынка товаров и денег как всеобщего эквивалента стоимости; одинаково, и те и другие понимают формулу воспроизводственного процесса: производство-распределения-обмен и потребление. Здесь, абсолютное тождество «экономических законов» дарвиновской парадигмы и тех и других. Оно и понятно, ведь Маркс был убежденным дарвинистом.

1) Смысл Богатства Народов

Для капиталистов и социалистов одинаково нет никакого сомнения в том, что Богатство есть Накопление Капитала, то есть некоего количества материальной энергии в виде средств производства или продуктов потребления. И вот они принимаются спорить о том, как же определить такое богатсов. Маркс дал ему определение «овеществленного труда», и придумал закон, по которому все материальные ценности получали свое количественное выражение в «овеществленном труде». Он считал что открыл таким образом «закон стоимости». Если его западные коллеги-дарвинисты где-то спорят с тем, что только «Труд» есть фактор определяющий стоимость, и чертят «крест маршала» — пересечение кривых спроса и предложения, то они абсолютно согласны с ним в определении существа «денег» как эквивалента всеобщей стоимости. Так и получается, что все богатство народов, сводится к количественной абстракции накопленных материальных ценностей: назови эту абстракцию «овеществленным трудом», «стоимостью» или «Деньгами» не суть важно.

Важно, что Богатство = Капиталу = Количественной абстракции материи

И пока людям не с чем сравнивать эту наиглупейшую теорию Богатства Народов дарвинистов, они не видят ее изъянов за флером шизоидной мысли, этой бессмысленной болтовни формальной логики, оторванной от реальности.

Однако, давайте попробуем рассуждать здраво. Богатство не есть материя и не есть накопление материи. Богатство есть Здоровье человека. С точки зрения Энергетики, Здоровье чело-

века есть Здоровье Души и Здоровье Тела. При чем с разными приоритетами: прежде здоровье Души, потом здоровье тела, и поскольку у них нет противоречия ничто не мешает нам обеспечить Благосостояние человека на уровне обеих энергий — психической и биологической.

Конечно, нам важно также и материальные ценности — техника и продукты — чтобы поддерживать здоровье и души и тела. Однако, важно не забывать, что это только средства для обретения Богатства, а не само Богатство. И тогда «Максимизация прибыли» и «рентабельность капитала» не станут целью жизни, но будут всецело подчинены требования обеспечить здоровье души и тела. И следовательно не «максимизации» будет целью, а такая организация производства и такое количество потребление, которые обеспечат Здоровье обеих уровней энергии человека.

Об этом говорил Солженицын в своей Гарвардской речи, когда упрекал и Америку и Советы в единой болезни — в материализме, а вовсе не о «мистике», как говорили потом.

> «Конкретная реальность людей и вещей, — пишет Э. Фромм в «Здоровом обществе», — с которой мы можем соотнести подлинную сущность нашей собственной личности, заменяется абстракциями, призраками, воплощающими разные количества, но не разные качества. ...Конечно же, современное массовое производство было бы немыслимо без количественного и абстрактного выражения. Однако в обществе, где экономическая деятельность стала главным занятием человека, процесс сведения всего к количеству и абстракциям перерос сферу экономического производства и распространился на отношение человека к вещам, людям и к самому себе... Весь ход жизни воспринимается словно выгодное помещение капитала, где инвестируемый капитал — это моя жизнь и моя личность».

2) Источники Богатства Народов

Дарвинисты экономисты ведут очень важный спор. Они нашли целых «три фактора производства» — труд, землю и капитал. И не могут определиться кто же из них несет благословленную «добавочную стоимость», ту самую за счет которой «растет богатство» народов после каждого круга производства: рента

на землю? Или прибыль на капитал? Или может быть труд, который отбирают у рабочего и присваивают капиталисты, как проявил фантазию Маркс?

Понятны, что если мы впутаемся в этот схоластический спор, мы никогда ничего не найдем как те монахи что считали ангелов на кончике иглы.

Однако, Теория психической энергии дает очень четкий ответ на вопрос об Источниках Богатства Человечества: это Активный Интеллект духовной энергии человечества, как способность познавать законы природы и получать доступ к силам природных энергий. Богаты не народы, богато все человечество с тех самых пор как Господь дал людям Мышление и тем самым открыл доступ в Пространство Интеллекта и доступ к Силе Космоса и энергий его составляющих. Человек богат так, как может быть богат только тот кто держит в руках ключи от силы космоса. Конечно, он не может ничего менять в этих энергиях, они ему не принадлежат, они такие же божьи твари как он сам, но Господь открыл ему доступ к их силе через дарование научного контроля. Вот очень простое четкое и несомненное объяснение источника Богатства Человечества, которое никак нельзя получить на основе дарвинизма Маркса.

И потому определить уровень богатства общества можно только по уровню развития его научного контроля и накопленному научному знанию. Чем больше открытых природных энергий, чем больше знаний о Познании как системе Научного мышления, чем больше развито сотрудничество духовной энергии, без которого нет полноценного научного контроля — тем больше источник богатства в обществе.

И это хорошо понимал уже К. Поппер, который видимо предостерегает сам себя от переоценки утверждаемого им экономизма.

К. Поппер, «Открытое общество и его враги»:

> «Это однако только маленький пример опасности переоценки экономизма. Часто экономизм понимают как доктрину что все социальное развитие зависит от экономических условий, и особенно от матери-

> альных средств производства. Однако такая доктрина откровенно ложная. Потому что есть взаимодействие между экономическими условиями и идеями, а не только односторонняя зависимость идей от экономики. Потому что идеи, которые составляют наше знание более фундаментальны для нас, чем материальные средства производства. Это видно из следующего соображения. Вообразите, что наша экономическая система, включая всю технику и все социальные организации была бы уничтожена однажды, но техническое и научное знание сохранились бы. В этом случае, скорее всего у нас не заняло бы много времени все это восстановить. Но теперь представьте что все знание об экономической системе уничтожено, а материальные вещи сохранены! Мы бы оказались в положении как если бы дикие племена покорили высокую и покинутую цивилизацию, и вскоре все материальные остатки цивилизации бы исчезли».

3) Производственный процесс

Капитализм и Социализм, какие враги они ни есть, абсолютно одинаково рисуют формулу воспроизводственного процесса: Производство — Распределение — Обмен и Потребление.

Мы можем видеть что в данной формуле производства отсутствует главная ее стадия, на которой человек получает ресурсы для производства — стадия Образования, стадия Активизации у людей Поля Интеллекта.

С другой стороны, стадии Распределения и Обмена, то есть Рынок и Деньги — одинаково важны для обеих систем, которые так яростно противопоставляют. Между тем, очевидно, что развитие научного контроля, которое введет настоящее планирование экономики, не будет включать ни денег, ни рынка, и сделает потребление свободным и доступным всем. Сегодня «планирование экономике» в ее денежном и рыночном варианте, который делает человека с одной стороны только винтиком большой машины, а с другой полностью лишает инициативы — есть большое зло. Ведь так деньги делаются наилучшим средством порабощения индивидов Левиафану. Однако, сегодня и нет научного планирования экономики, а есть только «денежное планирование» — лучший инструмент в руках демонов.

Поэтому представляется, что формулу воспроизводства тех далеких времен, когда поле Эгосистемы будет изжито и можно будет обходиться совсем без денег можно изобразить так:

Образование — Научное планирование — Производство-Потребление

Вот это альтернативная формула, а капитализм и социализм — два порождения дарвинизма — имеют одну формулу.

Д. С. Милль «История моей жизни и убеждений»:

> *«Мы полагали, что социальная задача будущего состоит в согласовании самой широкой индивидуальной свободы действий с правом всех на собственность сырого материала, представляемого земным шаром, и с участием всех в прибыли от общественного труда. Мы не имели притязания думать, что мы могли предвидеть точную форму учреждений, которым, всего вероятнее, суждено достигнуть этой цели, а также близкое или далекое время их применения. Мы ясно видели, что для осуществления такой великой реформы требовалось произвести такое же громадное изменение в характере, как необразованных нынешних народных масс, так и в понятиях громадного большинства людей, эксплуатирующих труд этих масс. Эти два класса должны на практике научиться работать и соединять свои усилия в преследовании благородных целей и во всех случаях они должны трудиться для общественного и социального интереса, а не так как до сих пор иметь в виду только частные выгоды»*

4) Индивид, как хозяйствующий субъект

Научный контроль Человека — источник в том числе и его Богатства — не есть что-то, что принадлежит ему как Индивиду. Понятно, что Научный контроль есть только результат деятельности множества людей, их сотрудничества не только в пространстве, но и во времени. Уже писали о том, что наши научные знания — результат деятельности всего человечества, труд передаваемый в библиотеках и научных институтах от поколения к поколению. Таким образом, это та сфера где единство человечества наиболее востребовано — и это проявление единства «Я», единства объекта контроля духовной энергии.

Другими словами без сотрудничества, о котором столько писал Рассел, нет никакого научного контроля.

Институт Экономики, как он есть сейчас в виде денег и рынка, создал иллюзию «индивида, как хозяйствующего субъекта» за счет той самой денежной абстракции, которая стала эквивалентом всеобщей стоимости. Имея деньги, человек может считать себе полноценным хозяйствующим субъектом в том Институте Экономики, который мы имеем сегодня. Может купить средства производства, нанять рабочих и продавать свои товары.

И этот Институт Экономики Рынка и Денег сыграл свою позитивную роль в становлении цивилизации во времена, когда способность людей к честному сотрудничеству, где все взаимоотношения будут основаны на добросовестности и взаимопомощи была еще только утопией из-за активного поля Эгосистемы. Полноценное сотрудничество научного контроля было еще невозможно, потому Институт Рынка и Денег обеспечив работу индивидов как отдельных хозяйствующих субъектов оказал большую услугу цивилизации. Что однако не значит, что индивид и в самом деле самостоятельный хозяйствующий субъект, поскольку возможности научного контроля остаются неиспользованными, а обслуживание рынка, как доказал Нобелевский лауреат Р. Коуз забирает 60 процентов всех издержек производства.

Более того, деньги стали опасным средством в руках представителей активного поля Эгосистемы, поскольку для Левиафанов они давали очень удачное средство к «мирному порабощению» людей, а для Возрожденного Язычества Античности они давали отличное средство для нового этапа «войны всех против всех» Гибрис-Эго, описанной у Фукидида: теперь Человекобоги пробовали свои силы в войне экономической, сделав деньги оружием в борьбе за власть физического контроля.

Б. Рассел, «Власть»:

> «Ортодоксальные экономисты, также как и Маркс, который в данном вопросе с ними соглашается, ошибались, когда старались представить экономическую выгоду как основной движущий мотив в социальных науках. Погоня за благами, если ее отделить от власти и сла-

> вы, конечна и насыщаема и может быть удовлетворена умеренной компетенцией. Действительно дорогие удовольствия происходят вовсе не из любви к материальному комфорту. Такие блага как коррумпированная система правосудия, поставленная на службу личным интересам или частная коллекция картин древних мастеров, подготовленная экспертами, приобретаются не из желания найти удобное местечко, а из поисков власти и славы. Когда умеренное количество комфорта обеспечено, как индивиды, так и общества будут скорее искать власти чем богатства: они могут искать богатство как средство власти или они могут намерено отказаться от увеличения богатства чтобы сохранить рост власти, но в обоих случаях фундаментальный мотив не экономический. Эта ошибка в ортодоксальной и марксистской экономике не только теоретического значения, но и огромной практического важности, так как она привела к неправильному истолкованию некоторых принципиальных событий новейшей истории. Только если мы поймем что любовь к силе („love of power") есть истинная причина активности, истинная мотивация важных социальных процессов, мы сможем правильно истолковать историю»

Задача, которую я себе ставлю в этой главе — разграничить социализм как «денежное планирование», которое экономически порабощает индивидов, становясь основанием новых Левиафанов; разграничить капитализм как «экономическую войну за власть» Гибрис-Эго и разграничить капитализм как рациональное производство в несовершенных условиях научного контроля духовной энергии. Первое мы обсуждать здесь не будем и будем считать, что уже отграничили марксизм-социализм как новую экономическую форму тоталитаризма. Капитализм как научный контроль духовной энергии в несовершенных условиях мы рассмотрим по книге Маркса Вебера «Протестантская этика и капитализм». Капитализм как «экономическую войну за власть» Гибрис-Эго мы рассмотрим по книге Стенли Бинга «Как бы поступил Макиавелли». И наконец, сравним оба вида капитализма по книге ученых Стендфорда Пораса и Коллинза «Построенные на века» и книге Коллинза «От хорошего к великому».

В ниже приведенной цитате Вебер дает четкое разграничение между этими двумя типами капиталистов: то есть «количе-

ственный идеал», «романтика цифр» и «поэтами коммерции» (идолопоклонство деньгам), борющимся за власть и наслаждения с одной стороны, и настоящими деловыми людьми и тружениками, честными и бережливыми, для которых бизнес — только работу во славу Господа и на благо людям.

М. Вебер, «Протестантская этика и капитализм»:

> «Надо сказать, что это действительно единственная правильная мотивировка, выявляющая к тому же всю *иррациональность* подобного образа жизни с точки зрения личного счастья, образа жизни, при котором человек существует для дела, а не дело для человека. Конечно, известную роль играет и стремление к власти, к почету, которые даются богатством, а там, где устремления всего народа направлены на достижение чисто количественного идеала, как, например, в США, там, разумеется, эта романтика цифр имеет неотразимое очарование для «поэтов» коммерческих кругов. Однако ведущие предприниматели капиталистического мира, достигающие прочного успеха, обычно не руководствуются в свой деятельности подобными соображениями.
> Что же касается стремления пристать к тихой гавани в виде имения и жалованного дворянства, видеть своих детей студентами университета или
> офицерами, чье блестящее положение заставляет забыть об их плебейском
> происхождении, стремления, характерного для выскочек из среды немецких капиталистов, то это лишь продукт эпигонства и упадка. «Идеальный тип» капиталистического предпринимателя, к которому приближаются и отдельные выдающиеся предприниматели Германии, не имеет ничего общего с такого рода чванством ни в его более грубом, ни в его более тонком выражении. Ему чужды показная роскошь и расточительство, а также упоение властью и внешнее выражение того почета, которым он пользуется в обществе. Его образу жизни свойственна — на историческом значении этого важного для нас явления мы еще остановимся — известная аскетическая направленность, отчетливо
> проступающая в цитированной выше «проповеди» Франклина. В характере
> капиталистического предпринимателя часто обнаруживаются известная
> сдержанность и скромность, значительно более искренние, чем та умеренность, которую столь благоразумно рекомендует Бенджамин

Франклин. Самому предпринимателю такого типа богатство «ничего не дает», разве что иррациональное ощущение хорошо «исполненного долга в рамках своего призвания».

2. ПОЗИТИВНЫЙ ДУХ КАПИТАЛИЗМА. М. ВЕБЕР: «ПРОТЕСТАНТСКАЯ ЭТИКА И КАПИТАЛИЗМ»

Г. Честертон в книге «Святой Фома Аквинский» пишет о великом вкладе святого в дело развития нашего знании о духовной энергии человека. «Святыми интеллигентами» называет Фому, Августина и Павла Д. Мережковский. Действительно, Честертон пишет, что Аквинат в век, когда никто не хотел слушать о единстве интеллекта как основы духовной энергии у всего человечества, выступил один против всех в своей борьбе за Аристотеля, и утверждение органической связи человека с окружающим миром и познанием его разумом. По Честертону св. Августин в своем платонизме слишком оторвался от земной жизни, так что Аквинату пришлось напомнить католической церкви, что и земной мир сотворен Господом, и что человек должен жить в гармонии с ним. И для этих целей философия другого метафизика древних эллинов подходила более, ведь Аристотель был первым кто утверждал связь между фактами реальности, мышлением и познанием. Аквинат победил в этом неравном бою, и рационализм Аристотеля прочно вошел не только в теологию католиков, но способствовал также научному Возрождению. Правда, научное возрождение как известно перегнуло палку, и вместо того, чтобы дополнить учение Платона о Мире Идей и Интеллекте человека фактами материального мира, через которые происходит познание законов природы, они вообще отказались от Мира идей и Мышления как метафизики интеллекта, обернувшись в эмпиризм и материализм.

Здесь мы будем говорить не об этом, а о том, что начатая таким образом Революция Аквината, которая сильно способствовала прогрессу церкви, привела в дальнейшем в эпоху Ре-

формации к еще более ощутимым последствиям в этом направлении. Так, уже Лютер выдвигает свою концепцию о том, что монашество как аскеза отречения от мирской жизни, есть вовсе не служение Господу, а эгоизм и праздность, и предлагает вместо старой идеи монашество свою идею «Beruf», то есть понимания профессионального долга как аскезы монашеского служения Господу. Честная профессиональная деятельность понимаются теперь как служение Господу в миру.

М. Вебер, «Протестантская этика и капитализм»:

> «Каким же образом эта деятельность, которую в лучшем случае признавали
> этически допустимой, могла превратиться в «призвание» в понимании
> Бенджамина Франклина? И как исторически объяснить тот факт, что деятельность, которая во Флоренции XIV и XV вв., в центре тогдашнего капиталистического развития, на этом рынке денег и капиталов всех великих держав того времени, казалась сомнительной с моральной точки зрения — в лучшем случае ее только терпели, — в провинциальной мелкобуржуазной Пенсильвании XVIII в., стране, где из-за простого недостатка денег постоянно возникала угроза экономического краха и возвращения к натуральному обмену, где не было и следа крупных промышленных предприятий, а банки находились на самой ранней стадии своего развития, считалась смыслом и содержанием
> высоконравственного жизненного поведения, к которому надлежит всячески стремиться? Усматривать *здесь* «отражение» в идеологической надстройке «материальных» условий было бы просто нелепо. Какой же круг идей способствовал тому, что деятельность, направленная внешне только на получение *прибыли,* стала подводиться под категорию «призвания», по отношению к которому индивид ощущает известное *обязательство*. Ибо именно эта идея служила этической основой и опорой жизненного поведения предпринимателей «нового стиля».
> ...Бенджамин Франклин — деист без какой-либо конфессиональной направленности — в своей автобиографии отвечает библейским изречением, которое он в молодости постоянно слышал от своего отца, строгого кальвиниста: «Видел ли ты человека, проверного *в своем деле?* Он будет стоять пред царями»
> ....Безусловно новым было, однако, следующее: в этом понятии заключена оценка, согласно которой выполнение долга в рамках

> мирской профессии рассматривается как наивысшая задача нравственной жизни человека. Неизбежным следствием этого были представление о религиозном значении мирского будничного труда и создание понятия «Beruf» в вышеуказанном смысле. Следовательно, в понятии «Beruf» находит свое выражение тот центральный догмат всех протестантских исповеданий, который отвергает католическое разделение нравственных заветов
> христианства на «praecepta» и «consilia», — догмат, который единственным
> средством стать угодным Богу считает не пренебрежение мирской нравственностью с высот монашеской аскезы, а исключительно выполнение
> мирских обязанностей так, как они определяются для каждого человека его
> местом в жизни; тем самым эти обязанности становятся для человека его «призванием».

Макс Вебер написал книгу об этой особенной этике протестантства, чтобы показать, что именно в пуританских кругах начинается это выраженное противопоставление аристократическому образу жизни «духа капитализма», особого класса буржуазии, который видит в своей профессиональной деятельности служение Господу в миру, то есть настоящее служение, а не побег от мира. Вебер также стремился показать в этой книге всю нелепость рассуждений марксизма и вообще материализма об истинных двигательных силах общества, в том числе и в экономике.

М. Вебер, «Протестантская этика и капитализм»:

> «Начиная с XVII в. в английском обществе намечается водораздел между «сквайрами», представлявшими «веселую старую Англию», и пуританскими кругами, социальное влияние которых резко колебалось. Через всю раннюю историю североамериканской колонизации проходит это противоречие: с одной стороны, «adventurers», обрабатывающие плантации с помощью indentured servants в качестве рабочей силы и склонные к аристократическому образу жизни, с другой — пуритане с их специфической буржуазной настроенностью. Повсюду, где утверждалось пуританское мироощущение, оно при всех обстоятельствах способствовало установлению буржуазного *рационального с* экономической точки зрения образа жизни, что, конечно, имеет неизмеримо большее значение, чем простое стиму-

> лирование капиталовложений. Именно пуританское отношение к жизни было главной опорой этой тенденции, а пуритане — ее единственно последовательными сторонниками. Пуританизм стоял у колыбели современного «экономического человека».

Вебер называет «дух капитализма» пуритан «иррациональным» с точки зрения материалистов, которые ставят своей целью «земное счастье», наслаждение благами, славу и власть. Совсем иного рода цели ставят себе пуритане, кальвинисты и лютеране, которые видят в своей работе свой долг перед Господом. Работая со всей отдачей и всей честностью, они не тратят на себя ничего кроме необходимого, известные своей бережливостью. Получается, что «человек существует для дела, а не дело для человека», говорит Вебер. Оказалось, что «дух капитализма» — это вовсе не всегда формула Д. М. Кейнса, заявившего что «капитализм есть странная надежда на то что порочнейшие из людей через порочнейшие дела приведут к благу всего общества». Оказалось, что «дух капитализма» — это не всегда и определение Адама Смита, которое проповедовала М. Тетчер о том, что эгоизм и себялюбие, дух конкуренции и соперничества лежат в основе капитализма и «невидимой рукой» приводят ко всеобщему благу общества. Так, Вебер пишет, что «обоснования Лютера весьма далеки от мирских понятий и находятся едва ли не в гротескном противоречии с известным утверждением Адама Смита»

М. Вебер, «Протестантская этика и капитализм»:

> «В католической религии «расколдование» мира — устранение *магии* как
> средства спасения — не было проведено с той последовательностью, которую мы обнаруживаем в пуританской, а до нее в иудейской религии. Католику предоставлялась возможность обрести *благодать,* сообщаемую *таинствами* его церкви, и тем самым преодолеть несовершенство человеческой природы: священник был магом, совершавшим чудо пресуществления, в руках которого была «власть ключей»: к нему мог обратиться верующий, преисполненный раскаяния и готовности к покаянию; священник даровал умиротворение, надежду на спасение, уверенность в прощении и *снимал* тем самым то невероятное *напряжение,* которое было неизбежным и ничем не смягчаемым уделом

> кальвиниста. Кальвинист не знал этого милосердного человечного утешения и не мог, подобно католику и даже лютеранину, надеяться на то, что минуты слабости и легкомыслия будут уравновешены последующей концентрацией доброй воли. Кальвинистский Бог требовал от своих избранных не отдельных «добрых дел», а святости, возведенной в *систему*. Здесь не могло быть и речи ни о характерном для католицизма, столь свойственном природе человека чередовании греха, раскаяния, покаяния, отпущения одних грехов и совершения новых; ни о сбалансировании всей жизни с помощью отдельных наказаний или посредством
> находящихся в распоряжении церкви средств сообщения благодати. Практическая этика кальвинизма устраняла отсутствие плана и системы в
> повседневной жизни верующего и создавала последовательный *метод* всего жизненного поведения. Ведь не случайно в XVIII в. носителей последнего возрождения пуританских идей называли «методистами», подобно тому как в XVII в. их духовных предтеч именовали равным по значению словом «прецизисты» (Prazisisten, precisians). Ибо только посредством коренного преобразования всего смысла жизни, ощущаемого в каждое мгновение и в каждом действии, могла быть достигнута уверенность в наличии благодати, возвышающей человека из status naturae в status gratiae. Жизнь «святого» была ориентирована только на трансцендентную цель — на загробное блаженство, однако *именно поэтому* его посюстороннее существование было строго рационализировано и заполнено единственным стремлением — приумножить славу Божью на земле. И никогда ранее к этой идее — omnia in majorem Dei gloriam — не относились со столь всепоглощающей серьезностью. Лишь пронизанная постоянной рефлексией жизнь рассматривалась как путь преодоления status naturalis. Таким образом, «cogito, ergo sum» Декарта было воспринято современными ему пуританами в своеобразном этическом преобразовании. Эта рационализация, с одной стороны, придавала реформатскому благочестию его специфически аскетическую окраску: с другой — служила основой как внутреннего родства реформатства католицизму, так и специфических различий между ними. Ибо совершенно очевидно, что подобные черты не были чужды и католицизму»

Действительно, оказалось, что частное предпринимательство может быть техническим средством для реализации не только энергии, основанной на ненависти и взаимном соперничестве, но также и для реализации энергии самоотречения в служении

Господу и людям. И в этом случае не было никакого парадокса в том, что индивидуальное предпринимательство вело к общественному благу самым эффективным способом — ведь активизировалась духовная энергия человека. Так, Вебер подчеркивает, что именно концентрация духовной деятельности христианской рефлексии, теперь обращенная в мирскую деятельность становится тем источником эффективности «духа капитализма», который проявили пуритане, построив мощную цивилизацию. И что их «иррациональное» отношение к богатству с точки зрения материалистов, которое они накапливали, но не тратили, также стало огромным импульсом к развитию, поскольку вело к большому накоплению и работе капитала. Понятно, что такой «дух капитализма» будет видеть в индивидуальном предпринимательстве и механизмах рынка только способ перераспределить все заработанное богатство между всеми, — по крайней мере система социального обеспечения даст все нужные средства, а воля и совесть пуритан определят сами возможности и масштабы такого перераспределения.

М. Вебер, «Протестантская этика и капитализм»:

> «Христианская аскеза как в своих внешних проявлениях, так и по своей
> сущности складывается из самых различных элементов. Однако на Западе в ее наиболее разработанных формах она уже в средние века, а подчас и в античности, носила *рациональный* характер. На этом основано и всемирное значение западного монашества — не в его совокупности, а в качестве типического явления — в отличие от монашества восточного. Христианская аскеза уже в уставе св. Бенедикта была в принципе свободна от безотчетного неприятия мирской жизни и изощренного самоистязания, в еще большей степени это проявилось у клюнийцев, цистерцианцев и, наконец, полностью у иезуитов. Она превратилась в систематически разработанный метод рационального жизненного поведения, целью которого было преодоление status naturae, освобождение человека от
> иррациональных инстинктов, от влияния природы и мира вещей и подчинение его жизни некоему планомерному стремлению, а его действий — постоянному *самоконтролю* и *проверке* их этической значимости; таким образом, монах объективно превращался в ра-

ботника на ниве Господней, а субъективно тем самым утверждался в своей избранности к спасению.
...В переводе на современный язык это означает следующее: пуританская аскеза, как и любая другая «рациональная» аскеза, стремилась научить
человека руководствоваться «константными мотивами» (особенно теми, которые она сама ему «внушала»), а не «аффектами», другими словами, воспитать в нем «личность» в *этом* формально-психологическом смысле слова. Вопреки многим распространенным представлениям целью аскезы было создать условия для деятельной, осмысленной, светлой жизни; ее настоятельной задачей — уничтожить непосредственное чувственное наслаждение жизнью; ее главным *средством — упорядочить* образ жизни своих адептов.
....Себастьян Франк действительно указал на основное свойство
кальвинистского благочестия, когда увидел значение Реформации в том, что
теперь *каждый* христианин должен быть монахом в течение всей своей жизни. Перемещению аскезы из мирской повседневной жизни в монастыри была поставлена преграда, и те глубокие и страстные натуры, которые до той поры становились лучшими представителями монашества, теперь вынуждены были осуществлять аскетические идеалы в *рамках* своей мирской профессии. В ходе дальнейшей эволюции кальвинизм присовокупил к этому и нечто позитивное: идею о необходимости найти *подтверждение своей вере* в мирской профессиональной деятельности»

М. Вебер, «Протестантская этика и капитализм»:

«В качестве действенного средства против соблазнов плоти предлагается то же, что служит для преодоления религиозных сомнений и изощренного самоистязания: наряду с диетой, растительной пищей и холодными ваннами предписание: «Трудитесь в поте лица своего на стезе своей». Однако труд выходит по своему значению за эти рамки, ибо он как таковой является поставленной Богом *целью* всей жизни человека. Слова апостола Павла: «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» — становятся общезначимым и обязательным предписанием. Нежелание работать служит симптомом
отсутствия благодати У Бакстера же не только отсутствует подобная этическая интерпретация трудовых обязанностей, но всячески подчеркивается, что богатство не освобождает от этого безусловного требования апостола Павла. Имущий также да не ест, если он не работает, ибо, если он и не нуждается в работе для удовлетворения

> своих потребностей, это не меняет того, что заповедь Божья остается в силе, и он
> обязан блюсти ее так же, как соблюдает ее бедный Провидение Господне дало каждому профессию (calling), которую он должен принять и на стезе которой должен трудиться; это профессиональное призвание здесь не судьба, с которой надо примириться и которой надо покорно следовать (как в лютеранстве), а требование Бога к каждому человеку трудиться к вящей славе Его».

М. Вебер, «Протестантская этика и капитализм»:

> «Борясь за *производительность* частнохозяйственного богатства, аскеза
> ратовала как против недобросовестности, так и против *инстинктивной*
> жадности, ибо именно ее она порицала как «covetousness», «мамонизм» и т.п., другими словами, против стремления к богатству как *самоцели*. Ибо имущество само по себе, несомненно, является искусом. Однако тут-то аскеза превращалась в силу, «что без числа творит добро, всему желая зла»** (зло в ее понимании — это имущество со всеми его соблазнами). Дело заключалось не только в том, что в полном соответствии с Ветхим заветом и с этической оценкой «добрых дел» эта сила видела в стремлении к богатству как *самоцели* вершину порочности, а в богатстве как *результате* профессиональной деятельности — Божье благословение; еще важнее было другое: религиозная оценка неутомимого, постоянного, систематического мирского профессионального труда как наиболее эффективного аскетического средства и наиболее верного и очевидного способа утверждения возрожденного человека и истинности его веры неминуемо должна была служить могущественным фактором в распространении того мироощущения, которое мы здесь определили как «дух» капитализма. Если же ограничение потребления соединяется с высвобождением стремления к наживе, то объективным результатом этого будет *накопление капитала* посредством принуждения к *аскетической бережливости*. Препятствия на пути к потреблению нажитого богатства неминуемо должны были служить его производительному использованию в качестве *инвестируемого* капитала.
> Конечно, степень этого воздействия не может быть исчислена в точных цифрах. В Новой Англии эта связь ощущается очень сильно, она не ускользнула от взора такого выдающегося историка, каким является Джон Дойл. Однако и в Голландии, где действительное господство кальвинизма продолжалось лишь семь лет, простота жизненного уклада, утвердившегося в подлинно религиозных кругах, привела

> при наличии громадных состояний к ярко выраженному импульсу накопления капитала»

М. Вебер, «Протестантская этика и капитализм»:

> «Джона Уэсли, который вполне мог бы служить эпиграфом ко всему вышесказанному. Слова Уэсли свидетельствуют о том, что главы аскетических движений полностью (и совершенно в духе нашего толкования) отдавали себе отчет в изложенной выше, на первый взгляд парадоксальной взаимосвязи. Уэсли пишет: «Я опасаюсь того, что там, где растет богатство, в той же мере уменьшается религиозное рвение. Поэтому, исходя из логики вещей, я не вижу возможности, чтобы возрождение подлинного благочестия где бы то ни было могло быть продолжительным. Ибо религия *неминуемо должна* порождать как трудолюбие (industry), так и бережливость (frugality), а эти свойства в свою очередь обязательно ведут к богатству. Там же, где увеличивается богатство, создается благодатная почва для гордыни, страстей и привязанности к мирским радостям жизни во всех их разновидностях. Как же можно рассчитывать на то, что методизм, эта религия сердца, сохранит свой первоначальный облик, пусть даже теперь эта религия подобна древу с пышной листвой? Повсеместно методисты становятся прилежными и бережливыми. Их имущество, следова-
> тельно, растет. Вместе с тем растут и их гордыня, страсти, любовь к плотским
> мирским утехам и высокомерие. В результате этого сохраняется лишь форма религии, но дух ее постепенно исчезает. Неужели же нет такого средства, которое могло бы предотвратить этот непрекращающийся упадок чистой религии? Мы не можем препятствовать тому, чтобы люди были радивыми и бережливыми. *Мы обязаны призывать всех христиан к тому, чтобы они наживали столько, сколько можно, и сберегали все, что можно, то есть стремились к богатству».* (За этим следует увещевание, чтобы «наживающие сколько могут и сберегающие сколько могут» были готовы и «отдать все, что могут», дабы сохранить милосердие Господне и скопить сокровища на небесах.) Очевидно, что в этих словах вплоть до мельчайших нюансов обнаруживается тот же ход мыслей, который был предложен нами вниманию читателей»

3. НЕГАТИВНЫЙ ДУХ КАПИТАЛИЗМА. СТЕНЛИ БИНГ: «КАК БЫ ПОСТУПИЛ МАКИАВЕЛЛИ»

Википедия сообщает нам вот эти скудные сведения о Джиле Шварце (авторский псевдоним Стенли Бинг), успешном бизнесмене и боссе компании, но в гораздо большей степени успешном журналисту и авторе книг о «патологии власти». Интригующее предложение в статье, которое говорит, что Бинг показывал «причинные связи между патологией и людьми с властными полномочиями». При этом его книги — это хорошая сатира, что уже само по себе означает, что причинные связи обнаружены верно — ведь настоящее чувство юмора принадлежит только научному контролю. Надо также сказать, что статья отмечает, что сатирические романы Бинга стали бестселлерами, и в особенности большую славу ему принесла его книга «Как бы поступил Макиавелли?»

> «**Gil Schwartz** (May 20, 1951 — May 2, 2020), known by his pen name **Stanley Bing**, was an American business humorist and novelist. He wrote a column for *Fortune* magazine for more than twenty years after a decade at *Esquire* magazine. He was the author of thirteen books, including *What Would Machiavelli Do?* and *The Curriculum*, a satirical textbook for a business school that also offers lessons on the web. Schwartz was senior executive vice president of corporate communications and Chief Communications Officer for CBS. Schwartz was a columnist, novelist, and writer of a large body of work dedicated to exploring the relationship between pathology and authority».

Мне часто приходится возвращаться к книге Стенли Бинга «Как бы поступил Макиавелли?» в своем научном исследовании, потому что я не знаю другой такой книги (даже с учетом той формы шутки и легкомыслия в которой она написана), которая бы так глубоко отражала существо того, что можно назвать «негативным духом капитализма». То есть возвращения к античному Гибрис-Эго, как «войне всех против всех» в поисках величия и власти в победе над всеми в своих демократиях-тираниях. Демократами оставались те, кто довольствовался меньшим — не быть рабом, а тиранами становились те, кто хотел всего —

стать господином, стать «государем». Знаменитое своим цинизмом произведение Макиавелли «Государь» как нельзя лучше характеризует тот образ Сатан-Эго, начертанный Платоном в его портрете «тирана».

Прежде всего, имя Макиавелли как символ книги подобрано очень удачно, ведь Гоббс (автор трактата о Левиафане) и Макиавелли стоят у истоков современных Демократий-Тираний Нормативного права. Это они доказывали приоритет физического контроля над естественным правом научного контроля. В этом смысле Макс Вебер, который написал блестящую книгу о религиозном духе капитализма противопоставив ее материализму марксизма, оказался товарищем Гоббса и Макиавелли, обосновывая физический контроль, право сильного в политике и в правительстве национальных государств, и прямо противопоставляя его этике как «дьявольскую силу» и протиопоставляет этике "Платона Каратаева и персонажей Достоевского" (уже здесь видна и слабость его теории, и то что она сам это понимал в «Политике как профессии и призвании». Тем не менее, книга Вебера о духе капитализма внесла его в списки великих ученых своего времени.

П. Новгородцев «Лекции по истории философии права»:

> «Для Гоббса право есть продукт тех споров и столкновений, которые делают для человека невыносимым естественное состояние и заставляют его бежать под охрану власти. Для него право — это, прежде всего сила, власть, предписание начальствующих; для Гроция это — продукт мирных и общежительных склонностей человеческой природы, это — истечение ее добрых чувств и стремлений. Утверждая, что власть определяет, что хорошо и что дурно, Гоббс, как мы говорили уже ранее, распускает всю нравственность в положительном законе и отрицает всякую естественную справедливость; напротив, для Гроция предположение такой справедливости составляет самую главную посылку.
> Гроций и Макиавелли олицетворяют в области политики те две силы, которые борются между собой в человеческой истории: Макиавелли представляет в своих сочинениях теорию грубой силы, которая прокладывает себе путь, не разбирая средств и приемов для достижения по-

> ставленных целей; Гроций — теорию нравственной силы, которая покоряет людей своими внутренними свойствами. Соответственно с этим, и его система естественного права основана прежде всего на признании известных нравственных начал для сознания людей, помимо каких бы то ни было внешних опор и авторитетов. В отыскании внутренних основ естественного права состоит главная философская задача его книги. Его учение не могло служить лозунгом для какой бы то ни было партии, но оно все, от начала до конца, было проникнуто духом гуманности, справедливости и миролюбия, который благотворно действовал на общественное сознание. Говоря об этой стороне книги Гроция, я не могу характеризовать ее лучше и яснее, как при помощи противопоставления его воззрений взглядам Макиавелли. Преклонение перед силой, проповедь политического успеха, достигаемого какими бы то ни было средствами, отрицание нравственных начал в политической области и неверие в силу добра — таковы характерные черты макиавеллизма. Гроций в этом отношении прямая противоположность Макиавелли. Человечность, миролюбие и справедливость, прежде всего — таковы симпатичные верования, которые он исповедует и которые силой своего авторитета он успел, поскольку это было невозможно, и более чем кто-либо другой из его современников, привить европейскому сознанию. Он твердо верил, что непреклонная честность и нравственные стремления составляют неизменные условия политики»

Стенли Бинг пишет о мире крупных дельцов, пронизанных совсем другим «духом капитализма», нежели тот, что нам описал М. Вебер. Это люди, которые используют механизмы индивидуального предпринимательства совершенно в иных целях: они ставят задачу накопить богатство, чтобы использовать его как власть в своей борьбе за власть с другими людьми. Им не только неинтересно этическое служение пуритан, и их стремление послужить людям и Господу, они ставят прямо противоположную задачу: разрушить в себе все основы совести, чтобы этика не мешала их движению «наверх», в «государи». Ведь они ни много ни мало строят свои собственные государства, свои собственные империи, и действительно как пишет например Джон Перкинс уже совершенно серьезно и без тени иронии, «корпоратократия» переходят свободно с постов глав крупных корпораций на правительственные посты. Но и свои собственные корпорации они

строят как свои государства и действительно являются там монархами: «откровенные монархии и олигархии», пишет Рассел о современном ему бизнесе. Так, значит, возвращается античное язычество человекобогов, зафиксированное в образе Сверхчеловека великим поклонника языческой Эллады Фридрихом Ницше в его многочисленных произведениях-гимнах языческим богам; в его ненависти к этике совести и сострадания, к научному контролю «теоретического человека Сократа».

Бинг подчеркивает, в самом деле психическую патологию тех «начальников — государей», которых он описывает в полном соответствии с «тираническим человеком» Платона. Он говорит о «паранойе», которая ими движет, об «инфляции Эго» которая достигает уровня мегаломаньяков, о страхе слышать правду и создании защитных барьеров между собой и внешним миром; о постоянной войне с окружающим миром с одной только целью: накапливать власть, «расти», желать «ПО КРУПНОМУ», создавать государство, большое как империя. И никогда их желанием не бывает как желание позитивного духа капитализма — производить продукты и поднимать благосостояние. При этом, они намеренно согласно Бингу борются со своей совестью, чтобы «подняться по эволюции Дарвина», то есть чтобы совесть не мешала их планам накопления власти.

Стенил Бинг «Как бы поступил Макиавелли?»:

1. Вот здесь Бинг формулирует иррациональность мотивации, и дает понять, что речь идет только о мании величия:

> «Я проработал пятнадцать лет, прежде чем понял, что, собственно говоря, представляет собой бизнес. Или, лучше сказать, что он собой не представляет. Задача бизнеса не в том, чтобы предлагать товары или услуги. Не в том, чтобы давать работу людям. Не в том, чтобы правильно руководить предприятием, изменять жизнь к лучшему, заботиться о сотрудниках, устраивать деловые обеды, ужины или хранить верность дяде Бобу. Не в том, чтобы добиваться превосходного качества товаров. Не в том, чтобы иметь возможность играть по выходным в гольф. А в том и только в том, чтобы становиться все больше и больше. Для крупных Макиавелли, которые мыслят в категориях макроэкономики, это означает поедание дру-

> гих существ и расширение своего денежного пространства. Больше, чем Рим! Больше, чем Византия! Это… [место для названия вашей компании]! Не суть. Суть в том, что, каких бы размеров ни было ваше государство, существуют прилежащие территории, которые можно было бы попытаться захватить. Оглянитесь вокруг. Нет ли кого-нибудь поблизости, кого вы могли бы взять под полный контроль? Какая-нибудь мелюзга вроде парня, который работает за соседним станком, скажем. Надо расти! Хватайте все, что ни попадя. Вперед! Без остановок! Никакие семейные обстоятельства не должны быть в ущерб бизнесу — правило для тех, кто желает доминировать во Вселенной; никакие друзья не могут заменить навязчивой идеи успеха, богатства и власти; лишь только индивидуумы, страдающие маниакальным расстройством и стремящиеся к ликвидации всех остальных, имеют шансы подняться на самый верх».

2. Здесь он говорит о том, что мания величия прямо противоположна не только разумному поведению, но и здоровой добросовестности человека:

> «Уничтожение собственной совести — один из самых сложных моментов, который вам доведется постичь. Не всякому человеку это дано. Если вы находитесь на более низкой ступени эволюции, постарайтесь внести коррективы в собственную личность, с тем чтобы избавиться от груза совести, насколько это представляется возможным. Чтобы полностью следовать принципам Мастера, мы должны быть эгоистами, отличаться самовлюбленностью, манипулировать людьми. Потребуются, по большому счету, две вещи: Смелость: способность обнаружить свое истинное «я», спрятанное за многовековыми культурными наслоениями, извлечь то самое неприятное жабообразное существо внутри вас и вручить ему ключи от машины. Практика: великие люди не становились великими за одну ночь. Они начинали как обычные люди и лишь позднее превратились в монстров. Вам придется выработать в себе новые привычки и делать это каждый день, вне зависимости от то — го, насколько добрым, маленьким, мягким или уязвимым вы кажетесь самому себе в том или ином отношении. Не беспокойтесь. Чем больше вы будете тренироваться, тем легче вам будет, пока вы, наконец, не превратитесь в чудовищного тролля, которого все ненавидят. И вот в этот самый момент оглянитесь вокруг и убедитесь, что у вас все хорошо — и с финансовой, и с профессиональной точки зрения. Вы будете поражены.
> Не только гендиректорам дано вести себя как герцогам-правителям.

> Обман. Манипулирование людьми. Припадки ложного гнева. Припадки истинного гнева. Угрозы. Лесть. Жестокость. Наглая эксплуатация верных вам людей. Культивация чувства вины в людях, которые ложно воспринимают старшее должностное лицо как своего отца или мать, — все эти тактические приемы и многие другие должны стать частью повседневной тактики на всех уровнях руководства, а не только уделом «крутых» парней».
> 3. Здесь он пишет о том, что активность этой энергии эгозащиты, иррациональной и безнравственной, всегда связана с войной и с мучительством других людей:
> «Он постоянно находился бы в состоянии войны. Отрезать пару голов тут или там совершенно необходимо время от времени, и излишние сантименты по этому поводу ни к чему. Умелое сочетание паранойи с военными действиями является тем фундаментом, на котором зиждется всякое макиавеллистское правление. Жажда крови, обращенная вовне, — более эффективное средство, чем аналогичные эмоции, направленные вовнутрь — на вас самих. Поэтому ступайте и убивайте... кого придется! Поднимите флаг! Определитесь с врагом. Соберите войска! Трубите поход! Цель — деньги. Сражаться, сражаться, сражаться! Он изводил бы людей пытками, пока они сами с радостью не наложили бы на себя руки. Если человек у вас в руках, есть масса способов мучить его. лишение сна. Старый прием в деле промывания мозгов. Держите сотрудников на работе без особых причин, помимо той, что «вы можете вызвать их к себе в любую минуту», пока они не начнут выть от голода. Звонок подчиненному рано утром с обвинениями в нерадивости и прочими обидными словами также дает нужный эффект. неопределенность. Кто нас покупает? Кто станет моим боссом? Что я буду делать, если мою должность упразднят? Все это хорошие вопросы, на которые вы, впрочем, не даете ответа подчиненным. держать пятки над огнем. Рост, выраженный двузначным числом, должен быть даже тогда, когда рынок не благоволит. носом в точильный круг. Увеличивай прибыль! Вжик!
> Вжик! капать воду им на голову, пока они не свихнутся»

Греческая шизоидность тоже проявилось в постоянном состоянии

войны друг с другом: это и убило Древнюю Грецию. И. Суриков пишет:

шет: «Наверное, ни в одной другой человеческой цивилизации со-

стязательность не была развита до такой высокой степени. Причем, подчеркнем, зачастую это была состязательность практически бескорыстная, не ориентированная на получение материальной прибыли.

Не случайно именно Древняя Греция — родина такого феномена,

как спорт. Да, в сущности, вся жизнь греков в каком-то смысле была «спортом». Находясь в состоянии почти постоянных войн друг с другом, греческие полисы при этом стремились к установлению все более тесных контактов различного характера».

Культ конкуренции, которые консерваторы называют «шпорами нищеты», якобы необходимыми для стимуляции прогресса экономики в обществе. Однако, именно неконтролируемый рынок в конечном итоге ведет к поглощениям, к концентрации капитала, к монополизации экономики и устранению конкурентного рынка.

Стенли Бинг говорит об этом так:

> «Рост, который позволяет Уолл-стрит процветать, вынуждает вас купить с потрохами своего конкурента и таким образом вывести его из игры. Властелин, который хочет заставить свои акции расти, как грибы, обязан *покупать доходы* Это значит покупать целые компании; их выручка может быть попросту прибавлена к вашей, что *дает иллюзию огромного роста прибыли,* квартал за кварталом, год за годом. Данная идея лежит в основе нынешнего впечатляющего процесса консолидации, охватившего нефтегазовую сферу, телекоммуникации, печатное дело, новые и старые средства массовой информации и др. «Come together!» («Объединяйтесь!») — пел Джон Леннон. А мы так и делаем, Джонни! Мы так и делаем! Не далек тот день, дамы и господа, когда будет всего восемь или девять невообразимо огромных корпораций, больших и влиятельных, чем любое правительство, когда-либо существовавшее на этой планете».

Такой же результат давала острая социальная конкуренция древней Эллады:

> «Боролись друг с другом группировки аристократов; — пишет И. Суриков, — известны и случаи противостояния богатых и бедных. Междоусобные конфликты очень часто приводили к установлению тиранических режимов, и тирания стала в архаической Ионии особенно распространенным явлением».

Платон пишет по этому поводу в «Государстве»:

> «Так вот, тирания возникает, конечно, не из какого иного строя, как из демократии; иначе говоря, из крайней свободы возникает величайшее и жесточайшее рабство»

4. СРАВНЕНИЕ ПОЗИТИВНОГО И НЕГАТИВНОГО ДУХА КАПИТАЛИЗМА. УЧЕНЫЕ СТЕНДФОРДА: «ПОСТРОЕННЫЕ НА ВЕКА» ПОРАСА И КОЛЛИНЗА

Есть сравнительно недавнее большое и серьезное исследование ученых Стэндфордского университета, Д. Пораса и Д. Коллинза. Его результаты отражены в двух книгах «Построенные на века» и «От хорошего к великому». В этих книгах авторы сообщают о своих «опытных находках», которые со всей очевидностью показывают, что капиталистическую экономику пронизывает не один дух, а два противоположных по существу духа. Как раз то, что мы обозначили как «позитивный дух капитализма» и «негативный дух капитализма». Сопоставив две группы компаний в своем исследовании, авторы приходят к заключению, что если «Позитивный дух капитализма» — это золотые медалисты своих отраслей, оставившие след на мировой культуре долгожители, то те кто пронизан «негативным духом капитализма» — это в лучшем случае «серебряные медалисты, и к тому же совершенно недолговечные компании. Таким образом, и Сверхчеловеки Бинга могут достигать успехов, но успехи эти совсем недолговечны в отличии от тех компаний, которые демонстрировали «позитивный дух капитализма», и не дотягивают до вершин последних, значительно более скромные успехи.

И когда авторы исследования стали доискиваться причин в разнице результатов «визинарных и сравниваемых компаний», они вынуждены были признать, что должны отбросить все, что они раньше учили как теорию экономики. Ведь оказалось, что визинарные компании — то есть лучшие мировые компании — совершенно ничего общего с теорией экономики не имеют, и действуют согласно совершенно другим законам. Их исследование необходимо стало психологическим, хотя изначально было экономическим, потому что факторы различия между двумя группами лежали не в сфере теории экономики, а в сфере психологии. Так, руководители визинарных компаний не ставили себе целей максимизации прибыли, а ставили себе философские, религиозные, научные или этические цели, что поначалу совершенно сбило с толку исследователей-экономистов. Так что в конечном итоге, они пришли к выводу, что вынуждены заявить о Научной Революции в теории бизнеса, ибо они уже не могли смотреть на мир бизнеса глазами экономической науки.

Эти ученые не были психологами, и текст их книг ни в коей мере не выдает ни эрудиции в области психологии, ни желания вести исследования с психологической точки зрения. И тем не менее, результаты получились такими, словно они знали об исследования Абрахама Маслоу и Эриха Фромма: их лучшие компании — это синдром самоактуалов Абрахама Маслоу, а «сравниваемые компании» — это шизоидный рыночный характер Эриха Фромма. При этом, именно рыночный характер сравниваемых компаний выглядит частью своей среды, среды капиталистического рынка; в то же время визинарные (visionary) компании, то есть лучшие компании выглядят исключениями в этом мире капиталистической конкуренции. Давайте рассмотрим подробнее.

Представляя «визинарные компании», авторы исследования подчеркивают, что их исследование не связано с традиционным курсом экономики, оно не изучает количественных абстракций и математических соотношений, маркетинга и рекламы. Это исследование о компании как об общественном организме. Ре-

зультат их изучения самого успешного бизнеса принес неожиданные результаты для них самих: причиной успеха оказался человеческий фактор, а не те модели экономического поведения, которые преподают в школах экономики. В то же время, поведение «сравниваемых компаний» оказалось вполне стандартным с этой точки зрения.

Джерри Порас и Джим Коллинз «Построенные навеки»:

> «Мы сделали эти выводы, когда обнаруженные в нашем исследовании факты проделали дыру в двух широко поддерживаемых и глубоко лелеемых мифах, доминирующих в популярном мышлении и в доктринах бизнес школ годами: миф о великой идее и миф о великом харизматическом лидере. Курсы стратегического менеджмента и предпринимательства бизнес школ обучают важности начинать прежде всего с хорошей идеи или должным образом разработанных продукта или маркетинговой стратегии, и потом прыгнуть сквозь «окно возможности» прежде чем оно закроется. Но люди, которые строят визинарные компании часто не думают так и не ведут себя подобным образом. Случай за случаем, их поступки идут в разрез с теориями, которым обучают бизнес школы. Так, на ранних стадиях нашего исследования, мы были вынуждены отказаться от великой идеи и от бриллиантовой стратегии, как объяснения корпоративного успеха и осваивать новое мировоззрение. Нам пришлось посмотреть на мир сквозь совершенно новые очки. ***Мы были вынуждены прекратить рассматривать компанию как средство для производства продуктов и увидеть продукты как средство для существования компании***».

Джерри Порас, Джим Коллинз «Построенные навечно»:

> «Это книга не о харизматических лидерах пророках. Она также не об умении предсказать успешные продукты и не о маркетинговых инсайтах на будущее. Она даже не об умении загадать линию развития компании. Эта книга содержит информацию о чем-то значительно более важном, более долгосрочном и существенном. Эта книга о **визинарных компаниях**. Что такое визинарная компания? Визинарные компании — это лучшие институты — драгоценные жемчужины (crown jewels) — в своих индустриях, которыми широко восхищаются конкуренты и имеющие длинный послужной список значимого воздействия на окружающий мир. Ключевой момент здесь в том, что визинарные компании — это организации, институты. Все индивиду-

альные лидеры, неважно насколько они харизматичны и способны видеть будущее, в конечном итоге умирают; и все долгосрочные продукты и услуги — все «великие идеи» — в конечном итоге устаревают. Действительно, целые рынки могут устареть и исчезнуть.
И только визинарные компании процветают, успешно преодолевая жизненные циклы множества продуктов и множество поколений активных лидеров. Мы хотели бы сразу прояснить: «сравниваемые компании» в нашем исследовании — это далеко не худшие компании, они даже не из тех компании, которые совсем лишены способности видеть будущее. Схематично можно обрисовать отношение визинарных компаний к сравниваемым, как отношении золотых медалистов к обладателям серебряных и бронзовых медалей. Мы предпочли термин «визинарные» терминам «успешный» и «долговеч-
ный», чтобы отразить в названии тот факт, что эти компании выделили себя как очень специфичную и элитарную категорию институтов. Они более, чем успешные. Они более, чем долговечные. В большинстве случаев, они лучшие из лучших в своих индустриях, и оставались такими десятилетиями. Многие из них служат ролевыми моделями — иконами, на самом деле, — для практического менеджмента по всему миру».
Джери Порас и Джим Коллинз «Построенные навеки»:
«Мы просим вас сделать поворот в мышлении того же масштаба, что предшествовал ньютоновской революции... До Ньютоновской революции, люди объясняли мир вокруг себя преимущественно в терминах Бога, который принимает конкретные решения....Люди думали о всемогущем Боге, который ответственен за каждое малейшее событие, которое случается. В 1600-х люди сказали: «Нет, все не так!
Бог создал мир с определенными законами, а наша задача выяснить механизмы этих законов. Бог не принимает всех решений. Он устанавливает закономерности процессов, которые затем существуют в заданном режиме»...Таким же образом, мы призываем вас видеть успех визинарных компаний — по крайней мере частично — происходящим от основополагающих процессов и фундаментальных механизмов заложенных в организации, а не преимущественным результатом великой идеи, или какого-либо великого, все знающего, богоподобного провидца, который делает великие решения, обладает харизмой, и подчиняет всех своей власти... Они концентрируются, прежде всего, на строительстве организации — строительстве тикающих часов — а не на завоевании рынка гениальным продуктом, управляя кривой роста его цикла жизни. И вместо того, чтобы концентрироваться на приобретении личных черт гениального лидера,

> они берут подход архитектора и концентрируются на создании организации, отвечающей характеристикам визинарной компании. Основным результатом всех их усилий является не материальное воплощение великой идеи, не реализация харизмы их личности, не возвеличивание Эго или же накопление личного состояния. Их величайшим творением является компания сама по себе и ценности, которые они отстаивают… Таким же образом, величайшим «продуктом» Массуры Ибука был не Walkman и не Trinitron; а сама компания Сони и ценности, которые она отстаивает. Великим творением Уолта Диснея стала не Фантазия, и не Белый снег, и даже не Диснейленд; а компания Уолт Дисней и ее сверхъестественная способность делать людей счастливыми».

Таким образом, из приведенных цитат можно видеть, что авторы считают свое исследование революционным переворотом во всей экономической теории, и основа этого переворота состоит в том, о чем мы говорили ранее: не математические соотношения и экономические модели определяют производственные отношения, а человеческий фактор, который в данном случае выступает у авторов в виде особенных визинарных компаний. Дальше мы увидим, что все особенности, которые авторы открыли в этих компаниях полностью соответствуют открытому А. Маслоу синдрому самоактуалов. И таким образом, мы говорим об одном и том же основном факторе производства и энергетическом ресурсе экономики: это здоровая духовная энергия человечества.

Джерри Порас и Джим Коллинз «Построенные навеки»:

> «Вопреки доктринам школ бизнеса, *мы не нашли «максимизации благосостояния учредителей» и «максимизации прибыли» в качестве доминирующей движущей силы или основной цели, изучая истории визинарных компаний*. Мы обнаружили у них тенденцию иметь совокупность целей, из которых деньги — это только одна, и не обязательно доминирующая цель. Действительно, для многих из визинарных ком-
> паний бизнес исторически был больше чем экономическая актив-
> ность, больше чем просто способ делать деньги. Истории большин-
> ства
> визинарных компаний обнаруживали идеологию смысла своего су-
> ще-

> ствования, которая превосходила чисто экономические соображения.
> И — и это ключевой момент — они имели философию смысла своего существования в гораздо большей степени, чем компании из сравни-
> ваемой группы. Детальный парный анализ показал, что визинарные компании были в общем и целом значительно более мотивированны идеологически и меньше мотивированны просто получением прибыли, чем компании из сравниваемой группы в 17 из 18 случаях.
> **Прибыльность необходимое условие существования и средство для более важных целей, но она не является самой целью для большинства визинарных компаний. Прибыль как кислород, пища, вода, и кровь для тела; они не являются смыслом жизни, но без них жизнь невозможна.**

С самого начала становится ясно, что визинарными компаниями движет духовная энергия человечества, которая не сводится к целям абстрактного количественного роста, выраженного в деньгах, как у людей с энергией эгозащиты, движимых тщеславием. Напротив, визинарные компании имеют устойчивую философию, и именно эта философия есть смысл их жизни и деятельности. Они посвящают много средств и времени благотворительности, создают условия для работы компетентного персонала, вкладывают большие деньги в научные исследования и новые технологии. Главное, что отличает эти компании — особый интерес к личности людей, которых они нанимают.

«Стереть как вирус», — говорят исследователи о тех, кто не подходит под эти критерии отбора: высокая самодисциплина, философия выше прибыли, компетентность, научные исследования, ответственность, поскольку людям предоставляют свободу творчества. Человеческий фактор как ключевой фактор — это лейтмотив обоих исследований. Вот, например, что пишет Джим Коллинз в книге «От хорошего к великому», следующего исследования на ту же тему (напомним, что Абрахам Линкольн — один из «подопечных» в исследовании самоактуалов Маслоу):

Джим Коллинз «От хорошего к великому»:

> *«Лидеры 5 уровня перенаправляют потребности своего Эго от себя к более большой цели построения могучей компании. Дело не в том, что лидеры 5-го уровня не имеют Эго или личных интересов. На самом деле они невероятно амбициозны — но их амбиции связанны в первую очередь с институтом, а не с ними самими...5-й уровень лидеров следует изучать как дуализм: скромные и волевые, застенчивые и бесстрашные. Может быть сравнение визинарных компаний с Абрахамом Линкольном будет несколько натянутым, тем не менее они обнаружили идентичный с ним дуализм личных характеристик... GG компании строят прочные системы с ясными должностными функциями, но они также дают людям свободу и ответственность в пределах структуры этих систем. Они нанимают людей с высокой самодисциплиной, которые не нуждаются в том, чтобы ими управляли, а потом управляют системой, а не людьми»*

Джим Коллинз «От хорошего к великому»:

> «Один из неизменных принципов управленческой физики — это «закон Паккарда», названный так, потому что мы открыли его в рамках нашего предыдущего проекта, когда встречались с Дэвидом Паккардом, одним из основателей компании Hewlett-Packard. Звучит он так: **ни одна компания не может наращивать свои продажи быстрее, чем растет ее способность нанимать нужных ей людей. Если рост ваших продаж опережает рост числа ваших сотрудников, вы не создадите, просто не сможете создать великую компанию. те, кто создал великие компании, понимают, что основной ускоритель роста — это не рынок, не технологии, не конкуренция, не продукты. Фактор, который важнее всех остальных, — это способность найти и удержать нужных компании людей.** Команда менеджеров Circuit City интуитивно знала «закон Паккарда». Проезжая несколько лет назад Санта-Барбару на следующий день после Рождества, я заметил, что есть что-то необычное в облике магазина Circuit City.
> На других магазинах висели плакаты и реклама типа «самые низкие цены, всегда“ или „праздничные скидки“ или „лучший выбор после Рождества» и так далее. Но не на Circuit City. На их магазине висел плакат: «Ищем выдающихся людей». Этот плакат напомнил мне беседу с Уолтером Бракартом, вице-президентом компании времен перехода от хорошего к великому. **Когда мы попросили его назвать пять факторов, определивших этот переход, он сказал: «Первый — люди. Второй — люди. Третий — люди. Четвертый — люди. И пятый — люди. Огромную часть нашего успеха составляет умение находить нужных людей».**

Абрахам Маслоу так определяет синдром самоактуалов: интеллектуалы, которые никогда не приближаются к деревьям-настолько, чтобы перестать видеть лес, не-эгоцентричны, долг ответственность, посвящают себя разрешению важных общественных задач, научных и социальных, самостоятельны, дисциплинированы, ответственны, с чувством юмора, человечны и демократичны, избирательны в общении, дружат только с такими же здоровыми людьми, сильные личности и имеют дружить и любить, философы, спонтанны и искренни, отвага и сильная воля. Если мы теперь обратимся к исследованию Джерри Порасаи Джима Коллинза мы увидим, что они нашли в визинарных компаниях тот же синдром самоактуалов:

Джим Коллинз «От хорошего к великому»:

> «Тогда я понял одну вещь: в командах руководителей великих компаний всегда было нечто, что было трудно описать, но что явно отличало их от других. Завершая мое интервью с Джорджем Вайсманом из Philip Morris, я сказал: «То, как вы описываете вашу работу в компании, похоже на историю любви", он хмыкнул и ответил: „Да, если не считать мою жену, то это действительно была самая сильная страсть моей жизни. Я не думаю, что многие поймут то, о чем я говорю, но мои коллеги поняли бы». Вайсман и многие другие руководители из его команды имели кабинеты в компании и регулярно приходили на работу даже после того, как они формально вышли на пенсию. Один коридор в головном офисе компании называется «холл волшебников бывшего города». Это коридор, по которому Вай-
> сман, Калман, Максвелл и другие продолжают приходить в свои офисы, просто потому, что им нравится проводить время друг с другом. Аналогичным образом, Дик Апперт из Kimberly-Clark сказал в беседе с нами: «Никто никогда, за все 41 год моей работы в компании, не сказал мне недоброго слова. Я благословляю тот день, когда меня наняли на работу, потому что я работал с замечательными людьми. Хорошими, очень хорошими людьми, которые всегда уважали друг друга». Члены управленческих команд великих компаний стали и остаются друзьями на всю жизнь. Верность принципу «сначала кто»,
> возможно, то самое звено, которое соединяет великую компанию и великую жизнь. Не важно, чего мы смогли добиться в жизни, но если мы проводим большую часть нашего времени с людьми, которых

> не любим и не уважаем, у нас, возможно, далеко не лучшая жизнь. Если же большую часть времени мы проводим с людьми, которых любим и уважаем, с людьми, которых желаем видеть вокруг себя и которые никогда нас не разочаруют, у нас наверняка замечательная жизнь, вне зависимости от того, чем мы занимаемся. Руководители великих компаний, которых мы интервьюировали, вне всякого сомнения, любили то, чем они занимались, в основном и потому, что они любили тех, с кем они это делали».

В то же время, «сравниваемые компании» — это синдром, которым Э. Фромм описал как шизоидный рыночный характер, и который гуманистические психологии описывают как «ложное Эго» невротической личности. Здесь вы не найдете научное мышление самоактуалов, его место занимает тщеславие. Если визинарные компании видят прибыль средством для реализации своей философии, и делают только то, что соответствует их философии, то сравниваемые компании движимы простым тщеславием: рост ради роста. Они не имеют ни философии, ни единой стратегии научного мышления. Только хаос амбициозных толчков, победить и разбогатеть. Поэтому Коллинз сравнивает визинарные компании (великие компании) с «эффектом маховика», когда успех достигается просто долгой целенаправленной работой реализации научного контроля, а сравниваемые компании с хаотичным движением во все стороны, так что движение останавливается. Первые достигают успеха, вторые разоряются. Он подчеркивает иррациональное мышление, ожидание «магического момента» у сравниваемой группы. В первом случае линейное развитие научного мышления, во втором случае цикличное движение по кругу энергии эгозащиты, «порочный круг».

Джим Коллинз «От хорошего к великому»:

> «Эта аналогия с маховиком наглядно демонстрирует, что происходило внутри компаний, которые осуществили переход от хорошего к великому. И неважно, насколько впечатляют их конечные результаты; превращение хороших компаний в великие никогда не происходило «одним махом». Не было одного решающего мероприятия, не было суперпрограммы, не было одной убийственной новации, одинокого прорыва, все сметающей революции. Компании, которые добились выдающихся результатов, достигли этого благодаря дли-

> тельному процессу — шаг за шагом, действие за действием, решение за решением, оборот маховика за оборотом — и это был путь к долго-
> срочным и совершенно исключительным результатам. ….Тогда нас осенило: *чудесного момента не было*. Мы назвали это «эффектом маховика», и это касается не только инвесторов, но и внутренней струк-
> туры. …Компании, которые мы использовали для сравнения, вели себя совершенно по-другому. Вместо спокойного, взвешенного подхо-да
> и анализа того, что должно быть сделано, и претворения в жизнь намеченного, эти компании пытались запустить новые программы, обычно с большим шумом и помпой, что должно было поднять боевой дух «в войсках», но, как правило, результаты этих программ не оправдывали ожиданий. Начальники пытались найти *единственное* действенное решение, выработать *всеобъемлющую* программу, сделать одно спасительное открытие, найти *магический* момент, кото-
> рый позволил бы проскочить тяжкий этап наращивания потенциала прямо к этапу стремительного роста. Они раскручивают маховик в одном направлении, затем останавливаются, меняют направление, снова толкают его, затем снова останавливаются и снова меняют направление. После многолетнего шарахания из стороны в сторону этим компаниям не удается накопить никакого потенциала, и они оказываются в ситуации, которую мы назвали «порочный круг».

Джим Коллинз «От хорошего к великому»:

> «**Они делают только то, что понимают, и позволяют своим способностям, а не своим эго, определить, что именно предпринять**.». Так писал Уорен Баффет о своих $290 млн вложений в Wells Fargo, которые он сделал, несмотря на серьезные сомнения по поводу банковской отрасли. И это различие исключительно важно.. … Возьмем Great Western и Fannie Mae. «Great Western — это неуправляемый ребенок, — писала *The Wall Street Transcript.* — Он хочет расти во все стороны.» Компания искала себя на финансовом рынке, в лизинге, в страховании, производстве, постоянно покупая компании в погоне за ростом. Больше! Еще больше! Такие фразы, как «мы пытались добиться роста любой ценой», «верим, размер значит успех» часто встречаются в материалах прессы по этим компаниям. С другой стороны, ни одна из великих компаний не была одержима идеей роста. И все же их рост в долгосрочной перспективе намного превзошел рост компаний, для которых он был мантрой»

Авторы исследования подчеркивают различия между визинарными и сравниваемыми компаниями как общественными организациями, и приводят пример средневековых монархий, где движущей силой считался абсолютный монарх, и демократической республики Америки, где движущей силой стали конституция, декларация независимости и другие институты демократии. Теперь говорят авторы, не монарх как волшебная личность, а сама организация определяет свою успешность и направление своей деятельности. Действительно, традиционные компании рыночной экономики часто страдают этим синдромом «средневековых королевств» с монархом и олигархией высшего менеджмента. Бертран Рассел писал об этом в книге «Личность и власть», о том, что многие современные бизнес-компании так четко разделены внутри на менеджмент и наемных работников, что напоминают монархии. Он цитировал какое-то фундаментальное исследование по теме. Также и Джим Коллинз пишет, что если визинарные (великие) компании — это демократия, где высший менеджмент намерено исключает всякую иерархию, а профсоюзы не требуются из-за абсолютно слаженной работы коллектива, то сравниваемые компании напротив, имеют выраженные иерархии, неравенство в доходах, и разделение на власть и подчинение, отсутствие единой команды.

Джим Коллинз «От хорошего к великому»:

> «Управленческие команды великих компаний состоят из людей, ожесточенно спорящих по поводу решения, но действующих единой командой при его осуществлении, невзирая на личные амбиции.
> На самом деле, один из основных факторов, позволяющий компаниям перейти от хорошего к великому, выглядит несколько парадоксально. Вам нужны руководители, которые будут обсуждать и спорить, иногда ожесточенно спорить, в поисках наилучших решений, а с другой стороны, претворяя решения, выступят единой командой, невзирая на расхождение мнений и собственные интересы. Одна из статей о Philip Morris так характеризовала эпоху Калмана. «Эти парни никогда друг с другом не соглашались, они спорили по каждому поводу, они готовы были убить друг друга, они вовлекали в спор всех, кого могли, и чье мнение ценили. Но когда приходило время принимать решение, оно всегда было наготове. Это и был

> Phillip Morris". „Неважно, сколько они там спорили, — говорит один из руководителей Philip Morris, — они всегда искали наилучший выход. И в итоге каждый поддерживал принятое решение. Все споры были только защитой интересов компании, а не проявлением чьих-то личных амбиций. ...В отличие от великих компаний, уделявших огромное внимание созданию сильной команды менеджеров, несостоявшиеся великие поразительно часто использовали модель «гений с 1000 помощников». Согласно этой модели, компания — не что иное, как поле для приложения талантов одной экстраординарной личности. В этом случае талант, тянущий на буксире всю компанию — основной фактор ее успеха, ее главный актив, и все держится только на нем до тех пор, пока он остается в компании. Таланты не собирают выдающихся команд менеджеров — они им не нужны. Очень часто они их просто не хотят. Если вы гениальны, вам не нужна команда такого профессионального уровня, как у Wells Fargo, ребята могут искать себе другого работодателя. Что вам нужно, так это армия исполнительных солдат, которые бы помогали претворять в жизнь ваши выдающиеся идеи»

Джим Коллинз «От хорошего к великому»:

> «Райхард ясно дал понять: мы не собираемся заставлять страдать всех остальных в компании, пока мы наверху сидим и прохлаждаемся. Мы начнем полоскать наш *собственный* творог прямо здесь, в кабинете президента. Он на два года заморозил зарплату высшего руководства (несмотря на то, что у Wells Fargo был один из самых прибыльных периодов за всю его историю). Он закрыл столовую высшего руководства и вместо этого заключил договор с компанией, которая обслуживала студенческие общежития. Он отключил лифт для высшего руководства, продал корпоративные самолеты и запретил держать растения в кабинетах начальства, поскольку посчитал, что поливать их слишком дорого. Он убрал бесплатный кофе из зала заседаний. Он отменил рождественские елки для руководства. Он бросал обратно отчеты людям, которые подшивали их в дорогие папки: «Вы бы потратили ваши *собственные* деньги на это? К чему эта папка?» Райхард сидел на сове-

щаниях в потертом старом кресле, из которого торчала пакля. Иногда,
говорилось в одной статье, слушая, как кто-то предлагал увеличить траты, он просто сидел и выдирал куски набивки,» [и] многие проекты,
которые представлялись необходимыми, улетучивались сами собой». Прямо через дорогу, в Bank of America, руководство тоже столкнулось
с отменой государственного регулирования и также осознавало, что нужно избавиться от «хлама». Однако, в отличие от Wells Fargo,
руководство Bank of America не обладало дисциплиной для «полоскания собственного творога». Они оберегали свое королевство в высоченной башне в центре Сан-Франциско».

Джим Коллинз «От хорошего к великому»:

«Центральным звеном в концепции Nucor была идея связать интересы рабочего с интересами руководства и акционеров через эгалитарную меритократию, в которой отсутствовали бы классовые различия. Кен Иверсон писал в книге «Простой разговор» в 1998 году: «Неравенство все еще огромно в большинстве коммерческих организаций. Я говорю о иерархическом неравенстве, которое узаконивает принцип «мы» против «них»... Люди на верху корпоративной иерархии выбивают себе привилегию за привилегией, хвастаются этими привилегиями перед теми, кто выполняет всю работу, а потом удивляются, почему никто не вдохновляется призывами менеджеров снизить затраты и увеличить производительность... Когда я думаю о миллионах долларов, потраченных людьми на верху иерархии, чтобы стимулировать работу людей, которые постоянно подвергаются оскорблениям со стороны *этой самой* иерархии, я могу только в недоумении покачать головой». Кен Иверсон сказал, что практически 100% успеха Nucor приходится на ее способность превратить простую концепцию в дисциплинированные действия, согласующиеся с ней. Nucor стала компанией с $3,5 млрд и попала в список *Fortune 500,* имея только четыре уровня управления и всего 25 человек в головном офисе, включая высшее руководство, финансовый отдел, секретарей и так далее, вся контора теснилась в арендованном офисе размером с зубоврачебный кабинет. Дешевая фанерная мебель в фойе, которое само не больше шкафа. Руководство принимало дорогих гостей не в корпоративном обеденном зале, а в Phil's Diner, маленьком кафе через дорогу. Дополнительные выплаты и прочие блага, предоставляемые руководству, не были вы-

> ше, чем у простых рабочих. На самом деле, у руководства было *меньше блат*. Так, каждый рабочий (но не руководитель) мог получать $2000 в год в течение четырех лет для оплаты высшего образования на каждого ребенка. Почему у Nucor отношения с рабочими были намного лучше, чем у Bethlehem? Потому что Кен Иверсон и его команда имели простую и понятную «концепцию ежа»: интересы рабочих должны совпадать с интересами менеджеров».

5. ДЖОН ПЕРКИНС: НАУКИ ЭКОНОМИКИ НЕ СУЩЕСТВУЕТ

Напоследок я не могла бы не вспомнить о Джоне Перкинсе, авторе нашумевшей книги-исповеди «Исповедь экономического убийцы». Ведь это такая блестящая иллюстрация всего того, о чем мы писали выше, только на этот раз в столкновении уже не в одной системе, и не в одной стране, а в душе одного человека. Того самого пуританина, который принес в Америку «позитивный дух капитализма», и которого «негативный дух капитализма» победивших к тому времени консерваторов соблазнил и растлил в своей системе «материального» накопления, ценой которому является продажа души.

И вот мы видим распятую совесть протестанта, кровоточащую и в ужасе отказывающуюся от шагреневой кожи сатаны, ценой которой он приобрел все блага возможные в нашем мире. И он находит в себе достаточно сил, чтобы не только раскаяться в своем сердце, но и выступить и публично разоблачить систему «негативного духа капитализма» в Америке, которая к тому времени значительно обошла резервы «Позитивного духа капитализма». В следующей главе мы поговорим о «Циклах американской истории» Шлезингера, друга и члена администрации президента Кеннеди, который рассказывает об истории Америки как «циклах» между правлениями позитивного и негативного духа капитализма. Однако, он все же приходит к выводу, что это не антагонизм, в котором выживет только одна сила, а некоторое циклическое равновесие из двух противоположностей, которые нуждаются друг в дру-

ге. В этом коренная ошибка выводов его анализа, тогда как сам анализ двух противоположных психологических сил, а также исконно кальвинистских корней происхождения Америки проведен блестяще. Перкинс также подчеркивает, что он нашел Америку расколотой между идеалами республики Отцов Основателей и правящей сегодня корпоратократией, и что задача современной Америки не потерять окончательно позитивный дух республики отцов основателей.

Джон Перкинс «Исповедь экономического убийцы»:

> «Осознать различие между старой американской республикой и новой глобальной империей. Республика давала надежду миру. Ее основания были скорее моральными и философскими, нежели материалистическими. Она была построена на принципе равенства и справедливости для всех. Она была не просто утопической мечтой, но живым, дышащим, благородным организмом, протягивала руку помощи обездоленным. Она давала надежду и в то же время была силой, с которой нельзя было не считаться; при необходимости она была способна на решительные действия, как это случилось во Второй мировой войне, чтобы защитить свои принципы. Те самые институты — крупные корпорации, банки, бюрократические системы, которые представляли угрозу для республики, могли быть использованы во благо — для проведения глубочайших изменений в мире. Эти институты имеют системы коммуникаций и транспорта, необходимые для того, чтобы покончить с голодом и болезнями, даже войнами — если, конечно, убедить их взять этот курс. Глобальная империя, напротив, это возмездие республике. Она эгоцентрична, служит во благо самой себе, алчна и материалистична; это система, основанная на меркантилизме. Как и ранее существовавшие империи, она готова протянуть руки только для того, чтобы присвоить ресурсы, схватить все, что на виду, и набить свою ненасытную утробу. Она использует любые средства, чтобы ее правители обрели еще большую власть и богатство».

В приведенном нижнем отрывке из книге Перкинса, где он рассказывает каким страшным грузом легло на его совесть его продвижение и успех в мире корпоратократии, я оставила первый обзац на языке оригинла, поскольку русский перевод совершенно игнорировал смысл слова self-aggrandizment, переведя его как «карьерный рост». На самом деле, Перкинс весьма

проницательно говорито Соблазне Эгозащиты, о соблазне Инфляции Эго, который уничтожил его покой и заставил терзаться угрызениями совести. «Что тебе если приобретешь весь мир, а душу свою потеряешь?» говорит Евангелие.

Д. Перкинс, «Исповедь Экономического убийцы»:

> «Here in these articles was the story of modern history, the drive to global empire, in a nutshell. What was going on i n Iraq and described in the morning press was the result of the work Claudine had trained me to do some thirty-five years before, and of the work of other men and women who shared a lust for self-aggrandizement not unlike the one I had known. It marked the current point of the corporatocracy's progress along the road to bringing every person in the world under its influence.
> Похоже, история о марше к глобальной империи пробивалась на поверхность. Ни детали, ни тот факт, что это была трагическая история долгов, обмана, порабощения, эксплуатации, самая страшная в истории попытка завладеть сердцами, умами, душами и собственностью людей во всем мире, ничто в статье не намекало на то, что события 2003 года в Ираке явились продолжением этой постыдной истории. Не упоминалось и то, что эта история, такая же старая, как сама империя, приобретает сейчас новые, устрашающие размеры и по причине своего разрастания во времена глобализации, и вследствие той изощренности, с ко–торой она проводится в жизнь. Пусть скудным ручейком, неохотно, но информация все же просачивалась на поверхность. Образ истории, с трудом выбирающейся на поверхность, напомнил мне кое о чем. Прежде всего о моей собственной биографии и о тех долгих годах, в течение которых я откладывал ее написание. Я давно знал, что мне есть в чем исповедаться, и все–таки я медлил с этим. Сейчас, оглядываясь назад, мне кажется, что мои сомнения и чувство вины присутствовали с самого начала. Они начались еще в квартире Клодин, еще до того, как я согласился на первую поездку в Индонезию; они преследовали меня почти постоянно все эти годы. Я знал, что, если бы сомнения, боль и вина постоянно не изводили меня, я бы никогда не выбрался. Я бы застрял, подобно многим другим. Я бы никогда не смог принять решение уволиться из МЕЙН, стоя у поручней яхты у Виргинских островов».

Далее, что еще здесь очень важно подчеркнуть, так это выводы Перкинса о том, что науки экономики не существует. Подобно Стенли Бингу, которому понабилось 15 лет работы в биз-

несе, чтобы понять, что бизнес работает не для производства, а для роста власти его боссов, Перкинсу понадобились годы работы в бизнесе, в спецслужбах, главным экономистом, лектором в Гарварде и других университетах, и даже в качестве «ученого» изобретающего новые приложения эконометрики, о чем он сам рассказывает с такой горькой иронией, чтобы понять, что науки экономики вовсе не существует. Что и требовалось доказать.

Д. Перкинс, «Исповедь экономического убийцы»:

> «Я также понял, что профессора в колледже не понимали действительной природы макроэкономики: во многих случаях помощь в развитии экономики приводит к обогащению нескольких человек на вершине пирамиды, находящиеся же внизу опускаются еще ниже. Действительно, развитие капитализма часто приводит к возникновению системы, напоминающей средневековое феодальное общество. Если кто–то из моих профессоров и понимал это, они бы ни за что в этом не признались — вероятно потому, что колледжи спонсируются крупными корпорациями и их руководством. Такое откровение стоило бы этим профессорам их должностей, точно так же, как и мое открытие могло стоить мне потери моей работы.
> ....Кроме того, я размышлял о том, кто выигрывает от войн и массового производства оружия, от перегораживания рек, от уничтожения местных культур и их среды обитания. Кому выгодно то, что сотни тысяч людей умирают от недостатка еды, от зараженной воды, от болезней, которые можно вылечить. Очень медленно я пришел к пониманию, что в конечном итоге от этого не выигрывает никто, но, если брать короткий отрезок времени, это выгодно, по меньшей мере материально, стоящим на вершине пирамиды — моим боссам и мне. Этот вывод поставил несколько новых вопросов: почему эта ситуация продолжает сохраняться? Почему это длится так долго? Только ли потому, что, согласно старой поговорке, «прав сильный» и система оберегается сильными мира сего? Было бы недостаточно сказать, что ситуация удерживается только за счет силы. Хотя пословица «сильнейший всегда прав» и объясняла многое, мне казалось, что здесь действовали какие–то более важные силы. Я вспомнил профессора экономики в школе бизнеса, выходца из Северной Индии. В лекциях он рассказывал об ограниченных ресурсах природы, о потребности человека постоянно развиваться, об использовании рабского труда. Он считал, что все успешные экономические системы основаны на иерархии с жесткой системой подчинения, начиная с нескольких человек, стоящих

наверху и контролирующих приказы, спускаемые подчиненным, и кончая огромной армией рабочих внизу, которые, в относительных терминах экономики, могут быть определены как рабы. И тогда я пришел к выводу, что мы поддерживаем эту систему, потому что корпоратократия убедила нас, что Бог дал нам право поместить нескольких избранных на вершину этой капиталистической пирамиды и экспортировать нашу систему в другие страны. Конечно, мы не первые, кто это делает. Список использовавших этот принцип открывается древнейшими империями Северной Африки, Ближнего Востока и Азии, продолжается Персией, Грецией, Римом, христианскими Крестовыми походами и строителями европейских империй постколумбовой эпохи. Имперская экспансия была и продолжает оставаться причиной большинства войн, загрязнения окружающей среды, голода, уничтожения видов, геноцида. Граждане империй платят за эту тягу к власти над миром своей совестью и здоровьем. В итоге мы имеет больное общество, самое богатое в истории человечества, но одновременно имеющее наивысшие показатели по числу самоубийств, случаев наркотической зависимости и актов насилия. Я постоянно раздумывал над этими вопросами, однако избегал размышлений о своей роли во всем этом. Я пытался думать о себе не как об ЭУ, а как о главном экономисте. Это выглядело очень правильным, и, если мне нужны были подтверждения, я всегда мог взглянуть на корешки квитанций, по которым я получал свою зарплату: на них значилась МЕЙН, частная корпорация. Я не получал ни пенса от АНБ или какой–нибудь другой правительственной организации. Я сам себя убедил. Почти.

....Вспоминая сейчас эти разговоры, я испытываю смущение от чувства превосходства, которое я тогда ощущал. Я знал вещи, которыми не мог ни с кем поделиться. Мои друзья иногда с удовольствием упоминали о своих связях на Бикон–Хилл и в Вашингтоне, о профессорстве, о докторских степенях. Я мог ответить на это, что состою в должности главного экономиста ведущей консалтинговой фирмы, разъезжаю по всему свету в салонах первого класса. Но я не мог рассказать им о встречах с такими людьми, как Торрихос, или о том, как мы манипулируем странами на всех континентах. Это было источником одновременно и внутреннего высокомерия, и неудовлетворенности. Когда мы говорили о власти «всякой мелюзги», мне приходилось сдерживаться изо всех сил. Я знал то, чего не мог знать ни один из них: что корпоратократия, ее банда ЭУ и шакалы, притаившиеся в тени, никогда не позволят «мелюзге» получить контроль. Достаточно было вспомнить Арбенса и Моссадыка, а также недавнее свержение с помощью ЦРУ законно избранного президента Чили,

Сальвадора Альенде. Я понимал, что хватка глобальной империи становится все сильнее, несмотря на ОПЕК, — или, по моим тогдашним подозрениям, подтвердившимся позже, с помощью ОПЕК.

...Я убедил себя, что являюсь экспертом, напомнил себе, что мой опыт работы в развивающихся странах значительно больше, чем у многих из тех (хотя некоторые из них были раза в два меня старше), кто сейчас оценивал мой отчет. Я жил в Эквадоре, я посетил те места на Яве, куда никто не хотел ехать. Я прослушал несколько интенсивных курсов, посвященных сложнейшим вопросам эконометрики; я внушал себе, что принадлежу к новой породе разбирающихся в статистике и поклоняющихся эконометрике Я пытался подражать одновременно и Макнамаре, и своему боссу, Бруно. У первого я перенял манеру разговаривать, у второго — манеру расхаживать с важным видом, с дипломатом в руке. Сейчас, вспоминая все это, я только удивляюсь своей дерзости. На самом же деле мои знания были весьма ограниченны, но недостаток образования и знаний я восполнял нахальством. И это сработало. В конце концов команда экспертов утвердила мои отчеты.

....В Саудовской Аравии было сделано немало карьер. Моя собственная и без того развивалась вполне удачно, а успехи в пустынном королевстве, безусловно, открыли для меня новые перспективы. К 1977 году я построил небольшую империю, штаб–квартира которой находилась в бостонском офисе. Она состояла примерно из двадцати специалистов и нескольких консультантов из других подразделений МЕЙН и дочерних структур, разбросанных по всему миру. Я стал самым молодым партнером в фирме, имеющей столетнюю историю. В дополнение к должности главного экономиста меня еще назначили управляющим по экономике и региональному планированию. Я читал лекции в Гарварде и других учебных заведениях; газеты выпрашивали у меня статьи о текущих событиях. У меня была яхта, стоявшая в Бостонской гавани рядом с историческим военным кораблем «Конститьюшн», прозванным «Старик железнобокий» и известным победой над берберскими пиратами вскоре после Войны за независимость. Я получал высокую зарплату и владел ценными бумагами, обещавшими сделать меня миллионером задолго до моего сорокалетия. Да, мой брак распался, но я проводил время с очаровательными женщинами на разных континентах.

У Бруно появилась идея нового подхода к прогнозированию: эконометрическая модель, основанная на учениях одного русского математика начала века. Модель предполагала придание субъективной вероятности прогнозам, касающимся роста некоторых секторов экономики. Она идеально подходила для обоснования завышенных

> оценок роста, которые мы так любили показывать в целях получения крупных кредитов. Поэтому Бруно попросил меня посмотреть, как можно использовать эту концепцию. Я нанял молодого математика из Массачусетского технологического института, доктора Надипурама «Рэма» Прасада, и выделил ему бюджет. Через шесть месяцев он преобразовал метод Маркова для эконометрического моделирования. Затем мы вместе выдали несколько технических статей, представлявших революционный метод Маркова для прогнозирования влияния инфраструктурных инвестиций на экономическое развитие. Это было именно то, чего нам не хватало: инструмент, научно «доказывавший», что, втягивая страны в долговую ловушку, из которой они никогда не смогут выбраться, мы приносим им большую пользу. На самом деле только высококвалифицированный эконометрист, имевший уйму времени и денег, мог разобраться во всех сложностях метода Маркова или поставить под сомнение наши выводы. Наши статьи были опубликованы несколькими престижными организациями, мы официально представляли их на конференциях и в университетах в разных странах. Эти статьи — и мы сами — стали широко известны в нашей отрасли
> …Когда–то я очень гордился и своим резюме, и этой статьей. Однако теперь, после того, как я прочитал их глазами Паулы, меня охватили одновременно злость и депрессия. Материалы, изложенные в этих документах, представляли собой намеренные искажения, если не ложь. Эти документы имели глубинный смысл, в них содержалась реальность, отражавшая наше время и самую суть движения к глобальной империи: краткое изложение стратегии отображения лишь внешней стороны с целью скрыть стоявшую за ней действительность. Странным образом они символизировали мою жизнь: нарядная облицовка, прикрывавшая дешевый пластик»

Какие выводы мы можем сделать из проведенного анализа? Только те, что современные исследования все как один оправдывают теорию психической энергии и два поля психики как антагонизм внутри человека, и внутри общества, составляющие его движущие силы, в том числе и в сфере производства. Поэтому единственное, что мы могли бы сделать для экономики — так это стараться уничтожить «Негативный дух капитализма» и приумножить «позитивный дух капитализма».

А это значит, что для экономики как и для всей общественной жизнедеятельности человечества существует только один

общий диагноз, и одно общее средство лечения. Диагноз — активное поле Эгосистемы, Лечение — система образования, которая будет ставить своей целью нейтрализацию поля Эгосистемы. Теперь с Открытием психической энергии этого нетрудно достичь, так как адекватное знание о закономерностях психики само собой ведет к нейтрализации поля Эгосистемы на сонове закона сохранения силы психики. Как только у человека есть информация об энергии –паразите, разлагающем психику, понятая им и проверенная на своем опыте, научный контроль отключает механизмы физического контроля как болезнь и слабость на основе главного закона психики — закона сохранения силы.

Однако, большим препятствие на этом пути уже выступили в заговоре против автора Научной Революции Энергетика и еще выступят болезненные силы эгозащиты, негативного духа во всех его проявлениях, и следующим своим опорным пунктом (после того как я предположительно переживу многочисленные попытки уничтожить меня физически) сделают хаос и кризис в теории познания, кризис рационализма, который позволяет цвести шизоидной безответственной аргументации пышным цветом. Поэтому главным пунктом борьбы с полем Эгосистемы на сегодня должны стать четкие методы доказательства истины, чтобы пресечь троллинг и саботаж в этой области шизоидной мысли формально-логической болтовни, ничего не доказывающей и на все нападающего скептицизма и агностицизма.

Научная Революция Энергетика дает такое решение кризиса теории познания. Еще Оствальд в старой эмпирической энергетике говорил, что если мы признаем объектом научного познания только природные энергии, то мы снимем все псевдопроблемы. НРЭ доказывает это самым очевидным способом: контроль законов открытой энергии в доступе к ее силе есть доказательство истинности открытых законов природы. Вам, господа болтуны, больше не заболтать Истины. Потому что связь между Теорией и Опытом опять существует, крепче чем она когда-либо была.

ГЛАВА 6. АМЕРИКА ОТЦОВ ОСНОВАТЕЛЕЙ, ЛИНКОЛЬНА, РУЗВЕЛЬТА И КЕННЕДИ — ТРЕТЬЯ ВЕЛИКАЯ ТЕОКРАТИЯ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА

1. Псевдопроблема антитезы Индивидуализм-Коллективизм. Явный и скрытый аутизм.

2. Возникновение США и СССР из борьбы против Левиафанов садомазохизма Монархий.

3. Индивидуализм Неограниченной Свободы Рынка Laissez-Faire

4. Государство всеобщего благоденствия Ф. Д. Рузвельта

1. ПСЕВДОПРОБЛЕМА АНТИТЕЗЫ ИНДИВИДУАЛИЗМ-КОЛЛЕКТИВИЗМ. ЯВНЫЙ И СКРЫТЫЙ АУТИЗМ.

Очень жестко ставит эту проблему — противопоставления индивидуализма и коллективизма — К, Поппер в «Открытом обществе». Он там специально вводит понятие «племенной дух» для общества коллективизма, и противопоставляет его обществу индивидуализма. И напротив, Абрахам Маслоу пишет в «Мотивации и личность», что проблема подобного противопоставления есть только пседопроблема, которая рождается из нашего ограниченного понимания этих понятий, потому что он в своем исследовании приходит к выводу, что напротив, зрелая личность человека говорит в то же самое время и о большей способности социализации этого человека. Бертран Рассел также пишет, что поскольку ожесточенные споры на эту тему идут еще со времен Древней Греции, где вопрос индивида, личности и индивидуа-

лизма впервые поднимается во всей остроте, то скорее всего аргументы обеих сторон будут иметь место в окончательном решении вопроса. Г. Спенсер подчеркивает в «Социальной статике», что становление индивида, личности идет одновременно с социализацией человека.

А. Маслоу «Мотивация и личность»:

> «Тот факт, что самоактуализирующиеся люди даже в любви способны оставаться отстраненными, сохраняют свою индивидуальность и личностную самостоятельность, может показаться парадоксальным, так как индивидуализм и отстраненность, на первый взгляд, абсолютно несовместимы с той особого рода любовным отождествлением, которое мы обнаружили у самоактуализирующихся индивидуумов. Но это — лишь кажущийся парадокс. Я уже говорил о том, что отстраненность здорового человека может гармонично сочетаться с его абсолютным, полным отождествлением с предметом своей любви. Удивительно, но о самоактуализирующихся людях можно сказать, что они одновременно и самые большие индивидуалисты, и самые последовательные альтруисты, существа, крайне социальные и до восхищения способные любить. В рамках нашей культуры индивидуализм принято противопоставлять альтруизму, эти два свойства принято рассматривать в качестве крайних пределов единого континуума, но мы уже говорили о том, что Подобная точка зрения ошибочна и требует тщательной корректировки»

Герберт Спенсер «Социальная статика»:

> «Прогресс ведет людей одновременно и к большей взаимной зависимости, и к большей индивидуализации, — каким образом благосостояние каждого с каждым днем все теснее и теснее соединяется с благосостоянием всех и почему, следовательно, интерес каждого заключается в том, чтобы уважать интересы всех. Многим факт этот к несчастью совершенно неизвестен... Человек неизбежно должен убедиться, что его собственное благосостояние и благосостояние всех вообще людей — нераздельны»

Решить этот вопрос научно вне терминов энергетики невозможно, как собственно и все фундаментальные вопросы человеческой природы. Однако, если мы обратимся к энергетике, то сразу обнаруживаем, что противопоставление общества коллек-

тивизма обществу индивидуализма есть псевдопроблема, потому что противопоставлять следует не индивида и социум как таковые, а индивида и социум одного поля психики — индивиду и социуму другого поля психики.

Другими словами, нам следует противопоставлять индивида и социум поля Эгосистемы — индивиду и социуму поля Интеллекта.

Понятно, что мы говорим о людях, у которых слабо развито поле Интеллекта, и сильно развито поле Эгосистемы, или наоборот, (потому что поле Интеллекта есть базисная энергия психики любого человека).

Понятие «личность» историки относят к осевому времени зарождения движения «Логос против Мифа», когда Разум начинает свое победное шествие по дороге к цивилизации и победе научного контроля. Антиковеды пишут (И. Суриков «Пифагор»), что рождение личности и равно индивидуализма следует относить к периоду пифагоровской Греции. К тому же времени они относят и рождение дружбы как особого рода социальной солидарности полисов, причем одновременно с противоположной тенденцией «войны всех против всех» в жесткой конкуренции индивидуализма.

Очевидно, что этот тот самый феномен «раздвоения» античности, который бросается в глаза всем, кто серьезно изучал историю. Ницше в «Рождении трагедии» также строит все здание свей книги на разделении культуры Греции на «дионисийское и аполлоновское начала», на «мифологию Диониса» и «теоретического человека Сократа», то есть на поле Интеллекта с одной стороны и поле Эгосистемы с его магическим сознанием с другой стороны. Мережковский постоянно подчеркивает пролему раздвоенности культуры и личности, которая берет начало в античности и продолжается по сей день (подчеркивает в «Леонардо де Винчи»).

Очевидно, что Рождение Интеллекта в Древней Греции, усилив поле Интеллекта, бывшее до тех пор малозаметным у варваров, обнажило природу сознания как сосуществования

двух антагонистичных энергий. Очевидно также, что «Рождение личности» в античности есть следствие этого самого усиления поля Интеллекта. Однако, «личность» и «индивид» в этом смысле не следует отождествлять, потому что Греция как мы знаем знаменита Гибрис –Эго. Слово «Hubris» имеет греческое происхождение, и в свое время значило в Греции болезнь высокомерия, спесь, с которой активно боролись мудрецы, подобные Пифагору, Сократу или Платону. Даже Аристотель оставил для нас описание такого спесивого человека. «Содрогаешься, — говорит Рассел в „Истории западной философии", — как представишь себе спесивого человека Аристотеля». И сегодня слово Гибрис продолжает существовать в английском языке с тем же значением (arrogance, hubris, haughtiness, arrogancy, hauteur, superciliousness), так что К, Ясперс обозначил этим словом свое отношение к философии немецкого идеализма, однозначно талантливого, но болезненного явления «заблудившегося духа», как говорит Кьеркегор.

Если «личность» и сплоченность — это как раз знаменитые греческие мудрецы — Пифагор, Сократ, Платон, Аристотель и многие др, демонстрацию чего мы находим в первых обществах «коллективизма» в Греции, в пифагорейских сообществах; то «Гибрис-Эго» — это тираны и олигархи, а также воспитанные на культе Человекобогов языческого Олимпа население — все те, кто жил в жесткой конкуренции и войне всех против всех за власть и победу своего Гибрис-Эго над другими.

Прав Бертран Рассел, когда говорит, что остроту свою спору о коллективизме и индивидуализме приобретают со времен Древней Греции.

Бертран Рассел «Власть и личность»:

> «Между теориями социального сплочения и теориями индивидуальной инициативы веками идут споры со времен древней Греции. Как правило, в вечных спорах всегда можно быть уверенным в том, что правда содержится в позициях обеих сторон. Скорее всего, там не будет резкой границы между этими позициями, но истина будет включать в себя аргументы обеих сторон и компромисс между ними»

Дело в том, что именно в Греции рождается «Гибрис-Эго» как феномен сломанного циклического гомеостаза поля Эгосистемы, как шизоидная психик, незнакомая миру первобытных дикарей и варварских Левиафанов. Не поле Эгосистемы есть порождение индивидуализма — ведь «племенной дух» тоталитаризма есть именно Левиафаны поля Эгосистемы. А именно сломанное поле Эгосистемы шизоидным интеллектом порождает феномен индивидуализма как «Гибрис-Эго».

Вот почему именно в Греции проблема между «личностью и сплоченностью» пифагорейских сообществ и платоновской утопии с одной стороны, и с другой стороны между Гибрис-Эго и индивидуализмом острой конкуренции и войны всех против всех достигает такого накала: и личность и шизоидный индивид, не способный к социализации рождаются здесь впервые, и будучи порождением двух антагонистичных энергий психики противостоят друг другу в знаменитой «раздвоенности античности».

Мы уже видим, что с самого своего рождения «личность и сплоченность» идут вместе. Еще до пифагорейских сообществ это продемонстрировали иудейские общины, которые представили миру в осевое время Откровений этических религий личности своих великих пророков и свои общины братства и дружбы, которые до сих пор поддерживаются в синагогах, и развитием которых стало братство и дружбы ранних христианских сообществ. Тот феномен, о котором говорят Маслоу, Роджерс, Спенсер, где личность и социализация есть две стороны одной медали имел свое проявление с самого зарождения Интеллекта и усиления поля духовной энергии.

Индивидуализм и острая конкуренция античности как мы видим феномен совершенно другого порядка, берущий свое начало в механизмах другой, материальной энергии психики, в сломанном циклическом гомеостазе поля Эгосистемы. Этот индивидуализм шизоидов имеет название «аутизма», поскольку сломанные механизмы поля Эгосистемы приводят к «гиперэстезии самолюбия» шизоидов (термин Э. Кречмера). Теория психической энергии объясняет эту гиперэстезию самолюбия

шизоидов на основе закона сохранения силы психики следующим образом. Интеллект «заблуждается» и вместо непосредственного контакта с фактами реальности, попадает в кривое зеркало миражей Эго и СуперЭго чувственной искаженной информации. И здесь становится частью Эгозащиты: доказывает логически победу Эго над СуперЭго, что разрушает притяжение Влюбленности как Нижнюю Эгозащиту подчинения. Теперь переход на притяжение Влюбленности закрыт. Остается только притяжение Самолюбия. «Удары по самолюбию» приобретают особую остроту для Закона сохранения силы психики, потому что уже нельзя перейти на позицию подчинения Влюбленности., и этим спасти Эго. Появляется феномен «убитого Эго», которого нет в цикличном гомеостазе Самолюбия-Влюбленности, но есть в Гибрис-Эго победившего Самолюбия. Этот феномен «убитого Эго» и отзывается в дальнейшем для Закона сохранения силы физического контроля «гиперэстезией самолюбия» и неспособностью к контактам — то есть аутизмом. Снять этот эффект гиперэстезии можно только отключением физического контроля (и с ним всего поля Эгосистемы) и переходом на научный контроль поля Интеллекта. В противном случае, этот феномен «убитого Эго» ведет к «взрыву» уже поля Интеллекта, как базисной энергии психики (поскольку негативные эмоции постоянно разлагает позитивные эмоции поля Интеллекта). В этом собственно и состоит разгадка загадки шизофрении, которую никто до Теории психической энергии объяснить не мог. И в этом разница между аутизмом шизоидов, которые остаются способными ориентироваться в мире пока поле Интеллекта (базисная энергия любой психики) жива, и психозом шизофрении, которые теперь уже живые трупы после взрыва поля интеллекта.

Таким образом, Индивидуализм всеобщей конкуренции и войны всех против всех есть известный как Явный Аутизм есть тоже порождение физического контроля поля Эгосистемы (пусть и патологии этого поля). Другой феномен, который теория психической энергии обозначила как Скрытый Аутизм — это поле

Эгосистемы нормального циклического (несломанного) гомеостаза — это отношения насилия и подчинения Левиафанов. Внешне — это «коллективизм» и «Тоталитаризм», однако, настоящих контактов, настоящего единения людей нет, потому что их настоящее Я (поле интеллекта и совести) остается разделенным друг с другом, а между ними течет мертвая энергия-паразит. Вот почему это тоже Аутизм, только теперь это Скрытый Аутизм, который внешне кажется «коллективизмом». Об этом феномене скрытого аутизма очень хорошо и подробно написано у Фромма в «Искусстве любить», где он именует его «псевдолюбовью» отношений садомазохизма как «слияние без единства» (fusion without integrity), которые поверхностны и не касаются реального существа личности. Я показала эти два слияния энергий — нормальное и через поле Эгосистемы на графических рисунках.

Понятно, что «племенной дух тоталитаризма» Поппера относится к Скрытому Аутизму нормального циклического поля Эгосистемы: то есть это магическое сознание коллективных представлений дикарей или варварские Левиафаны садомазохизма. Очевидно также, что такой «коллективизм» поля Эгосистемы вообще не есть человеческий социум, человеческое единство, дружба и братство, которые есть настоящий «коллективизм» единения личностей. Это патологическое образование подавления всего человеческого автоматизмами мертвой энергии: в прямом смысле «чудовище-Левиафан», проглотившее человеческое сообщество. В этом смысле метафора Гоббса своего государству садомазохизма подобрана очень удачно.

Также, как мы выяснили, не является и Индивидуализм войны всех против всех, или конкуренции всех против всех, где цель победа в борьбе за власть, показателем общества Личностей и здоровых индивидов. Это только другая сторона поля Эгосистемы, Явный Аутизм сломанного циклического гомеостаза физического контроля, а вовсе не Личность и индивид научного контроля поля интеллекта и совести.

Вот почему противоположение Коллективизма и Индивидуализма есть псевдопроблема, которая противопоставляет два

типа патологии психики: Скрытый Аутизм Тоталитаризма Левиафанов и Явный Аутизм войны всех против всех за власть гиперэстезии шизоидов (Гибрис-Эго).

Когда дело доходит до нормальной, здоровой психики поля интеллекта и совести, у которого Я общее как известно, так что люди чувствуют себя частями одного целого, единой церкви дружбы (совесть, сочувствие, справедливость); и когда очевидно что личность поля интеллекта есть зрелый развитый индивид научного контроля и сознательной воли, то проблема противопоставления коллектива и индивида испаряется сама собой.

А. Маслоу «дальние рубежи человеческой природы»:

> «Здесь, однако, имеет место очень интересный парадокс. С одной стороны, я говорил об открытии вашей идиосинкразии, неповторимости, того, что отличает вас от любого другого человека в мире, а с другой стороны, и об открытии вашей человеческой природы, принадлежности к человеческому роду. Как выразил это Карл Роджерс: „Каким образом получается, что чем глубже мы проникаем в свою особенность и уникальность в поисках своей индивидуальной идентичности, тем больше мы приобщаемся ко всему человеческому роду?". Не напоминает ли это вам Ральфа Уолда Эмер-сона и трансценденталистов Новой Англии? Открытие вашей принадлежности к человеческому роду на достаточно глубоком уровне сливается с открытием вашего Я. Становление (обучение тому, как быть) полностью человечным означает одновременное достижение обеих целей. Вы узнаете (посредством субъективного опыта), что вы собой представляете, в чем ваше своеобразие, каким образом вы являетесь тем, чем являетесь, каковы ваши потенции, стиль, темп, ваши вкусы, ценности, в каком направлении изменяется ваше Тело, в чем ваша личная биология ограничивает вас, — одним словом, чем вы отличаетесь от других. И в то же время это означает обучение тому, что значит быть человеком, подобным другим людям, то есть тому, в чем вы сходны с другими».

2. ВОЗНИКНОВЕНИЕ США И СССР ИЗ БОРЬБЫ ПРОТИВ ЛЕВИАФАНОВ САДОМАЗОХИЗМА МОНАРХИЙ

Декларация Независимости США датируется 1776 годом, а коммунистическая революция в России приходится на 1917 год. Вроде бы это одинаковые движения против физического контроля Левиафанов к свету свободы и правлению разума. И действительно, я постаралась показать в «Антихристе Путине», что вся русская литература, которая как говорил Герцен есть «Обвинительный акт» против царизма, созидала и рождала из недр собственного переосмысления Естественное Право этических религий, естественное право метафизики интеллекта, совести и справедливости как основного «нравственного закона» души.

Однако, в России победила не русская литература, которая была в фундаменте революционного возмущения народа, а марксизм-ленинизм, то есть дарвиновская парадигма, легитимное детище Крушения Рационализма 19 века. Великие российские революционеры естественного права — Мережковский, Герцен, Кропоткин, Трубецкой, Новгородцев и другие — отказались признавать красную революцию марксистов, как всем известно. Все они уехали заграницу, как Мережковский и Герцен, и продолжали свою революционную деятельность из-за границы. Но никто из них не признал этой власти «Бесов» по меткому выражению Достоевского, которое столь демонстративно разделял Мережковский. Герцен же определил красную революцию не менее метко: «царизм наоборот», то есть если при царе помещики насилуют народ, то при коммунистах народ насилует буржуев. «Классовую войну» Маркса Г. Уэллс назвал обыкновенным фашизмом: «Поставьте вместо слова „буржуи“ слово „евреи“ и получите точную копию национал-социализма». И это вовсе не случайное совпадение: ведь и «национал-социализм» Гитлера и «Марксизм-ленинзм» есть детища Дарвиновской парадигмы, Века Дьявола, когда рационализм и этика были разрушены скептицизмом, эмпиризмом, агностицизмом и материализмом.

Дарвиновская парадигма тянет только на расизм и национализм, но никак не на Интернационал единого Естественного Права. Вот почему уже при Сталине от космополитизма отказались в пользу национализма, так что прав Уэллс — это одна модель «национал-социализма», где коллективизм в лучшем случае — это Олигархии античных рабовладельцев в их компании против рабов, а в худшем случае — возрождение древних Левиафанов тоталитаризма и садомазохизма.

Теперь очевидно, какого страшного риска избежала революция Американской республики 1776 года, основанная на Естественном Праве Д. Локка и Ж-Ж Руссо, и позже «Правах человека» Томаса Пейна. Декларация Независимости Америки есть точный образчик философии естественного права Локка, его реализация в теории и практике, как она дана в «Двух трактатах о правлении». Локк и Руссо еще дети века рационализма, они, как говорит Честертон в «Фоме Аквинате» — «здоровы, а Гегель безумен» (тот Гегель, который в основе марксизма-ленинзма). И потому они продолжают линию Века рационализма от самого «Государства» Платона и «Законов Цицерона», от «Евангелий Церкви и «Града Божьего» Августина до философии Декарта, Спинозы, Лейбница и до «О праве войны мира» Гуго Гроция, первого нашумевшего на весь мир апологета Естественного права. Они закладывают в основу государства Разум, Совесть и Справедливость как единое Я коллективизма здоровых людей, которыми правят не личная воля людей, а единая истина научного контроля и единые законы этики. Совсем другого рода традицию заложили Макиавелли и Гоббс, которые отстаивали Право Силы и рисовали Левиафан, где Силы Воли Тирана поглотила силу воли всех остальных людей, разросшись за счет такой антропофагии в чудовище-Левиафан, силе которого поклоняется Гоббс. Эту традицию и продолжила Дарвиновская парадигма и ее детища, обосновав Право Силы как обязательные законы природы борьбы животных за выживание. Здесь очевидно различие между научным контролем Естественного Права и физическим контро-

лем Левиафанов садомазохизма, прикрывающихся Нормативным правом.

Локк, «Два трактата о правлении»:

> «Ведь действительно именно таковы в своей большой части гражданские законы стран, которые справедливы лишь настолько, насколько они основываются на законе природы, посредством которого они должны регулироваться и истолковываться
> Естественная свобода человека заключается в том, что он свободен от какой бы то ни было стоящей выше его власти на земле и не подчиняется воле или законодательной власти другого человека, но руководствуется только законом природы. Свобода человека в обществе заключается в том, что он не подчиняется никакой другой законодательной власти, кроме той, которая установлена по согласию в государстве, и не находится в подчинении чьей-либо воли и не ограничен каким-либо законом, за исключением тех, которые будут установлены этим законодательным органом в соответствии с оказанным ему доверием
> Преступая закон природы, нарушитель тем самым заявляет о том, что он живет не по правилу разума и общего равенства, которые являются мерилом, установленным богом для действий людей ради их взаимной безопасности, а по другому правилу; и, таким образом, он становится опасен для человечества, и те узы, которые охраняют людей от ущерба и насилия, ослаблены и нарушены им, что является преступлением в отношении всего рода человеческого, его мира и безопасности, предусмотренных законом природы.
> Помимо преступления, заключающегося в нарушении закона и в отходе от справедливого правления разума, когда человек настолько вырождается, что заявляет об отказе от принципов человеческой природы и становится вредным существом, встречается также обычное нанесение ущерба тому или другому лицу
> И вот здесь мы имеем ясную разницу между естественным состоянием и состоянием войны; а эти состояния, что бы ни утверждали некоторые люди, столь же далеки друг от друга, как состояние мира, доброй воли, взаимной помощи и безопасности и состояние вражды злобы, насилия и взаимного разрушения. Люди, живущие вместе согласно разуму, без кого-либо, повелевающего всеми ими, имеющего власть судить между ними, действительно находятся в естественном состоянии
> Отсюда очевидно, что абсолютная монархия, которую некоторые считают единственной формой правления в мире, на самом деле несовместима с гражданским обществом и, следовательно, не может вообще быть формой гражданского правления»

Локк, «Два трактата о правлении»:

> *«Тирания — это осуществление власти помимо права, на что никто не может иметь права. И это есть использование власти, которую кто-либо имеет в своих руках, не на благо тех, кто подчиняется этой власти, но в целях своей личной частной выгоды, когда правитель, какими бы полномочиями он ни обладал, кладет в основу своих действии не закон, а свою волю и его распоряжения и действия направлены не на сохранение собственности его народа, но на удовлетворение его собственного честолюбия, мстительности, жадности или какой-либо*
> *другой недостойной страсти. Везде, где власть, вложенная в чьи-либо руки для управления народом и для сохранения его собственности, применяется в других целях и используется для того, чтобы разорить его, терзать или подчинить деспотическим и беспорядочным приказаниям тех, кто обладает этой властью, везде она тотчас же становится тиранией независимо от того, один ли человек пользуется этой властью или несколько. Вот почему мы читаем о тридцати тиранах в Афинах, равно как и в Сиракузах; и невыносимая власть децемвиров в Риме была ничуть не лучше»*

Руссо, «Общественный договор»:

> *«Распад Государства может произойти двумя путями. Во-первых, когда государь больше не управляет Государством сообразно с законами и когда он узурпирует верховную власть. Тогда происходят примечательные изменения: не Правительство, а Государство сжимается; я хочу сказать, что большое Государство распадается и в нем образуется другое Государство, состоящее только из членов Правительства и являющееся по отношению к остальному народу лишь его господином и тираном. Так что в ту минуту, когда правительство узурпирует суверенитет, общественное соглашение разорвано, и все простые граждане, по праву возвращаясь к своей естественной свободе, принуждены, а не обязаны повиноваться. В обычном смысле слова, тиран — это король, который правит с помощью насилия, не считаясь со справедливостью и законами. Именно так понимали слово тиран греки»*

Не вызывает сомнений факт, что Отцы Основатели Америки — люди глубоко религиозные, протестанты и пуритане, или же деисты подобно Руссо и Томасу Пейну. В этом смысле — они продолжатели английской традиции борьбы за естествен-

ные права со времен Великой хартии вольностей, которая всегда опиралась на церковь и не была возможна без морального влияния христианства и без силы духовного меча христианской церкви. И победы архиепископа Ленгтона и Симона де Монфора и победы глубоко религиозных протестантов Кромвеля и Мильтона – все упиралось корнями в силу, которую давала духовной энергии человека христианская церковь. Однако, на родине монархии избавится от монархии было совсем непросто, так что каждый раз ее зловещий призрак возрождался словно птица-феникс на останках великих героев, пожирая их славу. Теперь, на другом материке, борьба англичан с тиранией физического контроля за свободу разума и естественного права человека обретает свои законченные формы. Монархия свергнута навсегда! Да здравствует Республика естественного Права!

Петрушевский, «Великая хартия вольностей»:

> «Великую Хартію англійское общество добыло дружными усиліями своихъ свободпыхъ элементовъ, забывшихъ на время свою сословную и классовую рознь и сплотившихся въ про-никнутое однимъ чувствомъ и одной мыслью „воинство Божье и святой церкви“. Нужны были исключительно тяжелыя условія, чтобы вызвать такое единство чувствъ и дѣйетвій среди англійскаго общества, нужна была вся совокупность виутрешшхъ ивнѣшннхъ осложненій, созданныхъ рѣзко противообществешюй и грубо деспотической политикой Іоаіша Безземельнаго, его крайне безславной чисто династической войной съ Франціей, завершившейся разгромомъ при Бувшіѣ и потерей континентальныхъ владѣній, его едва ли менѣе позорной борьбой съ церковью, безграничными вымогатель-ствами и совершенно ни передъ чѣмъ не останавливавшимся издѣвательствомъ надъ правомъ и закономъ. Столь яф исключителышя условія необходимы были и для того, чтобы англійское об-щество могло дать совмѣстный отпоръ правительственному произволу, воспрянувшему съ новой силой при Генрпхѣ III, съ момента его совершеннолѣтія».

П. Новгородцев Лекции по истории философии права:

> «В 1892 г. проф. Ковалевский, а три года спустя гейдельбергский ученый Иеллинек вновь вспомнили полузабытых протестантских политиков XVI и XVII столетий, чтобы подчеркнуть их значение в развитии политической мысли нового времени. Ковалевский при-

> знал в них родоначальников английского радикализма и отметил вместе с тем их значение для образования принципов французской революции. В том же духе высказался Иеллинек. «Что до сих пор считали делом революции, — замечает он — то на самом деле есть плод Реформации и ее борений. Первым апостолом принципов революции был не Лафайет, а Роджер Вильямс». Но что же нового внести индепенденты в оборот политической мысли? Они впервые провозглашают известные права личности неотчуждаемыми и прирожденными, независимыми даже от народного представительства. Ковалевский и Иеллинек, вслед за Вейнгартеном, неопровержимо доказали, что французская декларация прав есть не более как список с соответствующих американских деклараций и что эти последние представляют собой выражение тех взглядов и требований, которые привозили с собой в Америку английские индепенденты, как плод политических опытов, вынесенных ими с родины. В новых Американских Штатах положения, высказанные левеллерами, являлись исходными моментами для всего последующего развития американской нации. Декларация Джефферсона, как и самая американская конституция, служат выражением тех же начал, из-за признания которых боролись левеллеры»

Э. Ренан «Жизнь Иисуса»:

> «Невзирая на феодальную церковь, секты, духовные ордена, святые люди продолжали восставать во имя Евангелия на неправду света. Даже в наши дни, дни смутные, когда у Иисуса нет более истинных последователей, кроме тех, которые, по-видимому, его отрицают, мечты об идеальном устройстве общества, представляющие столько сходства со стремлениями первых христианских сект, — эти мечты являются в известном смысле развитием той же идеи, одной из ветвей величайшего дерева, в котором таится в зародыше всякая мысль будущего, ствол и корень которого вечно будет Царствие Божие. Все общественные перевороты привьются к этому слову, а социалистические попытки нашего времени, запятнанные грубым материализмом, стремящиеся к невозможному, то есть к созданию общего благоденствия политическими и экономическими мерами, будут бесплодны, пока не примут в руководство истинный дух Иисуса, я хочу сказать: абсолютный идеализм не усвоит того начала, что, дабы обладать землею, надо от нее отречься»

В итоге на свет рождается Наследница Естественного Права Платона и Цицерона, Антонинов и Католическая церкви, римских стоиков и «Града Божьего» Августина — Третья Великая Теократия Естественного Права! Вот как об этом рассказывает А. Шлезингер:

А. Шлезингер «Циклы американской истории»:

> «Американский ковер весьма пестр. Две нити, которые переплелись с того самого времени, когда англоговорящие белые впервые вторглись на западный континент, ведут каждая свою тему, пребывая в неутихающем противоборстве относительно того, в чем смысл Америки. Истоки обеих тем лежат в нравственных установках кальвинизма. Обе темы в дальнейшем были обновлены светскими дополнениями. Обе нашли себе место в разуме американца и на протяжении американской истории борются за обладание им. Их соперничество, несомненно, будет продолжаться до тех пор, пока существует нация. В любом случае традиция — в том смысле, который вкладываю я, — первоначально вышла из недр исторического христианства
> в толковании св. Августина и Кальвина, Кальвинистское учение по духу своему было пропитано убеждением в испорченности человека, в ужасающей непрочности человеческого бытия, в суетности всех дел простых смертных, находящихся под судом беспощадного и грозного
> божества. Согласно «провиденческой истории», все мирские сообщества конечны и проблематичны; все они процветали и увядали, все имели начало и конец. У христиан эта идея нашла классическое выражение в великой попытке св. Ав-густина разрешить проблему упадка и падения Рима, — проблему, которая больше, чем какая бы то ни было другая, занимала умы серьезных западных историков на протяжении тринадцати веков после появления «Града Божьего». Эта одержимость стремлением постичь смысл классической катастрофы обеспечила связующее звено между церковным и светским взглядами в американских колониях — между американцами XVII в., читавшими писания отцов христианства, и американцами XVIII в., читавшими Полибия, Плутарха, Цицерона, Саллюстия и Тацита.
> Ко времени прибытия революционеров в Филадельфию в 1776г. религиозный пыл кальвинизма сильно поу-гас. Ад выродился в ругательство, идею первородного греха, от которой еще не отказались и которую стали понимать, как и все остальное, в светском смысле. И все же для отцов-

основателей республики, так же как и для отцов церкви, история Рима осталась, по выражению Ярослава Пеликана, «учебником, к которому надлежало обращаться за наставлением относительно хода людских дел, развития свободы и судьбы деспотизма»7. Имея различные исходные позиции, кальвинисты и классицисты, сторонники идей Просвещения, пришли к схожим выводам относительно уязвимости человеческих устремлений. Античный опыт не давал покоя воображению федералистов. Поэма Роберта Фроста, где воспевается «слава очередного века Августа... Золотой век поэзии и власти», получила бы более широкое понимание на вступление в должность Джоржа Вашингтона, а не Джона Кеннеди. Отцы-
основатели затеяли необыкновенное предприятие, имя которому — республика. Чтобы ориентироваться в этом полном опасностей путешествии, они вглядывались сквозь толщу времен в опыт Греции и
особенно Рима, который они считали благороднейшим достижением свободных людей, стремившихся к самоуправлению. «Римская республика, — писал Александр Гамильтон в «Федералисте», — достигла высочайших вершин человеческого величия"8. Пребывая в данном убеждении, первое поколение граждан американской республики назвало верхнюю палату своего законодательного органа сенатом; поставило под величайшим политическим трудом своего времени подпись «Публий»; изваяло своих героев в тогах; назвало новые населенные пункты Римом и Афинами, Утикой, Итакой и Сиракузами; организовало общество «Цинцин-ната» и посадило молодежь за изучение латинских текстов.

Данная параллель обладала убедительностью, Альфред Норт Уайтхэд позднее сказал, что век Августа и составление американской Конституции были теми двумя случаями, «когда народ у власти свершил то, что требовалось, настолько хорошо, насколько возможно это представить»10. В
этом заключалось также и предостережение, поскольку величие, воплощенное в Риме, обернулось бесславным концом. Могли ли Соединенные Штаты Америки надеяться на лучшее?

Отцы-основатели страстно штудировали труды классических историков в поисках способов избежать классической судьбы. Трудно преувеличить азарт, с которцм велись эти поиски, или значимость, придававшуюся ими тому, что они находили в древних текстах. Томас Джеффер-сон считал Тацита «первым, вне всякого исключения, писателем мира. Его книга — это свод истории и морали, другого такого образца мы не знаем». «Жить, не имея под рукой того или иного сочинения Цицерона и Тацита, — говорил Джон Куинси Адаме, — для меня все равно что лишиться какой-либо части тела»*l1*.

> Как выразился Уильям Смит Шоу, двоюродный брат Адамса, «сочинения Тацита демонстрируют слабость приходящей в упадок империи и моральные качества эпохи вырождения... Они должны стать предметом глубоких размышлений для всех государственных деятелей, желающих привести свою страну к славе, сохранить ее в ее мощи или уберечь от краха». Сочинения Полибия считались почти столь же важными — за выявленный им цикл рождения, роста и упадка применительно к судьбе государств и за намеки на идею о смешанной конституции с балансом властей, за что отцы-основатели ухватились как за панацею.
>
> Углубленное усвоение классики укрепило кальвинистское убеждение в том, что жизнь — это ужасный риск и что Америке отпущен испытательный срок, поскольку античная история не давала примеров неизбежности прогресса. Она учила, что республики гибнут, слава преходяща, а дела человеческие ненадежны. Традиционное подчеркивание того, что все мы вышли из
>
> философии Джона Локка, маскирует более мрачную линию в спектре мыслей отцов-основателей, на которую недавно обратили внимание Дж, Дж. Э. Покок, — линию классического республиканизма и гражданского гуманизма, ведущую от «Рассуждений на первую декаду Тита Ливия»
>
> Макиавелли через Харрингтона, английскую аграрную партию и Монтескье к конституционному конвенту. Эта традиция утверждает, что все республики существовали и гибли из-за собственной добродетели и что в конечном счете власть и роскошь неизбежно вели к загниванию и упадку, «Макиавел-лиевский момент», согласно Пококу, — это момент, когда перед той или иной
>
> республикой встает вопрос ее собственной гибели».

3. ИНДИВИДУАЛИЗМ НЕОГРАНИЧЕННОЙ СВОБОДЫ РЫНКА LAISSEZ-FAIRE

Однако, по мере того как близился роковой Век Дьявола, и Дарвиновская парадигма начинала пожирать все остатки рационализма и этики здоровой человеческой природы и цивилизации, Америка также испытала тяжелое гнетущее влияние «имморализма» по слову великого дарвиниста Ницше. Этика Антонинов и Церкви уходила в прошлое; Гибрис-Эго языческих демократий-тираний и Дарвиновская борьба за выживание сильнейшего заняли их нишу в сознании молодой республики.

Экономическая доктрина Laissez-Faire, как апология абсолютной свободы неограниченного рынка, не была порождением «экономических законов» в той войне частного интереса и госрегулирования, которая вскоре развернулась. Шлезингер прав, когда говорит что и доктрина «Невидимой руки» Смита (частный интерес незаметно ведет к благополучию всех) опиралась на его учение «Теории нравственных устоев». «Саморегулирующийся рынок» Смита претендовал, как законы труда и стоимости Маркса на открытие «объективных экономических законов», которые составили основу классической политической экономии. Однако, как саморегулирующийся рынок Смита, так и законы стоимости как овеществленного труда Маркса оказались только мифом. Тем не менее, теория «свободного рынка» (Laissez-Faire), как возможность экономической войны за власть продолжала со страшной силой будоражить умы западных капиталистов. Что же это было, если не приверженность «экономическим законам»?

Ну, конечно, это было всего лишь проявление объективных психологических законов: обострение Гибрис-Эго и его войны всех против всех за власть. Ушли времена, когда можно было вести войну за место тирана в мелких полисах-государствах, или грандиозные гражданские войны за место римского императора. Зато, свободная конкуренция неограниченного государственным регулированием рынка открывала для «гиперэстезии самолюбия» Гибрис-Эго огромные перспективы в этом плане. А обоснование такой войны всех против всех еще со времен Гоббса (и Фукидида) теперь еще и официальной наукой дарвиновской парадигмы как священного закона природы — Борьбы за выживание сильнейшего — и вовсе явилось манной небесной для благословения древней языческой болезни шизоидности. Итак, борьба за выживание всех против всех Дарвина оказалась в центре жизни политического тела, которое зарождалось как Теократия Естественного Права. И понятно, что вместо благоденствия такой «саморегулирующийся рынок» к приходу к власти Ф. Рузвельта превратил

сельское хозяйство и промышленность страны «в серию катастроф» по выражению Шлезингера. Ну, это время великого кризиса экономики 30-х годов, что там еще говорить. Он также сообщает, что падение экономики стало закономерностью при правых правительствах консерваторов, которые подобно Рейгану славили знамена Laissez-Faire, и отказывались от государственного регулирования («правительство не решит наших проблем. Правительство само проблема»). Так эпоха Рейгана, пишет Шлезингер стала очередной катастрофой для национальной экономики, ввергнув людей в бедность. И наоборот, правительства Рузвельта и Кеннеди, сторонников государственного регулирования и программ социального обеспечения способствовали росту и оживлению и экономики и культурной жизни страны. Он также проводит другую закономерность: что рост коррупции значительно увеличивался в правление консерваторов, тогда как правительства демократов хорошо зарекомендовали себя с этической стороны. Действительно, физический контроль как мы знаем, мало общего имеет с этикой, и наоборот: естественное право есть право нравственное прежде всего.

Артур Шлезингер «Циклы американской истории:

> «Гарантия прочности любого свободного общества — в осознании социальной ответственности.
> Государственный активизм в экономике необходим, наконец, для сохранения нравственных
> устоев общества. Алексис де Токвиль более всего опасался губительных для общества послед-
> ствий ничем не ограниченного господства частного интереса, вытесняющего все иные ценности.
> Он полагал, что сдерживающим фактором могла бы стать религия. Да и сам Адам Смит считал,
> что реализацию личного интереса следует ограничить нравственными заповедями. «Богатство
> народов» немыслимо без «Теории нравственных устоев». Но по мере того, как религия утрачивала
> свое влияние в обществе, а принцип личного интереса начинал приобретать доминирующее

> значение, заколебалась моральная опора всей рыночной системы. Уже в наше время Фред Кирш
> доказывал, что культ личного интереса затмил более широкие и перспективные взгляды и лишил
> рыночную систему ее морального стержня77.«Но еще задолго до этого Токвиль пророчески писал:
> «Правительство должно возродить в людях веру в будущее, которую ни религия, ни положение
> дел в обществе не в состоянии в них больше поддерживать»

Артур Шлезингер «Циклы американской истории:

> «Кредо манчестерской группы подкреплялось теорией Дарвина. Теоретики неограниченного экономического либерализма, ссылаясь на эволюционное учение Дарвина, приходили к выводу о том, что выживание наиболее приспособленных в процессе свободной конкуренции на рынке является гарантией прогресса цивилизации. „Если вообще возможно говорить о какой-то теории в стране, обходящейся без всяких теорий, — писал Брайс в 1888 г. в своей работе „Американская республика", — то ортодоксальная теория экономического либерализма составляет ныне основу как федерального законодательства, так и законодательства штатов". Судьи, подобные Дэвиду Брюэру, нанесли тяжелый удар по социальному законодательству во имя святого принципа laissez-faire»

Артур Шлезингер «Циклы американской истории»:

> «Но именно свободный рынок скоро привел страну к очередному кризису, причем наихудшему из всех, и спор о роли государства в экономике разгорелся с новой силой. Когда показатель безработицы приблизился к 25%, Гувер отказался от планов государственной помощи тем, кто безуспешно пытался найти работу. Щедрые подачки правительства предназначались не безработным, а банкам. Но в том же году Франклин Рузвельт, тогда еще губернатор штата Нью-Йорк, сформулировал прямо противоположную точку зрения. «Я считаю, — заявил он, выступая в законодательном собрании штата Нью-Йорк, — что в настоящий момент наше общество должно вменить в обязанность правительству спасение от голода и нищеты тех сограждан, которые сейчас не в состоянии содержать себя». У тех, кто, наблюдая безмерные страдания людей, уповает на принцип laissezfaire, говорил он год спустя, «как видно, нервы куда крепче, чем, например, у меня. Такие люди в отличие от меня предпочитают верить скорее в незыблемость экономических законов, чем

в способность человека контролировать творения рук своих». В противовес саморегулирующейся экономике Рузвельт выдвинул идею «сочетания интересов». Рузвельт особо подчеркивал, что абсолютный приоритет должен быть отдан интересам всего общества.
Итак, «американская система», провозглашенная сто лет назад, не дала результатов, и вследствие этого была предпринята первая попытка прибегнуть в мирное время к планированию национальной экономики. Свободный рынок превратил к тому времени американское сельское хозяйство в арену периодических катастроф.
Рузвельт не считал государственное вмешательство в экономику лишь временным средством, пригодным при чрезвычайных обстоятельствах. В 1944 г. в так называемом «Экономическом билле о правах» он изложил свою программу на будущее, в которой целью провозглашалось гарантированное право на работу, на заработную плату, достаточную для поддержания достойного человека уровня жизни (питание, одежда, досуг и т.д.), право на жилье, медицинское обслуживание, право на образование, на жизненное обеспечение в случае безработицы, болезни, старости. Эти права должны были гарантироваться государством. В послевоенное время веру Рузвельта в «способность человека контролировать творения рук своих» разделяли Трумэн, Кеннеди и Джонсон. Отвергая понимание национального правительства как «агрессора, противника», Кеннеди в 1963 г. назвал его «органом, в котором граждане наших 50 штатов объединяют свои усилия на благо нации». Он вновь и вновь старался показать американцам, насколько ухудшилось бы их положение «без деятельности национального правительства».. Статистические данные, однако, показывают, что народное хозяйство Соединенных Штатов в период после принятия «нового курса» оставалось на удивление здоровым и продуктивным, несмотря на рост налогов и правительственное регламентирование».

Артур Шлезингер «Циклы американской истории:

При господстве ориентации на общественные цели
правительство склонно к идеализму. У идеалистов много недостатков, но они редко крадут. В ходе осуществления «нового курса» Рузвельта правительство США тратило куда больше денег, чем когда-либо раньше в мирное время. Оно проводило беспрецедентное регулирование экономики, однако при этом заметно было отсутствие коррупции. Линдон Джонсон был печально известен своими хитроумными комбинациями, однако в его «великом обществе» было гораздо меньше злоупотреблений служебным положением, чем при консервативных администрациях 20-х, 50-х и 80-х годов. С наступ-

лением периода господства частного интереса общественная мораль резко меняется. Правление администрации Эйзенхауэра было отмечено скандалами, повлекшими за собой вынужденные отставки министра авиации, председателя Международной торговой комиссии, управляющего общими службами, начальника Управления общественными зданиями, председателя Национального комитета республиканской партии и даже помощника самого президента. Более сорока членов администрации Никсона подверглись преследованию за преступления. Его вице-президент, два министра, дюжина членов аппарата Белого дома и еще пятнадцать представителей исполнительной власти признали себя виновными или получили судебные приговоры. Администрация Рейгана по мере того, как список ее сотрудников, осужденных или вынужденных уйти в отставку под тяжестью обвинений, все рос, добавила в словарь политических терминов выражение «расползание». «Совершенно нечего сказать, — заметил Теодор Рузвельт, — о правительстве плутократов, правительстве людей, которые весьма сильны в определенных областях и овладели искусством делать деньги, но которым присущи идеалы, по самой своей сути восходящие всего-навсего к идеалам славной когорты ростовщиков».

....

«В полемике с либералами, рассматривающими общее благоденствие как сочетание групповых интересов, демократы — в традициях Франклина Д. Рузвельта — должны подчеркивать, что общественный интерес есть нечто качественно иное, чем сумма частных интересов. При этом любые жесткие меры получат поддержку в широких слоях населения при условии, что это будет «честная игра».

Следует также добавить, что демократы старой школы отнюдь не отвергают предпринимательство

и рынок и не пытаются навязать обществу командные методы управления экономикой. Более того, многие социалисты и даже коммунисты пришли к признанию преимуществ рыночной системы, В то же время демократы в отличие от консерваторов не считают рынок тонко реагирующим, безотказным, саморегулирующимся механизмом. По их мнению, рынок отражает расстановку сил в обществе; концентрация производства сделала его беспощадным и аморальным. Нынешний бизнес уже не нуждается в конкуренции, а, напротив, стремится всеми силами ее нейтрализовать. Факторами действительной напряженности на рынке являются профсоюзы и социальное законодательство. Кроме того, в жизненно важных отраслях цены сейчас

> устанавливаются администрацией, а не образуются на основании спроса и предложения в их чистом виде. Объективный анализ функционирования рынка обосновывает скептицизм либералов в отношении саморегулирующейся, социально нейтральной экономики.
> Одним словом, либералы старого толка не верят, что проблемы, стоящие перед страной, решатся
> сами собой, и считают, что предоставление полной свободы действий предпринимателям, не
> боящимся риска, тут не поможет. Либералы считают, что для смягчения остроты проблем
> сегодняшнего дня необходимо возобновить активное вмешательство государства в экономику для
> корректировки «огрехов» рынка и нейтрализации негативных последствий рыночной стихии.
> Необходимо лишь, чтобы эту миссию взяла на себя реформированная администрация, очи-
> стившаяся от скверны и извлекшая уроки из ошибок и перехлестов минувшего пятидесятилетия.
> Риторически бичуя государственное вмешательство в экономику, неолибералы не могут
> предложить какой-либо альтернативы».

Таким образом, мы видим, что Америка становится наследницей в том числе и «раздвоенности» античного мира, так что Гибрис-Эго шизоидности становится «негативным духом капитализма», который ищет для себя «неограниченной свободы рынка» (Laissez-Faire) в старой войне за абсолютную свободу или абсолютную власть «государей» и «тиранов». Этот «Тиранический человек» Платона оживает вновь и вновь ищет себе «абсолютной свободы», которая как признает даже Поппер «сама себя отменяет». Понятно, что не этот негативный дух заложил основы американской государственности, но тот дух христиан, которые не только не нуждались в неограниченной свободе, чтобы вести успешный бизнес, но и сами были себе самыми строгими ограничителями (М. Вебер, «Протестантская этика и капитализм»).

Гиперэстезия самолюбия естественно рождает страх «ударов по Эго», паранойю порабощения. Древняя Греция проявила такую паранойю в своей дремучей неблагодарности великим лю-

дям своего времени, которые очень часто подвергались изгнанию, подобно Фемистоклу, победителю Ксеркса, или Анаксагору, другу Перикла, или Фидию, другому другу Перикла. Сам Перикл не избежал судебного процесса, а сына его казнили по обвинению в измене. Та же зависть мучила их и к государствам друг друга.

> «Эта древняя болезнь Эллинов, беспрестанно враждовавших друг против друга и желавших гибели тому городу, который обладал какими-либо преимуществами, — это, собственно, и погубила Элладу. Ослабленные и истощенные междоусобиями Эллины сделались жертвами македонян, а затем были порабощены римлянами. Та же самая болезнь ревности и зависти перешла и к современным нам городам, — замечает Геродиан»

Действительно та же болезнь уничтожила и римлян. После того как римляне разрушили свой Левиафан, свергли царскую власть и стали республикой, они также как и греки до них, во всяком упорядоченном регулировании стали видеть угрозу «царской власти». Ведь республики нормативного права, какими были греческие полисы и республика Рима рано или поздно приходят к полной анархии, что наблюдалось в Риме в кризисе республике 1 века до н. э. Верховенство закона перестает работать, когда разум и воля людей разобщены их Гибрис-Эго, и когда самое закон становится инструментов в борьбе за власть. Тогда любой человек, выделившийся пусть даже заслуженно, пусть даже пропорционально тому добру что он принес обществу, вызывает зависть и ненависть как потенциальный победитель в борьбе за власть. И особенно те, кто заслужил свою славу, потому что у них ее не отнимешь злыми наветами и грязными интригами. А уж если это мудрый законодатель, чьи законы обещают народу решение проблем, так и подавно ему не жить в мире войны всех против всех за власть. Так, римляне убили сначала братьев Гракхов, а потом прославились и убийством Цезаря. И до сих пор убийство человека, который разработал такое прогрессивное законодательство, так жертвовал собой, не щадя себя ни в битвах, ни в самых трудных предприятиях, которые он

на себя брал, который заботился о всех слоях общества и принимал законы защищавших слабых и обездоленных, строил библиотеки и раздавал права гражданства завоеванным народам — и до сих пор его убийство характеризуют как тираноубийство человека, посягнувшего на свободу республики. Между тем, убийство Гракхов и убийство Цезаря того же разлива что и изгнание Фемистокла и казнь Сократа. И эта правда обнаружила себя в реакции всего народа, который принял весть о гибели Цезаря не как свободу от тирана, а как трагедию гибели «отца отечества».

Не в том вывод, что нужны императоры, а в том вывод, что нужны Теократии естественного Права, где правит истина научного контроля и законы совести и справедливости, которые едины для всего человечества. И если в Древнем Риме, где свобода республики привела к распаду закона и к правлению тиранов, единственным выходом на тот момент была власть Цезаря, который сумел опять поставить закон превыше всех войн за власть, то правда была за ним, как потом доказали Август и Антонины.

Не сравнить ли нам убийство двух великих президентов Америки и покушение на третьего великого президента с «остракизмом» Греции и убийством Цезаря? «Не та же ли самая эта болезнь» как говорит Геродиан, что погубила Грецию и Рим, пришла опять губить Теократию Естественного права Америки? Не та ли же паранойя мучила «государей-предпринимателей» Laissez-Faire, что и их античных предшественников? Тиран, который их поработит? Царская власть, которая обратит их в рабов? Правда, что коммунизм представлял (и продолжает представлять в лице его наследника — режима Путина) угрозу, и Солженицын лучше всех рассказал о глубине порочности и масштабах этой угрозы. Но правда также и то, что паранойя Гибрис-Эго сделал из этой угрозы такой же легендарный фантом, как литература Древней Греции сделала из угрозы тиранов и царской власти. Аналоги совершенно очевидны. К. Марта пишет в «Философах-моралистах 2 века Римской империи», что греческие софисты надоели всем со своей риторикой ти-

ранобоязни и прославления тираноубийства, до такой степени этот страх тиранов был в свое время возведен в культ. Не тот же ли культ страха коммунизма развился в новой политической реальности возродившегося античного Гибрис-Эго. Коммунизм страшен это правда, но не до такой степени, чтобы во всяком проявлении человеческой дружественности видеть диктатуру пролетариата марксизма-ленинизма.

Тем не менее, именно эта старая паранойя Гибрис-Эго погубила Кеннеди и едва не стоила жизни Рузвельт, как показал судебный процесс, на котором генерал Смедли Батлер разоблачил заговорщиков, пытавшихся втянуть его в заговор против Ф. Рузвельта (О. Стоун и П. Кузник «Нерассказанная история Америки», Н. Хомский «Системы власти»). Ведь любые попытки государственного регулирования экономики, которые бы ограничивали «абсолютную свободу» войны всех против всех неограниченного рынка воспринимались как «угроза тирании» или как «угроза коммунизма», что стало синонимами в данной культуре Гибрис-Эго. Несправедливо то, что реальная угроза коммунизма, которая есть Левиафан поля Эгосистемы помноженный на организацию и механизацию 21 века здесь намеренно путается с «коллективизмом» церкви дружбы естественного права. И поскольку Америка как любое здоровое общество изначально как мы видели закладывала себе идеал республики естественного права, то и сплоченность ее коллектива естественное следствие здорового общества.

Шлезингер сообщает, что аргументы сторонников Laissez-Faire против государственного регулирования и за абсолютную экономическую свободу доходят до того, что готовы защищать диктатуру таких структур как ЦРУ и ФБР, но только не «социальное обеспечение общества всеобщего благоденствия», и что таким образом милитаристское государство правящей олигархии представляется им более свободным обществом, чем общество, где урезаны свободы делать зло. И Шлезингер перечисляет какие свободы делать зло запретило государственное регулирование «общества всеобщего благоденствия». Действительно, для

Гибрис-Эго исторически более понятны олигархии рабовладельцев нежели церкви дружбы, которые позже принесут с собой христианские церкви.

Здесь можно наблюдать параллель между текстом «Песни о Битле при Льюисе» — документом-источником наших знаний о борьбе Симона де Монфора с властью коррумпированного короля, ставящего свой произвол, свой абсолютизм выше закона, которому бароны объясняют, что власть короля не выше закона, потому что «Господь не свободен делать зло и не страдает от этого». Только здесь в роли «королей» и «государей» выступают поборники Laissez-Faire абсолютной свободы, которые как абсолютные самодержцы считают ограничительные законы посягательством на свою свободу. Нельзя ведь путать командную экономику государственного капитализма с экономикой частной собственности и правового государства.

Так, Петрушевский в «Великой хартии вольностей» пересказывает содержание «Песни о Битве при Льюисе», претензии баронов к абсолютизму короля:

> «Самъ ли король дѣйствуетъ злонамѣренно или же подъ вліяніемъ дурныхъ совѣтовъ, и въ- томъ и въ другомъ случай бароны одинаково обязаны выступать на защиту своей страны.
> Король не выше закона. Онъ спрашиваетъ: «Почему я долженъ быть ограниченъ въ выборѣ должностныхъ лицъ, съ помощью которыхъ я правлю?» Авторъ поэмы отвѣчаетъ на это, что истинная свобода не есть совершенно неограни-ченная свобода. «Не всякое ограниченіе устраняетъ свободу, не всякое принужденіе отнимаетъ власть». Законъ, ограни-чивающій королевскую власть, не умаляетъ ея, но возвы-шаетъ достоинство короля. Не считается въ Богѣ безсилием, что онъ не можетъ грѣшить. Наоборотъ, въ этомъ его вы-сочайшее могущество, великая слава и великая власть. «И король можетъ дѣлать все, что хорошо, но не можетъ дѣлать дурного. И это даръ Божій. Тѣ, кто оберегаетъ короля отъ искушенія грѣшить, сами служатъ королю, и онъ долженъ быть благодаренъ имъ за то, что они освобождаютъ его отъ опасности стать рабомъ. Такъ какъ его народъ есть народъ Божій, ввѣренный ему Богомъ, то онъ долженъ любить его и помогать ему».

А. Шлезингер, «Циклы американской истории»:

«предпринимаются попытки доказать, что правительственное вмешательство в экономику
отрицательно сказывается на общественной морали. Государственное попечительство разлагает,
мол, неимущих, избавляя их от чувства неуверенности в завтрашнем дне, что, по мнению состоя-
тельных слоев, остается главным стимулом прогресса. Уверенность в завтрашнем дне, доказывают
эти критики, подавляет инициативу, гасит веру в собственные силы, порождает чувство
зависимости. Джордж Гильдер, публицист правого толка, писал в этой связи: «Чтобы добиться
успеха, бедняки более всего нуждаются в шпорах нищеты»79. Однако, рассуждая о том, что
чувство уверенности в завтрашнем дне подавляет-де инициативу, зажиточные слои имеют в виду
лишь неимущих. Сами же они не больно-то верят в благотворное воздействие чувства незащищенности, иначе почему бы им не поддержать введение 100%-ного налога на наследство, который позволил бы их потомству испытать на себе столь неоценимые моральные преимущества? Вместо этого соответствующий рейгановский закон вдвое понизил ставку федерального налога на наследство. По мысли Рейгана и его команды, «шпоры нищеты» для успеха в жизни нужны лишь самим нищим, имущие же обходятся «шпорами богатства».
Имущие классы выступают против правительственного вмешательства не только под предлогом
заботы о моральных устоях обездоленных. Иногда утверждают, что правительственное вмешательство таит в себе опасность для гражданских свобод и даже толкает республику назад *к*\ рабству. Факты свидетельствуют, однако, что распространение функций федеральных органов на экономику не только не подавляет индивида, но, напротив, весьма способствует росту у большинства американцев чувства собственного достоинства и личной свободы. Впрочем, кое- какие «свободы» федеральное правительство, вмешиваясь в экономику, и впрямь ликвидировало — например, свободу отказывать черному населению Америки в его элементарных гражданских правах, свободу нанимать малолетних детей на работу на фабрики, заставлять иммигрантов работать по потогонной системе, платить мизерную заработную плату, свободу создавать бесчеловечные условия труда, устанавливать непосильную продолжительность рабочего дня, свободу махинаций в торговле товарами и на рынке ценных бумаг и, наконец,1 свободу разбазаривать на-

циональные ресурсы и отравлять окружающую среду. Но без подобных «свобод» цивилизованное общество вполне может обойтись.
Странным образом — вновь непроизвольная ирония — самые рьяные противники
правительственного вмешательства в экономику, выступавшие против подобного вмешательства
под предлогом защиты прав слабых и неимущих, всегда безоговорочно одобряют деятельность
правительственных институтов, действительно представляющих реальную угрозу
индивидуальным свободам, таких, в частности, как ЦРУ и ФБР. Как и в случае с национальным
долгом, именно милитаристское государство, а отнюдь не государство всеобщего благоденствия
порождает» спесивую бюрократию и подвергает преследованию тех самых бедных граждан, о
судьбе которых так сокрушаются противники социальных программ. Именно правые явились инициаторами неприкрытых покушений власти на индивидуальные свободы, прибегая к цензуре,
запрету на книги, подписке о лояльности, преследованию гомосексуалистов. Либералы
добивались возможности регламентировать деятельность корпораций при освобождении личности, целью же консерваторов, судя по их делам, напротив, всегда была полная свобода для
корпораций при ущемлении прав личности. История вряд ли когда-либо подтвердит предположение, что социальные программы толкают нацию на путь к тоталитаризму».

О. Стоун, П. Кузник, «Нерассказанная история Америки»:

«НУВ, созданное согласно Закону о восстановлении американской промышленности (Рузвельт считал его «самым важным и перспективным законодательным актом за всю историю работы американского конгресса»), выполняло отчасти те же функции, что и Совет по военной промышленности, который возглавлял Бернард Барух во время Первой мировой войны[11]. НУВ приостановило действие антитрестового законодательства, вколотив последний гвоздь в крышку гроба «свободной конкуренции». Централизованное управление должно было вдохнуть новые силы в расшатанную экономику страны. Под контролем НУВ каждая отрасль выработала своего рода кодексы, определявшие уровень зарплаты, цен на продукцию, квоты выпускаемой продукции и условия труда.

Благодаря удачному сочетанию конгресса с преобладанием левых, энергичного, прогрессивного населения и ответственного, внимательного президента в истории США начался период величайшего социального экспериментирования. Этот этап пришелся на середину десятилетия, когда «Новый курс» принял еще более радикальный характер. В декабре 1935 года Гарольд Икес заявил президенту: ему «кажется, будто население настроено более радикально, чем правительство». Рузвельт согласился с этим и вновь взялся за представителей деловых кругов. Тяжелую артиллерию он приберег для ежегодного обращения к конгрессу, с которым выступил вечером 3 января 1936 года по национальному радио. Прежде подобные выступления делались на вечернем заседании лишь однажды: 2 апреля 1917 года президент Вильсон зачитал свое послание конгрессу о вступлении США в войну. Рузвельт обрушил весь свой гнев на правых политиков: «Мы снискали ненависть закоренелых любителей наживы. Эти себялюбцы хотят вернуть власть в свои руки… Дай им волю — и они возьмут курс на самодержавие былых веков: власть — себе, народу — рабство». Вдохновившись прогрессивным настроем граждан, Рузвельт продолжил войну с предпринимателями в ходе избирательной кампании 1936 года.

Накануне выборов Рузвельт выступил в «Мэдисон-сквер-гарден» с речью перед избирателями, в которой содержался откровенный призыв к борьбе с представителями деловых кругов:

«Мы вынуждены были бороться с давними врагами мира — предпринимательской и финансовой монополией, спекуляциями, бессмысленной классовой враждой, местничеством, менялами, нажившимися на войне. Они дошли до того, что начали считать правительство Соединенных Штатов всего лишь придатком своих темных делишек. Теперь мы видим, что правление тех, в чьих руках сосредоточена власть над деньгами, представляет опасность не меньшую, чем правительство рэкетиров… Они единодушны в своей ненависти ко мне, и я приветствую их ненависть»

Газета *Chicago Tribune* назвала результаты голосования свидетельством единодушной поддержки политического курса президента. «Результаты выборов свидетельствуют о том, что народ полностью доверяет господину Рузвельту и его «Новому курсу»…

Прогрессивные изменения, которые сумели внести в жизнь американцев сторонники «Нового курса», по-прежнему вызывали неприятие в деловых кругах, сохранивших немалое влияние. Рузвельт, его советник Рексфорд Гай Тагуэлл, главы ведомств Гарри Гопкинс и Дэвид Лилиенталь и прогрессивные министры Генри Уоллес, Гарольд Икес и Фрэнсис Перкинс навлекли на себя гнев большинства пред-

> принимателей и банкиров. Хотя кое-кто из последних — например, Джозеф Кеннеди — все же был благодарен Рузвельту за спасение капитализма от его недальновидных представителей, почти для всех бизнесменов президент стал врагом, а потому они истово сражались с последствиями «Нового курса» при любой возможности. Согласно проведенному исследованию, 97% членов Торговой палаты США не разделяли философии «Нового курса»

4. ГОСУДАРСТВО ВСЕОБЩЕГО БЛАГОДЕНСТВИЯ Ф. Д. РУЗВЕЛЬТА

Несмотря на все сарказмы и весь скептицизм, Америка как наследница Антонинов и Католической церкви в качестве всемирного института Естественного права успела сделать совсем немало, пока ее живительные силы, запущенные Отцами Основателями, были еще активны. Сегодня возможно это еще сильное государство, и может быть даже самое сильное национальное государство во всеобщей войне новых левиафанов, но уже конечно не Теократия Естественного Права. Ведь победили консерваторы, та самая корпоратократия, о которой всему миру поведал Джон Перкинс, и те самые спецслужбы, о которых всему миру поведал Джон Маркс. Наконец, нигде Дарвиновская парадигма сегодня не пользуется таким успехом, и не имеет стольких «ученых» последователей, развивающих ее в применении к социальному дарвинизму, как в Америке. Понятное дело, что Естественному Праву рационализма места больше не остается.

Однако, мы должны рассказать о том, как много сделала Америка в свое время для защиты цивилизации от тоталитаризма физического контроля поля Эгосистемы. Сама республика набрала всю свою потенциальную силу только в век Ф. Рузвельта, с оформлением Государства Всеобщего Благоденствия, когда диким джунглям неограниченного рынка и праву силы войны всех против всех был брошен такой мужественный вызов. Подобно Марку Аврелию Ф. Рузвельт стремился сделать право Америки инструментом для защиты всего населения, оставляя личную инициативу нетронутой и не прибегая к методам командной

экономики. Подобно всякому естественному праву Рузвельт понимал государственное регулирование как лишение свободы делать зло, оставляя полную свободу выбора в границах нормальной человеческой этики. Так Теократия Естественного Права обретала свою законченность только с принятием законов против зла «абсолютной свободы» Laissez-Faire, потому что как учили все учителя морали (основы естественного права), человек не только не волен делать все что ему вздумается, но его долг и ответственность состоят в том, чтобы бороться с пороком и ложью, с насилием и тщеславием. Одним словом ограничивать свободу делать зло у себя и у других. Именно этим и занималось Государство Всеобщего Благоденствия Рузвельта. Ограничивало свободы Laissez-Faire делать зло своим прогрессивным законодательством. И понятно, что только теперь, но никак не с шизоидной абсолютной свободой языческого Гибрис-Эго Теократия Естественного Права приобретало свою завершенность.

В этом великом деле становления новой Теократии естественного права Рузвельту предшествовал Авраам Линкольн — другой великий президент штатов, который проявил духовную силу, равную силе древних израильских пророков. Фундамент, который закладывали Отцы Основатели в основание американской республики никак не мог сосуществовать с рабством, так что борьба республики с этой злокачественной опухолью оставалась вопросом времени и вопросом выживания республики. Недаром же Джефферсон изначально вписал слова о неприемлемости рабства в республике, и вынужден был их вычеркнуть из-за Южных штатов. Вопрос выживания республики, «эксперимент, окончание которого ни в коем случае не определено», был отложен и ждал своего великого пророка. Мужество и духовная стойкость, которые потребовались Линкольну чтобы довести войну с рабством до конца спасли республику и утвердили Америку в качестве теократии естественного права. Однако, Линкольну эта война со злом стоила жизни, как впрочем большинству пророков, бравших на себя эту тяжелую миссию перед Богом.

А. Шлезингер «Циклы американской истории»:

> «Нравственная сила любой внешней политики является производной от
> моральных основ национальной общности, а испытываются эти жизненные основы характером
> политической деятельности внутри страны. Американские лидеры, оказавшие в XX в. наибольшее
> воздействие на мир, — Вильсон, Франклин Рузвельт, Кеннеди — были влиятельны именно
> потому, что, с точки зрения окружающего мира, их внутриполитическая деятельность давала им
> право говорить о справедливости и свободе за рубежом. Их открытость миру, абстрактные
> принципы, которым они подчинили американскую политику, отражали зримые реалии их внутриполитической деятельности. «Новая свобода» Вильсона подтверждала реальность его «четырнадцати пунктов», так же как «новый курс» Рузвельта — реальность его «четырех свобод». Так идеалы сами по себе, подвергаясь проверке конкретным действием, становятся инструментом национальной мощи и тем самым превращаются в неотъемлемый компонент национального интереса.
> ...Более того, каждый из этих лидеров вырастил новое поколение политиков по своему образу и
> подобию. Представители молодого поколения, чьи идеалы были сформированы Теодором
> Рузвельтом и Вильсоном, — Франклин и Элеонора Рузвельт, Гарри Трумэн — стали в период
> своей зрелости авторами «нового» и «справедливого» курсов. Представители поколения, идеалы
> которого сформировал Франклин Делано Рузвельт, — Джон Кеннеди и Линдон Джонсон — в
> зрелые годы стали авторами «новых горизонтов» и «великого общества». Точно так же «век
> Кеннеди» затронул и вдохновил новое поколение. Время этого поколения еще должно наступить»

Важно, что Америка осталась оплотом добрых сил, оплотом духовной энергии и поля интеллекта и совести в 20 веке, — в «Веке Дьявола», когда повсюду победили силы зла, и стали подниматься со дна ада монстры один страшнее другого. Ужасы Первой Мировой, когда впервые было применено современное

оружие массового уничтожения, в том числе химическое, ГУЛАГИ Сталина, за ними Концлагеря Гитлера, карательная психиатрия Андропова. Как раз в это время в Америке председательствует очередной пророк, который вдет интенсивную борьбу со злом в своем собственном государстве, чтобы открыть силы добра своей огромной страны для всего мира, погрязшего и уже захлебнувшегося в насилии. Помощь в Первой мировой войне, помощь во Второй мировой войне, помощь в учреждении ООН, Всемирная Декларация Прав Человека под руководством Элеонор Рузвельт. Наконец, авторитет самой успешной страны мира, которая продолжает бороться со злом внутри собственной страны, и продолжает отстаивать естественное право в качестве доктрины Прав Человека для всего мира. Это тоже было очень много во времена, когда realpolitik баланса сил и узкие национальные интересы стали нормой для одержавшего верх физического контроля во всем мире.

Вплоть до правительства Картера, объявившего свою знаменитую и скандальную кампанию по борьбе за Права Человека во всем мире миссия Америки как наследницы Антонинов и Католической церкви в борьбе за естественное право оставалась активной и плодотворной, несмотря на все сарказмы и весь скептицизм, обвинявший в том числе и Картера в лицемерии. После него, доктрина прав человека в самом деле превращается в руках рейгановского правительства в то, чем она является теперь — в инструмент физического контроля борьбы за власть. То есть полностью теряет свое значение оружия в борьбе со злом и начинает использоваться уже со всем лицемерием противоположной стороной. Но пока еще светил свет, пока еще Америка несла свой факел истины всему миру, и эта борьба за права человека успела сделать много хорошего. Так, Картер, хоть и вызвал возмущение СССР вмешательством во внутренние дела, а все таки сильно ослабил моральные позиции власти в Советах, чутко реагировавших на западное общественное мнение. И тот факт что президент США лично написал письмо Сахарову и выступил в защиту российских диссидентов, очень сильно помогло

выживанию сил Добра в России того времени. Ведь в отличии от Америки, где силы Добра торжествовали от начала республики, силы Добра в Советах от начала советского Левиафана находились в оппозиции к нему (как например Лев Ландау, объявивший что Сталин предал дело революции). Протянув руку помощи российским диссидентам своей шумной кампанией защиты прав человека, президент Картер оказал огромное влияние на дальнейшее развитие ситуации в России. Уже одно то, что он принял Солженицына и спас этого мученика истины для человечества. Ведь до него президент Форд отказался принимать Солженицына. Помогая таким образом выйти на свет правде о ГУЛАГах Сталина, правде о порочности советского режима, поддержав внутреннюю революцию Хрущева и Солженицына, Картер таким образом содействовал скорому пришествию к власти последователя Хрущева — Михаила Горбачева. Горбачев признает себя в свой книгах последователем Хрущева. Американо-советское сотрудничество имело таким образом место только при Н. Хрущеве, когда в Америке также к власти пришли демократические силы во главе с Кеннеди и позже с Картером. И именно тогда ненависть «ястребов» обеих сторон была преодолена сотрудничеством демократических сил, которые впервые поднялись к власти в СССР. Как же иначе назвать революцию Хрущева от 20 съезда партии и «Культа личности Сталина», победы над Берия, преодолением острого кризиса с Кеннеди, из которого им удалось выйти дружественными сторонами, и наконец, разрешения печатать Солженицына?? Ведь это сначала Хрущев спас Солженицына; ведь некого бы было спасать Картеру и западной прессе, если бы сначала Хрущев, который мог его сгноить в психушках, так что ни одна душа никогда не услышала бы и слова из великой проповеди русского пророка, не дал разрешения его печатать? Это ли не революция сверху? Горбачеву в сравнении с этим оставалось сделать уже не так много. И в этом смысле мы обязаны мирной революции в России усилиям двух демократических правительств времен Кеннеди и Хрущева, а позже Картера, которые подняли диссидентов,

и прежде всего Солженицына и Сахарова и позволили им быть услышанными по всему миру. Когда к власти пришел Горбачев Америка уже перестала быть факелом света, и Рейган держал в руках уже «ветхие знамена Laissez-Faire», а вовсе не естественное право Локка и Отцов Основателей. Вот почему переговоров с Рейганом и Бушем у него не получилось. О. Стоун и П. Кузник пишут в «Нерассказанной истории Америки», что ЦРУ даже и не поняло что происходит, когда Горбачев начал в одностороннем порядке разоружение и вывод войск из Восточной Европы (после многократных попыток достичь двухсторонних соглашений с администрациями консерваторов), настолько язык и логика естественного права стали чужды Америке. А вот Кеннеди и Хрущев поняли друг друга очень хорошо, и очень хорошо отзывались друг о друге. Один был убит своими по обвинению в «коммунизме», другой был снят с должности не в последнюю очередь за скандал с Солженицыным, сказавшему всему миру правду о моральном облике советского правительства. На самом деле, ни тот ни другой не были коммунистами. Просто это был последний жест доброй воли Теократии Естественного права на дороге спасения добра во всем мире. А Добро в советской республике началось с Хрущева (со всеми оговорками несвободы индивида в тоталитарной системе) и Солженицына и закончилось полным переходом ан демократические рельсы правового государства с приходом к власти Горбачева. Однако, как сегодня в Америке победили силы консерваторов, так и революция Хрущева-Горбачева предана «Революцией консерваторов» Путина, которые тянут страну назад в мрак Левиафана тоталитаризма, откровенно смешивая самодержавие царизма и ГУЛАГи Сталина как единую систему физического контроля Левиафанов. Он прямо говорит об этом О. Стоуну в том обширном интервью, что Стоун у него взял, и издал фильм и книгу. Как Стоун не пытается там представить Путина «коммунистом» -защитником рабочего класса, Путин смеется ему прямо в лицо, называет его коммунистом, и говорит что «вынужден защищать от него своих друзей с Уолл-стрит». Это действительно смешно,

потому что обнажает искаженное сознание паранойи, которая видит коммунистов защитниками рабочих, а получает таких настоящих коммунистов как чудовище-Путин. Если нужен какой-нибудь образец абсолютного имморализма, мертвенной жестокости и цинизма в борьбе за власть — то Путин будет идеальным образцом. В том же интервью по тому, как Путин говорит о Хрущеве видно его истинное отношение и к Хрущеву и к Солженицыну, к перестройке Горбачева — предатели Родины. Тогда как Сталина и соответственно его ГУЛАГи режим Путина идеализировал и возвел в культ поклонения патриотов. В целом ни для кого не секрет, что режим Путина идет назад к тоталитаризму коммунистов, оправдывая и опираясь на кровавый режим Сталина, и осуждает как предателей Родины Хрущева, Солженицына, Горбачева. Один из «бесогонов» Михалкова был посвящен Горбачеву и Ельцину как предателям Родины, где требовалось публичное юридическое и моральное осуждение этих людей в назидание всему населению.

А. Шлезингер, «Циклы американской истории»:

> «Мало что вызвало в мировом общественном мнении больше надежд, удивления и цинизма, чем
> выдвижение прав человека в качестве международной проблемы. Для критиков оказалось легким
> делом разоблачать сомнительность, тенденциозность и противоречивость кампании за права
> человека. Тем не менее, несмотря на всю свою непоследовательность, эта кампания прочно
> закрепила проблему прав человека и в повестке дня мировой политики, и в совести человечества. Это — очень примечательное достижение, если рассматривать его на фоне тех мрачных веков, в
> течение которых бесчеловечность в отношениях между людьми воспринималась как нечто
> заурядное. Оно тем более примечательно, что произошло это в один из самых бесчеловечных
> веков.
> в кровавом XX в. росло убеждение, что преступления против человечности
> действительно носят «всемирно значимый характер» и касаются

всех и каждого. Идеи Вильсона в
целом как бы благословляли подобные подходы, хотя Вильсон сдвинул общественный интерес в
сторону проблемы самоопределения наций. Тем временем шло формирование концепции
международной заинтересованности в защите *индивидуальных* прав. Восьмая Конференция
американских государств (1938) приняла резолюцию «в защиту прав человека». «Четыре свободы»
Франклина Рузвельта (1941) формулировались применительно к людям, а не к нациям и включали
в себя не только свободу слова и вероисповедания, но и свободу от нужды («экономические
договоренности, которые гарантируют каждой нации в мирное время полноценную и здоровую
жизнь») и свободу от страха (перед военной агрессией). «Третья свобода» Рузвельта, дополнением
к которой стал его «экономический билль о правах» (1944), вскоре выросла в идею о социальных и
экономических правах, которых следует добиваться наряду с традиционными правами из «Билля
о правах». «Декларация Объединенных Наций» (1942) призывала к «полной победе», с тем чтобы
наряду с остальными «сохранить права человека». А статьи 55 и 56 Устава ООН (1945) включили
в себя обязательства наций-членов по совместным и самостоятельным действиям по обеспечению
«прав человека».
Идея прав человека, как почти все остальное,:вскоре стала использоваться в «холодной войне».
Демократические государства обрушились на коммунистический мир за попрание гражданских и
политических прав; коммунистический мир обрушился на демократические государства за их
пренебрежение социальными и экономическими правами. В этом контексте права человека начали
превращаться в одну из тем американской внешней политики. Так, Кеннеди в своей речи при
вступлении в должность говорил о новом поколении американцев, «которые не желают на-
блюдать, как медленно сводятся на нет все те права человека, которым эта нация традиционно

была привержена». Права человека рассматривались и как один из аспектов
разрядки. Так, в 1963г. Кеннеди поставил вопрос следующим образом: «Не относится ли мир в
конечном счете по сути своей к правам человека?» « Поскольку права человека неделимы, —
заявил Кеннеди в ООН за два месяца до рокового выстрела в Далласе, — данная организация не
может стоять в стороне, когда эти права попираются и игнорируются кем бы то ни было из
государств-членов
Что заставило мир заняться проблемой прав человека в 70-е годы, так это смелость диссидентов в
Советском Союзе. Сахаров, Солженицын, братья Медведевы и другие отважные люди явили
собой вызов, брошенный совести демократического мира, — вызов, подобный тому, который
бросили за столетие до этого Кошут и герои 1848 г
Можно догадаться, что Картер в поисках морального содержания американской внешней
политики, которого она была лишена при Никсоне, подошел к правам человека как к
превосходному объединяющему принципу. Этот принцип прямо отвечал как наиболее острым
тревогам современности, так и лучшим американским традициям. Он был призван восстановить
международные моральные позиции Америки, которые, к большому прискорбию, были заметно
подорваны войной во Вьетнаме, уотергейтским скандалом, поддержкой диктатур, заговорами ЦРУ
с целью убийств и т. д. Он также сулил обеспечить консенсус внутри страны по вопросам внешней
политики. Эта доктрина удовлетворяла запросам как сторонников «холодной войны», жаждавших
осуждения коммунистического мира, так и идеалистов, видевших в правах человека единственно
возможную основу прочного мира. Этим объясняются броские слова его речи по поводу вступления в должность президента: «Поскольку мы свободны, мы никак не можем быть безразличны к судьбе свободы в других местах... Наша приверженность правам человека должна быть абсолютной» (Картер, кроме того, заявил, что у Соединенных Штатов есть особый долг «брать на себя те моральные обязатель-

ства, которые, как представляется, неизменно отвечают нашим насущным интересам». Ирония, похоже, не была осознанной).

В защиту прав человека была развернута кампания, сопровождаемая шумными эффектами —
письмо президента Сахарову, встреча в Белом доме с Владимиром Буковским, смелые декларации
о принципах прав человека. Но вскоре начались неприятности. Сама идея, как быстро обнаружили
критики, не была «продуманной». Возможно, это оказалось и к лучшему. Если бы новый
президент конфиденциальным порядком передал ее на предмет исследования в государственный
департамент, то вполне вероятно, что никакой кампании по правам человека вообще не было бы.

Эта кампания, которую трудно было назвать политикой, подняла и другие проблемы. Возник
вопрос о ее воздействии на Советский Союз. «То, что мы сейчас видим, — заявил в интервью одному англичанину в ноябре 1978 г. Георгий Арбатов, постоянный
консультант Кремля по вопросам, связанным с Америкой, — представляет собой настойчивые
усилия по вмешательству во внутренние дела Советского Союза и попытку причинить вред
некоторым, нашим институтам. Проводится это такими способами, которые вызвали бы в США
серьезное возмущение, если бы мы предприняли то же самое»20. Это, конечно, была абсурдная
жалоба в устах представителя страны, которая более полувека настойчиво пыталась вмешиваться
во. внутренние дела Америки и стремилась причинить вред американским институтам (особенно
абсурдная ввиду хорошо известного Арбатову факта, что такое вмешательство давным-давно
вызывало «серьезное возмущение» в Соединенных Штатах).

Первоначальная политика Рейгана была большой находкой для Москвы. Поддержка Америкой
непопулярных деспотов отталкивала от нее демократических союзников и усиливала позиции
марксистских революционеров. Глубинное философское различие между Советским Союзом и
Соединенными Штатами лежит именно в области прав человека. Приверженность

индивидуальной свободе и достоинству человека постоянный источник привлекательности
Америки для мира. Сахаров — чье еще свидетельство может быть убедительней? — под-
тверждает, что Советский Союз является главной силой тоталитарной угрозы, но добавляет, что
«глобальный характер» американской кампании за права человека «особенно важен, имея в виду
попытку применения единых правовых и моральных критериев к нарушениям прав человека в
любом регионе мира — будь то Латинская Америка, Азия, Африка, социалистические страны или
же собственная страна». Зачем Америке опекать свою собственную шайку убогих диктаторов,
изменять своей исторической приверженности правам человека и лишать себя своего величайшего
преимущества в борьбе с Советским Союзом?
Очень быстро кампания за права человека выдохлась и была предана гневному суду,
образованному специально для нее. С готовностью и охотой она была осуждена за лицемерие,
двойные стандарты, подрыв разрядки, ослабление стойких антикоммунистических союзов,
культурный империализм, расизм, мессианство и т. д. Неудивительно, что эта инициатива, сильно
пострадавшая от столкновений с неразрешимыми ситуациями, от убедительной критики и споров
по частностям между теми, кто ее первоначально поддерживал, стала представляться селективной,
непредсказуемой и полной противоречий
Отрицательные последствия кампании за права человека конца 70-х годов были явно
преувеличены. Хотя эта кампания весьма раздражала Советский Союз, она не оказала решающего
влияния на советский подход к разрядке. Не приходится также както увязывать свержение шаха и
Сомосы с озабоченностью американцев правами человека. На самом деле, как отмечалось, оба
деспота получали от администрации Картера наряду с упреками и похвалы. Их обоих свергли бы и
в том случае, если бы Вашингтон не произнес ни единого слова насчет прав человека. Воздействие

на Соединенные Штаты также преувеличивалось. На практике кампания защиты прав человека
оказалась отнюдь не «крестовым походом», а американское мессианство осталось вполне под
контролем.
Также ни в коей мере не является очевидным то, что защита прав человека — это форма
культурного империализма. Если утверждение, что такие права универсальны, а не являются
просто локальным предрассудком носителей европейской культуры, живущих по обе стороны
Северной Атлантики, подразумевает расистское высокомерие, то такая постановка вопроса
подразумевает, что небелые народы просто неспособны оценить преимущества справедливого
судопроизводства, личной свободы и самоуправления, что тоже является расистским вы-
сокомерием. Разумеется, история говорит о том, что демократия оказалась действенной именно в
североатлантическом регионе, но демократические устремления нельзя ограничивать с подобной
легкостью.
Администрация Картера, создав в государственном дет партаменте бюро по правам человека,
институционализировала роль прав человека в американской внешней политике. Помощь
иностранным государствам стала оказываться — в тех случаях, когда не брали верх стратегиче-
ские соображения, — с учетом соблюдения этими государствами прав человека. Прекратилась или
была обставлена строгими ограничениями помощь странам, нарушавшим права человека. В их
числе Куба, Вьетнам, Камбоджа, Чили, Аргентина, Уганда, Мозамбик, Эфиопия, Парагвай и др.
Американские посольства стали пунктами наблюдения за соблюдением прав человека. Эта
политика не всегда носила характер публичных поучений. Когда лидер оппозиции в Южной Корее
Ким Де Юн был в 1980 г. приговорен к смерти, Картер приватным порядком информировал
южнокорейское правительство, что эта казнь способна серьезно испортить отношения между

двумя странами. Южнокорейский президент указал, что если американское заступничество не
станет достоянием общественности, то Ким Де Юн будет помилован. Так оно и вышло.

Кампания Картера изменила международную атмосферу. Эта кампания была особенно
действенной в Латинской Америке. В ходе поездки Картера в Аргентину и Бразилию через четыре
года после его неудачной попытки пе-реизбраться многие представители политических, журна-
листских и академических кругов благодарили его как своего спасителя. По всему миру кампания
борьбы за права человека вдохновила многих смелых мужчин: и женщин и придала им новые
душевные силы. Она привела к освобождению политических заключенных в Индонезии, Южной
Корее, на Филиппинах и даже за «железным занавесом». Осуществляя постоянные акции в защиту
прав человека, какими бы неравноценными они ни казались, американское правительство в какой-
то мере помогло восстановить утраченную связь между Соединенными Штатами и простыми
людьми планеты.

Поэтому можно сказать, что моральные обязательства в отношении прав человека в большей степени лежат на неправительственных, нежели на правительственных организациях.

Международная амнистия, Международная лига за права человека, Международная комиссия
юристов, группа наблюдения «Хельсинки», группа наблюдения Америки и другие аналогичные
организации взяли на себя огромную работу. Но обеспечением прав человека не должны
заниматься одни лишь правозащитные организации. Церкви, университеты, профсоюзы, группы
бизнесменов — всем им надлежит сыграть свою роль. Особый долг, по моему мнению, лежит на
объединениях лиц по профессиональной принадлежности.

Многие политические заключенные имеют определенную профессию. Когда борцов за права
человека арестовывают, отправляют в трудовые лагеря или заточают в дома для умалишенных,
когда их пытают и убивают, их коллеги по профессии во всем мире

обязаны объединяться в их
защиту. Так поступали: Национальная академия наук, выступившая в защиту Сахарова,
Щаранского и других советских ученых; Американская психиатрическая ассоциация,
протестовавшая против ареста Александра Подраби-нека после опубликования его книги о
заключении советских диссидентов в психиатрические заведения; Всемирная психиатрическая
ассоциация, осудившая злоупотребления психиатрией в политических целях в Советском Союзе и
других странах; пен-клуб, Лига авторов и Ассоциация американских издателей, выступившие с
протестом против подавления свободы в сфере культуры.
Достойно удивления то, что американские ученые, психиатры и издатели оказались гораздо
восприимчивей к вопросам прав человека, чем американские политологи и историки.
Амальрик подтверждал, что «очень важно в психологическом и моральном плане сознавать то, что о тебе знают и ты повсюду известен… Советские власти довольно чувствительны к западному общественному мнению», «Должно присутствовать понимание того, — заявлял сам Солженицын, — что Восток вовсе не безразлично относится к протестам со стороны западного общества. Напротив, он смертельно боится их — и только их». Э.П.Томпсон, специалист по истории английского рабочего класса, отмечал по этому поводу. «Солженицын попросил нас снова поднять свой голос. И мы должны безотлагательно удовлетворить его просьбу… Мы должны снова показать ясно, недвусмысленно, что мы поддерживаем право советских граждан мыслить, общаться и действовать, как мыслят и действуют свободные люди, и что мы с полным презрением относимся к грубому полицейскому надзору за советской интеллектуальной и общественной жизнью». Протесты представителей квалифицированных профессий не следует сосредоточивать лишь на случаях нарушений прав человека в коммунистическом мире».

ГЛАВА 8. СТАТЬЯ БЕРТРАНА РАССЕЛА «16 ВОПРОСОВ УБИЙСТВА ПРЕЗИДЕНТА КЕННЕДИ»

1. Оливер Стоун и Питер Кузник о судебном процессе генерала Смедли Батлера (заговор против Рузвельта)
2. Отчет комиссии Б. Рассела «16 вопросов убийства президента Кеннеди»

Б. Рассел и О. Стоун на стороне левых демократов против правых консерваторов доказывают, что этика ничего не значит для физического контроля правых, который интересуют только количественная абстракция силы — прибыли и власть. И о победе Рузвельта над «романтиками цифр» во времена второй мировой, о принятом при Рузвельте законе, который положил конец наживанию сверхприбылей на трагедии народа. Не то ли же сегодня мы наблюдаем в союзе Путина с западными консерваторами?

Стоун старается в «Интервью с Путиным» выставить Путина «левым» борцом за национальный суверенитет (демократы естественного права никогда не выступают за национальные суверенитеты!!), и где Путин прямо ему говорит, что его старания напрасны, и что он правый консерватор, который считает, что царизм и коммунизм в России — это один и тот же Левиафан и что Путин считает этот Левиафан прекрасным физическим контролем власти и дальше намерен им править; а левую демократию рузвельтов и горбачевых, кеннеди и хрущевых О. Стоун может оставить себе. Прямо он этого не сказал, но весь тон книги об этом.

После этих книг об истории Америки я писала Питеру Кузнику, соавтору Стоуна, отсылала свои книги по теории психической

энергии. Кузник отвечал очень вежливо, обсуждал со мной политику Путина, сочувствовал катастрофе с моим здоровьем, но по поводу моих научных книг извинялся, что не читает по русски. Когда я одну за другой стала посылать ему свои Пять Книг Научной Революции Энергетика На Английском, он больше мне не отвечал.

Однако, я успела послать еще Кузнику статью Рассела «16 вопросов об убийстве Кеннеди» перед тем, как он перестал отвечать. Он прислал мне любезный ответ, что получил, очень благодарен и обязательно отправит Оливеру Стоуну. Скрины этого ответа у меня сохранились, и я их печатала в приложениях в Five Books on Scientific Revolution Energetics in ENglish. Конечно, хоть Кузник обещал что Стоун мне напишет, он так и не написал, и о статье Рассела о Кеннеди тоже так ничего и не опубликовал. Вот теперь я публикую ее сама.

1. ОЛИВЕР СТОУН И ПИТЕР КУЗНИК О СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ ГЕНЕРАЛА СМЕДЛИ БАТЛЕРА (ЗАГОВОР ПРОТИВ РУЗВЕЛЬТА)

О. Стоун, П. Кузник, «Нерассказаная история Америки»:

> «Американская лига свободы была «детищем» семьи Дюпон — братьев Иренэ, Пьера и Ламмота, а также их свойственника, менеджера высшего звена Роберта Карпентера. Последний обвинил Рузвельта в том, что президент пляшет под дудку «Феликса Франкфуртера и 38 его жалких псов — банды еврейских профессоров-фанатиков и коммунистов». Американская лига свободы была официально зарегистрирована в августе 1934 года как организация, объявившая своей целью борьбу с радикализмом и защиту Конституции США и права на собственность. В ее исполком, возглавляемый бывшим председателем исполнительного комитета Демократической партии Джуэттом Шаузом, вошли Иренэ Дюпон, Эл Смит, Джон Дэвис, бывший губернатор Нью-Йорка Натан Миллер и конгрессмен-республиканец от штата Нью-Йорк Джеймс Уодсворт-младший. Шауз объявил о намерениях организации принять в свои ряды от 2 до 3 миллионов членов, а также сотни тысяч спонсоров. Лига развернула масштабную, хотя и безрезультатную «просветительную» кампанию,

участники которой в течение последующих нескольких лет пытались задушить либеральное движение в США. Тем не менее изначальные планы роста рядов Лиги оказались чрезмерно завышенными: привлечь удалось всего 125 тысяч членов и 27 тысяч спонсоров. При этом большинство вступивших в Лигу не проявляли никакой активности, а спонсировать Лигу пришлось преимущественно самим Дюпонам и другим предпринимателям правых взглядов. Помимо всего этого, репутацию Американской лиги свободы серьезно подмочили два разгромных расследования, проведенные конгрессом в 1934 и 1935 годах

Первое расследование провели быстро, но выводы, сделанные в результате, потрясали. В ноябре 1934 года отставной генерал морской пехоты Смедли Батлер, удостоенный многочисленных наград, заявил на заседании специального комитета палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности, что Уильям Дойл, командир массачусетского подразделения Американского легиона, и биржевой брокер Джеральд Магуайр пытались вовлечь его в заговор с целью проведения военного переворота и свержения правительства Рузвельта. Пол Комли Френч, журналист изданий *New York Evening Post* и *Philadelphia Record*, подтвердил показания Батлера, заявив, что собственными ушами слышал, как Магуайр говорил следующее: «Нашей стране нужно фашистское правительство, без него нам не спасти нацию от коммунистов, которые разрушат ее и превратят в прах все, что нам удалось построить. Единственные, кому хватит патриотизма для такого поступка, — это солдаты, для которых идеальным командиром будет Смедли Батлер. Он за одну ночь сумеет создать миллионную армию». Макгуайр даже ездил во Францию, чтобы перенять опыт фашистского движения среди ветеранов войны — оно представлялось ему лучшим примером для американской армии, и этот пример Батлер должен был воплотить в жизнь.

Однако генерал отказал Магуайру. «Если вы сумеете найти 500 тысяч солдат, готовых встать на защиту фашистских идеалов, — пригрозил он, — я выставлю против вас столько же, и мы выбьем из вас эту дурь. В стране начнется настоящая гражданская война». В ходе расследования выяснилось, что Дойл и Магуайр были лишь представителями тех самых банкиров и промышленников, сторонников Моргана и Дюпонов, которые основали Американскую лигу свободы. Магуайр упорно отрицал свою вину, и нью-йоркский мэр Фьорелло Ла Гуардиа насмешливо окрестил эту историю «путчем за коктейлем». Партнер Моргана Томас Ламонт отозвался об обвинениях Батлера так: «Полный бред! Нелепица, здесь не о чем даже говорить!» Но Джеймс Ван Зандт, национальный командующий

Американским легионом и будущий конгрессмен, поддержал Батлера, заявив, что «агенты Уолл-стрит» и к нему обращались с подобными предложениями.

Заслушав показания, комитет палаты представителей во главе с Джоном Маккормаком от штата Массачусетс сообщил, что ему «удалось подтвердить все относящиеся к данному делу заявления генерала Батлера», за исключением прямых подстрекательств генерала со стороны Магуайра, что не вызвало сомнений у членов комитета. Председатель сделал вывод, что «попытки установить фашистский режим в США... обсуждались, планировались и могли быть приведены в исполнение, когда и если спонсоры сочли бы это необходимым». Не может не удивить, что комитет не вызвал для дачи показаний никого из замешанных в заговоре, хотя в ходе расследования были названы их имена: полковник Грейсон Мерфи, генерал Дуглас Макартур, Эл Смит, бывший командир Американского легиона Хэнфорд Макнайдер, Джон Дэвис, Хью Джонсон и Томас Ламонт. Батлера также возмутило то, что ни одно из этих имен не попало в итоговый отчет комитета».

О. Стоун, П. Кузник, «Нерассказаная история Америки»:

«Председателем на слушаниях по второму делу, которые хотя и начались раньше, но затянулись надолго, стал сенатор от Северной Дакоты Джеральд Най. Сенатором он стал после смерти предшественника, а впоследствии дважды избирался в сенат. Он сразу присоединился к прогрессивной фракции, став соратником Джорджа Норриса, Уильяма Боры и Роберта Лафоллета. Они стремились избежать таких международных обязательств, которые могли втянуть США в мировую войну. Выступали они и против использования вооруженных сил ради защиты зарубежных инвестиций американских бизнесменов. В феврале 1934 года Най предложил конгрессу начать расследование, ставшее одним из самых знаменательных за всю историю США. Он призвал сенатский комитет по внешней политике расследовать деятельность отдельных лиц и корпораций, связанных с производством и продажей оружия, боеприпасов и иных средств ведения войны. Объектами расследования должны были стать производители стали, самолетов и автомобилей, изготовители оружия и боеприпасов и судостроительные компании.

Прогрессивные организации сплотились в поддержку слушаний. Журналист *Railroad Telegrapher* описывает в своей статье праведный гнев, который многие рабочие по-прежнему испытывали к производителям боеприпасов спустя 15 лет после окончания Первой мировой войны: «Американцы встали на путь освобождения от системы,

которая приветствует войны, истребляет и калечит миллионы людей, чтобы избранные смогли нажить столь желанное состояние, и заставляет своих граждан грязнуть в долгах… Миллионы простых рабочих отправляют на всевозможные войны, в грязь окопов, кишащих вшами и залитых кровью, в то время как большие начальники набивают карманы, а их сыновья получают звание офицера. А после, когда война подходит к концу, налоги платит именно рабочий класс — снова, снова и снова». В редакторской статье под названием «Корпорация убийств» газета *The New Republic* призвала представителей комитета проследить «ужасные следы кровавых денег… Они берут начало там, где есть жажда наживы, где упивается кровью бесконечная мировая сеть корпорации убийств»

Рузвельт одобрил проведение комитетом соответствующих слушаний и попытался на международном уровне обуздать, по его собственным словам, «безумную гонку вооружений, которая может вылиться в новую войну, если ее не остановить». «Эта смертельная угроза миру во всем мире, — добавил он, — возникла по большей части из-за бесконтрольной деятельности производителей и поставщиков орудий разрушения»[68].

По поручению комитета 80 экспертов и бухгалтеров изучили от корки до корки документы крупнейших корпораций США. Результаты расследования поразили членов комитета до глубины души. Сенатор Поуп пообещал, что людей «потрясет история алчности, интриг, пропаганды военного психоза и лоббирования, которые будут обнародованы» во время слушаний. Он добавил, что информация «шокирует всю страну»[69]. 12 сентября Феликс, Иренэ, Ламмот и Пьер Дюпоны предстали перед комитетом, где им пришлось отчитаться в огромных прибылях, полученных в годы войны. С 1915 по 1918 год компания получила заказы на общую сумму в 1,245 миллиарда долларов, что на 1130% превысило доход от продаж компании за четыре года до начала Первой мировой войны[71]. В то же время Дюпоны выплатили вкладчикам дивиденды в размере 458% от номинальной стоимости акций.

На слушаниях раскрывались все новые и новые подробности. Американские и зарубежные поставщики оружия распределили между собой внешние рынки, заключив соответствующие картельные соглашения и поделив прибыль. Это они разработали те самые немецкие подводные лодки, которые топили корабли Антанты во время Первой мировой войны. А уже в недавнее время, как оказалось, американские компании стали перевооружать нацистскую Германию. Согласно показаниям сотрудников United Aircraft и Pratt and Whitney, они продавали немцам самолеты и бортовую аппаратуру

в целях не военного, а коммерческого использования. Най отнесся к их заверениям весьма скептически. «То есть вы хотите сказать, — спросил он, — что за все время переговоров вам и в голову не пришло, что Германия закупает боевую технику для военных целей? «[73] Затем Государственный секретарь Корделл Хэлл напомнил присутствующим на слушаниях о том, что с 1921 года правительство США категорически возражает против поставок любой военной техники в Германию.

Совершенно неожиданно Рузвельт законопроект одобрил, хотя госсекретарь Корделл Хэлл советовал ему воздержаться от поддержки законопроектов, непосредственно направленных на лишение американских предпринимателей военной прибыли.

Итак, заручившись поддержкой президента, члены комитета решили придать своим предложениям силу закона. Предварительные положения включали: стопроцентный налог на весь доход свыше 10 тысяч долларов и немалые налоги на более скромную прибыль; налог в объеме 50% на первые 6% прибыли корпораций и 100% — на прибыль свыше 6%; призыв сотрудников корпораций на военную службу, прекращение работы всех фондовых бирж на период войны, запрет на любые спекуляции предметами потребления, государственный контроль над ключевыми отраслями промышленности и сферы услуг. В своем выступлении перед членами комитета Флинн заявил, что «военную прибыль, взвинчивание цен и варварскую борьбу за бесчестную наживу на национальном бедствии можно предотвратить лишь одним способом: зарубив на корню инфляцию. В 1917 и 1918 годах мы уже позволили себе ввязаться в войну, по счетам которой расплачиваются наши дети и внуки. В грядущей войне мы должны повести себя разумно, как существа цивилизованные: пускай в то время, как одна часть населения нашей державы — армия — сражается на поле боя, другая — мирные жители — платит по счетам»[90].

Когда палата представителей уже была готова проголосовать за более умеренный законопроект Максвейна, начался кромешный ад. Оппозиция зазвонила во все колокола. Газета *New York Times* сообщала: «Антивоенные настроения настолько захватили палату представителей, что изначальное предложение Максвейна изменили до неузнаваемости». И действительно: в результате внесения ряда поправок законопроект теперь вводил налог в размере 100% на военную сверхприбыль, правительственный контроль над финансовыми и материальными ресурсами государства, призыв на военную службу служащих промышленных, торговых, транспортных компаний, а также компаний, обеспечивающих связь[92]. Палата представи-

телей приняла этот законопроект, оговорив, что призыву подлежат все мужчины в возрасте от 21 года до 45 лет, за исключением административного состава компаний. Текст составили таким образом, чтобы его можно было легко дополнить положениями из более радикального законопроекта Ная»

Н. Хомский, «Системы власти»:

«На двери вашего кабинета в Массачусетском технологическом институте приклеена табличка со знаменитым изречением генерала Смедли Батлера, кавалера двух медалей Почета, участника многих американских вторжении в другие страны — от Китая до Никарагуа. Табличка гласит: «Война — просто грабеж, рэкет, в котором меньшинство получает выгоду, а большинству приходится платить».

И в самом деле генерал очень выразительно определил войну как своеобразный грабеж с угрозами: рэкет. Он говорит: «Я был рэкетиром капитализма» — и описывает роль, сыгранную им во многих вторжениях. Очень своевременный пример — Гаити. Когда в 1915 году президент Вудро Вильсон санкционировал ввод войск на Гаити, Смедли Батлер был одним из американских командующих, высадившихся на острове. Правда, возглавляли эту военную экспедицию другие люди, но генерал был тем самым офицером, которого Вудро Вильсон послал разогнать гаитянский парламент, отказавшийся принять написанную Соединенными Штатами конституцию, что разрешала американским корпорациям за бесценок скупать все земли на Гаити. Эта мера в те дни считалась весьма передовой. Великие политические мыслители заявляли: Гаити необходимы зарубежные капиталовложения, чтобы развиваться. Но ведь нельзя же было ожидать, что американские дельцы вложат свои деньги в Гаити раньше, чем завладеют страной. Значит, необходимо ввести передовое законодательство. А отсталые люди этого не понимают, вот мы и вынуждены распустить островной парламент. Батлер рассказывал: парламент Гаити распустили наипростейшим способом из тех, какими всегда пользовались в подобных случаях североамериканские морские пехотинцы, — ударами прикладов и нацеленным пулеметом. Затем упомянутые морские пехотинцы, возглавляемые Батлером, провели всенародный референдум, в ходе которого 99,9% гаитян высказались в пользу новой конституции, предложенной США. Правда, во всенародном референдуме участвовало только 5% народа, а именно — гаитянские богачи, сливки островного общества. Кампанию объявили великим демократическим достижением. Гаитянские события привели к тому, что местное население лишилось собственной земли и люди поголовно превратились в заводских ра-

бочих, стоящих у конвейера, — тогдашние передовые мыслители считали это «сравнительным преимуществом» для подобного рода «двуногих животных». Вдобавок ко всему этому «на закуску» — без малого столетие спустя — произошло еще и ужасное стихийное бедствие, свидетелями которого мы стали в январе 2010 года: землетрясение на Гаити.
В последующие годы Батлер очень озлобился. Он предотвратил покушение на президента Франклина Делано Рузвельта — попытку государственного переворота, которую намечали деловые круги страны. Генерал вмешался и пресек заговор. Его проклинали за то, что выступил против переворота. Батлер был истинно американским героем».

2. ОТЧЕТ КОМИССИИ Б. РАССЕЛА «16 ВОПРОСОВ УБИЙСТВА ПРЕЗИДЕНТА КЕННЕДИ»

Б. Рассел, «Военные преступления во Вьетнаме»:

«Америка во главе с Рузвельтом и Уоллесом ведет политику против Британской империи, и за американские интересы в Индо-Китае. Планы Черчиля о восстановлении Британской империи ему не нравятся. Америка враждебна режиму колонизации по своей философии демократической страны. Где внешне приемлемы только принципы равной торговли и конкуренции. Поэтому принимает политику отличную от политики откровенной эксплуатации Франции. Политику сотрудничества с местными элитами и управления через местную культуру. Рузвельт поддержал освободительную войну компартии Хо Ши Мина. И вскоре Хо Ши Мин занял большую часть Вьетнама и признан государственной национальной властью. Конечно, Рузвельту известно, что это компартия Вьетнама. Более того, в конвенции 1944 года Демократической партии США победили консервативные элементы. На место Генри Уоллеса пришел Гарри Трумен, и, соответственно, важные перемены имели место в Госдепартаменте. Другая внешняя политика была взята на вооружение. Смерть Рузвельта сделала перемены персонала и политики более решительными»

Б. Рассел, «Автобиография»:
16 questions of the assassination

«The official version of the assassination of President Kennedy has been so
riddled with contradictions that it has been abandoned and rewritten no less
than three times. Blatant fabrications have received very widespread coverage
by the mass media, but denials of these same lies have gone unpublished.
Photographs, evidence and affidavits have been doctored out of recognition.
Some of the most important aspects of the case against Lee Harvey Oswald have
been completely blacked out. Meanwhile the FBI, the police and the Secret
Service have tried to silence key witnesses or instruct them what evidence to
give. Others involved have disappeared or died in extraordinary circumstances.
It is facts such as these that demand attention, and which the Warren Commission should have regarded as vital. Although I am writing before the
publication of the Warren Commission's report, leaks to the press have made
much of its contents predictable. Because of the high office of its members
and the fact of its establishment by President Johnson, the Commission has
been widely regarded as a body of holy men appointed to pronounce the
Truth. An impartial examination of the composition and conduct of the Commission suggests quite otherwise.
The Warren Commission has been utterly unrepresentative of the American
people. It consisted of two Democrats, Senator Russell of Georgia and Congressman
Boggs of Louisiana, both of whose racist views have brought shame
on the United States; two Republicans, Senator Cooper of Kentucky and Congressman
Gerald R. Ford of Michigan, the latter of whom is leader of his local
Goldwater movement, a former member of the FBI and is known in Washington
as the spokesman for that institution; Allen Dulles, former director of the

CIA; and Mr McCloy, who has been referred to as the spokesman for the business community. Leadership of the filibuster in the Senate against the Civil Rights Bill prevented Senator Russell attending a single hearing during this period. The Chief Justice of the United States Supreme Court, Earl Warren, who rightly commands respect, was finally persuaded, much against his will, to preside over the Commission, and it was his involvement above all else that helped lend the Commission an aura of legality and authority. Yet many of its members were also members of those very groups which have done so much to distort and suppress the facts about the assassination.

Because of their connection with the Government, not one member would have been permitted under American law to serve on a jury had Oswald faced trial.

It is small wonder that the Chief Justice himself remarked: «You may never know all of the facts in your life time.» Here, then, is my first question: *Why were all the members of the Warren Commission closely connected with the ☒☒ Government.*

If the composition of the Commission was suspect, its conduct confirmed one’s worst fears. No counsel was permitted to act for Oswald, so that crossexamination was barred. Later, under pressure, the Commission appointed the President of the American Bar Association, Walter Craig, one of the leaders of the Goldwater movement in Arizona, to represent Oswald. To my knowledge he did not attend a single hearing, but satisfied himself with representation by observers. In the name of national security, the Commission’s hearings were held in secret, thereby continuing the policy which has marked the entire course of the case. This prompts my second question: *If, as we are told, Oswald was the lone assassin, where is the issue of national security?*

Indeed, precisely the same question must be put here as was posed in France during the Dreyfus case: *If the Government is so certain of its case, why has it conducted all its enquiries in the strictest secrecy?*

At the outset the Commission appointed six panels through which it would conduct its enquiry. They considered: (1) What did Oswald do on November 22, 1963? (2) What was Oswald's background? (3) What did Oswald do in the ☒☒ Marine Corps, and in the Soviet Union? (4) How did Ruby kill Oswald? (5) What is Ruby's background? (6) What efforts were taken to protect the President on November 22? This raises my fourth question:

Why did the Warren Commission not establish a panel to deal with the question of who killed President Kennedy?

All the evidence given to the Commission has been classified «Top Secret', including even a request that hearings be held in public. Despite this the Commission itself leaked much of the evidence to the press, though only if the evidence tended to prove Oswald was the lone assassin. Thus Chief Justice Warren held a press conference after Oswald's wife Marina, had testified, he said, that she believed her husband was the assassin. Before Oswald's brother Robert, testified, he gained the Commission's agreement never to comment on what he said. After he had testified for two days, Allen Dulles remained in the hearing room and several members of the press entered. The next day the newspapers were full of stories that «a member of the Commission' had told the press that Robert Oswald had just testified that he believed that his brother was an agent of the Soviet Union. Robert Oswald was outraged by this, and said that he could not remain silent while lies were told about his

testimony. He had never said this and he had never believed it. All that he had
told the Commission was that he believed his brother was in no way involved
in the assassination.
The methods adopted by the Commission have indeed been deplorable,
but it is important to challenge the entire role of the Warren Commission. It
stated that it would not conduct its own investigation, but rely instead on the
existing governmental agencies — the FBI, the Secret Service and the Dallas
police. Confidence in the Warren Commission thus presupposes confidence
in these three institutions. *Why have so many liberals abandoned their own responsibility
to a Commission whose circumstances they refuse to examine?*
It is known that the strictest and most elaborate security precautions
ever taken for a President of the United States were ordered for November
22 in Dallas. The city had a reputation for violence and was the home
of some of the most extreme right-wing fanatics in America. Mr and
Mrs Lyndon Johnson had been assailed there in 1960 when he was a candidate
for the Vice-Presidency. Adlai Stevenson had been physically attacked
when he spoke in the city only a month before Kennedy's visit. On the
morning of November 22, the Dallas *Morning News* carried a full-page advertisement
associating the President with communism. The city was covered
with posters showing the President's picture and headed «Wanted for Treason'.
The Dallas list of subversives comprised 23 names, of which Oswald's
was the first. All of them were followed that day, except Oswald. *Why did the
authorities follow as potential assassins every single person who had ever spoken out publicly in
favour of desegregation of the public school system in Dallas, and fail to observe Oswald's entry
into the book depository building while allegedly carrying a rifle over four feet long?*
The President's route for his drive through Dallas was widely known and

was printed in the Dallas *Morning News* on November 22. At the last minute the Secret Service changed a small part of their plans so that the President left Main Street and turned into Houston and Elm Streets. This alteration took the President past the book depository building from which it is alleged that Oswald shot him. How Oswald is supposed to have known of this change has never been explained. *Why was the President's route changed at the last minute to take him past Oswald's place of work?*

After the assassination and Oswald's arrest, judgement was pronounced swiftly: Oswald was the assassin, and he had acted alone. No attempt was made to arrest others, no road blocks were set up round the area, and every piece of evidence which tended to incriminate Oswald was announced to the press by the Dallas District Attorney, Mr Wade. In such a way millions of people were prejudiced against Oswald before there was any opportunity for him to be brought to trial. The first theory announced by the authorities was that the President's car was in Houston Street, approaching the book depository building, when Oswald opened fire. When available photographs and eye-witnesses had shown this to be quite untrue, the theory was abandoned and a new one formulated which placed the vehicle in its correct position.

Meanwhile, however, ⊠⊠ Wade had announced that three days after Oswald's room in Dallas had been searched, a map had been found there on which the book depository building had been circled and dotted lines drawn from the building to a vehicle on Houston Street. After the first theory was

proved false, the Associated Press put out the following story on November 27: «Dallas authorities announced today that there never was a map. Any reference to the map was a mistake.»

The second theory correctly placed the President's car on Elm Street, 50 to 75 yards past the book depository, but had to contend with the difficulty that the President was shot from the front, in the throat. How did Oswald manage to shoot the President in the front from behind? The ☒☒☒ held a series of background briefing sessions for *Life* magazine, which in its issue of December 6 explained that the President had turned completely round just at the time he was shot. This, too, was soon shown to be entirely false. It was denied by several witnesses and films, and the previous issue of *Life* itself had shown the President looking forward as he was hit. Theory number two was abandoned.

In order to retain the basis of all official thinking, that Oswald was the lone assassin, it now became necessary to construct a third theory with the medical evidence altered to fit it. For the first month no Secret Service agent had ever spoken to the three doctors who had tried to save Kennedy's life in the Parkland Memorial Hospital. Now two agents spent three hours with the doctors and persuaded them that they were all misinformed: the entrance wound in the President's throat had been an exit wound, and the bullet had not ranged down towards the lungs. Asked by the press how they could have been so mistaken, Dr McClelland advanced two reasons: they had not seen the autopsy report — and they had not known that Oswald was behind the President!

The autopsy report, they had been told by the Secret Service, showed

that Kennedy had been shot from behind. The agents, however, had refused to
show the report to the doctors, who were entirely dependent upon the word
of the Secret Service for this suggestion. The doctors made it clear that they
were not permitted to discuss the case. The third theory, with the medical
evidence rewritten, remains the basis of the case against Oswald. *Why has the*
medical evidence concerning the President's death been altered out of recognition?
Although Oswald is alleged to have shot the President from behind, there
are many witnesses who are confident that the shots came from the front.
Among them are two reporters from the Fort Worth *Star Telegram*, four from
the Dallas *Morning News*, and two people who were standing in front of the
book depository building itself, the director of the book depository and the
vice-president of the firm. It appears that only two people immediately
entered the building, the director, Mr Roy S. Truly, and a Dallas police officer,
Seymour Weitzman. Both thought that the shots had come from in front of
the President's vehicle. On first running in that direction, Weitzman was
informed by «someone' that he thought the shots had come from the building,
so he rushed back there. Truly entered with him in order to assist with
his knowledge of the building. Mr Jesse Curry, however, the Chief of Police in
Dallas, has stated that he was immediately convinced that the shots came
from the building. If anyone else believes this, he has been reluctant to say so
to date. It is also known that the first bulletin to go out on Dallas police radios
stated that «the shots came from a triple overpass in front of the presidential

automobile'. In addition, there is the consideration that after the first shot the
vehicle was brought almost to a halt by the trained Secret Service driver, an
unlikely response if the shots had indeed come from behind. Certainly Mr
Roy Kellerman, who was in charge of the Secret Service operation in Dallas
that day, and travelled in the presidential car, looked to the front as the shots
were fired. The Secret Service have removed all the evidence from the car, so it
is no longer possible to examine the broken windscreen. *What is the evidence to
substantiate the allegation that the President was shot from behind?*
Photographs taken at the scene of the crime could be most helpful. One
young lady standing just to the left of the presidential car as the shots were
fired took photographs of the vehicle just before and during the shooting,
and was thus able to get into her picture the entire front of the book depository
building. Two FBI agents immediately took the film from her and have
refused to this day to permit her to see the photographs which she took. *Why
has the* FBI *refused to publish what could be the most reliable piece of evidence in the whole case?*
In this connection it is noteworthy also that it is impossible to obtain the
originals of photographs of the various alleged murder weapons. When *Time*
magazine published a photograph of Oswald's arrest — the only one ever seen —
the entire background was blacked out for reasons which have never been
explained. It is difficult to recall an occasion for so much falsification of photographs as has happened in the Oswald case.
The affidavit by police officer Weitzman, who entered the book depository
building, stated that he found the alleged murder rifle on the sixth floor.

(It was at first announced that the rifle had been found on the fifth floor, but
this was soon altered.) It was a German 7.65mm. Mauser. Later the following
day, the FBI issued its first proclamation. Oswald had purchased in March
1963 an Italian 6.5mm. carbine. ☒☒ Wade immediately altered the nationality
and size of his weapon to conform to the FBI statement.
Several photographs have been published of the alleged murder weapon.
On February 21, *Life* magazine carried on its cover a picture of «Lee Oswald
with the weapon he used to kill President Kennedy and Officer Tippett'. On
page 80, *Life* explained that the photograph was taken during March or April
of 1963. According to the FBI, Oswald purchased his pistol in September 1963.
The *New York Times* carried a picture of the alleged murder weapon being taken
by police into the Dallas police station. The rifle is quite different. Experts
have stated that it would be impossible to pull the trigger on the rifle in *Life*'s
picture. The *New York Times* also carried the same photograph as *Life*, but left
out the telescopic sights. On March 2, *Newsweek* used the same photograph but
painted in an entirely new rifle. Then on April 13, the Latin American edition
of *Life* carried the same picture on its cover as the ☒☒ edition had on February
21, but in the same issue on page 18 it had the same picture with the rifle
altered. *How is it that millions of people have been misled by complete forgeries in the press?*
Another falsehood concerning the shooting was a story circulated by the
Associated Press on November 23 from Los Angeles. This reported Oswald's
former superior officer in the Marine Corps as saying that Oswald was a crack

shot and a hot-head. The story was published everywhere. Three hours later ☒☒ sent out a correction deleting the entire story from Los Angeles. The officer had checked his records and it had turned out that he was talking about another man. He had never known Oswald. To my knowledge this correction has yet to be published by a single major publication.

The Dallas police took a paraffin test of Oswald's face and hands to try to establish that he had fired a weapon on November 22. The Chief of the Dallas Police, Jesse Curry, announced on November 23 that the results of the test «proves Oswald is the assassin'. The Director of the FBI in the Dallas–Fort Worth area in charge of the investigation stated: «I have seen the paraffin test. The paraffin test proves that Oswald had nitrates and gun-powder on his hands and face. It proves he fired a rifle on November 22.» Not only does this unreliable test not prove any such thing, it was later discovered that the test on Oswald's face was in fact negative, suggesting that it was unlikely he fired a rifle that day. *Why was the result of the paraffin test altered before being announced by the authorities?*

Oswald, it will be recalled was originally arrested and charged with the murder of Patrolman Tippett. Tippett was killed at 1.06 p.m. on November 22 by a man who first engaged him in conversation, then caused him to get out of the stationary police car in which he was sitting and shot him with a pistol. Miss Helen L. Markham, who states that she is the sole eye-witness to this crime, gave the Dallas police a description of the assailant. After signing

her affidavit, she was instructed by the FBI, the Secret Service and many police
officers that she was not permitted to discuss the case with anyone. The
affidavit's only description of the killer was that he was a «young white man'.
Miss Markham later revealed that the killer had run right up to her and past
her, brandishing the pistol, and she repeated the description of the murderer
which she had given to the police. He was, she said, «short, heavy and had
bushy hair'. (The police description of Oswald was that he was of average
height, or a little taller, was slim and had receding fair hair.) Miss Markham's
affidavit is the entire case against Oswald for the murder of Patrolman Tippett,
yet District Attorney Wade asserted: «We have more evidence to prove Oswald
killed Tippett than we have to show he killed the President.» The case against
Oswald for the murder of Tippett, he continued, was an absolutely strong
case. *Why was the only description of Tippett's killer deliberately omitted by the police from the*
affidavit of the sole eye-witness?
Oswald's description was broadcast by the Dallas police only 12 minutes
after the President was shot. This raises one of the most extraordinary questions
ever posed in a murder case: *Why was Oswald's description in connection with the*
murder of Patrolman Tippett broadcast over Dallas police radio at 12.43 p.m. on November 22,
when Tippett was not shot until 1.06 p.m.?
According to Mr Bob Considine, writing in the New York *Journal American*,
there had been another person who had heard the shots that were fired at
Tippett. Warren Reynolds had heard shooting in the street from a nearby

room and had rushed to the window to see the murderer run off. Reynolds himself was later shot through the head by a rifleman. A man was arrested for this crime but produced an alibi. His girl-friend, Betty Mooney McDonald, told the police she had been with him at the time Reynolds was shot. The Dallas police immediately dropped the charges against him, even before Reynolds had time to recover consciousness and attempt to identify his assailant. The man at once disappeared, and two days later the Dallas police arrested Betty Mooney McDonald on a minor charge and it was announced that she had hanged herself in the police cell. She had been a striptease artist in Jack Ruby's nightclub, according to Mr Considine.

Another witness to receive extraordinary treatment in the Oswald case was his wife, Marina. She was taken to the jail while her husband was still alive and shown a rifle by Chief of Police Jesse Curry. Asked if it was Oswald's, she replied that she believed Oswald had a rifle but that it didn't look like that.

She and her mother-in-law were in great danger following the assassination because of the threat of public revenge on them. At this time they were unable to obtain a single police officer to protect them. Immediately Oswald was killed, however, the Secret Service illegally held both women against their will. After three days they were separated and Marina has never again been accessible to the public. Held in custody for nine weeks and questioned almost daily by the FBI and Secret Service, she finally testified to the Warren Commission and, according to Earl Warren, said that she believed her husband was the assassin. The Chief Justice added that the next day they intended

to show Mrs Oswald the murder weapon and the Commission was fairly confident that she would identify it as her husband's. The following day Earl Warren announced that this had indeed happened. Mrs Oswald is still in the custody of the Secret Service. To isolate a witness for nine weeks and to subject her to repeated questioning by the Secret Service in this manner is reminiscent of police behaviour in other countries, where it is called brainwashing.

How was it possible for Earl Warren to forecast that Marina Oswald's evidence would be exactly the reverse of what she had previously believed?

After Ruby had killed Oswald, [redacted] Wade made a statement about Oswald's movements following the assassination. He explained that Oswald had taken a bus, but he described the point at which Oswald had entered the vehicle as seven blocks away from the point located by the bus driver in his affidavit.

Oswald, Wade continued, then took a taxi driven by a Darryll Click, who had signed an affidavit. An enquiry at the City Transportation Company revealed that no such taxi driver had ever existed in Dallas. Presented with this evidence, Wade altered the driver's name to William Wahley. Wade has been [redacted] in Dallas for 14 years and before that was an FBI agent. *How does a District Attorney of Wade's great experience account for all the extraordinary changes in evidence and testimony which he has announced during the Oswald case?*

These are only a few of the questions raised by the official versions of the assassination and by the way in which the entire case against Oswald has been conducted. Sixteen questions are no substitute for a full examination of all the factors in this case, but I hope that they indicate the importance of such an

investigation. I am indebted to Mr Mark Lane, the New York criminal Lawyer
who was appointed Counsel for Oswald by his mother, for much of the
information in this article. Mr Lane's enquiries, which are continuing,
deserve widespread support. A Citizens' Committee of Inquiry has been
established in New York3 for such a purpose, and comparable committees are
being set up in Europe.
In Britain I invited people eminent in the intellectual life of the country to
join a «Who killed Kennedy Committee', which at the moment of writing
consists of the following people: Mr John Arden, playwright; Mrs Carolyn
Wedgwood Benn, from Cincinnati, wife of Anthony Wedgwood Benn, ⊠⊠;
Lord Boyd-Orr, former director-general of the UN Food and Agricultural
Organisation and a Nobel Peace Prize winner; Mr John Calder, publisher;
Professor William Empsom, Professor of English Literature at Sheffield University;
Mr Michael Foot, Member of Parliament; Mr Kingsley Martin, former
editor of the *New Statesman*; Sir Compton Mackenzie, writer; Mr J. B. Priestley,
playwright and author; Sir Herbert Read, art critic; Mr Tony Richardson,
film director; Dr Mervyn Stockwood, Bishop of Southwark; Professor Hugh
Trevor-Roper, Regius Professor of Modern History at Oxford University;
Mr Kenneth Tynan, Literary Manager of the National Theatre; and myself.
We view the problem with the utmost seriousness. US Embassies have long
ago reported to Washington world-wide disbelief in the official charges
against Oswald, but this has never been reflected by the American press. No
US television programme or mass circulation newspaper has challenged the
permanent basis of all the allegations — that Oswald was the assassin, and that
he acted alone. It is a task which is left to the American people»

Краткий перевод мой (Тесла Лейла Хугаева Тиникашвили):

Статья «Вопросы убийства Кеннеди», написанная в результате работы комиссии Бертрана Рассела «Кто убил Кеннеди Комитет».

«Официальная версия убийства президента Кеннеди была настолько испещрена противоречиями, что от нее отказывались и переписывали по меньшей мере три раза. Вопиющие фабрикации широко освещались прессой, но опровержения на эту ложь не были допущены к печати. ФотоЭрлии, доказательства и письменные показания вымарали из истории дела и не признали. Наиболее важные аспекты дела против Lee Harvey Oswald полностью умолчали. В то же время ФБР, полиция и секретные службы старались закрыть рот ключевым свидетелям или научить их, какие показания давать. Другие участники странным образом пропали или умерли в экстраординарных обстоятельствах. Такие факты требуют к себе пристального внимания, и комиссия Уорена должна была признать их существенными для расследования дела. В силу того, что комиссия была организована президентом Джонсоном и состояла из высокопоставленных чиновников, ее рассматривали как сакральный институт, правдивость которого самоочевидна и не нуждается в доказательствах. Однако, бесстрастное исследование состава и деятельности комиссии приводит к другим выводам.

Состав Комиссии Уоррена совершенно не был представлен народом Америки. Он включал два представителя партии Демократов, сенатора Джорджии Рассела и конгрессмена Лузианы Боггса. Оба они своими расистскими взглядами навлекли позор на Америку. Два представителя партии Консерваторов, сенатор Кентуки Купер и конгрессмен Мичигана Джеральд Форд. Последний — лидер своего местного движения Голдуотера, бывший член ФБР, которого знают в Вашингтоне как официального представителя ФБР. Аллен Даллес, бывший директор ЦРУ. И м-р Макклой, которого представили как выразителя мнения бизнес сообщества.

Лидерство в обструкции в сенате против Билля о гражданских правах не позволили сенатору Расселу посетить ни одного

слушания комиссии за этот период. Главный Судья Верховного Суда Америки, Эрл Уоррен, который заслуживает уважения, был в конечном итоге убежден, против своего желания, занять кресло председателя комиссии. И именно его участие в большей мере помогло комиссии создать ауру законности и авторитетности. В то же время многие из членов комиссии были в то же время членами тех групп, которые столько сделали, чтобы извратить и подавить факты об убийстве.

Поскольку все они связаны с правительством, ни один из членов не был бы согласно американскому закону допущен к суду присяжных в случае если бы дело Освальда дошло до суда. Неудивительно, что Верховный Судья сам заметил: «Все факты невозможно узнать даже за всю жизнь». И здесь мой первый вопрос:

1. Почему все члены Комиссии Уоррена имели непосредственное отношение к правительству Америки?

Если состав комиссии внушал подозрения, то ее поведение подтвердило наши самые худшие опасения. Ни одному юрисконсульту не позволили защищать интересы Освальда, так что перекрестный допрос был закрытым. Позже, под давлением, Комиссия назначила президента Американской ассоциации адвокатов, лидера движения Голдуотера в Аризоне, представлять Освальда.

Насколько мне известно он не посетил ни одного слушания, но удовлетворился пересказом очевидцев. Для соблюдения нац безопасности, слушания Комиссии держались в секрете, продолжая таким образом политику, которой был отмечен весь курс этого дела. И у меня возникает второй вопрос:

2. *If, as we are told, Oswald was the lone assassin, where is the issue of national security?*

Если Освальд, как нам говорят, убийца-одиночка, почему это дело национальной безопасности?

Действительно тот же самый вопрос здесь уместен как во Франции во время дела Дрейфуса: «Если правительство так уверено в своей правоте, почему все следствие велось в такой строгой секретности?

В самом начале Комиссия 6 групп персонала для расследования по следующим направлениям:

1. Что делал Освальд 22 Ноября 1963?

2. кто стоял за Освальдом?

3.Что делал Освальд в Корпусе морской пехоты США и в СССР?

4. Как Руби убил Освальда?

5. Кто стоит за Руби?

6. Что было сделано для того чтобы защитить президента 22 ноября?

И здесь возникает мой четвертый вопрос:

4. Почему Комиссия не утвердила персонала для изучения вопроса Кто убил президента Кеннеди?

Все свидетельства, которые давались комиссии попадали в раздел «Совершенно секретно», даже запрос на публичное слушание дела. Несмотря на это, Комиссия сама сливала много информации в прессу, правда только те свидетельства, которые подтверждали что Освальд был убийцей одиночкой. Так, Верховный Судья Уоррен созвал пресс-конференцию после того как жена Освальда Марина дала показания что она считает что ее муж был убийцей. Перед тем как дать показания, Роберт Освальд, брат Освальда, добился соглашения что комиссия не будет комментировать его свидетельства. Пока он давал показания в течении двух дней, Аллен Даллес, бывший директор ЦРУ, оставался в комнате слушаний, и позже туда вошли представители прессы. На следующий день все газеты были полны сообщений, что «член комиссии» сказал прессе что Роберт Освальд показал что он считает что его брат агент СССР. Роберт Освальд был взбешен этой ложью, и сказал что не может молчать пока лгут в отношении его показаний. Он никогда так не говорил и никогда так не считал. Все что он сказал Комиссии: что он считает что его брат никоим образом не причастен к убийству.

Методы которыми пользовалась комиссия были плачевными, но важно рассмотреть целиком роль комиссии Уоррена. Они

заявили что не будут проводить самостоятельного расследования, но будут основываться на государственных службах — ФБР, ЦРУ и полиция Далласа. Таким образом, доверие к комиссии Уоррена предполагает доверие к этим трем институтам.

5. Мой пятый вопрос: Почему так много либералов перенесли свою собственную ответственность на комиссию, обстоятельства которой они отказываются проанализировать?

Известно что строжайшие и самые тщательные меры безопасности были приняты для президента США 22 ноября в Далласе. Город имело репутацию преступности и был местом обитания право-радикальных фанатиков в Америке. Мистер и Миссии Линдон Джонсон подверглись там нападению когда он был кандидатом в вице-президенты. Адлай Стевенсон подвергся физической атаке всего за месяц до визита Кеннеди когда он выступал в городе. На утро 22 ноября, Даллас Морниг Ньюз опубликовала на целую страницу рекламу, которая ассоциировала Президента с коммунизмом.

Город был покрыт афишами с фото Президента под заголовком «Разыскивается за госизмену». Список диверсантов Далласа включал 23 имени, где Освальд занимал первое место. За всеми была установлена слежка в тот день кроме Освальда.

6. Шестой вопрос: Почему власти преследовали как потенциального убийцу каждого человека который когда-либо высказывался в пользу десегрегации публичных школ в Далласе, и не смогли засечь вход Освальда в здание книгохранилища, несущего якобы винтовку длинной в четыре фунта?

Маршрут Президента в его поездке по Далласу был широко известен и был напечатан в Даллас Морниг Ньюз 22 ноября. В последнюю минуту секретные службы изменили небольшую часть их плана так что Президент свернул с Main Street и повернул на Houston и Elm Streets. Именно это изменение маршрута привело к тому, что Президент проехал мимо здания книгохранилища, из которого якобы его застрелил Освальд. Каким образом освальд мог узнать об этом изменении маршрута никогда не объяснялось.

7. Мой седьмой вопрос: Почему маршрут Президента был изменен в последнюю минуту, чтобы Президент проехал мимо место работы Освальда?

После убийства и ареста Освальда, приговор был объявлен быстро: Освальд был убийцей, и он действовал в одиночку. Никакой попытки арестовать других, никакого блокирования дорог вокруг района убийства, и каждый элемент свидетельств которые могли обвинить Освальда были объявлены прессе Окружным прокурором Далласа, Мистером Уейдом. Таким образом, миллионы людей имели предвзятое мнение об Освальде еще до того, как дело дошло до суда. Первая теория объявленная властями состояла в том, что машина Президента была на Хьюстон стрит, приближалась к зданию книгохранилища, когда Освальд открыл огонь. Когда доступные фотоЭрлии и очевидцы показали, что это неправда, от этой теории отказались и изобрели новую, где машина была в правильном месте.

Тем временем, однако, мистер Уейд объявил что спустя три дня как комната Освальда в Далласе была найдена, там была найдена карта, на которой здание книгохранилища было обведено и точечные линии проведены от здания к машине на Хьюстон стрит. После того как первая теория была признана ложной, Associated Press напечатала 27 ноября: «Власти Далласа заявили сегодня, что карты никогда не было. Все упоминания о карте были ошибкой». Вторая теория правильно расположила машину Президента на Элм стрит, 50—75 ярдов до книгохранилища, но возникали трудности с объяснением почему Президент был застрелен спереди, в горло. Как освальд мог застрелить Президента спереди, стреляя сзади? ФБР провело серию информационных брифингов для журнала Лайф, который в выпуске от 6 декабря объяснила, что Президент повернулся на 180 градусов в тот самый момент когда стрелял Освальд. Это тоже вскоре было признано абсолютной ложью. Это было доказано несколькими свидетелями и фильмом, и предыдущий выпуск журнала Лайф напечатал фотоЭрлию, где видно что Президент сидел прямо когда в него стреляли. Пришлось отказать и от теории под номером два.

Для того чтобы сохранить базис всей задуманной официальной версии, что Освальд был убийцей одиночкой, стало необходимо изобрести третью теорию с медицинским свидетельством, которая бы ее подтверждала. В первые месяцы ни один агент Секретной службы не разговаривал с тремя докторами которые старались спасти жизнь президента в Parkland Memorial Hospital. Теперь они потратили три часа в разговоре с докторами чтобы убедить их что они были дезинформированы: пулевое отверстие в горле президента было выходным отверстием, а не входным, и пуля не спустилась вниз по направлению к легким. На вопрос прессы, как врачи могли так ошибиться, Доктор МакКлеланд выдвинул две причины: они не видели отчета по аутопсии — и что они не знали что Освальд был сзади Президента! Как сообщила им Секретная Служба (Secret Service — ЦРУ?), аутопсия показала что президент был застрелен сзади. Агенты отказались показать этот самый отчет аутопсии докторам, так что они в своих показаниях всецело опирались только на этот неподтвержденный отчет аутопсии, о котором им сообщила Секретная Служба. Доктора ясно дали понять, что им не позволяют обсуждать этот случай. Эта третья теория, с переписанным медицинским свидетельством, остается базисом обвинения против Освальда.

8. Восьмой вопрос: Почему медицинское свидетельство касательно смерти Президента было изменено до неузнаваемости? Хотя считается что Освальд застрелил Президента сзади, имеется много свидетельств тому, что Президент был застрелен спереди. Среди них два репортера из Fort Worth *StarTelegram*, четверо из Даллас Морниг Ньюз, и два человека которые стояли перед зданием книгохранилища, директор и вице-президент фирмы. Оказывается, что только два человека вошли в это время в здание книгохранилища, директор и офицер полиции Далласа. Оба считают что выстрелы раздались перед машиной Президента. Побежав в направлении выстрелов, полицейский был информирован «кем-то», что выстрелы раздавались сзади, и он поспешил назад, в здание.

Известно также, что первая сводка по радио сообщала что «выстрелы раздались с тройной эстакады напротив фронтальной части машины президента».

The Secret Service уничтожила все свидетельства из машины, так что теперь невозможно изучить сломанное лобовое стекло.

9. Вопрос: Какие свидетельства подтверждают утверждение, что Президент был убит выстрелами спереди?

Наиболее веские доказательства — фотоЭрлии снятые на месте преступления. Одна молодая женщина которая стояла сразу слева машины президента снимала его машину когда раздались выстрелы, ее снимки запечатлели всю фронтальную часть здания книгохранилища. Агенты ФБР немедленно отобрали у нее пленку и до сих пор отказываются показать ей, что она запечатлела на пленке.

10. Вопрос: Почему ФБР отказывается опубликовать свидетельство, которое было бы самым надежным доказательством во всем этом деле?

В этой связи стоит отметить также что невозможно найти фотоЭрлии самого оружия убийства, о которых говорит печать. Когда Тайм магазин опубликовала фото ареста Освальда — единственное фото — фон был затемнен по причинам которые никогда не объяснили. Трудно вспомнить случай где бы столько фальсификаций с фотоЭрлиями имели место как в деле с Освальдом.

Письменное свидетельство полицейского, который вошел в здание книгохранилища, говорит что он нашел оружие убийства на шестом этаже. (Сначала было объявлено что на пятом этаже, но потом все изменили). Сначала прокуратура Далласа что это Немецкий Маузер. На следующий день ФБР выпустили свою версию: Итальянский карабин. Прокурор Уейд тут же изменил национальность и размер своего оружия убийства чтобы соответствовать версии ФБР. Несколько фотоЭрлий якобы оружия убийства были опубликованы. 21 февраля Лайф магазин на обложке напечатал фото «Ли освальд с оружием которым он убил Президента Кеннеди и офицера Типпетт». На стр 80 объяснялось

что фото было сделано в марте или апреле 1963. Согласно ФБР, Освальд купил это ружье в сентябре 1963. The *New York Timesпо-казывала орудие убийство снятое на участке полиции Далласа, и это совсем другое оружие. Эксперты сказали что невозможно спустить курок на оружие на фото Лайф магазин.*

11. Вопрос. Как случилось что миллионы людей введены в заблуждение полнейшей фальшью в прессе?

Другая ложь была запущена Associated Press 23 ноября из Los Angeles. Там заявлялось что Освальд бывший высший офицер в корпусе морской пехоты и что он меткий стрелок и горячая голова. Эту история напечатали во всех ведущих изданиях. Три часа спустя AP напечатала опровержение. Оказалось что офицер рассказывал о совершенно другом человеке. Он никогда не знал Освальда. Насколько мне известно опровержение напечатали единичные ведущие издания. Полиция Далласа взяла тест на парафин с лица и рук Освальда чтобы установить стрелял ли он 22 ноября.

Шериф полиции Далласа заявил в ноябре 23 что результаты теста доказывают, что Освальд — убийца. Директор ФБР в Даллас заявил о ходе расследования: Это был парафиновый тест. Парафиновый тест подтвердил что Освальд имел нитраты и порох на лице и руках. Это доказывает что он стрелял из винтовки 22 ноября».

Дело даже не в том, что этот ненадежный тест ничего не доказывает. Дело в том что позже выяснилось, что тест на самом деле имел негативный результат, порох не был обнаружен на Освальде, что говорит о том что он вряд ли стрелял в тот день из винтовки.

12. Вопрос: Почему парафиновый тест был изменен перед тем как о нем объявили власти?

Освальд как мы помним был впервые арестован и обвинен в убийстве полицейского Типпетта. Типпетт был убит 22 ноября мжчиной, который сначала затеял с ним разговор, затем заставил его выйти из полицейской машины где он сидел и застрелил его пистолетом. Miss Helen L. Markham, которая уверяет что она

единственный очевидец этого преступления, дала полиции Далласа описание нападавшего. После того как она подписала письменное свидетельство, она была проинструктирована ФБР, Секретной Службой и полицией что ей не разрешалось обсуждать это дело с кем бы то ни было. Все что она сказала в своем описании убийцы, значилось «молодой белый мужчина». Позже она дала более детальное описание, и это описание никак не совпадало с внешностью Освальда. Ее свидетельство — это все что есть у полиции для обвинения Освальда в убийстве Типпетта.. И все же Прокурор округа Уейд заявил: У нас больше свидетельств что Освальд убил Типпета чем у нас есть что он убил Кеннеди». Обвинение против Освальда в убийстве Типпетта, продолжил он, доказанное обвинение.

13. Вопрос: Почему единственное описание убийцы Типпета нарочно пропущено полицией из письменных свидетельств единственного очевидца происшествия?

Описание Освальда транслировалось по телевидению полицией Далласа всего 12 минут спустя после выстрелов в Президента. Это поднимает экстраординарный вопрос:

14. Вопрос: Почему полиция Далласа передавала по радио описание Освальда *в 12.43 p.m. 22 ноября, если Типпет был застрелен только в 1.06 p.m.?*

Mr Bob Considine, пишущий для New York *Journal American*, утверждает что был еще свидетель который видел убийцу Типпетта. Warren Reynolds слышал выстрелы и поспешил к окну, и увидел как убегает убийца. Reynolds сам был застрелен позже. Мужчина которого арестовали за это убийство предъявил алиби и был тут отпущен полицией Далласа. Его подружка, Betty Mooney McDonald, сказала полиции что он был с ней на момент убийства Reynolds. Последний был еще жив и хотел опознать убийцу. Тот сразу испарился, а спустя два дня полиция арестовала его подружку Betty Mooney McDonald по другому обвинению, и та скоропостижно повесилась в полицейском участке. Она была стриптизершей, как говорит Mr Considine.

Другим экстраординарным свидетелем в деле Освальда стала его жена, Марина. Ее посадили в тюрьму когда ее муж был еще жив и Шериф показал ей винтовку. Когда ее спросили его эта винтовка, она ответила что у него есть винтовка, но эта не похожа на его винтовку. Она и ее свекровь были в большой опасности пока проходили по делу об убийстве потому что публика могла сорвать зло на них. В это время ни один офицер полиции не стал их защищать.

Когда же Освальд был убит, Секретная Служба нелегально удерживала женщин против их желания. Через три дня их разделили и Марина больше никогда не была доступна для публики. Пробыв в следственном изоляторе 9 недель и будучи опрашиваемой ФБР Секретной Службой каждый день, она в конечном итоге дала показания Комиссии Уоррена и согласно Эрлу Уоррену, сказала что она считает что ее муж убийца. Верховный Судья добавил что на следующий день они намеревались показать ей оружие преступления и они не сомневались что она подтвердит что винтовка принадлежит ее мужу. И на следующий день Эрл Уоррен подтвердил что все действительно так и случилось. Mrs Oswald все еще в следственном изоляторе Секретной Службы. Изолировать свидетеля на 9 недель и подвергнуть его повторяющимся допросам Секретной Службой такими методами называется промыванием мозгов.

15. Вопрос. Как удалось Эрлу Уоррену предвидеть что показания Марины Освальд будут прямо противоположны ее предыдущим показаниям (когда она не узнала винтовку)?

После того как Руби убил Освальда прокурор Уейд рассказал о передвижениях Освальда во время подготовки к убийству. Он назвал имя водителя такси, который якобы подписал показания что вез Освальда. Оказалось что таксиста с таким именем Darryll Click, нет во всем Далласе. Тогда Прокурор изменил его имя на имя William Wahley. Уейд работал прокурор 14 лет, а до этого был агентов ФБР.

16. Вопрос. Как окружной прокурор с таким опытом работы объясняет все эти экстраординарные изменения в свидетель-

ствах и показаниях которые он сделал на протяжении дела Освальда?

Это только некоторые вопросы поднятые официальным расследованием убийства Кеннеди, и теми методами которыми все дело против Освальда проводилось. Эти 16 вопросов не заменят полное исследование всех факторов этого дела, но я надеюсь что они покажут всю необходимость предпринять такое новое расследование. Я обязан Mr Mark Lane, the New York criminal Lawyer, за большую часть информации в этой статье. Его расследование, которое продолжается, заслуживает самой широкой поддержки общества. Комиссии гражданского расследования учреждены с этой целью в Нью Йорке, и аналогичные комиссии учреждаются в Европе. В Британии я пригласил известных людей в интеллектуальной жизни страны присоединиться к нашей комиссии «Кто убил Кеннеди Комитет», и на сегодня наш комитет представлен: Mr John Arden, playwright; Mrs Carolyn

Wedgwood Benn, from Cincinnati, wife of Anthony Wedgwood Benn, ⊠⊠;

Lord Boyd-Orr, former director-general of the ⊠⊠ Food and Agricultural

Organisation and a Nobel Peace Prize winner; Mr John Calder, publisher;

Professor William Empsom, Professor of English Literature at Sheffield University;

Mr Michael Foot, Member of Parliament; Mr Kingsley Martin, former

editor of the *New Statesman*; Sir Compton Mackenzie, writer; Mr J. B. Priestley,

playwright and author; Sir Herbert Read, art critic; Mr Tony Richardson,

film director; Dr Mervyn Stockwood, Bishop of Southwark; Professor Hugh

Trevor-Roper, Regius Professor of Modern History at Oxford University;

Mr Kenneth Tynan, Literary Manager of the National Theatre; and myself.

Мы подходим к проблеме со всей серьезностью. Посольства Америки много времени назад отчитывались в Вашингтон о том что во всем мире никто не верит в обвинение, выдвинутое против Освальда, но это никогда не было отражено в американской прессе. Ни американское телевидение, ни массовые газеты никогда не посмели противоречить постоянному базису всего выдвинутого обвинения: что Освальд был убийцей, и что он действовал в одиночку. Это задача, которую предстоит решить американскому народу».

Оливер Стоун и Питер Кузник «Нерассказанная история Америки»:

> «Всего через год после Карибского кризиса с Джеком Кеннеди, старым солдатом холодной войны, произошли значительные изменения.
> Они с Н. С. Хрущевым предприняли шаги к разрядке напряженности в холодной войне, которые казались немыслимыми ни в октябре
> 1962 года, ни на протяжении всех предыдущих 16 лет. Они были вра-
> гами, в любой момент готовыми к броску. 7 ноября губернатор Нью-Йорка Нельсон Рокфеллер объявил о своем намерении участвовать в праймериз Республиканской партии по выдвижению кандидата
> на президентский пост. В последующие две недели он подвергал политику Кеннеди постоянным нападкам. Он обвинял Кеннеди в мягкости по отношению к коммунизму. Президент «наивно полагал», что советское руководство «благоразумно, готово к компромиссам
> и стремится к фундаментальному урегулированию с западными стра-
> нами». В результате «наша безопасность была подорвана». Он
> не остановил агрессию коммунистов в Лаосе. Он не смог предоставить воздушную поддержку во время вторжения в заливе Свиней
> и «безразлично наблюдал за строительством Берлинской стены».
> А Договор о запрещении ядерных испытаний в трех средах «глубоко шокировал» европейских союзников США.
> Обещанное всенародное восстание так и не началось. Банди, Раск и сам Кеннеди неоднократно говорили ЦРУ, что ни о какой воздушной поддержке не может быть и речи. Они понимали, что подобные

действия нанесут серьезный урон имиджу США на мировой арене и послужат прямым приглашением для Советов начать вторжение в Западный Берлин. Незадолго до наступления 18 апреля Кеннеди, Джонсон, Макнамара и госсекретарь Дин Раск встретились в Белом доме с председателем КНШ генералом Лимэном Лемнитцером, начальником штаба ВМС адмиралом Арли Берком и начальником отдела тайных операций ЦРУ Ричардом Бисселом. Берк и Биссел в течение трех часов пытались убедить Кеннеди направить наземную и воздушную поддержку. Они с самого начала знали, что это единственный шанс на успех, и были совершенно уверены, что Кеннеди уступит их давлению. Позже сам Кеннеди скажет: «Они были уверены, что я сдамся и дам им отмашку". „Для них было немыслимо, — соглашается с Кеннеди его советник Уолт Ростоу, — чтобы президент Америки, держа в своих руках всю военную мощь страны, позволил провалиться такой операции». Лемнитцер обвинял Кеннеди в том, что «выбросить белый флаг — немыслимо... возмутительно и почти что преступно». Но Кеннеди был непоколебим. Он объяснял одному старому другу: «Я не позволю вовлечь нас в цепь безответственных действий только потому, что кучка фанатиков в наших рядах ставит национальную гордость выше национальных интересов». 114 человек из сил вторжения было убито, 1189 попали в плен. Среди жертв были и четверо американских летчиков из Национальной гвардии штата Алабама, служивших по контракту в ЦРУ.

После провала вторжения Кеннеди решил все же перетряхнуть «сукиных детей" в КНШ и „этих ублюдков из ЦРУ". Он угрожал „порвать ЦРУ на мелкие кусочки и пустить их по ветру». Председателем КНШ вместо Лемнитцера он назначил Максуэлла Тейлора, но, надеясь умиротворить «ястребов», решил поставить во главе штаба ВВС Кертиса Лемея — решение, о котором он впоследствии пожалеет.

В ЦРУ Даллеса заменил консервативный бизнесмен-республиканец Джон Маккоун. Президент заставил написать заявления об отставке и двух заместителей Даллеса — Ричарда Биссела и генерала Чарлза Кэбелла. Всех зарубежных агентов ЦРУ и военных в других странах он подчинил послам, а также принял решение о сокращении бюджета ЦРУ к 1966 году на 20%.

Среди тех, кто впоследствии подтвердил намерения Кеннеди вывести войска, были Роберт Кеннеди, Роберт Макнамара, Артур Шлезингер, Тед Соренсен, Майк Мэнсфилд, Тип О'Нил, а также помощник госсекретаря Роджер Хилсмен. Когда Дэниел Эллсберг брал интервью у Роберта Кеннеди в 1967 году, еще до Тетского наступления, повлекшего за собой перелом в общественном мнении относительно войны, Кеннеди объяснил, что его брат пребывал «в абсолютной ре-

шимости не направлять боевые части сухопутных войск».. Наиболее ярким ответом Кеннеди на мирные инициативы Хрущева было его обращение, произнесенное в Американском университете в июне 1963 года. Он и его ближайшие советники написали эту речь, не привлекая ни КНШ, ни ЦРУ, ни Госдеп. И возможно, это была наиболее свободная от стереотипов президентская речь за все XX столетие Нигде в мире речь Кеннеди не получила столь широкого резонанса, как в СССР. Хрущев назвал ее лучшей речью президента США со времен Рузвельта. Вдохновленный услышанным, он публично выступил за подписание договора о запрещении ядерных испытаний в атмосфере. 25 июля представители США, СССР и Великобритании парафировали этот важный договор. То было первое в истории соглашение по контролю над ядерными вооружениями.

Но гнев Рокфеллера не шел ни в какое сравнение с той яростью, какую испытывали ЦРУ и КНШ, руководство которых Кеннеди постоянно раздражал с самого начала своего президентства. Летом 1962 года Кеннеди прочел сигнальный экземпляр будущего бестселлера Флетчера Нибела и Чарльза Бейли «Семь дней в мае», в котором рассказывалось о военном перевороте в США. Идея романа пришла в голову Нибелу во время интервью с генералом Кертисом Лемеем. Кеннеди тогда сказал одному своему другу:

«Это возможно. Такое может произойти в нашей стране...»

По мнению многих руководителей армии и разведки, Кеннеди совершил гораздо больше трех предательств. Так, он был виноват в том, что отступил из залива Свиней, ослабил ЦРУ и сменил его руководство, отказался от вмешательства в Лаосе и сделал там ставку на нейтралистов, заключил Договор о запрещении ядерных испытаний в трех средах, планировал уйти из Вьетнама, заигрывал с идеей окончания холодной войны, прекращения космической гонки, стимулировал национализм в странах «третьего мира», а также — о, ужас! — достиг разрешения Карибского кризиса путем переговоров. 22 ноября 1963 года, до того как Кеннеди сумел воплотить их общую с Хрущевым мечту о перестройке всего мира, его жизнь оборвали пули убийцы на улицах Далласа. Возможно, убийц было несколько. Возможно, мы никогда не узнаем ни о мотивах этого убийства, ни о том, кто за ним стоял. Комиссия Уоррена постановила, что Ли Харви Освальд был убийцей-одиночкой. Член комиссии Джон Макклой настаивал на том, чтобы доклад комиссии был одобрен единогласно, хотя четверо ее членов: Ричард Рассел, Хейл Боггс, Джон Шерман Купер и сам Макклой, — испытывали серьезные сомнения относительно стрелка-одиночки и магической пули. Линдон Джонсон и губернатор Джон Коннели, который также был ранен, то-

же сомневались в результатах расследования, как и Роберт Кеннеди. Общественность сочла доклад неубедительным. Что мы знаем — это то, что у Кеннеди было много врагов, которые ненавидели его за стремление к переменам так же, как их предшественники ненавидели Генри Уоллеса: в 1944 году они заблокировали тому все попытки повести США и весь мир по новому пути мира и процветания. Кеннеди смело противостоял могущественным силам, которые хотели ввергнуть США в войну с СССР. И едва ли не большей смелостью обладал Хрущев. Будущие поколения находятся в огромном долгу перед этими двумя людьми, заглянувшими в бездну и ужаснувшимися тому, что увидели там».

Артур Шлезингер «Циклы американской истории»:

«По части вмешательства в экономические процессы Кеннеди добился немалых успехов. Но его честолюбивые планы в этой области — крупномасштабные социальные программы, такие, как федеральные ассигнования на медицинскую помощь («Медикэр»), на образовательные цели, финансовая поддержка городов и борьба за гражданские права, потерпели неудачу из-за имевшегося тогда соотношения сил в конгрессе. Как и любому президенту-демократу после Рузвельта начиная с 1938 г., ему противостояла палата, находившаяся под контролем консервативной коалиции республиканцев. ...Однако в период кампании 1960 г. Герберт Гувер уже критиковал Никсона за то, что тот тратит слишком много времени, соглашаясь с Кеннеди. «Цели, к которым стремится Кеннеди, — зло», — изрек непреклонный старец, убежденный в том, что кандидат от демократической партии мечтает о «социализме под маской всеобщего благоденствия» и о «новом издании «нового курса"Рузвельта».

«Я намерен просить конгресс, — заявил Кеннеди, — сделать то, чего он ни разу не делал в XX веке, а именно: взять на себя обязательство покончить с расизмом и в американской жизни, и в американском законодательстве". Это, сказал он, „этическая проблема, старая, как Святое писание", и „простая, как американская Конституция». Ни один американский президент до него ничего подобного не говорил.

Итак, Кеннеди прочно связал себя с борьбой за гражданские права, пойдя на огромный политический риск. Его активность в этом направлении привела к падению его популярности. Его противники утверждали, что движение за гражданские права — коммунистический заговор, что Мартин Лютер Кинг находится под контролем коммунистов»

...«Он был моим другом, в годы его президентства я работал в его ап-
парате и не могу поэтому гарантировать свою полную беспристрастность в оценке событий и деятелей того периода.
Итак, в 1961 г., в первые месяцы пребывания Кеннеди у власти, каждый новый день как будто и впрямь приносил с собой новый кризис: события в Лаосе, в связи с которыми Эйзенхауэр счел нужным подсказать Кеннеди, что Соединенным Штатам, возможно, придется вмешаться «в одностороннем порядке»; подготовка вторжения на Кубу, которую Эйзенхауэр рекомендовал «продолжать ускоренными темпами»; события в Конго; запуск советского космонавта; убийство Трухильо; энергичная советская поддержка «национально-освободительных войн» в Алжире, Вьетнаме и на Кубе; встреча в Вене с Хрущевым и попытки Советского Союза выдворить союзников из Западного Берлина; возобновление советских ядерных испытаний. Это был суровый год. Несмотря на кратковременное нездоровое увлечение планами контрреволюций. Кеннеди в долгосрочном плане в своей политике по отношению к странам «третьего мира» собирался лечить не симптомы, а саму болезнь.
«Те, кто препятствует мирным революциям, — заявил он на встрече с группой латиноамериканских послов в I960 г., — неизбежно провоцирует революции кровавые». Его Союз ради прогресса ставил себе целью содействие мирным реформам в странах «третьего мира“. Даже Кастро назвал союз „хорошей идеей... в политическом плане весьма разумной концепцией, призванной оттянуть приход революции». После смерти Кеннеди его политика поддержки реформистских режимов в Латинской Америке была предана забвению. Но его Союз ради прогресса и по сей день остается перспективной идеей, и нам в нашем стремлении к конечному торжеству демократии в Западном полушарии следовало бы возродить ее в той или иной ипостаси. В национальных движениях Кеннеди видел мощную политическую силу современности. Своей основной задачей он считал координацию американской политики с развернувшейся на его глазах во всем мире борьбой, которую он сам называл «революционным движением за национальную независимость». Мир будущего виделся ему как «многообразный мир», сообщество стран с разным государственным устройством и разной идеологией, «в котором в рамках международного сотрудничества каждое государство сможет решать свои проблемы в соответствии с собственными традициями и идеалами». Формулируя свое внешнеполитическое кредо, он процитировал знаменитые слова Вильсона о том, как отвести всемирную угрозу от демократии. Наиболь-

шую озабоченность Кеннеди вызывала национально-освободительная война во Вьетнаме. Он придерживался курса прежней администрации и даже кое в чем признавал справедливость теории домино Эйзенхауэра. Число американских военных советников во Вьетнаме при Кеннеди превысило 1 6 тыс.; 7 3 из них погибли в бою. Однако президент неизменно отклонял рекомендации Пентагона направить во Вьетнам американские войска и постоянно оказывал нажим на властолюбивого Нго Динь Дьема. Суть своих взглядов Кеннеди изложил в сентябре 1963 г., сказав о южных вьетнамцах: «Это их война — они и будут вести ее до победного конца... или проиграют». Он сам был свидетелем, как лет за десять до этого французская армия увязла во Вьетнаме, поэтому он был абсолютно убежден, что крупномасштабное американское вторжение лишь сплотит силы национального освобождения и мобилизует их на борьбу с иностранным захватчиком. После обнародования секретных документов Пентагона достоянием гласности стал и план Кеннеди отозвать американских советников из Вьетнама к 1965 г.; Джонсон отказался от этого замысла несколько месяцев спустя после Далласа. Кеннеди признался в свое время Майку Мэнсфилду, что его целью был полный вывод американского персонала: «Но я не могу сделать этого до 1965 г., то есть до новых президентских выборов». В ядерный век он не видел альтернативы сбалансированной политике. «Человечество должно положить конец войне, — заявил Кеннеди в ООН в 1961 г., — иначе война покончит с человечеством». Всеобщее и полное разоружение, по его словам, — «дело жизни и смерти». После вывоза ракет с Кубы Кеннеди не выдвинул новых требований к Москве, не подверг ее унижению, а, напротив, взял четкий курс на ослабление международной напряженности. На следующее утро после кубинского ракетного кризиса он сказал мне, что опасается, как бы люди не пришли к неверному выводу, будто русских легко сломить, действуя с позиции силы. В своей речи в Американском университете в июне того же года Кеннеди призвал американцев и русских пересмотреть политику «холодной войны». Обе стороны, сказал он, «попали в порочный и опасный круг, когда подозрения одной стороны порождают аналогичные подозрения и у другой, а создание все новых видов вооружений влечет за собой разработку соответствующих средств противодействия“. По словам Хрущева, „ни один американский президент со времен Рузвельта не произносил такой сильной речи». Увы, спустя десятилетия мы так и не вырвались из этого порочного круга. Первой попыткой Кеннеди разорвать этот порочный круг стало подписание договора ограничении ядерных испытаний.

> Для ратификации договора ему нужно было убедить ястребов в конгрессе и, кроме того, военных в необходимости этого шага или по крайней мере заткнуть им рты. Он добился этого, пойдя на определенные уступки военным и обратившись за поддержкой к общественному мнению. Кеннеди иронически заметил в те дни, что и на него самого, и на Хрущева оказывают давление сторонники жесткого подхода, которые любой шаг в направлении к разрядке истолковывают как проявление слабости. «Ястребы в Советском Союзе и в Соединенных Штатах существуют за счет друг друга». Кеннеди был миротворцем; как признал Хрущев в своих мемуарах: «Это был человек, которому мы могли доверять... (В дни карибского кризиса) он занял в высшей степени гибкую позицию, и вместе нам удалось избежать катастрофы... Он проявил мудрость и талант подлинного государственного деятеля»

ГЛАВА 9 ВОСТОЧНЫЙ И ЗАПАДНЫЙ ДУХ КОЛЛЕКТИВИЗМА. РЕВОЛЮЦИЯ КОНСЕРВАТОРОВ ПУТИНИЗМА

1.ВОСТОЧНЫЙ ДУХ КОЛЛЕКТИВИЗМА И ЗАПАДНЫЙ ДУХ КОЛЛЕКТИВИЗМА

Начиная от «Государства» Платона и дальше вглубь веков, самые глубокие мыслители проводили эту идею «коллективизма» с правлением истины и философов правителей, в том или ином виде формулируя концепцию Естественного права. Так, даже Бертран Рассел, который в книге Authority and individual соглашается с критикой Поппером «Государства» Платона, на деле предлагает вариант той же платоновской республики, обосновывая законы психологии в основе общества, службу интеллектуальной элиты для принятия важных решений и «демократический социализм» как коллективное самоуправление народа. Тот же Поппер, который обрушивается с резкой критикой на Платона, ругает свободный рынок Laissez-Faire, как безобразие физического контроля варварских времен, «где сильный волен экономически запугать слабого», и где «парадокс свободы, которая сама себя отменяет». Действительно, абсолютная свобода лишает человека свободы вовсе, потому что все в мире детерминировано законами природы, и только человек получил от Творца свободу познавать и контролировать эти законы. Если же он отказывается от этой относительной свободы контроля законов природы (предусматривающей, что он строит все свои решения на знании законов природы), чтобы приобрести абсолютную свободу, то вместо того чтобы стать Господом (только он владеет абсолютной свободой), он становится такой же безволь-

ной материей как все прочие детерминированные энергии природы. Поппер в итоге приходит к выводу, что выход в «социальной инженерии» и «Интервенции государственных институтов», то есть вводит свою теорию государственного регулирования экономики.

Как бы там не было развитие социальной мысли после Платона продолжало искать то, что Г. Уэллс назвал в «Новом мировом порядке» — «Духом Западного Социализма», и противопоставил его Духу Восточного Социализма. Действительно, решение проблемы «коллективизма» лежит именно на этом пути жесткого разграничения «племенного духа» по слову Поппера восточного коллективизма и правового общества западного коллективизма.

Г. Уэллс, «Новый мировой порядок»:

> «Чем выше коллективизация, тем более необходима правовая система, воплощающая Права Человека. Это было забыто при Советах, и потому люди живут там в страхе перед полицейским произволом. Но чем больше функций контролирует ваше правительство, тем больше потребность в защищающем законе. Возражение против советского коллективизма состоит в том, что без антисептика юридически гарантированной личной свободы он не устоит. Советский коллективизм исповедует в своей основе общую экономическую систему, основанную на идеях классовой войны; промышленный руководитель находится под пятой партийного комиссара; политическая полиция вне любого контроля, и дело неизбежно идет к олигархии или самодержавию, защищающим свою недееспособность подавлением отрицательных мнений.
> Но эти обоснованные критические замечания лишь указывают на тот вид коллективизации, которого следует избегать. Они не отрицают коллективизма как такового. Если мы не хотим в свой черед быть затопленными волной большевизации, которая очевидно идет с Востока, мы должны провести в жизнь все эти обоснованные возражения и создать коллективизацию, которая будет более эффективной, более процветающей, терпимой, свободной и быстро прогрессирующей, чем система, которую мы осуждаем. Мы — те, кому не нравится сталинизированное марксистское государство, — вынуждены, как говорили в британской политике, «подкармливать» его, делая лучше. Мы должны противопоставить духу восточного коллективизма дух западного коллективизма».

Это здравая позиция, которая вместо псевдопроблемы противопоставления Индивидуализма и Коллективизма, ставит реальную проблему: противопоставление соединения людей в Левиафаны через поле Эгосистемы (дух восточного коллективизма) — соединению людей через поле интеллекта и совести в Церкви дружбы платоновских республик, где правит Истина и Совесть. Ибо первые вовсе даже не есть на самом деле соединение энергии людей, но скрытый аутизм, где духовная энергия человечности остается разобщенной автоматизмами садомазохизма поля Эгосистемы. И люди это чувствует как подавление воли и жизни чужеродным мертвым механизмом: несвобода тоталитаризма.

И Герберт Уэллс и Бертран Рассел (равно как А. Эйнштейн) — известные левые демократы, которые отстаивали «свободный западный коллективизм» самоуправления народа. И каждый из них при всей своей приверженности идее коллективизма с ужасом отвергает вариант коллективизма, предложенный марксизмом-ленинизмом в советской России. Уэллс также как Рассел, с которым они были дружны (Рассел пишет в своей автобиографии, что взгляды Уэллса были ему ближе других, хоть и посчитал утопией его теорию открытого заговора) встречались в 20-е годы с Лениным. Уэллс говорит, что «все что не на их языке стекает с них как вода со спины утки», и Рассел подтверждает, что Ленин его разочаровал своим ортодоксальным марксизмом, неспособностью видеть мир вне софизмов этой «поверхностной и болтливой философии». В итоге, оба не просто критикуют этот «восточный дух « коллективизма, но прямо противопоставляют его западному коллективизму как его противоположность, как варварский Левиафан.

Г. Уэллс, «Новый мировой порядок»:

> «Но на пути социалистического продвижения к коллективизации и к научному поиску облика компетентной руководящей организации мировыми делами вклинивается неуклюжая инициатива марксизма с его догмой классовой войны, которая сделала больше для искажения и стерилизации человеческой доброй воли, чем любое

другое неправильное представление о реальности, когда-либо сводившее на нет человеческие усилия.
Он изобрел и противопоставил два фантома. Одним из них был Капиталистический строй, другим — Пролетарский. В реальности пролетарии были так же бесконечно разнообразны, как и люди на вершине жизни; в реальности, но не в сознании коммунистического провидца.
Пролетариям не нужно ничему учиться, ничего планировать; они правы и добры от природы; они просто «возьмут верх». Бесконечно разнообразная зависть, ненависть и возмущение неимущих должны слиться в могучее творческое движение. Вся добродетель — в них; все зло — в тех, кто их превзошел. Одно хорошо было в этой новой доктрине классовой войны: она прививала рабочим столь необходимое чувство братства, но она же уравновешивала его отрицанием — внушением классовой ненависти. Так началась великая пропаганда классовой войны с чудовищными передергиваниями очевидных фактов. Коллективизацию не придется организовывать: она возникнет волшебным образом, когда инкуб Капитализма и эти раздражающие нас преуспевшие люди будут отторгнуты от великой пролетарской души. И вот они вам, с серпом и молотом в руках, с выпяченной грудью, гордые, величественные, повелительные, в Манифесте. Но пойдите и сами поищите их на улицах. Поезжайте и посмотрите на них в России. Даже для 1848 года это не интеллектуальный социальный анализ. Просто прочтите Коммунистический Манифест и подумайте, кто мог бы разделить эту ненависть или даже полностью взять на вооружение, если бы Маркс не был сыном раввина. Поставьте «евреи» вместо буржуазии, и Манифест предстанет чисто нацистским учением разлива 1933–1938 годов.
И, как повелось с бунтами неимущих с самого начала Истории, восставшие массы пришли к культу героев. Появился неизбежный Защитник. Отвернувшись от царя, они через двадцать лет поклоняются Сталину, изначально довольно честному, неоригинальному, честолюбивому революционеру, пришедшему в итоге к жестокости ради самозащиты и вознесенному лестью до его нынешнего квазибожественного самодержавия. Цикл завершается, и мы видим, что и эта, как всякая другая чисто насильственная революция, ничего не изменила. Множество людей уничтожено, множество других заменили их, и Россия, кажется, возвращается к той точке, с которой она началась — к патриотическому абсолютизму сомнительной эффективности и неясных, неисчислимых целей».

Б. Рассел, «Автобиография»:

> «Лично мне время проведенное в России показалось одним нескончаемым кошмаром. После я высказал в печати свои впечатления об увиденном, но я не сказал о том, что все время моего пребывания там меня переполняло чувство абсолютного и полного ужаса. Жестокость, нищета, подозрения, преследования заполняли весь воздух, которым мы дышали. Все наши разговоры прослушивались и подслушивались. Посреди ночи мы вдруг слышали выстрелы, и знали что это убивали идеалистов, несогласных с материализмом Маркса. Повсюду царило лицемерное притворство в равенстве и всех называли „Товарищ", но удивительно как по разному может звучать это слово в зависимости от того, адресовали ли его Ленину или ленивому слуге. Однажды в Петрограде меня навестили четыре пугала, оборванные, заросшие, с грязными ногтями и слипшимися волосами. Они оказались четырьмя наиболее известными поэтами России. Одному из них разрешило правительство преподавать рифму, но он жаловался, что они настаивали, что он должен преподавать рифму с точки зрения марксизма, а он хоть убей не знал как Маркс смотрел на дело. Таким же оборванным было общество математиков в Петрограде. Меня пригласили на встречу этого общества, где лектор рассказывал о неевклидовой геометрии. Я не мог ничего понять, кроме формул, которые он чертил на доске, по тому что формулы все были верны можно было заключить, что лекция была компетентной. Никогда в Англии я не встречал бродяг, которые бы выглядели такими униженными как математики в Петрограде. Мне не позволили увидеть Кропоткина, который вскоре после этого умер. Правящий класс напротив держался с такой уверенностью, которая напомнила мне Итон и Оксфорд. Они верили, что их формула решит все трудности. Некоторые наиболее интеллигентные понимали, что это глупость, но не смели говорить. Однажды в беседе тет-а-тет с ученым физиком, по имени Залкинд, он начал говорить, что климат имеет большое влияние на характер, как вдруг он поперхнулся и сказал: „Конечно же, это не так. Только экономические факторы влияют на характер" Я чувствовал, что все что я ценил в человеческой жизни было разрушено поверхностной и узкой философией, и что этот страшный процесс раздавил несказанным горем миллионы судеб. С каждым днем, который я проводил в России, мой ужас возрастал, пока я окончательно не потерял способность здраво рассуждать»

После крушения рационализма в 20-м веке вся научная мысль (в социальных науках) стала шизоидной мыслью — и на западе и в России, везде, где западный философский дискурс лежал в основе научных изысканий. Шизоидная мысль —

это спекулятивная мысль, оторванная от фактов реальности, от интуитивного прозрения законов природы и направленная на Эгозащиту поля Эгосистемы. Постольку поскольку вся наша активность так или иначе обуславливается двумя силовыми полями психики, то всякая заблудившаяся мысль, которая уже не обслуживает научный контроль поля интеллекта и совести, в конечном итоге обслуживает физический контроль поля Эгосистемы. Вот как об этом пишут два философа, Б. Рассел и К. Ясперс, эмпирик и метафизик в равной степени отвергающие немецкий идеализм как душевную болезнь.

Bertrand Russell, «Power»:

> «Человеческая жизнь есть постоянное взаимодействие воли человека и неконтролируемых фактов реальности, и философы, которые в своем творчестве руководствуются импульсом власти, стараются минимизировать или умолчать роль фактов реальности, которые неподконтрольны нашей воле. Я сейчас говорю не только о тех людях, которые славили откровенное насилие, как Макиавелли или Фрасимах в „Государстве“ Платона; я говорю о писателях, которые изобрели теории, которые прикрывают их собственную волю к власти под разговорами о метафизике или этике. Первый из таких философов в наше время, и самый радикальный это Фихте. Философия Фихте начинается с Эго как единственно существующего в мире. Это понятно, что такая метафизика не оставляет места для социальной ответственности раз внешний мир есть только порождение моей фантазии. Вера в расу и национализм таким образом есть естественное психологическое следствие философии солипсизма — тем более что воля к власти явно вдохновляет теорию, а власть может быть достигнута только при помощи других людей. Все это известно как „идеализм“ и считается философией более благородной нежели та, что признает реальность внешнего мира. Характер человека естественно включает в себя волю к власти, но философии власти в определенном смысле есть порождение больного ума. Существование внешнего мира, как материального так и реальность других индивидов, есть факты, которые могут унижать чью-либо гордость, но отрицать которые может только сумасшедший. Люди которые позволяют своей воле к власти искажать свое видение мира можно видеть в любом сумасшедшем доме: один считает себя директором национального банка Англии, другой считает себя королем, а другой считает себя богом. Очень похожие иллюзии, если выражены обра-

> зованными людьми абстрактным языком, делают человека профессором философии; и если выражены эмоциональными людьми красноречивым языком ведут к диктаторству. Душевнобольные люди с диагнозом изолируются от общества из-за их склонности к насилию после обследования; другие душевнобольные, без диагноза получают контроль над мощными армиями, и могут навлечь смерть и беду на всех здоровых людей в их досягаемости. Успех этой сумасшедшей воли к власти в литературе, в философии и в политике, есть одна из особенностей нашего времени, и успех этой душевной болезни держится абсолютно и полностью на свойственном человеку импульсе к власти»

C. Jaspers, «The origin and goal of history»:

> «Этот род притворной веры был обречен вылиться в недостаток веры. Правда, что эти философии всегда останутся; ведь эти мысли бесспорно проявление человеческого гения, и великолепие их способности спекулятивной мысли не может ставиться под сомнение. Однако, недоверие к этой мысли всего мира, недоверие которое мир неправильно обратил на всю немецкую философию — недоверие это оправдано. Здесь „Hubris" и сбившейся с пути гений (waywardness of genius) соединяются в невиданный соблазн. Каждый кто выпьет от этого зелья опьянеет и станет на путь разрушения, благодаря тому факту, что духовный фейерверк высшего порядка стал причиной потери веры, которая предполагает трезвость ума».

Неслучайно поэтому, что два таких патологических «коллективизма» какими были национал-социализм Гитлера и марксизм-ленинизм советской России вышли оба из Германии, которую Бенда в «Предательстве интеллектуалов» отмечает как родину Крушения рационализма в 20-м веке. Конечно, много для становления Дарвиновской парадигмы сделали и французский материализм и английский эмпиризм, однако они также сделали и много хорошего. Например, Френсис Бэкон и Д. Локк много сделали для формулирования естественного права законов природы. Немецкий идеализм, как мы видели в «Шопенгауэре как воспитателе» Ницше тоже нес в себе здоровое зерно (оно также содержится и в «Психологии» Фихте в «Речах к немецкой нации», где он неплохо разделил поле интеллекта и совести и циклический гомеостаз поля Эгосистемы). Тем не менее, не это здо-

ровое зерно, не психология, а шизоидная философия немецкого идеализма оказала гибельное влияние на свое время. И Рассел и Ясперс, а до них Шеллинг и Кьеркегор много об этом писали (позже Айн Рэнд выступила против Канта как «главного злодея»).

Одной из фундаментальных черт, разделяющих древний восток и античность древнего запада, является как известно четкая линия разделяющая рабов и свободных на западе и отсутствие такой линии в размытой иерархии господ и слуг на востоке. Западные общества античности (греко-римского мира) были обществами олигархии свободных рабовладельцев, тогда как восточные иерархии власти были Левиафанами садомазохизма, где по выражению Спенсера, господа умели быть слугами вышестоящим и начальниками нижестоящим. Такой проблемы как деление общества на свободных и рабов на востоке не существовало. Понятно, что оно возникло в грекоримском Риме из-за специфики их Гибрис-Эго, отличающего их от циклического Эго Востока.

Если шизоидный интеллект, который всегда творит на поле Эгосистемы (интеллектуальная Эгозащита), соберется создавать теории социализма, то у него всегда получится «Олигархия свободных рабовладельцев» как в национал-социализме Гитлера или как в «классовой войне» Маркса. Потому что поле Эгосистемы — это поле физического контроля Господства и Подчинения. Циклического гомеостазу не надо теорий, достаточно «naked force», как говорит Рассел (откровенное насилие). Сломанному циклическому гомеостазу шизоидный интеллект строит системы четкого разделения братства свободных, командующих рабами, потому что без отношений насилия-подчинения (садомазохизма) физический контроль обойтись не может. Таким образом, Уэллс блестяще подметил теоретическое единство этих теорий, уходящих корнями в «безумие» Гибрис-Эго немецкого идеализма. Позже, ужеопыт показал параллель между двумя этими патологиями коллективизма, построенными на теориях шзоидного интеллекта. (Вспомнить хотя бы резонерство марксизма-ленинзма в советские времена, который

мог делать выводы из одних и тех же фактов в противоположных направлениях). Безумие нацистсткой теории было не менее очевидным, как известно.

Таким образом, чтобы отделить дух восточного коллективизма от духа западного коллективизма нам нужно не только уметь отделять голое насилие садомазохизма Левиафанов от научного контроля цивилизованного сообщества, но также шизоидные олигархии свободных рабовладельцев от естественного права научных сообществ.

Важно также заметить, что «раздвоение» цивилизации которое началось с зарождением в античности Интеллекта, всегда несло в основе своей здоровое развитие поля интеллекта и совести, а значит научного контроля духовной энергии человечества. Лучшее проявление мы сегодня имеем в физических науках, настоящем научном контроле доступном сегодня человечеству. Однако, и в социальных науках далеко не все погублено шизоидными теориями. Дух западного коллективизма как мы видели находил себе проявление в таких социальных титанах как Рим Антонинов, Католическая Церковь, Государство всеобщего благоденствия Рузвельта. Христианская церковь дружбы, Гражданское общество верховенства закона, институт прав человека, народный суверенитет, правовое государство, разделение властей — все это есть большой прогресс на пути к духу западного коллективизма платоновской республики естественного права.

Конечно, духовная власть Истины и физическая власть Силы не могут сочетаться в одном институте, и нам опять предстоит их разделить, как это уже сделало средневековье. И в этом реализация прогнозов Тойнби и Мережковского о победе Церкви над Государством: Международный Институт Естественного Права, основанный на научном контроле теории психической энергии как контроль граждан всего мира за национальными правовыми системами отдельных государств. Так мы реализуем фундаментальное условие современных демократий, принцип народного суверенитета: народ как субъект и объект власти. Граждане всего

мира, лучшие ученые и «святые», выборные на время, будут субъектами власти в качестве членов Международного Института Естественного права, и одновременно объектами власти своего национального права своих национальных государств. Вот так этот институт реализует, главный принцип западного коллективизма: ограниченные суверенитеты стран под единым научным контролем граждан-ученых со всего мира.

2. «ПРОИСХОЖДЕНИЕ СУВЕРЕНИТЕТА» Н. И. ГРАЧЕВА: НАЗАД, В ЯЗЫЧЕСТВО

Демократическая революция Хрущева-Горбачева вернула Россию на рельсы общемировой цивилизации и духа западного коллективизма, положив в основу Конституции народный суверенитет, верховенство закона, гражданское общество, частную собственность и права человека. Однако, уже 25 лет как мы переживаем «контрреволюцию консерваторов» режима Путина.

Марксизм-ленинизм потерпел крушение пока только практически. Его теоретический разгром придет с разгромом Дарвиновской парадигмы, то есть с победой Научной Революции Энергетика. Тем не менее, новый Левиафан физического контроля, который режим Путина поставил себе задачей построить, больше не может стоять на основах марксизма-ленинизма. Или только на них одних, потому что теоретики путинизма все равно периодически вынуждены прибегать к привычным резонерским формулам.

Книга «Происхождение суверенитета» Н. И. Грачева есть абсолютный образец того, как после демократической революции Хрущева-Горбачева, вновь на обломках гражданского общества начинает вставать чудовище-Левиафан физического контроля. Прежде всего, как всегда в физическом контроле поля Эгосистемы, четко разделяются полюса Господства и Подчинения — господ и рабов, классовых врагов, высшей и низшей расы. Назовите как хотите, а скорее всего весь этот наработанный материал каждый новый Левиафан уже будет в себя вклю-

чать. Факт в том, что как вы можете наглядно видеть из этой книги режима Путина, главной теоретической задачей они себе ставят фундамент физического контроля: четко разграничить полюса насилия и подчинения, класс господ и класс рабов. Поэтому вся книга заточена на полемику против достижений цивилизации в «духе западного коллективизма». То есть против народного суверенитета, верховенства закона и против прав человека. и поскольку эти достижения западного коллективизма стали возможны на основе научного контроля развития интеллекта, то «философия» учебника (насколько можно говорить о философии там, где ставят задачей обругать всю философию) направлена против рационализма как такого. То есть путь цивилизации «От мифа к Логосу» начавшийся в осевое время этических религий повернут вспять «От Логоса назад к Мифу», о чем говорится прямо и гордо, ведь в самом деле такого тенденция шизоидной мысли после крушения рационализма: «верую, ибо абсурдно», доказывать любой абсурд, когда истине отказали в праве на существование, стало очень модным. В итоге, потеряна всякая связь не только с рационализмом, с философией и с научным контролем, но и с догматами этических религий, на место которым поставлено идолопоклонство Вождю, Вождизму, Правящим Элитам, Верховной Власти, Государству-Левиафану, которые объявлены магическим сознанием физического контроля Сакральными и близкими к Богу в «Иерархии власти». То есть в количественной абстракции силового давления магического сознания поля Эгосистемы.

Президент России последние 25 лет, В. Путин, позиционирует себя как автора Теории Абсолютного Национального Суверенитета. Он нисколько не скрывает, что является убежденным националистом, который противопоставляет единой всемирной цивилизации человечества — «цивилизацию Россия» или «Русский мир». Он также прямо сформулировал свою позицию в споре с А. Козыревым, экс-министром иностранных дел, где поставил ему в упрек тезис об «общечеловеческих интересах»,

жестко противопоставив понятие «национальных интересов». В интервью О. Стоуну, он также подчеркнул, что является «прорусским» в отличии от О. Стоуна, который позиционировал себя как «гражданина мира», который стоит на стороне правды общечеловеческой.

Если мы рассмотрим главный учебник для ВУЗов по теории суверенитета, изданный в правление В. Путина, — «Происхождение суверенитета» Н. Грачева, издание 2018 года, мы увидим, что книга эта является самым циническим надругательством над Евангелиями Христа, которые только можно было бы себе вообразить. При этом в этой книге утверждается основная идея Путина о том, что Россия — православное государство, и следовательно та религиозная основа, о которой так часто говорится в «Происхождении суверенитета» — это христианство, другими словами Ветхий и Новый Заветы Библии.

Как же можно писать о Теократии, — а книга устанавливает Закон Божий в основе государства — и не делать ссылок на тот самый Закон Божий, который как утверждается, есть основа права государства? Очевидно, что учебник писал материалист-дарвинист, марксист-ленинист, который в прошлом привык ругать и гнобить христиан, как вражеское племя. У автора отсутствуют минимальные знания основ христианской теологии, и почти единственная ссылка на Новый Завет в тексте это слова Св. Павла о том, что «все власти от бога, и нет властей не от бога». Сам текст не только противоречит духу и букве Евангелия и Ветхого Заветов, но является прямым надругательством над всем, что там утверждается. Той «Хулой на Духа Святого», которая как говорит Иисус никогда не простится. И если Толстой в Исследовании догматического православия находит такую же хулу на Святого Духа, то там по крайней мере анализируется тексты Евангелия. Здесь, марксисты-ленинисты, материалисты-дарвинисты, самым наглым образом формулируют свои обычные догматы, и при этом утверждают, что Российской государство есть государство христианской теократии, ссылаясь на таких заклятых врагов Христа и церкви, как Ленин, Маркс, Энгельс, Ницше, К.

Шмитт (юрист Гитлера). Что-то одно, либо это христианская теократия, и тогда ее закон — это Библия, обязательный и для власти и для народа, или же это светское государство, и тогда его закон — это «возведенная в закон воля господствующего класса», как говорит Маркс, и как уверяет «Происхождение суверенитета» Н. Грачева.

Вот например, из приведенного ниже отрывка где дается определение «Права», «закона государства», можно видеть, что демократическая концепция «верховенства закона» опрокинута и опровергнута, и что вводится старое марксистское определение права: — возведенная в закон воля господствующего класса. Понятно, что тут и речи не может быть ни о демократическом верховенстве закона, определяемого народной волей (или волей большинства), ни о законе Библии, как Божьем Слове, ни тем более о правах человека, как естественном праве науки. Много раз подчеркивается, что закон для всех сочиняет «правящая элита» и нигде не сказано, что правящая элита в христианском государстве — это Христос и Евангелия. Цитатой Св. Павла о том, что вся власть от бога ничего не доказано, потому что Павел прав — разве все законы природы не установлены богом? И разве садомазохизм Левиафанов не есть результат законов детерминированной энергии психики? Но ведь те же законы природы говорят нам, что садомазохизм поля Эгосистемы — это тяжелая болезнь сознания, то самое язычество, с которым борется и христианство и все этические религии. И то что, бог сотворил все и в том числе сатану не значит, что мы должны принять сатану. Это значит что мы должны следовать законам природы Господа, а они в том, чтобы излечиться от зла Левиафанов поля Эгосистемы, излечиться от Сатаны.

Есть зато другая цитата из Евангелия которую любит приводить Мережковский настаивающий что только Христос может быть властью и главой государства и всякий кто метит на его место — Антихрист. «Мне принадлежит вся власть на земле и на небе». Как же получается, что элита путинской России игно-

рирует элиту христианства и в обход ей устанавливает законом свою собственную волю?

Н. Грачев «Происхождение суверенитета» (2018):

> «Право, с этой точки зрения, есть только лишь один из способов, методов политического руководства государством и обществом, пусть и самый важный в современном государстве. Право создается или признается государством и почти во всех своих сущностных качествах зависит от воли правящей элиты, от тех целей и задач, которые она ставит перед государством на том или ином этапе его развития. Роль права и его значение заключаются в упорядочении, стабилизации и воспроизводстве господствующих общественных отношений, «в замирении социальной среды» внутри государственно
> организованного общества, установлении и поддержании определенного
> стабильного порядка в нем. Но в любом обществе порядок общежития задается властвующей элитой. От правящих классов, сословий, групп, партий зависят содержание права и его роль, так как право — не единственный способ регулирования общественных отношений и создания «замиренной среды». Все это свидетельствует о приоритете политического над правовым в жизни государств на всем протяжении человеческой истории, или, говоря иначе, о приоритете государственной власти над правом, производности права от государства и государственной власти, которая и выступает основанием законности тех или иных правил и оценки тех или иных деяний в обществе.
> Разумеется, осуществление властной роли (функции) не исключает применение принуждения, манипуляции, персонального авторитета, «голой» силы, как это утверждает Т. Парсонс. Сила, могущество, обладание ресурсами экономического и физического принуждения, способность их
> применить являются фактической основой власти.
> Так как основной внутренней функцией государственной
> власти (если исходить из основной цели государства — обеспечение общего блага и общих интересов) является установление, поддержание
> и охрана общественного и правового порядка, то ей принадлежит монопольное, т. е. исключительное, безраздельное право на принуждение; узаконенное, «легитимное физическое насилие» а также суждение о том, ради каких целей подобает к нему прибегать.

> Именно государственная власть посредством своих органов нормативно определяет: объем прав всех субъектов общественных отношений; основания и условия их ограничения и даже отчуждения;
> юридические обязанности и запреты, а также меры принуждения и ответственности в случае их неисполнения или нарушения.
> Поэтому положение физических лиц, корпораций и союзов по отношению к государственной власти Р. Иеринг называет подданством,
> а положение последней относительно них определяет как верховенство»

Я со своей стороны утверждаю, что такой теории права не знает цивилизованная общественность со времен древних восточных деспотий, к которым эта работа Грачева «Происхождение суверенитета» беззастенчиво апеллирует. То есть учебник, который проповедует теократию христианства, нагло апеллирует вовсе не к Библии, а к язычеству древневосточных деспотий. Вот почему весь тот прогресс, которого добилось христианство в праве и в государстве за эти века, понятия нормативного права и естественного права, понятия народного суверенитета, единства субъекта и объекта власти в лице народа, верховенство закона, разделение властей — все это не только игнорируется, но самым наглым образом опровергается и отвергается с единственным обоснованием: ссылкой на авторитет «золотого века» языческих деспотий древнего востока.

Н. Грачев «Происхождение суверенитета» (2018):

> «В сознании людей традиционного общества государство и государственная власть имеют происхождение мистически-религиозное, всегда связанное с именем такого единоличного властителя.
> Хотя процесс образования государственности занимает длительное время, сам момент появления конкретного государства на исторической сцене выглядит как некий скачок, революционный взрыв в доселе плавно-эволюционном развитии этноса. Это всегда некое «чудо», божественный всплеск, воля провидения. Но видимой причиной этого «чуда» всегда выступает Сверхчеловек, Человек-Герой, причастный небесному огню хварно, обладатель харизмы, особой божественной благодати и наделенный свыше качествами, намного превышающими человеческую ограниченность и дающими ему силу

> для актуализации (проявления) и реализации суверенитета, как высшего жизненного символа народной жизни. Человек, в данном контексте, пользуясь словами ницшевского Заратустры, «есть нечто, что должно превзойти (преодолеть. — Г. Н.) ...сверхчеловек — смысл земли»

Здесь вопиющее язычество этого текста прямо говорит о Сатане, который обожествил сам себя, о Человекобоге язычества, о Сверхчеловеке врага христианства Ницше, о человеке-волшебнике, чьи способности превышают природу человека. В христианстве божий человек — это Святой, которые все известны своим служением человечеству на основе законов Евангелия, мученичеству ради этого служения. И первым был Христос, чья божественность позволила ему лишь сказать: я пришел послужить человечеству; у людей есть князья, но вы не будьте как они, но кто скажет я — первый, пусть будет последним». Вся теория Библии, и Ветхого и Нового Завета — эта теория социализма и правления закона, направленная против язычества Левиафанов: и их иерархии, и их «царей», и их господства и подчинения, и их магического сознания. Книга «Происхождение суверенитета» Грачева, которая претендует на водворении теократии христианства есть откровенно пропаганда как раз обратного: язычества и сатанизма древневосточных Левиафанов.

Вот в этой цитате где подчеркивается основной мотив произведения — нет равенства, есть только господство и подчинение (садомазохизм физического контроля) — авторы нашли даже «иерархию в степени близости к богу». Автор вообще не имеет представления о самых основах христианской теологии. Какая может быть иерархия лестницы в близости к Христу, сказавшему своим апостолам — «я в Отце и Отец во мне, и я в вас, и вы во мне». И он постоянно подчеркивает эту общность духа истинного Я человечества: «Я уже все вам рассказал, не называйте меня учителем, мы с вами друзья». «Не осуждать пришел я, но послужить», На судном дне Принц этого мира будет осужден, не имеет ничего общего во мне», «принц этого мира — сатана», и так далее в том же духе, Христос, как та школа иудей-

ская из которой он вышел и которая знаменита своим анархизмом, отрицает всякую иерархию, и всякое господство и подчинение, которые лежат в основе Левиафанов садомазохизма. А вот «теократия христианства» Грачева уверяет, что «правящая элита» располагается по степени близости к Богу.

Н. Грачев, «Происхождение суверенитета» (2018):

> «В переводе с древнегреческого «иерархия» означает «священная власть». Не случайно в традиционных обществах Древности и Средневековья было принято признавать *священный характер верховной власти* государства. Здесь «слово суверенный... обозначает нечто смежное с сакральным», а сама *верховная власть государства являлась* в то же самое время общественным *авторитетом* (auctorites).
>
> *Метафизический* уровень — значит находящийся за пределами физического мира, *трансцендентный* — то есть данный «свыше» и потому являющийся для всех частей и граждан государства *сакральным,* освященным и распространяющим свою *святость* на Верховную Власть и ее носителей. Эта *сакральность, освященность* есть общий имманентный признак подлинной, настоящей Верховной
>
> Власти, позволяющий ей устанавливать и поддерживать государственно-правовой порядок без принуждения и насилия, во всяком случае, постоянного или длительного.
>
> Однако определенная степень единства любого социального организма предполагает *иерархичность* его строения и внутренней организации.
>
> Исходя из религиозных традиций, *иерархия* есть такая градация социальных статусов, такой лестничный принцип и строй, где все ступени определены их близостью к Богу, который и есть источник любого земного авторитета, любой власти и силы, связывающий мир в единое целое. Афоризм апостола Павла — «нет власти не от Бога; существующие власти от Бога установлены» — как бы закрепляет status quo, в котором постоянно пребывает всякая власть.
>
> *Иерархия* есть *непременный атрибут любой власти*.
>
> Поэтому реальным основанием для политического единства народа является его мировоззренческое единство, что придает государству органический характер. Неслучайно на протяжении почти всей своей многовековой истории, за редким исключением, государство продолжало сохранять характер института религиозного или тесным образом связанного с религиозно-мифологическими представлениями.

> В органических государствах древности, где существовало мировоззренческое, религиозное и морально-политическое единство власти и народа, а каждое сословие и государственный институт в соответствии со своим местом и назначением четко выполняли возложенные на него функции, такой контроль был не нужен. Верховная власть духовно и нравственно связанна со своим народом, выступала во всех своих функциях как служение божественной справедливости и посредством этого своей стране и народу. Верховная власть в этой интерпретации являлась представителем Бога на земле, непосредственно транслировала божественное в государственную и общественную жизнь, выступала как проводник божественного закона. Поэтому традиционно суверенитет всегда связывался с персоной суверена, который отождествлялся как правило, с фигурой монарха. Имея источник своей власти в области трансцендентного, монарх обязан был следовать небесному Закону и возникшей на его основе традиции, исходящей из небесного источника».

Н. Грачев «Происхождение суверенитета» (2018):

> «Государство возникает тогда, когда уже фактически сложившаяся Верховная Власть устанавливает свое господство над населением, занимающим определенную территорию».
> Н. Грачев «Происхождение суверенитета» (2018):
> «Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что высшая и конечная, реальная (практическая) цель государства заключается в нем самом, в самом его существовании, его воспроизводстве
> и развитии. ...Государство, нация и церковь образуют единое целое.
> «Тот, кто принадлежит
> вере, принадлежит и к нации». Поэтому классическое государство древности опиралось на единый народный дух, общие верования, традиции, убеждения и нравы... Их «единство носило не просто политический, но скорее духовный — а зачастую прямо религиозный — характер»

Иисус как известно проповедник Царства Истины, а евангелие от Иоанна прямо называет его Логосом, то есть Богом-Интеллектом. «Происхождение суверенитета» Грачева доказывает, что все горе человека от разума, от науки, от рационализма, от прогресса. Другими словами, не Бог — это Интеллект, а именно Сатана в интерпретации этой книги становится разумом и интеллектом, который разлагает человека. Причем

разложение человека как раз в том и состоит, что он на пути прогресса, разрушает садомазохизм Левиафанов, и выходит к демократии народного суверенитета, к гражданскому обществу, к правам человека, к научному мышлению, к цивилизации и культуре. Книга прямо отстаивает магическое сознание варваров первобытных восточных деспотий и прямо объявляет всю цивилизацию и весь прогресс — загниванием или иллюзией. Больше всего нападает на отношения равенства, на народный суверенитет, на верховенство закона, постоянно подчеркивая, что их Левиафан — это отношения господства и подчинения, «иерархия», «неравенство», поскольку это основа не христианского общества социализма и братства, а физического контроля садомазохизма Левиафана. То есть язычества магического сознания варваров.

Н. Грачев, «Происхождение суверенитета» (2018):

> «Постепенная рационализация общественного сознания, заложенная еще католическим христианством и развитая протестантизмом, привела к утрате большинством европейских народов религиозного миросозерцания, устранению из политики и государственной деятельности религиозных принципов и норм, секуляризации общественной и политической жизни и десакрализации верховной власти. Теорией, заменившей собой принцип «божественного права», на основе которого строилась верховная власть традиционного общества, стала концепция народного суверенитета.
>
> ...Основой власти выступают отношения неравенства и зависимости между *субъектом* и *объектом* властного воздействия, проявляемого во властеотношениях. Из этого вытекает, что «невозможно осуществлять власть над самим собой» и в обществе, государстве всегда существуют те, кто обладает властью, и те, кто им подчиняется, властвующие и подвластные, управляющие и управляемые.
>
> Это тем более относится к государственной власти.
>
> В итоге в государственной жизни современных государств и народов народный суверенитет в том виде, в котором он представлен в теории и конституционном законодательстве выступает как определенная политико-правовая фикция. Рассматриваясь как носитель верховной власти, то есть ее субъект, народ, вместе с тем является одновременно ее объектом, вынужденный весь в своем целом и в лице отдельных граждан подчиняться решениям органов госу-

> дарственной власти, причем не только высших, но и центральных, региональных, местных. В этом также проявляется неразрешимое внутреннее противоречие теории народного суверенитета и его коллизия с концепцией государственного суверенитета. Ведь в соответствии с последней, суверен — носитель верховной власти — не может и не должен быть никому и никак подчинен, а его власть не может быть юридически ограничена, никаким иным субъектом властной деятельности внутри государственно организованного общества.
>
> Для народа в государстве и обществе предусматривается совсем другая политическая роль, совершенно иные функции и назначение. Они заключаются в отвлечении от изначально содержащегося в народе принципа власти и переносе этого принципа на определенное лицо или учреждение вместе с добровольным обязыванием себя повиноваться этому признанному им субъекту как непосредственному носителю верховной власти, держателю государственного суверенитета; в наличии способности выявить из своей среды или принять извне дееспособную верховную власть, а затем свободно и лояльно повиноваться ей, добровольно обязывая и ограничивая личное Я в своих отдельных единицах. В этом состоит первичный акт народного суверенитета, который дает возможность возникнуть, формироваться и существовать государству. Государство — это всегда иерархически упорядоченное единство народа».

Автор учебника «Происхождение суверенитета» не скрывает своего восхищения «кастово-сословным строем» варварских деспотий — тех самых Вавилонов и Египтов, с которыми до сих пор сражается святой народ на страницах Ветхого Завета, как со Зверем Апокалипсиса. Более того, проповедники «христианской теократии» приводят нам кастово-сословный строй Вавилона и Египта как образец совершенства Золотого века, от которого нас пробудил «грех» «постепенной рационализации сознания». Авторы объявляют «жреческо-военную элиту» языческих Зверей-деспотий — самой близкой по иерархии к богу, наделенной божественной мудростью. Но на чем основаны их знания? На мифах языческих деспотий! Авторы этого не скрывают, и со всей наивностью цитируют мифологии язычества, их Человекобогов-Зверей, обожествивших себя, и при этом утверждают, что они теоретики христианского государства. Таким образом, рассказы-

вая нам о христианском государстве, они не ссылаются на тексты христианского Слова Божьего, на Библию, но активно прибегают к цитированию мифов и ритуалов, порядков деспотий языческих государств. Они поэтому берутся утверждать, что люди, которые отождествляют «неравенство» и «иерархию» с властью — отличаются друг от друга социальными кастами, где верхние слои ближе к богу (а вождь — это воплощение божества как египетские фараоны), а нижние совсем никчемно далеки от бога. И потому, именно древние деспотии, где правили жрецы и воины — самые совершенные государства, тогда как государства где «рационализация» привела к революциям и народному суверенитету — это общества маргиналов, где правят нижние слои торговцев и промышленников, и видимо крестьян и рабочих, то есть самые презренные сборища дегенератов, далеких от бога в нижнем слое своей касты. Это так нам изложили существо евангелия и Христианской церкви братского единства.

Н. Грачев «Происхождение суверенитета» (2018):

> «Происходит постепенная рационализация сознания. На место мифологии и религии как основной формы познания и освоения действительности становится философия. Место духовных наставников — жрецов и магов — занимают философы, которые в отличие от первых, рассуждающих о богах, рассуждают о природе всех вещей, в том числе человека, общества, законов, государства, власти. Возникновение философии радикально меняет отношение к священному прародительскому праву, традиционным установлениям и авторитету царской, а затем и любой другой власти. Философия подрывает господство традиционного права и авторитета, подвергая все сомнению.
> …На пороге Нового времени зарождается идея прогресса, то есть представления о возможности принципиального улучшения окружающей действительности посредством человеческого разума и рациональной деятельности людей, о поступательном, в целом, ходе развития общества, необходимости радикального переустройства общественных отношений путем создания более совершенной политической организации на рациональных началах. Как считают многие современные философы, убеждение в прогрессивном, поступательном характере развития человечества со своей содержательной стороны было не чем иным, как мифом Нового времени. …До этого

> в сознании людей господствующим был противоположный миф, согласно которому «Золотой век» относился к прошлому, к «первичным временам», «правремени» Божественного сотворения мира, когда человек еще не отошел далеко, не отделился от своего Творца.
> На земле господствовал идеальный миропорядок и социум не был подвержен инволюции и деградации. В то время люди поддерживали Божественные установления с помощью передачи **сакральной традиции** на основе мифа, обряда и ритуала».

Н. Грачев «Происхождение суверенитета» (2018):

> «Происходит постепенная рационализация сознания. На место мифологии и религии как основной формы познания и освоения действительности становится философия.
> ...На следующем этапе деградации кастово-сословного строя на арену государственной жизни в качестве политической силы, претендующей на всю полноту власти, выходит третье сословие торговцев и производителей. В историческом плане этому этапу соответствует эпоха буржуазных революций. В политико-правовом аспекте — на смену абсолютным монархиям и аристократическим республикам приходят ограниченная монархия и олигархическая или демократическая республика. Третье сословие, бюргерство, буржуазия являются, как правило, носителями идеи юридического равенства и отрицают не только само право высших сословий на полноту власти, но и саму сословную систему.
> В Древней Греции идеология данного класса людей нашла свое выражение в философии софистов и эпикурейцев. В социально-политической сфере этому соответствовала ранняя демократия греческих полисов и, в частности, афинская демократия. В Новое время идеологией третьего сословия становится протестантская религия, а затем философия рационализма и позитивизма и различные либеральные концепции. Усеченная сакральность военной аристократии сменяется частичной фрагментарной сакральностью ранних буржуа как первоначального этапа десакрализации политики государства и власти».

Самое страшное, если народ «десакрализовал» своего Человекобога во главе Левиафана, — тогда ему грозит маргинальное общество демократии, где правят отбросы общества из низших каст. Они сочиняют глупые теории народного суверенитета и прав человека и верховенства законов с одной целью, чтобы оттеснить от власти тех, кто по статусу рождения в самой выс-

шей касте, в правящей элите, ближе всех к богу. Таковы основы языческой теологии «Происхождения суверенитета» в государстве Антихриста В. Путина.

Н. Грачев «Происхождение суверенитета» (2018):

> «Именно десакрализация верховной власти и утрата веры в экстраординарные, харизматические качества монарха как ее носителя приводит к возможности создания иной, демократической организации верховной власти. Теоретическим основанием такой замены и явилась концепция народного суверенитета. Можно сколько угодно сетовать по этому поводу, но «суверенный народ» оказался не в силах узнать в себе нового Бога, по крайней мере в части реализации им суверенных прав фактически, а во многом и формально юридически, передав их реализацию и осуществление своим полномочным представителям в органах высшей государственной власти. Как политический актор он оказался неспосо-
> бен заниматься решением конкретных вопросов, что с неизбежностью породило необходимость продолжение существования особой органи-
> зации верховной власти, не совпадающий с народом и продолжающей по прежнему представлять собой феномен реального носителя государственного верховенства (суверенитета) ...Народный суверенитет как особое политико-правовое явление, отличное от суверенитета государства, оказался не слишком глубоко проработанной юридической фикцией»

Н. Грачев «Происхождение суверенитета» (2018):

> «Концепция народного суверенитета носит совершенно умозрительный характер, смешивает понятия и смещает акценты. Доведенная до своего логического предела, она ведет к отрицанию суверенитета как политико-правового явления, а следовательно, и к отрицанию самой суверенной государственности. Самым значительным пороком этой концепции является противопоставление государства образующему его народу, который является его этносоциальным субстратом. Другой ее существенный недостаток заключается в потере суверена как субъекта верховной власти, обладающего правом и способностью принятия последних окончательных решений общенародного значения... Не случайно процесс нахождения общей воли, вытекающей из недр общественного мнения, Г. Гегель связыва-

> ет с деятельностью великих людей. С указанной точки зрения, авторитаризм и диктатура не могут быть решительной противоположностью демократии, а демократия — диктатуре и авторитаризму, на что практически в одно и то же время указывали такие разные мыслители, как В. И. Ленин, М. Вебер и К. Шмитт. Народ не может сидеть на престоле, надевать на себя венец и порфиру, постоянно пребывать в роли суверенного правителя. Ни весь народ, ни даже его активное меньшинство (элита) не способны быть последней инстанцией при принятии решений общего-
> сударственного значения. Народ является прежде всего объектом верховной власти, а не ее субъектом. Неслучайно отождествление субъекта и объекта верховной власти стало основным логическим противоречием либерально-демократических теорий 19—20 веков, которое оказалось неразрешимым и для практики современных демократических государств»

Н. Грачев «Происхождение суверенитета» (2018):

> «Как показывает история государственного строительства принцип разделения властей, также как и все другие либерально-демократические ценности (приоритет прав личности, верховенство права, частная собственность и рыночное хозяйство, парламентаризм и тд) эффективно действуют на своей родной, автохтонной для них почве, в первую очередь в странах англосаксонской политико-правовой культуры. По сути принципиально в них почти нет ничего демократического, зато очень много либерального. Будучи провозглашены универсальными эти принципы на самом деле имеют англосаксонское происхождение и отражают интересы двух сменивших друг друга гегемонов мировой капиталистической системы- Великобритании и США которые, внедряя их последовательно с Запада на Восток в идеологию и практику государственного строительства других стран устранили всех своих политических конкурентов — сначала полуостровных европейских (Франция и Германия), а затем и евразийских Российскую империю и СССР. Поэтому либеральные принципы организации государства и общества в Великобритании и США носят созидательный характер, но в отношении стран — их геополитических противников — выступают как разрушительное идеологическое и политико-экономическое оружие»

Точно в том же духе выдержана книга Владимира Соловьева, всем известного журналиста-апологета путинского режи-

ма, — «Революция Консерваторов», — которая уже самым своим названием отражает существо политики Путинского режима: назад, возврат к «Золотому веку» Язычества, к восточным Левиафанам, наподобие Византийского самодержавия-православия, которое унаследовала в свое время Московское Царство. Путинский режим есть прямо противоположное движение — движению русской религиозной революции. Если девиз Мережковского — вперед, к прогрессу разума и этики, к Третьему Завету, к Церкви естественного права законов природы, к социализму и братству христианства (и как истинный христианин Мережковский все свои тексты, особенно политические, перемежает цитатами из евангелия, которые у него встречаются на каждой странице), то девиз путинского режима, чьи теоретики проповедуют христианскую теократию и не знают основ ни Библии, ни Евангелий, — назад, к язычеству восточных Зверей-Левиафанов, физического контроля садомазохизма и магического сознания, назад от прогресса науки и разума, назад от цивилизации и демократии, прочь от равенства и социализма народного суверенитета.

Глубокое язычество тона Соловьева ничем не уступает тону книги Грачева «Происхождение суверенитета». Этот языческий дух, который слышно в каждом предложении так же невозможно подделать, как нельзя подделать дух истинного христианина, понимающего о чем идет речь в священной истории израильского народа. Здесь тот же цинизм материалиста, который рассуждает о международной политике как законе дарвинизма (осмеянного Мережковским в статье «Великая Россия»), где сильные пожирают слабых. Его насмешки над Академией Наук России, которая посмела сопротивляться, когда путинский режим подчинил ее силовым ведомствам, его уверения, что есть «государственная воля» устроить Тяньаньмэнь в России, и наконец, такая же откровенная пропаганда «кастово-сословного строя» древних Левиафанов, и те же насмешки над демократией, когда он цитирует какого-то лидера Египта: «Египет 4 000 лет жил без демократии». А динозавры жили сто миллио-

нов лет без людей, это же не значит, что их общество предпочтительнее цивилизованного общества.

И наконец, самое главное заявление этой книги: «конституция России построена на ложных посылках», потому что она построена на «общечеловеческих ценностях Декларации прав человека». То есть естественное право, как следовало ожидать, самый главный враг путинского Зверя Вавилона, или Зверя Византии, принцип один Левиафана восточной деспотии.

В. Соловьев, «Революция Консерваторов»:

> «А у нас вся конституция построена на ложных посылках, на заблуждениях, а главное — на ложном определении цели. Короче говоря, конституция должна быть прописана таким образом, чтобы опираясь на нее, можно было выстроить систему власти. При этом уже в конституции заложено представление о том, каким мы хотим быть общество. К слову, довольно наивно закладывать туда то, что сегодня представляется нам «общечеловеческими» ценностями. Если кто вдруг не знает — это те, что записаны в Декларации прав человека».

Напоследок, я хочу отметить роль Оливера Стоуна в пропаганде путинского режима — роль очень неблаговидную, так как этот режиссер снял фильм и напечатал по нему книгу, в которой он распиярил «Теорию Абсолютного национального суверенитет» Путина почти как подвижничество и героизм в борьбе за международную демократию. На протяжении всего интервью О. Стоун возвращается к теме суверенитета, к Мюнхенской речи Путина, к тому как печально обстоят дела даже для европейских стран, «превратившихся в сателлитов Америки», не говоря уже о странах третьего мира, и что среди этого общего рабства, только голос героического протеста путинского режима вносит свежую струю воздуха в международную демократию. Стоун даже заканчивает книгу диалогом под заголовком Суверенитет, хотя там нет ничего о суверенитете. Но так сильно его желание представить варварскую пропаганду путинским режимом возврат к языческим деспотиям древности, эту миссию Антихриста, которую Путин взял на себя под личиной реставрации христианства в России, что О. Стоун идет на компромиссы с совестью.

Д. С. Мережковский, «Предисловие к одной книге»:

> «В России более, чем где-либо в мире, дела дьявола, ложь и человекоубийство, покрываются именем Божиим. Дьявол украл у нас имя Божие.
> Истинное безвластие есть боговластие. Слова эти загадочны. Но пусть пока так и останутся они загадкою.

3. «РЕВОЛЮЦИЯ КОНСЕРВАТОРОВ» В. СОЛОВЬЕВА

Тема, которая проводится в «Происхождении суверенитета» Н. Грачева по всем направлениям развивается в «Революции Консерваторов» В. Соловьева. Есть в ней и свои особенности. Так, Соловьев заявляет, что Путин впервые в России проводит эксперимент «Ненасильственной смены элит», что должно означать, что до Путина в России царил физический контроль откровенного насилия. И действительно, Соловьев апеллирует к казням стрелецких полков Петром Первым и к сталинским ГУЛАГам, заявляя в конце, что «это не хорошо и не плохо. Это наша традиция». Таким образом, физический контроль оправдан, и получается, что Путин напрасно страдает в своем прыжке сальто-мортале, проводя впервые в российской истории смены элит без насилия. Пусть спросит мою спину уничтожает ли Путин интеллектуальные элиты общества без насилия! Пусть спросит Политковскую, Немцова, Хлебникова привержен ли Путин насилию. Даже Соловьеву понятно, что Путин в данном вопросе в абсолютной гармонии с традицией, или как он выражается «с нашим национальным характером». И весь тон его книги есть как бы предложение взятки интеллигенции, которая должна в обмен на «шубу с царского плеса» и «Дачу в кормление», «известные сталинские конверты элитам» разрешить смену Конституции с тем, чтобы по видимому можно было осуществлять смену элит и «Присматривать за ними», как говорит Соловьев, открыто совершенно в соответствии с национальной традицией: массовыми казнями и ГУЛАГами.

И тут Соловьев расписывает «наш национальный характер» как тот, что «Требует Вождя», и перечисляет гарантии, которые нам даст Вождь в обмен на новую Конституцию, где демократическая Революция Хрущева-Горбачева навсегда канет в прошлое, а мы и наш национальный характер опять будем наслаждаться давней традицией «Присматривать за элитами». И вот он начинает рассказывать, как «кормить элиты», как обеспечивать им достойное существование в обмен на их поддержку новой – старой конституции физического контроля Левиафана. Очевидно, что пока путинизму не удалось подкупить интеллигенцию Росси и поменять свободу демократической Революции Хрущева-Горбачева на Господство-Подчинение ленинского «государства как машины для насилия» или на рабство самодержавия. Однако, как Соловьев, так и Путин в интервью Стоуну прямо говорят, что самодержавие царизма и сталинизм советской России — есть одна и та же система физического контроля. И Уэллс, и еще раньше Герцен и Мережковский как мы видели с ними вполне согласились. Здесь мы видим циклическое Эго и традиция насилия вместо теоретизирования, вместо шизоидности как оторванной от реальности формальной логики. Мы видим сжатые в одну кучу совершенно логически несогласованные кусочки и обломки когда-то развалившихся теоретических систем. Так, Соловьев умудряется совмещать выживание сильнейшего как «Хищный Эгоизм» с «культурным кодом нашего национального характера — авраамическими религиями»; Дедушку Ленина и Спасителя; Шубу с царского плеча и «конверты Сталина», «вождистские настроения» и «код авраамических религий». Интересно, Соловьеву известно, что по слову Ренана и Мережковского: евреи на тысячелетия уничтожили у себя всякое правительство, чтобы воссоздать в Израиле гражданское государство по духу западного коллективизма?

В. Соловьев, «Революция Консерваторов»:

> «Человек по своей природе далек от того, чтобы быть толерантным. Человек — крайне тяжелое, скажем так, в общежитии существо. И ему сложно отказаться от своего эгоизма, от агрессивности,

от хищнических инстинктов. Да он и не должен этого делать. Строго говоря, он и человеком-то стал благодаря всем этим качествам. Человек таков, какой он есть, и попытки придумать, что он другой, заканчиваются провалом, сколько бы времени вы ни потратили на объяснения и убеждения. Все равно в какой-то момент он встрепенется и скажет: «Постойте, постойте. Я мужчина и рожден мужчиной.

...Начну эту главу с напоминания о том, что никто не отменял такой простой и элементарной вещи, как борьба за выживание. Причем человек выживает не только в формате один на один. Люди, как социальные животные, так или иначе все равно сбиваются в организованные структуры, высшей формой которых является государство. И государства находятся между собой в постоянной конкурентной борьбе

И, как мы говорили, жить этот новый человек сможет гораздо дольше — называются сроки в 500 с лишним лет.

Так что его будет объединять с обычным человеком, который родился где-нибудь в Кабуле, или в Мурманске, или в бедной сицилийской деревеньке? И кому будет нужен такой обычный человек, у которого и генетические заболевания могут обнаружиться, да и просто он несовершенен по набору генов? Он не два двадцать ростом, не колоссально атлетичен, у него не наращены мышцы занятиями с детства, у него не развит интеллект... Разница между этими людьми будет примерно такой же, как между homo sapiens и какой-нибудь маленькой несчастной макакой-резус. Как они будут вместе сосуществовать?

Да, конечно, кое-кто может сказать, что тут-то и придет Господь и поразит тех, кто посмел столь радикально вмешиваться в его замысел. Отлично. Может быть, и придет. Вот только факты прихода Господа хоть и зафиксированы, но в уже весьма далеком прошлом, и это отнюдь не означает, что подобное случится снова. Не буду, впрочем, обижать чувства как верующих, так и неверующих,

Человечество устроено совсем не одинаково».

1) КОНСТИТУЦИЯ ВРЕМЕН ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ХРУЩЕВА-ГОРБАЧЕВА «БЕССМЫСЛЕННА»

и требует пересмотра с учетом цели «формирования иерархии власти».

В. Соловьев, «Революция Консерваторов»:

«Конституция, по которой мы сейчас пытаемся жить, писалась не в спешке, но непонятно под какое государство и под какую задачу. И действительно, все 90-е годы наше государство было аморфным и бесцельным. Это было государство, в котором не сформулирована идеология, государство, в котором процветали настроения, озвученные Козыревым — «скажите, в чем наш интерес», государство, которое очень хотело стать каким-то, но никак не понимало каким. Которое, будучи медведем, пыталось притворяться хомячком или белочкой. А мы не хомячки и не белочки. Мы медведи.
Все это нашло отражение в Конституции, которая была представлена народу и за которую народ думал, что голосует. Хотя, конечно, смешно всерьез ожидать, что народ может взять и выбрать себе Конституцию. Конституция требует вдумчивого чтения и понимания, что из чего следует и к чему приводит. Поэтому, конечно, это всегда дело Конституционного собрания. Как оно формируется — вопрос другой. Так вот, то, что мы получили в конечном итоге, закрепило, на мое более чем непросвещенное мнение, потерю суверенитета в ряде очень важных областей.
Почему? Ясно, почему. Потому что Конституция помимо всего прочего также решала главную задачу: не построение нового государства, а уничтожение старого. Главная цель этой Конституции была, если угодно, обратной знаменитому ленинскому утверждению: необходимо уничтожить частную собственность на землю, потому что она ежеминутно, ежесекундно порождает капитализм. Поэтому Владимир Ильич настолько негативно относился к самой идее частной собственности на землю. Здесь же была предпринята, если угодно, обратная попытка — то есть попытка сделать все возможное, чтобы ни о каком возврате к социализму, особенно в вопросах собственности, речь не шла. Бежали впереди паровоза.
Мы решили, что у страны нет своего особого пути, — поэтому зачем нам «правящая» идеология? Нашли себе отмазку, что, мол, любая идеология не должна быть «правящей». Но идеология, действующая на государственном уровне, всегда должна быть! Она не обязана быть партийной — но все равно не может существовать государство, у которого нет цели, нет понимания, зачем оно существует. А у нас вся Конституция (или по крайней мере существенная ее часть) построена на ложных посылках, на заблуждениях, а главное — на ложном определении цели.
Затем мы решили, что будем бежать в Европу. Поэтому совершенно неожиданно возникла такая идея: «Собственные законы у нас не очень, поэтому мы, конечно, прописываем в Конституции статью 15 о том, что у нас законы есть, но хитро включаем пункт, что в слу-

> чае чего международное право по ряду позиций будет стоять выше, чем наше». Минуточку! Как такое вообще может быть?
> Короче говоря, Конституция должна быть прописана таким образом, чтобы, опираясь на нее, можно было выстроить систему власти. При этом уже в Конституции должно быть заложено представление о том, каким мы хотим быть обществом. К слову, довольно наивно закладывать туда то, что сегодня представляется нам «общечеловеческими» ценностями. Если кто вдруг не знает — это те, что записаны в Декларации прав человека. Ну вот, например, одно из них: право на жизнь. Очень хорошо. Но если в Конституции указано право на жизнь, его надо как-то реализовать на законодательном уровне. Как именно? Запретить болезни? Признать возбудителей заболеваний преступниками? Хорошо, а как будем их наказывать? Мы что, можем гарантировать это право? Чем? Как? Или такое замечательное положение: «Каждый рождается с правом на счастье». А что это за право, если мы даже не понимаем, что такое — счастье? Иначе говоря, получается, что весь этот набор хотелок и вдохновляющих призывов с юридической точки зрения довольно безграмотен. Он не дает ответа ни на один сущностный вопрос».

2) НАРОДНЫЙ СУВЕРЕНИТЕЕ, НАРОД КАК СУБЪЕКТ И ОБЪЕКТ ВЛАСТИ — ЭТО ПЛОХО ПРОРАБОТАННАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИКЦИЯ

Абсурд, так как Власть есть четкое разделение на Господ и Слуг, на тех кто Правит и тех, кто подчиняется

В. Соловьев, «Революция Консерваторов»:

> «Совершенно неожиданно мы столкнулись с тем, что все демократические формы правления по сути своей являются обманом — они даже близко не ставят перед собой задачу дать народу возможность управлять. Даже в страшном сне невозможно себе представить, чтобы народ действительно стал управлять жизнью государства на высших уровнях.
> Почему? Очень просто — потому что народ не знает ответа на большинство вопросов. Потому что если бы было проведено голосование, то Ной никогда бы не построил свой ковчег. Потому что иногда необходимо обладать специальными знаниями. Но при всем том голосование по ядерному проекту должно проходить среди профессионалов, которые понимают, о чем идет речь. И для участия в голосовании по налоговой реформе тоже, нравится это нам

> или нет, требуется определенный уровень образования. И так почти во всем. То есть ответы на профессиональные вопросы должны давать профессионалы».

3) ФИЗИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ НАСИЛИЯ: ГОСУДАРСТВО КАК МАШИНА ДЛЯ НАСИЛИЯ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

В. Соловьев, «Революция Консерваторов»:

> «Ты понимаешь, что перед тобой стоит тяжелейшая, сложнейшая системная задача. Невольно хочется закричать: «Дедушка Ленин, приди!»
> …Путин осуществляет попытку трансформации от страны падающей и разваливающейся, какой она была при Ельцине и какую он принял в наследство, в страну возрождающуюся. Но такие масштабные преобразования возможны только при трансформации элит. И вот впервые предпринимается попытка трансформации страны и трансформации элит без использования традиционного русского механизма. Что это за механизм? Выражаясь современным языком — механизм репрессий. А конкретнее — уничтожение предыдущих элит. Никогда, ни разу за всю историю России не было такого, чтобы страна переживала возрождение после периода упадка либо в ней менялась общественно-экономическая формация — и не приносились в жертву этой трансформации или этому возрождению человеческие жизни. Посмотрите, как раньше было просто! Что Иван Грозный, что Петр I, что Ленин, что Сталин, не задумываясь, бросали в горнило перемен предыдущие элиты, и на этом человеческом топливе осуществлялись реформы, совершался гигантский скачок в развитии.
> Петр I сначала вырубил стрельцов, а потом начал создавать новую элиту и посылать ее за границу на обучение. Так же действовал и Владимир Ильич — старая элита куда-то делась, а новая набиралась при этом достаточно жесткими методами. Я уже не говорю про Иосифа Виссарионовича — состариться на службе было практически нереально. Но никто не судил победителя. Уж что-что, а человеческие жизни в России не считались никогда. Все смотрели, насколько страна приросла богатствами, насколько она стала больше или меньше, и никого на самом деле не волновало, ценой каких жертв доставались эти достижения. Это не хорошо и не плохо. Это всегда было особенностью России, и мы должны к этому относиться как к исторической данности.

> Путин этот кровавый механизм обновления для себя не принимает. Но при этом надо понимать, что старые элиты ведь никуда не делись. Они по-прежнему сидят на своих местах, им хорошо, они срослись, сроднились, сплелись в единое целое. Старые элиты, спрессованные в кланы, всегда стремятся либо оседлать финансовые потоки, либо, если так проще, обосноваться на своем кусочке пирога и не крошечки отщипывать, а уж по большому счету — набить рот так, чтобы на поколения вперед хватило.
> Невозможность уничтожить существующую элиту, конечно, приводит к тому, что ты должен отодвигать этих людей. А если ты их просто отодвигаешь, значит, у них сохраняются связи, наработки, навыки. Не случайны предположения, что некоторые назначения людей из числа старых элит на большие вкусные псевдоинновационные проекты — это всего лишь плата. Своеобразный откуп. Чтобы не сильно мешали и были под присмотром. Не уверен, что это до конца соответствует действительности, но есть и такая точка зрения.
> В условиях нашей страны вопрос сменяемости власти имеет несколько болезненный оттенок. В России ведь всегда было просто: получил пинка под зад — теряешь все, что есть. И это отнюдь не специфика советской или постсоветской системы. Культуры ухода с должности в России не существовало практически никогда. Опала — и до свидания, вспомним того же Меншикова».

4) ИДОЛОПОКЛОНСТВО ГОСУДАРСТВУ: НАМ НУЖЕН ВОЖДЬ, У НАС ВОЖДИСТСКИЕ НАСТРОЕНИЯ; У НАС ВСЕГДА БЫЛ ЦАРИЗМ

В. Соловьев, «Революция Консерваторов»:

> «Я думаю, что, например, у наших граждан чувство счастья связано с чувством гордости за страну. С пониманием, что мы возрождаемся как великая империя. Которая, правда, к моему большому сожалению, уделяет недостаточно внимания экономике. И это очень опасно.
> Притом он глобально изменил представление России о себе. Мы вновь начали ощущать себя сверхдержавой именно благодаря «Крымской весне», — а сирийская кампания это ощущение развила и закрепила. И сразу стало ясно, что идеологическое наследие 90-х, когда нам со всех сторон вдалбливали в голову, что мы должны двигаться по общечеловеческому пути, что никакого особого рос-

> сийского пути не существует, это все чушь, есть общие тенденции, которых надо придерживаться, а вы никто и звать вас никак, — признано негодным и отброшено в сторону за ненадобностью. И вариант первого министра иностранных дел ельцинской поры Андрея Козырева — «Вы нам скажите, какие у нас должны быть национальные интересы, а мы им будем следовать» — уже никуда не годится. При Путине такие шуточки не проходят».

5) ЦАРИЗМ И СТАЛИНИЗМ — ОДНО

И там и там Левиафан Господства и Подчинения физического контроля. Гражданское общество и частная собственность — не наш национальный характер

> «Человеческий эгоизм таков, что при желании мы бы с радостью подмяли государство под себя, заставили бы его служить себе и только себе, ничего не отдавая взамен, считая, что нам все должны, а мы теоретически не должны ничего.
> Мы ведь по-прежнему воспринимаем государство как нечто нам не принадлежащее, далекое и чужое. И в России так было всегда. Это часть нашей ментальности. Не только потому, что мы вождистская страна и готовы принимать правила игры, которые диктует верховный правитель. Именно поэтому меня умиляют разговоры о возрождении в России монархии. Да вы мне еще найдите ныне живущего монарха, у которого были бы такие полномочия, как у президента России после написания Конституции под Ельцина! Дело не в этом. Дело в попытке найти компромисс между тем, что человек принимает как правильное, и тем, что окружающие люди воспринимают как правильное. А для этого надо отказаться от дикого количества вранья.
> Как создать современную элиту? О чем она? Как ей платить? Как дать почувствовать себя защищенной? Ну что, опять вводить звания и титулы? Наверное, но выглядит как-то смехотворно и искусственно. Это не работает. Не наша традиция. Уже не наша. В этом и проблема — в том, что царскую традицию мы уничтожили, потом уничтожили и советскую — а ничего взамен не предложили. Вот мы и тычемся, как слепые котята, и пытаемся то восстановить обшитые золотом мундиры, то встать на американский путь, не понимая, что мы не американцы и страна у нас не протестантская.
> ...Вы обращали внимание, что любые разоблачительные фильмы о богатстве первых лиц государства и благах, которыми они пользу-

ются, не вызывают у народа какого-то особого гнева? Как вы думаете, почему так происходит? Ну, в первую очередь потому, что народ умен. И когда людям рассказывают про бесконечные «дачи Путина», они задают простой вопрос: а как он ими будет пользоваться? Каждый шаг Владимира Владимировича хорошо известен, он все время в том или ином виде на работе. Дачи принадлежат не ему лично, это государственные объекты. И что? Что он, в хибаре должен жить, как бывший президент Уругвая Хосе Мухика? Не все столь эксцентричны. Путин свой образ жизни заслужил, нет вопросов.

Примерно то же справедливо и для многих других политиков. Недовольство вызывают только люди, которые, говоря словами Городничего из бессмертной гоголевской комедии, «не по чину берут». Вот тут уже возникают вопросы.

Основной вопрос, с которым сталкивается любой человек в нашей стране, пытающийся решить вопрос элит, звучит так: «А как элиты могут стать богатыми?» Как выстроить в современной России систему, которая позволяла бы людям при занятии высокой должности так же вырастать в своих доходах до приемлемого уровня? Вопрос очень сложный.

Трагедия России в том, что традиционное наше представление о том, что хорошо и что плохо, в 90-е годы оказалось загнано в прокрустово ложе западной модели, которая нам, вежливо говоря, отнюдь не близка и не очень подходит. Ведь как было просто во времена князей, царей и императоров в таком нехитром вопросе, как оплата труда государевых людей! Получаешь высокую должность — а вместе с ней правитель тебе и содержание назначает. Может поместье с несколькими сотнями душ пожаловать, может дать на кормление уезд или губернию, может дом подарить, может шубу со своего плеча пожаловать, может, как вдове и детям Пушкина, пенсион назначить.

То есть по мере поднятия по служебной лестнице твои проблемы моментально решались. И все понимали, какой строчке в табели о рангах какой уровень дохода соответствует, и ни у кого никаких сомнений не возникало. А дальше уже многое зависело от того, как ты всем этим распоряжаешься да как дела ведешь, — и тот же самый император мог в случае чего все пожалованное имущество в любой момент отозвать. И ни у кого даже вопросов не возникало, поскольку де-факто все принадлежало царю. Если государь тебе сегодня дал имение, а завтра забрал — имеет полное право. Он самодержец. Хозяин земли русской.

Общество было устроено просто и понятно: есть царь, есть аристократия — и дальше по нисходящей. Было еще отнюдь не многочис-

ленное сословие купцов и промышленников, где деньги зарабатывались, но существенная часть благ именно *давалась*. Есть, кстати, версия, что слово «дача» произошло от слова «дать». Тебе дали — потому и дача. Не уверен, что это соответствует истине, но тем не менее звучит похоже.

Как ни странно, во времена советской власти многое осталось тем же самым. Несмотря на представления о колоссальном аскетизме большевиков, надо отметить, что они не вполне соответствуют действительности. И система, которая появилась уже при Владимире Ильиче Ленине, при Иосифе Виссарионовиче Сталине достигла своего абсолютного совершенства.

Мало кто знает, что именно Сталин ввел в обиход пресловутые «конверты». Притом в конвертах раздавались в разные годы настолько крупные суммы, что они бы вызвали удивление у простого рабочего, уверенного, что генеральный секретарь, как во времена Ленина, должен получать столько же, сколько средний питерский рабочий. Народ об этом ничего особо не знал. Все понимали, что можно говорить, а что нельзя. И все понимали, что элита живет по-другому. А элита четко знала: поднимаешься по лестнице — получаешь довольствие. Служи верно, и за это государство тебя вознаградит. Ведь в России не только 70 лет советской власти, но и как минимум тысячелетие до этого как такового института частной собственности с ее священным правом, вежливо говоря, не существовало. Все священное право частной собственности заканчивалось с царским повелением или простым поднятием брови. И никто тебе не мог помочь, и никуда тебе было не деться. И перенести свое богатство ты никуда не мог.

Итак, за последние десятилетия в нашей стране были созданы общественные институты, которые не имеют ничего общего ни с национальным характером, ни с национальными традициями, ни с национальным мироощущением. И что с этим делать, как выработать модель, где все было бы справедливо и закономерно, никто не знает. Был ряд предложений, призывавших вернуться к историческому опыту — то есть предлагалось смену элит проводить исходя из принципов, которые когда-то уже были использованы, правда, с переменным успехом. Иначе говоря, это либо реинкарнация аристократии, которую также можно назвать партией — потому что, по сути, что правящая партия, что аристократия в России всегда была подчинена воле того, кто находится на самом верху (хотя и не без эксцессов, как показывает нам опыт дворцовых переворотов). Либо второй путь — аналог масонского ордена или ордена иезуитов. Путь, которым пошел Владимир Ильич Ленин.

> Как бы то ни было, сейчас аристократии уже давно нет. А зацепки в сознании по-прежнему остались. Во-первых, у нас всегда были сильны вождистские настроения. Во-вторых, всегда было понимание, что раз уж люди во власти дело делают, конечно, у них должна быть какая-то материальная отдача. Но никто не думает над тем, как создать социальные институты, способные разрешить это противоречие».

6) РАЗДЕЛЕНИЕ НА РАСЫ: ТВОРЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ И НЕКРЕАТИВНЫЙ БАЛЛАСТ

В. Соловьев, «Революция Консерваторов»:

> «Получается, что человечество будет разделено на новые категории, и социальные формы не поспевают за этим новым, все явственней зарождающимся разделением труда. Мы по привычке продолжаем говорить: развитые страны, неразвитые страны. Все это ерунда. Деление будет совсем другое.
>
> Новая разделяющая линия пройдет по уровню креативности населения, которая зависит от миллиона факторов. Не только от возможности получать бешеное количество знаний — сейчас это несложно: подключись к любой сети. Гораздо более важным станет воспитание искусства анализировать это знание и преобразовывать его в новое знание — то есть творить. И вот здесь все человечество и каждый человек в отдельности натыкается на сложнейший выбор. Кто ты? Балласт, который можно дешево и просто прокормить (для чего существует гигантская индустрия ГМО-продуктов), который можно заставить потреблять, но по большому счету главное — чтобы не мешал? Либо избранный, входящий в небольшую прослойку, которая, благодаря тому что получает другое по качеству образование — образование творцов, — начинает реально управлять миром и процессами, в нем происходящими?
>
> Это разделение очень опасно, особенно учитывая то, что наша страна сейчас очевидно проигрывает в этой борьбе. Притом проигрывает из-за собственной глупости и расточительности. XX век характеризовался тем, что именно Россия оказалась, если можно так выразиться, разработчиком нового социального эксперимента и пыталась воплотить его в жизнь. Именно Россия привела к вовлечению в творческую орбиту нового и по-другому мыслящего типа людей. Да, это было сделано методами, которые современному человеку кажутся неблизкими, кровавыми и тяжелыми. Но тем

не менее была создана та самая рабоче-крестьянская интеллигенция, которая поразила мир своей креативностью. И базировалось это в первую очередь на том, что широчайшим слоям населения было дано качественно иное образование. Творчество, креативность — это всегда пирамида знания. Всегда необходимо выстраивать пирамиду для того, чтобы на вершине оказался Эйнштейн. Невозможно найти одного Эйнштейн Мы в какой-то момент времени сознательно ушли от этой идеи, отступив от системного образования и воспитания творческой личности. Именно творческой — что, казалось бы, странно, учитывая, что мы жили в тоталитарном государстве. Но уйдя от тоталитарного государства к псевдодемократическому, мы ушли от школы творческой к школе-угадайке, где творчество вообще не играет никакой роли, а вся задача сводится к тому, чтобы знать правильный набор ответов или хотя бы суметь угадать его. Вот и все объяснение того, чем отличается современное образование от прошлого.

Трагедия на каждом шагу. Трагедия, которой мы пока не видим или не хотим видеть. Деградация, которая охватила наше общество, вызывает печаль и страх. Но только не у тех, кто до недавнего времени отвечал за образование. а и сразу его вырастить.

Но для того чтобы жить до 500 лет, чтобы быть больше, чем человеком, чтобы регулярно проходить апгрейд, чтобы все это себе позволить, ты должен родиться и вырасти в атмосфере богатства. Это очень дорогое удовольствие.

«Проапгрейдить» все человечество невозможно — на это просто не хватит денег. Возникает вопрос — а куда девать остальных? Что, скучающие миллиардеры будут тратить собственные деньги на генетические улучшения для нищих детей Африки? Конечно, нет. Таким образом, мы присутствуем при разделении человечества на типы, граница между которыми будет даже более жесткой и более страшной, чем в Средние века. Начинается новое расовое расслоение. В этом расовом расслоении будет сформировано общество вот таких замечательных улучшенных людей, которые живут по 500 лет и которые больше всего на свете боятся погибнуть, потому что смерть всегда дико пугает тех, кто обладает даром бессмертия: умереть ты не можешь, а вот пристрелить тебя могут всегда. Конечно, в твои планы это не входит, и ты начинаешь отделять себя от остального человечества. Ты должен создать для них некую форму гетто, но это должно быть гетто, обитатели которого не хотят бунтовать. Поэтому либо ты будешь заниматься евгеникой, выращивая дешевым способом людей с подавленной волей, либо ты должен дать им нечто, чем бы они довольствовались, бросить, как говорится, кость».

7) РАЗДЕЛЕНИЕ НА НАЦИИ: МЫ ДРУГИЕ, НЕ ТАКИЕ, НАШ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ДРУГОЙ

В. Соловьев, «Революция Консерваторов»:

> «Почему же Россия — по крайней мере пока — принципиально не встает на этот путь, причем не стесняется говорить об этом во всеуслышанье? Тут дело не в тяжелом наследии сталинизма и не в том, что мы изначально плохие. Дело в том, что в русском человеке присутствует своего рода генетическое недоверие к Западу — притом что мы постоянно смотрим на Запад и пытаемся сверять с этим камертоном свои действия. Такой вот загадочный дуализм — то, что имел в виду Фрейд, говоря об амбивалентности русской души.
>
> В русском народе очень сильна историческая память, которая никак не пускает нас в Европу. Эта историческая память — и о временах походов крестоносцев на Русь, когда нам впервые попытались объяснить, в чем состоит истинное христианство (отсылаю всех к замечательному фильму «Александр Невский»). И о вторжении Наполеона. И, конечно, невозможно не отметить, что наше массовое сознание в огромной степени сформировано на фундаменте победы в Великой Отечественной войне, которую мы вели именно с тем самым просвещенным Западом.
>
> И сейчас мы говорим: «Слушайте, а почему вы все время пытаетесь нас убедить, что вы несете нам добро? Вот и теперь вы несете определенный набор идей — но это уже не в первый раз. Вы уже нам несли идею о сверхчеловеке — но мы при этом не были для вас сверхлюдьми, и потому нас ожидала либо, в лучшем случае, рабская доля, либо уничтожение. То есть вы уже пытались воплотить за наш счет свои идеи и опять пытаетесь идти той же дорогой. Вы сошли с ума?» А нас уверяют: «Нет, ну что вы, одумайтесь, сейчас же все по-другому!»
>
> Зачем? Зачем это каждый раз делать? Почему мы никак не можем понять, что да — мы несколько иные.
>
> Меня, к слову, всегда умиляют люди, которые раз за разом с тупым упорством долдонят: «А вот если ты патриот, то ты не должен ездить на Запад!» Это, простите, с какой радости? Патриотизм — это не подписка о невыезде. Наоборот, надо брать все лучшее, что есть на Западе. Надо, если есть возможность, ездить на Запад, и учиться, и смотреть, — но использовать это правильно. Осознанно.
>
> Для либералов государства нет. Для либерала в конечном счете каждый человек вправе сам выбирать, как ему жить, где ему жить,

> в какой стране. У него нет никаких обязательств перед страной. Он считает, что такие обязательства — это странно и глупо, потому что превыше всего личная свобода. Личная свобода — и все. Ради личных свобод можно пожертвовать чем угодно, включая Родину. Она вообще не важна.
> Для русского человека такой подход неприемлем. Именно поэтому возрождение России началось с понимания того, что не то чтобы либеральные представления плохи — они есть и есть, это личное дело либералов. Проблема в том, что они не соответствуют нашему национальному характеру
> Для нас Родина не пустой звук. Для любого человека, воспитанного в традициях не 90-х годов и ЕГЭ, а в традициях классической школы, Родина — это определяющее понятие. И пожертвовать собой ради Родины для либералов кажется глупостью, а для нас — естественной частью любви к ней. Либерал не в силах понять, как может быть так, чтобы он, его желания, его жизнь не являлись центром Вселенной. Для нас является бесконечно странной такая точка зрения либералов. Здесь мы начинаем расходиться. И эти различия, постепенно накапливаясь, приводят потом и к гигантским страновым различиям. Они, оказывается, все о другом. Мы мыслим иными категориями».

8) ЕДИНОЙ ИСТИНЫ И ЭТИКИ НЕТ

Демократия — инструмент порабощения в руках Агрессора-Америки. Все возвращаются к своему исконному варварству.

В. Соловьев, «Революция Консерваторов»:

> «Получается, что мир никак не выстраивается в простую, радужную, одинаковую модель. И люди развиваются слишком разными путями, чтобы суметь вдруг унифицироваться. Поэтому идея о том, что есть некое будущее для всех, по сути, несправедлива. Это обман. У каждого — свое будущее. Мало того, представление о том, что хорошо и что плохо, очень сильно различается. Далеко не факт, что вещи, которые одному народу кажутся воплощением счастья и идеалом, к которому надо стремиться, будут соответствовать представлениям другого народа.
> Нам очень долго казалось, что демократия — это такая замечательная одежка, которая всем подходит. Не важно, какая страна, какие у нее традиции государственности, какой культурный бэкграунд, — все равно общие принципы демократии работают для всех. Хотя подспудно мы все-таки хорошо понимали, что все воспринимают их по-разному.

Так что происходит? А происходит то, что в разных странах независимо друг от друга общество отказывается от того, что в последние десятилетия считалось высшей формой общественного устройства — от демократии. Даже «Исламское государство» представляет собой не что иное, как отход от казавшейся уже традиционной демократической формы управления и возврат к еще более традиционной — фундаменталистской. Ведь Халифат существовал задолго до пришествия демократии в эти края.

В Арабских Эмиратах — демократия, что ли? Да даже близко нет. Однако темпы роста экономики были очень неплохие. Что, в Китае — демократия? Не смешите меня.

Поэтому, как рассказывали мне многие президенты (звучит нескромно, но вполне соответствует действительности), в какой-то момент они вдруг решали проанализировать ситуацию и становилось ясно, что стоит лишь чуть-чуть, немножечко придушить каналы финансирования некоммерческих организаций из-за рубежа, как протестная активность моментально спадает. А если закрутить краник полностью, то на площадь выходят уже не сотни тысяч разгневанных граждан, а несколько десятков городских сумасшедших. Потому что за любой активностью все равно всегда стоят деньги. А еще, как правило, — местные оппозиционные круги, играющие с властью в кошки-мышки и больше всего на свете мечтающие сами занять ее место.

Или вот все вызверились на корейцев. Так разозлила всех Северная Корея — прямо ужас какой-то, аж кушать не могут. А что Северная Корея сделала не так? Она настолько обнаглела, что позволила себе развивать ядерную программу? Понимаю. Это страшно бесит? Понимаю. А что, в Израиле нет ядерного оружия? Нет, я прекрасно помню знаменитую фразу Голды Меир: «У нас нет ядерного оружия, но если потребуется, мы, не раздумывая, его применим». В Израиле есть доктрина применения того, чего у них нет. И что, будем после этого говорить про отсутствие двойных стандартов?

Пойдем дальше. Египет — сейчас он по большому счету возвращается во времена, которые можно назвать фараоновскими, пусть и с большой долей условностиВ любом случае знаменитая фраза генерала ас-Сиси о том, что в Египте четыре тысячи лет не было демократии и, даст бог, еще четыре тысячи лет не будет, объясняет многое.

Рядом — Турция, где, как мы уже говорили, Эрдоган возвращается к султанату.

Иначе говоря, как себя ни назови, а привычная форма управления все равно проступит через любой демократический флер, хотя, в свою очередь, тоже претерпит изменения».

9) НЕСПОСОБНОСТЬ ВИДЕТЬ ПОЛЕ ИНТЕЛЛЕКТА И СОВЕСТИ

Запад –это только звериный Оскал под маской цивилизации. Неспособность увидеть Историю Великой Цивилизации становления Интеллекта, Науки, Этики, Теократии Естественного права

В. Соловьев, «Революция Консерваторов»:

> «XX век был веком победившей демократии, что в переводе на русский язык означает, что феноменальное доминирование Соединенных Штатов после Второй мировой войны, когда на их долю приходилось 60% мирового ВВП, подкреплявшееся также очевидной военной мощью, которой мог противостоять только Советский Союз, показало миру определенную модель. Под эту модель, получившую название «демократии», начали одна за другой подтягиваться другие страны — в первую очередь, конечно, те, где размещались американские военные базы, так что выбора у них было немного.
>
> Человечество устроено совсем не одинаково. Идеи, которые де-факто озвучивают все американские политические лидеры, говоря о гегемонии Америки и о том, что все должны быть как Америка и обустраиваться по ее образцу, — это не то чтобы идея очередной Вавилонской башни, которая также обречена на разрушение. Нет. Скорее, это идея, во многом повторяющая великий Рим. Я неоднократно говорил об этом в своих предыдущих книгах. Но эта идея порочна тем, что при ее реализации вольно или невольно уничтожается все многообразие.
>
> Закончить эту главу я хочу тем же, с чего ее начал. Каждый раз, когда вам рассказывают о высоких ценностях и о правах разнообразных меньшинств, когда говорят, что есть право на странную любовь у взрослых и детей, а потом начинают уверять в том, что у человека есть право на любовь с животными; когда сообщают, что уже сейчас где-то в Южной Америке зафиксирован брак между тремя мужчинами, и пытаются вас убедить в том, что вы нарушаете чью-то свободу, знайте: вам всего лишь пытаются что-то продать. Каждый раз, когда о какой-то стране говорят, что она неправильно себя ведет, знайте: это всего лишь идет борьба за рынки. И каждый раз, когда вы аккуратненько потрете позолоту громких и красивых слов, она слезет и под ней вы увидите оскал. И этот оскал вам совсем не понравится.

> Под всеми своими лозунгами вы всего лишь пытаетесь сделать то, о чем многократно уже говорилось: сменить власть. Потому что сейчас пришла та власть, которая вам неугодна. Которая имеет наглость проводить собственную независимую политику, тем самым мешая вам распространять свое финансовое и экономическое влияние. И вот это вас волнует больше всего. И когда, несмотря на ваши санкции, у России почему-то получается удачно размещать свои евробонды и все-таки привлекать сюда иностранные инвестиции, когда к нам приходят зарубежные компании, вы в бешенстве пытаетесь ужесточить режим санкций, хотя для этого уже нет никаких причин».

10) ДЕНЕЖНЫЙ СОЦИАЛИЗМ

как экономическое порабощение людей государственной собственностью и денежными отношениями. Деньги в периода перехода человечества от физического к научному контролю выполняют важную функцию: в мире хаоса экономических отношений они сохраняют свободу индивиду как хозяйствующему субъекту. Деньги гарантируют относительную экономическую свободу в мире частной собственности и гражданского общества, что очень важно в переходный период.

Однако, если собственность государственная, то денежная экономика превращает людей в рабов государства со скудной зарплатой, что значит, что их обворовывают, крадут их труд, высасывают жизненные силы, оставляя доступ к результатам труда только на самое скудное выживание.

Плановая экономика, когда она станет возможна для зрелого научного контроля не будет денежной, и люди будут иметь свободный доступ к результатам своего труда. На такой «наутральный социализм» теоретики Левиафанов не согласны.

В. Соловьев, «Революция Консерваторов»:

> «В отношениях человека и государства мы хотим от государства простейших вещей. Самых элементарных. И хотели бы, чтобы кто-то их нам дал. Кто? Власть.
> Чего мы хотим от государства? Во-первых, защищенности — что крайне тяжело на такой гигантской территории. Во-вторых, мы хотим высокого уровня образования для своих детей и для себя. В-

третьих, высокого уровня медицины. И, в четвертых, возможности реализации. Но под возможностью реализации большинство из нас понимают не частную активность. Мы готовы и это оставить в руках государства. Но мы хотим, чтобы эта возможность реализации состояла в востребованности государством результатов человеческого труда.

Почему нам так нравилась социалистическая модель? Ну так получилось, что процент активных предпринимателей в нашем народе достаточно мал. Все же не очень мы приспособлены к бизнесу. Наш народ больше заточен на защиту Родины, на служение, на то, чтобы каждый день ходить на работу. Но создать свой бизнес способен очень небольшой процент. И те из них, кому удалось создать действительно большой бизнес, чувствуют себя скорее министрами, потому что им приходится решать в условиях России такие задачи, которых нигде в мире больше решать не надо. Классический бизнес, который должна волновать только прибыль, сказал бы: «Да идите вы!» Но в России, как только он это скажет, придет государство, отвесит магический пендель и заставит работать совершенно по-другому. Нам говорят: «Ну вы что, не понимаете, что полноценное экономическое развитие можно реализовать только в условиях демократии?» Но довольно сложно, знаете ли, в условиях демократии заставить человека ехать на Крайний Север преподавать в маленькой поселковой школе или лечить в маленькой поселковой больнице. Он скажет: «Я не хочу». А вы ответите: «А, ну хорошо». Да? Или, может, большие деньги предложите? А деньги откуда возьмутся? Вообще Россия фактически обречена на то, чтобы так или иначе задействовать в своей жизни элементы социализма».

ГЛАВА 10. ПРАВА ЧЕЛОВЕКА КАК НАУЧНЫЙ КОНТРОЛЬ И КАК ИДОЛОПОКЛОНСТВО

1. Правозащитная Революция и возврат к Естественному Праву
2. Права Человека как Идолопоклонство
3. Права Человека как Империализм Культуры и Разрушенный Научный Контроль

1. ПРАВОЗАЩИТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ВОЗВРАТ К ЕСТЕСТВЕННОМУ ПРАВУ

Мы рассмотрим в этой главе материалы о правозащитном дискурсе и истории на основе книги М. Игнатьева «Права Человека как Политика и как Идолопоклонство». Автор книги вполне компетентный актор правозащитных институтов, как можно видеть из информации, которую нам о нем сообщают. К тому же книга издана с комментариями еще пяти профессоров Гарвардского, Принстонского, Калифорнийского, Американского университетов, специалистов в теории и истории прав человека: В России книга издана в 2019, английское издание указывается 2001 Princeton and Oxford University Press.

> «**Майкл Игнатьев** — писатель, историк, журналист, директор Центра правозащитной политики имени Карра при Школе государственного управления имени Кеннеди Гарвардского университета. Его перу принадлежат книги Virtual War: Kosovo and Beyond, «Isaiah Berlin: A Life, а также другие работы».

Мы можем видеть, что нам с первых страниц книги сообщается, что Правозащитная деятельность, резко активизировавшаяся после катастрофы Второй мировой войны, на самом деле

уходит корнями в борьбу с другим, более древним варварством — работорговлей и рабством. Из приведенной ниже цитаты видно, что уже тогда правозащитная деятельность определяется как этическая активность в борьбе с пороком, и потому как мораль общечеловеческая, интернациональная, направленная против мирового зла. Таким образом, речь идет о Естественном праве, основы которого сформулированы еще в «Законах» Цицерона, как Законах Общечеловеческой Природы, которые установлены Творцом, а человеком только открываются и познаются.

М. Игнатьев, «Права человека как Политика и как Идолопоклонство»:

> «Разумеется, экстерриториальность морального активизма проявилась еще до принятия Всеобщей декларации прав человека. Вся правозащитная деятельность современного мира ведет свое происхождение из кампаний по упразднению работорговли, а потом и самого рабства. Случившаяся в XX веке катастрофа мировой войны и геноцида актуализировала идеал морального вмешательства, не признающего национальные границы, а также тезис о том, что международная сеть активистов обязана побуждать собственные государства вмешиваться в дела стран-правонарушителей во имя универсальных ценностей. Благодаря правозащитной адвокации международная политика демократизировалась, а давление, оказываемое борцами за права человека на государственных акторов, — например, организация международных кампаний в поддержку советских евреев или против политики апартеида, — принудила многие государства к согласию с тем, что их внешняя политика, не ограничиваясь голыми интересами, должна хотя бы внешне воздавать должное ценностям».

Далее авторы книги сообщают нам о «катастрофе Нигилизма 20-го века», которая привела к страшному варварству Второй Мировой войны. Всемирная Декларация Прав человека, принятая под руководством Элеонор Рузвельт в 1948 году, становится реакцией на варварство этого нигилизма и возвратом к Естественному праву. Надо также помнить, что инициатором Всемирной Декларации Прав был Герберт Уэллс, издавший первый вариант такой декларации в 1940 году, когда уже весь мир был озабочен проблемой Гитлера, в книге «Новый Мировой Поря-

док». Известно, что команда Элеонор Рузвельт положила в основу своей Декларации это предложение Герберта Уэллса.

Предисловие к «Новый мировой порядок» Уэллса 2021, В. Катасонов:

> «Следует обратить внимание на то, что наброски Декларации в разных редакциях после выхода в свет книги „Новый мировой порядок" продолжали свою собственную жизнь. Были переведены на несколько языков, публиковались в виде отдельных брошюр большими тиражами и по доступным ценам. Кроме того, Уэллс разослал проект Декларации ведущим политикам того времени — *Франклину Рузвельту, Махатме Ганди, Яну Масарику, Хаиму Вейцману, Эдварду Бенешу, Яну Кристиану Смэтсу* и *Джавахарлалу Неру*. Проект Декларации Уэллса подвергся резким нападкам со стороны министра пропаганды Третьего Рейха *Йозефа Геббельса*. Примечательно, что в 1948 году в ООН был принят документ *„Всеобщая декларация прав человека"*. Биографы Уэллса, историки в области международного права обращают внимание на то, что при разработке данного документа использовалась работа английского писателя „Новый мировой порядок", особенно ее глава 10».

В книге «Новый Мировой Порядок», которую мне уже не раз доводилось цитировать на страницах этой рукописи, Уэллс много пишет о «разрушительных силах», остановить которые может только триада в основе его Революции в Образовании: всеобщий доступ к образованию и свободе слова, всемирная декларация прав человека и таким образом обретенный западный коллективизм. Он подчеркивает на страницах своей книги, что «проблема Гитлера только гнойник на лице цивилизации», только симптом болезни, которая лежит гораздо глубже, и что избавиться от Гитлера вовсе не значит избавиться от болезни. Уэллс предлагает противопоставить разрушительным силам — всеобщее образование, свободу слова, интенсивные научные дебаты по всему миру и всемирную декларацию прав человека. Если мы переведем его предложение на язык Энергетики, то получится, что Уэллс предлагает восстановить Научный Контроль, к тому времени совершенно разрушенный Крушением Рационализма и последовавшим Нигилизмом, о котором пишет Майкл Игна-

тьев. Сам Уэллс больше концентрирует внимание на «Аттилах бесконтрольного транснационального бизнеса», то есть на физическом контроле «романтиков цифр», которые превратили экономику в варварскую борьбу за власть по всему миру. Он также уделяет большое внимание проблеме демократических правительств, которые не справляются с задачей обеспечения знаний и свободы слова, гарантии прав человека. Всему этому он противополагает Научную Революцию, цель которой укрепить Научный Контроль в обществе и противопоставить его злу Физического контроля. Об этом суть его Нового Мирового Порядка: он не использует терминов «научный и физический контроль», но прямо пишет о «Новой революции», в основе которой интенсификация образования, доступа к образованию, свободе слова и правам человека. Однако, Уэллс сам страдает болезнью своего времени, как сказал Мережковский о Герцене, читая его сетования на свое время: Герцен был позитивистом, а Уэллс — дарвинист. И хотя и Герцен и Уэллс стоят на позициях Естественного права, и говорят что в основе общества законы психологии и этики, обосновать эту точку зрения с позиций дарвиновской парадигмы у них не получится.

М. Игнатьев в своей книге о правах человека делает акцент на факте поглотившего цивилизацию нигилизме 20-го века как великой катастрофе, следствием которой стали все ужасы 20-го века. Действительно, достаточно вспомнить книгу Бенда «Предательство интеллектуалов» или книгу А. Камю «Бунтующий человек», посвященную крушению рационализма и утверждению морального нигилизма в предвоенные годы. Именно реакцией на этот моральный нигилизм научной и этической катастрофы 19-20-го веков и объясняет автор принятие Всемирной Декларации Прав Человека как «возврат к европейской традиции естественного права».

М. Игнатьев, «Права человека как Политика и как Идолопоклонство»:

> «В книге „Человек ли это?“ Примо Леви рассказывает о том, как его интервьюировал доктор Гельмут фон Паннвиц, глава химической ла-

> боратории Освенцима. Получение места в лаборатории было для заключенного вопросом жизни и смерти: если бы Леви смог убедить Паннвица в том, что он компетентный химик, это избавило бы его от газовой камеры. Пока узник в своей полосатой лагерной робе стоял напротив письменного стола, Паннвиц пристально изучал его. Позже Леви вспоминал: „Дело в том, что посмотрел он на меня не таким взглядом, каким человек смотрит на человека, и, если бы я мог до конца разобраться в природе этого взгляда, словно направленного через стеклянную стенку аквариума на существо из другой среды обитания, я бы разобрался и в причинах великого безумия Третьего рейха“. ...Именно на этом основании мы рассматриваем распространение правозащитного инструментария как прогресс, несмотря даже на то, что между самим наличием этих инструментов и их применением отдельными государствами сохраняется глубокая пропасть. Оценивая распространение западных представлений о правах человека по миру в качестве морального прогресса, можно прослыть европоцентристом. И все-таки в правозащитном инструментарии, созданном после 1945 года, не стоит видеть триумфальное воплощение имперского самодовольства Европы; скорее, это плод размышлений пережившего войну поколения о европейском нигилизме и его последствиях. Идея прав человека стала ответом доктору Паннвицу. Это реакция на злоупотребления безграничным суверенитетом, предоставленным государствам Вестфальской системой, из-за которого их граждане утрачивают нормативные основания отвергать легальные, но безнравственные указания собственных властей. Всемирная декларация прав человека обозначила возвращение европейской традиции к идее естественного права: поворот, нацеленный на восстановление человеческой *субъектности*, на обретение индивидами гражданской стойкости в тех ситуациях, когда государство требует от них чего-то недозволительного и недопустимого».

М. Игнатьев сообщает о феномене Правозащитной Революции, имевшей место после принятия Всемирной Декларации Прав Человека, поскольку впервые субъектами Международного права становились права индивидов, а не только государства. Это позволило говорить о начавшемся процессе формирования «глобального гражданского общества», и поставить вопрос о защите прав граждан по всему миру от притеснений и репрессий их собственных государств. Таким образом, Институт Прав Человека явился как конфликт между Национальными суверенитета-

ми государств и правами человека их граждан, и этот конфликт только набирает силу. Тем не менее, институту прав человека очень многое удалось сделать на этом пути, окончательно утвердившись в качестве защитника человеческого достоинства индивидов в тех случаях, когда их собственные государства не могут обеспечить им такой защиты или же выступают как агрессоры против своих собственных граждан.

М. Игнатьев, «Права человека как Политика и как Идолопоклонство»:

> «В историческом плане Всеобщая декларация прав человека стала составным элементом реорганизации нормативного порядка, начавшейся в международных отношениях после войны и призванной создать прочные заслоны от варварства. До Второй мировой войны субъектами международного права были только государства. С принятием Всеобщей декларации прав человека 1948 года международное признание получили и права индивидов. Впервые в истории отдельные личности, независимо от их расы, вероисповедания, пола, возраста или других характеристик, получили права, которые могут быть использованы ими для защиты от несправедливых государственных законов или угнетательских практик. Тем не менее, войдя в нормы международного права, идеология прав человека подстегнула антиколониальные революции в их заморских владениях и борьбу за гражданские права на их собственной территории. Правовую революцию нельзя рассматривать в отрыве как от борьбы за самоопределение и независимость в европейских колониях, так и от битвы за равноправие чернокожих граждан США, увенчавшейся принятием в 1965 году Акта о гражданских правах. За прошедшие полвека большая часть современных государств ратифицировала международные правозащитные конвенции, а некоторые страны инкорпорировали их идеи в собственные конституции. Создание в 1953 году Европейского суда по правам человека позволило гражданам европейских стран обращаться в Страсбург с жалобами на притеснения со стороны собственных властей. Сами европейские государства, включая Великобританию, сегодня согласны с тем, что решения, вынесенные их судами или административными органами, могут быть отменены этой специальной правозащитной инстанцией, не зависящей от их собственных парламентов или судов. Страны, желающие вступить в Европейский Союз, заранее соглашаются привести свое законодательство в соответствие с Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод: среди прочего они

> готовы отменять и смертную казнь, которая теперь абсолютно не вписывается в европейские правозащитные стандарты.
> Что касается развивающегося мира, то здесь готовность молодых наций ратифицировать международные правозащитные документы стала обязательным условием их допуска во всемирную семью народов. Даже репрессивные режимы ощущают необходимость подчеркнуть собственное уважение к правозащитному инструментарию. Правозащитные инструменты сделали очевидцев и свидетелей значимыми фигурами в ситуациях угнетения и насилия как внутри национальных границ, так и за их пределами, а это в свою очередь породило революцию адвокации и становление международной сети неправительственных правозащитных организаций — Amnesty International и Human Rights Watch среди наиболее известных в этом ряду, — заставляющих государства вести себя в соответствии с собственными декларациями. Кроме того, указанный сдвиг разрушил государственную монополию на ведение международной политики, запустив механизм формирования того, что позже назвали «глобальным гражданским обществом». В этой сфере прогресс также представляется несомненным, несмотря на все оговорки, касающиеся деталей и частностей. После четырех десятилетий благоговения перед государственным суверенитетом ООН в 1990-е годы решила сформировать собственный пул активистов-правозащитников, работающих под началом Верховного комиссара по правам человека»

2. ПРАВА ЧЕЛОВЕКА КАК ИДОЛОПОКЛОНСТВО

М. Игнатьев ставит в книге вопрос о теоретических основаниях идеи Прав Человека: философских, религиозных, научных. В мире разрушенного научного контроля, где все эти основания противоречат и противостоят друг другу найти такое основание оказывается неразрешимой задачей. В итоге, религии и «секулярная вера гуманистов в права человека» обвиняют друг друга в идолопоклонстве, и ни одна сторона не способна разрешить конфликт и доказать свою правоту. Религии обвиняют в идолопоклонстве идею Прав Человека, потому что они утверждают, что человек обладает совестью и достоинством или иначе «человеческой субъектностью» (human agency), хотя история доказывает обратное. И в частности, подчеркивает автор, история Холокоста. Напротив, религиозный догмат о врожденной гре-

ховности человека более правдоподобно объясняет историю, считают они. И чтобы защитить людей от зла власти, люди должны обратиться к молитвам и к религии. Гуманисты в свою очередь возражают религиям, приводя им историю репрессий церквей, которая еще более впечатляюща, и доказывают, что слепое поклонение догматам религии тоже есть идолопоклонство, и тоже ведет к репрессиям.

Как мы можем видеть, из этих взаимных обвинений гуманистов и религий друг друга в идолопоклонстве заранее извлечена точка зрения Науки. М. Игнатьев объясняет этот факт тем, что Нигилизм 20-го века подорвал всякое доверие к «человеческому разумению», и оставил только «веру»: будь то «секулярная вера гуманистов в права человека» или религиозные догматы различных конфессий. Вот здесь как вы сами видите и лежит коренная ошибка, которая делает ситуацию неразрешимой.

Нигилизм 20-века стал результатом Крушения Рационализма в 19—20 веках. Этот этический нигилизм вовсе не есть «выводы разума», «теории науки», а напротив он есть свидетельство крушения разума и науки. И потому мы никак не можем обвинять разум и науку в ужасах 20-го века. Мы можем обвинять шизоидный интеллект лже-науки, установившей дарвиновскую парадигму. Но шизоидный интеллект есть патология сознания, а вовсе не разум и не наука.

М. Игнатьев, «Права Человека как Политика и как Идолопоклонство»:

> «С религиозной точки зрения, секулярный гуманизм незаслуженно вознес человека на пьедестал, с которого людей надлежит свергнуть — в прах земной, послуживший материалом для сотворения человека. Если идея прав человека нужна для того, чтобы положить пределы злоупотреблениям человеческой властью, то тогда подкрепляющая ее философия должна видеть в людях зверей, нуждающихся в укрощении. Вместо этого, однако, права человека превращают гуманность в меру всех вещей, а это, с позиций религиозного мышления, есть форма идолопоклонства.
> Но что, собственно, сакрально в человеческих существах? Что дает нам основания полагать, что самые обычные люди, при всем ради-

кальном разнообразии их рас, убеждений, образования и достижений, могут рассматриваться в качестве носителей каких-то равных и неотчуждаемых прав? Если идолопоклонство состоит в возведении любого чисто человеческого принципа в ранг абсолютной незыблемости, то тогда права человека окажутся бесспорным идолопоклонством. Разумеется, гуманисты не поклоняются правам человека в буквальном смысле, но зато мы постоянно используем специальный язык для того, чтобы заявить снова и снова, будто достоинство каждого человеческого существа имеет нерушимую и непоколебимую основу, а это почти обожествление. В метафоре поклонения заложено безоговорочное доверие, присущее культу, неумение подвергнуть гуманистические предпосылки тому критическому анализу, посредством которого гуманистический рационализм работает с религиозными верованиями. Суть проблемы в том, что гуманизм просто непоследователен: он критикует все формы поклонения за исключением собственной.

Холокост явственно показал, каким будет мир, если чистейшей тирании позволят свободно эксплуатировать естественную человеческую жестокость. Без Холокоста не было бы Всеобщей декларации прав человека. Но из-за Холокоста Всеобщая декларация не может становиться предметом безоговорочной веры. Холокост одновременно продемонстрировал и безусловную необходимость прав человека, и их крайнюю хрупкость.

Если одним из финальных продуктов западного рационализма считать убийственный нигилизм нацистов, то тогда любая этика, основанная исключительно на разуме, оказывается под подозрением. Следуя этой аргументации, можно заключить, что, когда разум начинает рационализировать Холокост, возникает потребность в иной этике, черпающей свой безусловный авторитет из более глубокого источника: лишь она, как представляется, способна предотвратить подобные ужасы в будущем. По этой причине уничтожение европейских евреев обличает не только западный нигилизм, но и западный гуманизм, причем вместе со всеми его правами человека. Ибо идея прав человека проистекает из секулярного гуманизма: иначе говоря, это этика, не подкрепленная никакой божественной или иной предельной санкцией и поддерживаемая чисто человеческим разумением.

Учитывая распространенность подобного образа мысли, не приходится удивляться тому, что после Холокоста права человека стали подвергаться постоянным интеллектуальным нападкам со стороны религиозных доктрин, католических, протестантских и иудейских»

На самом деле «возврат к естественному праву», о котором автор книги упоминает многократно, и означает возврат к Философии Рационализма, то есть к Науке и Разуму человека. И здесь совершенно неуместны сомнения по поводу «чисто человеческого разумения», как противополагаемого «Божественному разумению», то есть Откровениям Священных Писаний. Как верно замечают Леонардо де Винчи в дневниках (читайте у Мережковского), так и Томас Пейн в «Веке Разума», «чисто человеческих наук» не бывает. Вся Наука от Господа, ибо все законы природы установлены Творцом. И тут никакого противоречия между «секулярным разумом» и божественной или научной истиной не может быть. Только если не понимать под «секулярным разумом» шизоидную лженауку дарвинизма или еще какую-нибудь другую лженауку формального интеллекта оторванного от действительности. Кстати сказать, неслучайно именно Томасу Пейну мы обязаны формулировкой проблемы «Права Человека» в его знаменитом эссе. А в «Веке Разума» он превосходно формулирует основы естественного права как научного контроля метафизики интеллекта: законов природы, установленных Творцом и открытых для познания человеческому разуму. То есть научному познанию.

Д. Мережковский, «Леонардо де Винчи»:

> «Слова, которые некогда записал он в дневнике своем и потом столько раз повторял, — опять звучали в душе его O, mirabile giustizia di te, primo Motore! — О, дивная справедливость Твоя, Первый Двигатель! Никакую силу не лишаешь Ты порядка и качества неминуемых действий. О, божественная необходимость! Ты принуждаешь все последствия вытекать кратчайшим путем из прияины.»
> ....Да не смущается сердце ваше, друзья мои! Изучать явления природы есть Господу угодное дело. Это все равно, что молиться. Познавая законы естественные, мы тем самым прославляем первого Изобретателя, Художника вселенной и учимся любить Его, ибо великая любовь к Богу проистекает из великого познания».

Т. Пейн, «Век Разума»:

> «Называть науки — изобретением человека есть обман христианства; только приложение наук дело рук человеческих. Каждая наука имеет в своей основе систему неизменных и вечных принципов как законов на основе которых вселенная управляется и движется. Человек не может устанавливать законы, он может только открывать их. (It is a fraud of the Christian system to call the sciences *human inventions;* it is only the application of them that is human. Every science has for its basis a system of principles as fixed and unalterable as those by which the universe is regulated and governed. Man cannot make principles, he can only discover them.).
>
> Но возможно, некоторые спросят: неужто мы должны быть лишены слова божьего — лишены откровения? Я отвечаю: да, есть слово божье, есть откровение. Слово божье — есть видимый нами сотворенный мир, мироздание; и посредством этого слова, которое никакое человеческое изобретение не может подделать или изменить, бог всегда и всюду говорит с человеком.
>
> Только в мироздании могут объединиться все наши идеи и представления о слове божьем. Мироздание говорит всеобщим языком независимо от многообразия человеческих языков. Оно — вечно существующий оригинал, прочесть который может каждый. Его нельзя подделать, подменить, утерять, изменить, или уничтожить. От воли человека не зависит, оглашать его в печати или нет; оно само оглашает себя с одного края земли до другого. Оно проповедует всем народам и всем мирам; и это слово божье открывает человеку все, что ему необходимо знать о боге. Бог, в которого мы веруем, — бог нравственной истины, а не бог тайны или тьмы. Тайна — противник истины. Поэтому наука, будучи верой в бога и осуществлением нравственной истины, не может быть связана с тайной. Тайна служит тому, чтобы смутить ум; чудо — тому, чтобы сбить с толку чувства. Первое — тарабарщина, второе — ловкость рук. Человечество усвоило определенные законы деятельности природы. Чудо же — нечто противоположное действию упомянутых законов. То, что ныне называется натуральной философией и охватывает весь круг наук, есть изучение Бога, силы и мудрости божьей в его творениях и является истинной теологией. Что же касается теологии, изучаемой ныне вместо нее, то она — изучение человеческих мнений и фантазий относительно бога»

Мы можем видеть из этих классических определений науки философией рационализма (метафизики интеллекта), как постижения закона божьего написанного в природе у Леонардо де Винчи и Томаса Пейна, что никакого противоречия между нау-

кой и религией не существует. Противоречие существует только между наукой и догматами Священных Писаний, как из последних в свою очередь делают идолы. Так, Мережковский озвучивает вкладывает эту позицию в уста монаха и других, обвинявших Леонардо де Винчи в колдовстве из-за его причастности научному мышлению: «Глупец тот, — говорил он, — кто воображает, будто бы логика и философия подтверждают истины веры. Разве сильный свет нуждается в слабом, мудрость Господня-в мудрости человеческой? Разве апостолы и мученики знали логику и философию? Неграмотная старуха, усердно молящаяся перед иконою, — ближе к познанию Бога, чем все мудрецы и ученые».

Самый достойный ответ дает «самый благородный из всех философов» по выражению Б. Рассела, Бенедикт Спиноза, когда называет поклонение букве Писаний — идолопоклонством. Г. Честертон также в «Святом Фоме Аквинате» подчеркивает его аналогичную позицию, — ведь знаменитый ангельский доктор был приверженцем философии рационализма. Все что было истинного и разумного в религиях всегда настаивали на тождестве разумного и божественного, иначе не могло и быть, — ведь Господь есть Интеллект. И соответственно, несовершенство Священных Писаний — это исторический феномен, который Спиноза объясняет детским состоянием ума человечества, когда оно принимало Откровения. А дальше говорит философ, мы узнаем Слово Божье уже не в свете сверхъестественного и законов скрижалей, а в свете нашего разума и законов написанных в нашем сердце. То есть естественное право научного контроля: этика как законы природы психической энергии. После Фомы Аквината и Спинозы эту теорию развивали Лессинг (Воспитание человеческого рода), Ренан «Будущее науки), Мережковский (Третий Завет), Трубецкой (Энциклопедия права), Толстой (Соединение и перевод четырех Евангелий), Ясперс (Философская вера), В, Дильтей обобщает эту тенденцию в развитии европейской религии в книге «Развитие человека от Возрождения и Реформации и до наших дней», Ромен Роллан (Вселенское Евангелие Вивеваканды) и многие другие.

Спиноза, «Теолого-политический трактат»:

> «Те, кто принимает Библию такой, какова она есть, за письмо божье, ниспосланное людям с неба, без сомнения, возопиют, что я совершил грех против святого духа, именно: утверждая, что это слово божье содержит ошибки, пропуски, подделки и не согласно само с собою и что мы имеем только отрывки из него и, наконец, что подлинник договора божьего, заключенного с иудеями, погиб. Но если бы они захотели обсудить самый предмет, то, я не сомневаюсь, они тотчас перестали бы вопить. Ибо как сам разум, так и высказывания пророков и апостолов ясно гласят, что вечное слово и договор бога и истинная религия (Religio vera) божественно начертаны в сердцах людей, т. е. в человеческой душе, и что она есть истинный подлинник божий, который бог скрепил своей печатью, т. е. идеей о себе, как отображением своей божественности. Письменно, в виде закона, религия была передана первым иудеям потому именно, что они в то время считались как бы детьми. Но впоследствии Моисей (Второзак., гл. 30, ст. 6) и Иеремия (гл. 31, ст. 33) предсказывают им, что настанет время, когда бог напишет свой закон в их сердцах. Потому только иудеям и в особенности саддукеям подобало когда-то ратовать за закон, написанный на скрижалях, но отнюдь не тем, у кого он написан в душе. Но, скажут, хотя божественный закон и написан в сердцах, тем не менее Писание есть слово божье, и потому сказать о Писании, что оно отрывочно и искажено, столь же непозволительно, как и о слове божьем. Я же, напротив, опасаюсь, не слишком ли они стараются быть святыми и не превращают ли они религию в суеверие; даже более: не начинают ли они почитать за слово божье изображения и отпечатки, т. е. бумагу и чернила».

Мы можем видеть теперь, что все неразрешимые вопросы теории прав человека как реализации естественного права лежат в этой методологической ошибке, которая не только не ищет оснований концепту прав человека в научном базисе, но сразу устраняет его как несостоятельный, привлекая одну только веру, религиозную и светскую. Однако, стоит нам обратится к истинной науке, как все проблемы разрешаются сами собой.

Если мы говорим о научном базисе прав человека как о законах природы психической энергии, то мы можем дать исчерпывающий ответ и на самокритику гуманизма (как «светской веры»), и на обвинения ортодоксальных религий в идолопоклонстве.

М. Игнатьев, «Права Человека как Политика и как Идолопоклонство»:

> «Права человека стали секулярным символом веры. При этом, однако, метафизические основания этой веры далеко не ясны. Статья 1 Всеобщей декларации, избегая каких-то обоснований, ограничивается простым заявлением: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства». То есть документ лишь провозглашает права, но не разъясняет, почему люди ими обладают.
> Декларация рисует мир, в котором люди, внезапно обнаружив, что их гражданские и политические права у них отобраны, по-прежнему способны защищать себя, основываясь на своих правах человеческих существ. Иными словами, под слоем гражданского и политического остается слой естественного. Но каковы конкретно взаимоотношения между правами человека и естественными правами или между человеческим и природным? Что можно считать естественно человеческим?
> Права человека предназначены для того, чтобы формализовать в юридических терминах естественный долг человеческой совести в тех ситуациях, где гражданские и политические установления либо не смогли предотвратить злоупотребления, либо вообще рухнули. Как представляется, доктрина прав человека призвана напоминать о том, что, если вся система наказаний и поощрений, используемая в управляемых обществах, вдруг падет, правозащитные нормы по-прежнему будут требовать от людей уважать человеческое достоинство. Но отсюда вытекает, что способность вести себя достойно — это естественный атрибут. Имеются ли эмпирические доказательства того, что дело обстоит именно так? Исторический период, непосредственно предшествовавший написанию Всеобщей декларации прав человека, снабжает нас многочисленными свидетельствами естественного безразличия, отличающего человеческие существа. Холокост продемонстрировал ужасающую тщету таких предположительно неотъемлемых для человека качеств, как жалость к ближнему и забота о ближнем, в тех ситуациях, когда они больше не предписывались законом. Всеобщая декларация была призвана восстановить идею прав человека в тот самый исторический момент, когда она обнаружила отсутствие укорененности в каких-то естественных человеческих атрибутах.
> Все, что может быть сказано об этом парадоксе, сводится к следующему тезису: в его основе — изначальная расщепленность наших

> представлений об идее прав человека. Иначе говоря, мы защищаем права человека как моральные универсалии с полным осознанием того, что они не столько отражают естественные человеческие склонности, сколько противостоят им.
> Именно поэтому в основание прав человека невозможно заложить какую-то естественную человеческую жалость или солидарность. Утверждая, что подобные качества естественны, мы тем самым предполагаем, что они являются врожденными и равномерно распределенными среди всех людей. Реальность же выглядит совершенно иначе: это подтверждают Холокост и прочие бесчисленные примеры человеческих преступлений и зверств. Поэтому нам необходимо иметь такую веру в права человека, которая была бы воздвигнута на том, каковы человеческие существа на самом деле. Иными словами, в фундамент надо закладывать не пресловутую человеческую природу, а реальную человеческую историю»

Мы можем видеть, что Теория Психической Энергии дает исчерпывающие ответы на все поставленные автором вопросы о природе человека. Она также дает исчерпывающий ответ религиям, напирающий на факт об изначальной греховности человеческой природы. Действительно, поле Эгосистемы изначально заложено в человеке как источник всех психических патологией, как «извращение нравственного закона», если пользоваться определением сумасшествия А. Чехова. Да, действительно, история человечества есть история зверств и преступлений. Однако, не только зверств и преступлений! История человечества также есть история зарождения этических религий в осевое время Ясперса; также есть история великих мыслителей и великих святых; также есть история великого героизма и самопожертвования во имя истины и совести, из сострадания к ближнему и из жгучей потребности в справедливости. «Да восторжествует справедливость и да погибнет мир! « говорили римляне, свидетельствуя тем самым что мир без справедливости им не нужен. Ренан пишет, что такое же острое чувство справедливости пронизывает и писания еврейских пророков, предпочитающих гибель мира торжеству порока в нем. История человечества как пишет Тойнби есть прямая линия развития духовной энергии (или церкви) и циклическое движение возникновения и круше-

ния государств, сопровождавшееся войнами и зверствами физического контроля.

Сегодня, когда человечество все еще младенец, как говорил Спиноза (infant), мы склонны преувеличивать поверхностную пену физического контроля поля Эгосистемы, которая еще преобладает в движении человечества. Но не эта пена, а фундаментальное линейное развитие духовной энергии составляет истинную историю человечества, о чем писал Тойнби как о конечной победе церкви над государством. И исходя из научного знания о человеческой психике, о противоборстве духовной и материальной энергии в сознании человека, о долгом периоде становления научного контроля духовной энергии и готовой зрелости физического контроля материальной энергии, мы легко можем объяснить почему человек есть в одно и то же время — божественное и священное существо, и одновременно «зверь и свинья», и почему вся предыдущая история была больше пороком, чем добродетелью. Но это же знание говорит нам, что недалеко время выздоровления человечества и абсолютного преобладания божественного в человеке — поля интеллекта и совести.

Исходя из научного знания рационалистической философии и теории психической энергии, мы можем определить Институт Прав Человека как Научный Контроль Естественного Права, целью которого является нейтрализация поля Эгосистемы и развитие поля интеллекта и совести человечества. Что достигается как раз теми методами, о которых так красноречиво пишет Уэллс в «Новом мировом порядке». И с этих позиций ни о каком идолопоклонстве уже больше не может идти речи. Ученый не делает идола из Бога, превращая его в «количественную абстракцию силы», в каких бы магических материальных символах она не выражалась. Бог — Интеллект, и его сила в том что он — Творец законов природы. Ученый не делает идола из Человека, приписывая ему святость, которой тот не обладает. Человек священен настолько насколько имеет отношение к Интеллекту Творца. Да, весь тварный мир есть пассивный интеллект законов природы. Но только Человек имеет Активный Интеллект, Мыш-

ление, позволяющее ему познавать и контролировать другие энергии природы. Это факт и это в самом деле делает его особенным и «священным» существом, как некто кто имеет доступ к Пространство Интеллекта Господа. И пока человек помнит границы своей святости как существа обязанного подчиняться законам природы, в нем нет идолопоклонства, а есть служение Господу. Ученый помнит о «врожденном грехе» поля Эгосистемы и борется с ним, но не «на коленях», как говорит Игнатьев о религиях, а в «молитвах интенсивного мышления», о которых рассказывает Эйнштейн, как о религии настоящих ученых.

> «И диспут заканчивается фиксацией следующей ситуации: религиозная сторона убеждена в том, что, лишь встав на колени, люди спасут себя от собственной деструктивности, а гуманисты настаивают на том, что они смогут решить эту задачу, только встав во весь рост и твердо опершись на ноги».

М. Игнатьев заканчивает формулировкой неразрешимости конфликта «светской веры» и «религиозной веры»: одни хотят искать истину на коленях, других встав во весь рост. Однако, это такая же псевдопроблема, как все проблема индивидуализма и коллективизма. И как все проблемы порожденные противостоянием циклического Эго и шизоидного Эго. Понятно, что самообожествление есть Гибрис-Эго шизоидов, а превращение Бога-Интеллекта в идол магии есть Циклическое Эго физического контроля. Сегодня все проблемы нашего мира есть псевдопроблемы противостояния циклического Эго и шизоидного Эго, начиная уже с Холодной войны. Решение проблем по ту сторону физического контроля, в единстве духовной энергии и научного контроля человечества.

3. ПРАВА ЧЕЛОВЕКА КАК ИМПЕРИАЛИЗМ КУЛЬТУРЫ И РАЗРУШЕННЫЙ НАУЧНЫЙ КОНТРОЛЬ

В чем сила Запада? Мы все знаем, что Запад –это научная цивилизация, и до тех пор пока Запад не разрушил свою науку, он заслуженно пользовался своей властью Auctoritas, как говорили древние, или иначе своим духовным мечом научного контроля. Так, Хантингтон в известной книге «Столкновение цивилизаций» сокрушается по поводу того, что набравшие экономическую и военную силу незападные цивилизации, теперь презрительно отзываются и о западной культуре, в том числе и о институте прав человека. Хантингтон уверен, что только физическая сила, то есть экономическая и военная база государства, внушает «другим цивилизациям» уважение к культуре данного государства или «цивилизации». А ведь на самом деле, все с точностью до наоборот: сила цивилизации приходит вместе со становлением научного контроля, и умирает вместе со смертью научного контроля. И пока силен научный контроль общества он пользуется заслуженным авторитетом (рациональным авторитетом, как говорил Фромм). Потому что на поле Науки все разговоры о «различные культурах» теряют свою силу. Истина одна, и достаточно ее доказать, чтобы все те, кто от нее откажется, предстали в глазах мирового сообщества как варвары первобытного сознанияс одной стороны; а с другой стороны, истина, то есть знания об открытой энергии, когда они доказаны, дают контроль над этой энергией, то есть силу. В данном случае речь идет о контроле над психической энергией: о громадной силе Контрольной энергии интеллекта и о возможностях нейтрализация поля Эгосистемы. Конечно, какие-то «культуры» могут отказаться от этого знания, ссылаясь на старые разговоры о различных традициях, уходящих вглубь веков. Однако, вместе с этим отказом от знания они откажутся и от силы Контрольной энергии Интеллекта. И очень быстро ощутят все последствия своего отставания в Новом Мировом Порядке. Ведь что сделало сильными неза-

падные цивилизации, изначально мало интересовавшиеся науками? Только то, что они полностью переняли научное знание Запада в области технологий, то есть в контроле природных энергий, открытых научной цивилизацией Запада. Только научное знание дает силу, и как мы можем видеть, одинаково дает ее всем, кто овладел этим знанием: и западным и не западным цивилизациям, даже если зародился научный метод на западе.

Однако, повторю слова А. Камю в «Бунтующем человеке», Запад сам разрушил свою силу, как объявил о «самоубийстве разума» в Крушении Рационализма 19-20-го веков. Разрушить свой Научный контроль значило разрушить свою силу, значило покончить самоубийством. Вот где истоки реального поражения Запада в современном мире, а вовсе не в том, что незападные цивилизации переняли знания о технологиях: такие знания всегда будут принадлежностью всего человечества, хотя честь их открытия конечно принадлежит авторам. И мы не знаем какими открытиями нас в будущем удивят незападные культуры.

При разрушенном Научном Контроле институт Прав Человека, который на самом деле есть ни что иное как контроль законов психической энергии (естественного права), не мог не оказаться в ловушке, будучи заблокированным в своем потенциале власти духовного меча. М. Игнатьев определяет функцией правозащитных институтов «возможность делиберации», или иначе разрешения конфликтов путем мирных переговоров, аргументов и дебатов, избегая войны и насилия. Но о каких переговорах может идти речь в ситуациях, где «права человека» перестают быть инструментом научного контроля и теряют свою силу «доказать истину теоретически и эмпирически»? Сила Духовного Меча всегда одна: Доказать теоретически и эмпирически свою правоту, то есть доказать научным методом на чьей стороне Истина. Если же мы заранее в рамках Дарвиновской парадигмы условились, что одной Истины нет, а есть много истин, то о каких мирных переговорах может идти речь? Понятно, что каждая «культура» будет отстаивать «свою истину» своих традиций, вот

как В. Соловьев отстаивает «русскую традицию сменять элиты насильственным путем», которая «не хорошая и не плохая, а просто наша традиция». И понятно, что так называемый «культурный кризис» Прав Человека, когда все стали тянуть одеяло в свою сторону и утверждать, что именно его традиция правильная, и что ни о какой универсальности Прав Человека не может идти и речи, можно было легко предсказать. И тогда разногласия решают старым способом: войной, физическим насилием, потому что научный контроль разрушен.

М. Игнатьев, «Права Человека как политика и как идолопоклонство»:

> «Все высказываемое о правах человека можно свести к тому, что они необходимы для защиты людей от насилия и угнетения, и единственным основанием для этого выступает история. Права человека — это язык, с помощью которого индивиды стремятся отстоять свою автономию от покушений на нее со стороны религии, государства, семьи, группы. Вероятно, для защиты человеческих существ можно было бы изобрести и другой язык, но исторически сформировался и практически доступен именно этот. Более того, гуманист обязан добавить, что правозащитный язык не является решающим козырем в этическом споре, ибо ни у какого языка нет подобной власти. Понятно, что конфликты, касающиеся прав, всегда сопровождаются интенсивным торгом и компромиссами, именно по этой причине ничего сакрального нет ни в самих правах, ни в их носителях. Быть обладателем прав — не значит гордиться какой-то священной неуязвимостью. Это лишь означает жизнь в сообществе, в котором все споры разрешаются убеждением, а не насилием. Вместе с идеей прав приходит готовность уважать аргументированные позиции других и разрешать разногласия мирно. Фундаментальные моральные обязательства, вытекающие из идеи прав человека, не предполагают почитания или поклонения; что они действительно предполагают, так это делиберацию».

М. Игнатьев, «Права Человека как политика и как идолопоклонство»:

> «Мы придерживаемся принципа суверенитета по вполне определенной причине: необходимо снять риск превращения внешнего вмешательства в имперскую экспансию. И наши правозащитные нормы, и Устав ООН запрещают использование силы для территориального

> расширения или оккупации. Следовательно, предусматриваемая нами военная интервенция всегда сопряжена с определенными ограничениями. Мы вмешиваемся не для того, чтобы захватить чью-то территорию, а для того, чтобы утвердить мир и стабильность и потом уйти; наш мандат предполагает восстановление самоопределения, а не искоренение его. Но быть в этом деле последовательными нелегко. Но можно ли, обозревая наши интервенции, предпринятые после завершения холодной войны, утверждать, что мы где-то добились успеха? В Боснии внешнее вмешательство так и не смогло создать стабильного и самовоспроизводящегося общества. Вместо этого мы просто „заморозили" этническую гражданскую войну. Нам не удалось укоренить правозащитную культуру в совместных институтах, создаваемых местными этническими группами. Вместо того, чтобы утверждать уважение к правам человека, интервенции подрывают их легитимность. Это происходит из-за того, что наши вмешательства безуспешны и бессистемны. Но при этом простой отказ от всякого вмешательства отнюдь не будет решением проблемы. В 1994 году Совет Безопасности ООН сидел сложа руки, пока в Руанде сотни тысяч тутси уничтожались в соответствии с разработанным правительством хуту планом геноцида. … Сошлемся, например, на гитлеровский режим 1933–1938 годов или сталинский режим того же периода. Когда мы смотрим на них из будущего, не остается никаких сомнений в том, что неспособность западных правительств подвергнуть эти режимы санкциям или хотя бы осудить их позволяла обоим диктаторам верить в безнаказанность своих грядущих внешнеполитических авантюр. Таким образом, линия, разграничивающая нарушения прав человека, — с одной стороны, чисто локальные, а с другой стороны, угрожающие международному миру, — навсегда остается нечеткой, а будущие издержки, связанные с игнорированием местной, казалось бы, проблемы, могут оказаться громадными. И все же правило, требующее воздерживаться от вмешательства во внутренние дела других государств, защищает слабые страны от сильных и гарантирует минимальную степень равенства на международной арене. Более того, принцип невмешательства действует как ограничитель резких, преждевременных, необоснованных форм принуждения. Он оставляет время для санкций и переговоров. Но что, однако, делать, если все это проваливается? Ведь, имея дело с Гитлером, Сталиным, Саддамом или Пол Потом, невозможно ограничиваться дипломатическими средствами»

Понятно, что когда разрушен Научный Контроль, закон сохранения силы психики обращается к физическому контролю. Если концепт Прав Человека больше не мог быть поиском еди-

ной истины на основе знаний законов психической энергии, то он становился орудием физического контроля, то есть в самом деле Идолопоклонством западного Гибрис-Эго. Мы знаем, от чистосердечного покаяния поля интеллекта и совести Запада, что так и было во многих случаях. Об этом писали Шлезингер, Оливер Стоун, Хомский, а также профессора университетов, как пишет М. Игнатьев, проявили совесть научной цивилизации, бичуя себя за империализм культуры. Однако, в условиях, где научного контроля не было уже нигде на планете, и когда каждая традиция древнего Левиафана тоже хотела выступать в качестве эталона этики, концепция Прав Человека и в таком усеченном виде выглядит более привлекательной (как ее определяет М. Игнатьев, как негативную свободу защиты от насилия). Запад стал пользоваться концепцией прав человека как инструментом физического контроля, то есть «коварно и лицемерно», как говорит Игнатьев, цитируя критиков Прав Человека. Либо же, прямо утверждать, что в мире где нет единой истины научного контроля, Запад имеет право иметь свои собственные уникальные ценности, свою культурную традицию в виде Прав Человека, как заявил в своей книге Хантингтон. По сути, Хантингтон сделал последний шаг от института Прав Человека как универсальной истины естественного права к Идолопоклонству физического контроля и закреплению Прав Человека как уникальной западной культуры, которую ни в коем случае не следует пытаться навязывать «другим цивилизациям», потому что это будет означать «метать бисер перед свиньями». В таком духе выдержана книга Хантингтона, которую он завершает тем же признание которое сделал Рассел, когда тоже сказал, что науки и истины в вопросах этики нет: решать вопросы истины между различными культурами может в конечном итоге только война.

Таким образом, лицемерно или открыто признавая Права Человека как физический контроль, Запад забил последний гвоздь в крышку гроба научного контроля, который лежит в фундаменте силы всего человечества, и который все это время составлял причину доминирования западной цивилизации.

Прежде чем закончить эту главу, мне хотелось бы вернуться к философии Бертрана Рассела, одного из самых упорных приверженцев теории естественного права (то есть утверждения что в основе человеческого общества лежат законы психологии), и в то же время эмпирика, который считал что философия Юма неопровержимо доказала, что законов природы не существует. Опираясь на этот эмпиризм Юма, Бертран Рассел приходит к выводу, что сфера человеческих эмоций не может быть детерминирована законами природы, и что научный анализ в этой сфере неприменим. И потому невозможно доказать научно что такое добродетель, и что такое порок, и каждый решает это для себя субъективно. Это с одной стороны. Явное противоречие его философии есть сегодня противоречие всей западной культуры, которая с одной стороны хочет регулировать международные отношения на основе естественного права, а с другой стороны продолжает цепляться за дарвиновскую парадигму. Так и у Бертрана Рассела есть оборотная сторона, ведь большинство его книг, в опровержение его собственной максимы о невозможности найти и доказать объективную истину в этике, — большинство его книг именно и ставят себе задачу найти эти законы психологии и этики. И вся его жизнь как писала его дочь, и как знает весь мир была посвящена этим целям: нести добродетель, защищать добродетель, и обнажать зло и патологию порока.

Б. Рассел, «История западной философии»:

> «Спор, таким образом, сводится к одному эмпирическому факту: воспринимаем ли мы иногда или нет связь, которую можно назвать причинной? Юм говорит — нет, его противники говорят — да; и нелегко разобраться в доказательствах, которые приводятся каждой из сторон. Я думаю, что, может быть, наиболее сильный аргумент в пользу Юма можно вывести из характера причинных законов физики. Выясняется, что простые правила формы „*А* является причиной *В*" никогда не допускаются в науке, кроме как в качестве грубого предположения на ее ранних ступенях. Причинные законы, которые заменяют такие простые правила в высокоразвитых науках, настолько сложны, что никто не может предположить, что они даны в вос-

> приятии; все они, очевидно, являются тщательно сделанными выводами из наблюдаемого процесса развития природы. Я оставляю в стороне рассмотрения современной квантовой теории, которая усиливает вышеизложенное заключение. Насколько это касается физических наук, Юм целиком прав: такое суждение, как „*A* является причиной *B*", никогда нельзя принять, и нашу склонность принять его можно объяснить законами привычки и ассоциации».

Б. Рассел, «Автобиография»:

> «Я усвоил в качестве руководящего принципа, что этика есть производное чувств, и что нет способа определить истину о правильном поведении, исходя из чувств. Я принял максиму Давида Юма, что „Разум есть и может быть только слугой чувств". Я сам неудовлетворен этой максимой, но это лучшее, что я мог найти. Различать между чувствами можно только судя по их успеху на практике: одни чувства ведут к успеху в том, что вы хотели достичь; другие к провалу. Если вы следуете первому вы будет счастливы, если второму — несчастливы. Такого общее правило, по крайней мере. Это правило покажется скудным результатом исследований в таких величественных концепциях как „долг", „самоотречение", „обязанности", но я уверен, что это все, о чем можно говорить доказательно, кроме одного: мы чувствуем, что человек который несет счастье многим людям, жертвуя своим собственным счастьем — лучший человек, чем тот, кто несет несчастье другим людям, и счастье самому себе. У меня нет никакого рационального основания, чтобы обосновать этот взгляд, или возможно тот более рациональный взгляд, что счастье большинства предпочтительнее чем нужды меньшинства. Это истинно этические проблемы, но я не знаю пути как их разрешить, кроме как политикой или войной. Все что я могу найти сказать на этот счет, это то, что мнение по этическим вопросам можно защищать только этической аксиомой, но если аксиома не принимается, то нет пути достичь рационального решения»

Б. Рассел, «История западной философии»:

> «Однако остается широкое поле, по традиции включаемое в философию, где научные методы неприменимы. Эта область содержит конечные проблемы ценности; например, с помощью одной лишь науки нельзя доказать, что наслаждаться, причиняя другим страдание, плохо. Все, что может быть познано, может быть познано с помощью науки, но вещи, которые законно являются делом чувства, лежат вне ее сферы. Философия в течение всей своей истории состояла

> из двух частей, не гармонировавших между собой. С одной стороны — теория о природе мира, с другой стороны — этические и политические учения о том, как лучше жить. Неспособность достаточно четко разделять эти две стороны была источником большой путаницы в мыслях. Философы, от Платона и до У. Джеймса, допускали, чтобы на их мнения о строении вселенной влияло желание поучать: зная (как они полагали), какие убеждения сделают людей добродетельными, они изобрели аргументы, часто очень софистические, чтобы доказать истинность этих убеждений. Что касается меня, то я осуждаю такую предубежденность как по моральным, так и по интеллектуальным соображениям»

Из этих цитат из разных книг Бертрана Рассела вы сами можете наглядно убедиться в том глубоком кризисе, в котором находится сейчас научный контроль. Ведь до сих пор «Проблема Юма» считается неразрешимой, а значит, утверждать научный контроль как истину законов природы становится невозможно. Рассел как мы видим, особенно подчеркивает это в приложении к сфере психологии и этики (какое противоречие с его книгами!). Я уже много раз писала что Научная Революция Энергетика легко решает «проблему Юма», когда оставляет объектом научного познания только природные энергии. Тогда эмпирическое доказательство существования причинных связей сводится не к тому воспринимаем ли мы органами чувств эти причинные связи (конечно нет!), а к тому что мы получаем доступ к силе открытых энергий, если правильно открыли законы. И тогда мы эмпирически доказали (как Герц равнения электромагнитизма Максвелла), что во-первых, мы открыли энергию, во-вторых, что в ее основе причинные связи как законы этой энергии.

Приведем еще отчаянную попытку Г. Уэллса найти Научный контроль в обществе, где «разум совершил самоубийство» в лже-науке скептицизма и агностицизма дарвиновской парадигмы. И если в Новом Мировом Порядке, который я ниже цитирую, Уэллс еще надеялся найти этот научный контроль, то в своем последнем эссе «Разум на последнем дыхании» (Mind at the end of its tether), он прямо говорит, что нельзя строить конструктивные планы в обществе, где разум признал свое поражение.

Г. Уэллс, «Новый мировой порядок»:

> «Это большое обсуждение переустройства мира — дело более важное и неотложное, чем война. И в то же время не существует адекватных средств массовой информации для изложения, критики и исправления любых широких общих убеждений. Случаются довольно бесплодные и непродуктивные малые вспышки конструктивных идей, но почти нет стабильных исследований, мало реальных взаимообменов, не хватает продвижения вперед, ничто не обосновано, ничто не отброшено как несостоятельное и ничто не завоевано навсегда. Кажется, никто не слышит, что говорят другие. Это потому, что у этих идеологов нет ощущения аудитории. Нет действенной аудитории, заявляющей грубо и упрямо: «То, что сказал А., кажется важным. Не скажут ли Б. и В., вместо того чтобы сотрясать пустоту, в чем именно и почему они отличаются от А.?
> А, вот мы разобрались, в чем общая правда А., Б., В. и Г. Вот и Д. выступил. Не будет ли он добр соотнести то, что ему есть сказать, с А., Б., С. и Д.?»
> Но такой поддержки разумной, наблюдательной и критически настроенной мировой аудитории нет в наличии. Встречаются немногие тут и там, возникают разрозненные фрагменты мыслей и публикаций. И это вся мысль, которую наш мир производит перед лицом планетарной катастрофы. Университеты — благослови их Господь! — облачились в мундиры молчания.
> Нам нужно проветрить наши собственные умы. Нам нужен откровенный обмен мнениями, если мы хотим достичь какого-либо общего понимания. Нам нужно выработать ясную концепцию мирового порядка, который мы предпочли бы нынешнему хаосу. Нам нужно нивелировать или найти компромисс в наших разногласиях, чтобы мы могли уверенно смотреть в сторону достижимого мира во всем мире. Полным-полно панацей от идиотов. Никто из них не слушает других, и в большинстве своем они силятся в своем нетерпении заткнуть других. Тысячи дураков готовы выписать нам универсальный рецепт лекарства от наших мировых бед. Неужели люди никогда не осознают своего собственного невежества и неполноты, что порождают необходимость ясного понимания реальных составляющих проблемы. Понимания исчерпывающего и беспощадного при рассмотрении разногласий?
> Поэтому на первое место в моем исследовании пути к миру во всем мире я ставлю свободу слова и оживленные печатные выступления. Это то, за что прежде всего стоит бороться. Это основа вашего личного достоинства. Ваш первый долг как гражданина мира — сделать

> для этого все, что в ваших силах. Вы должны не только сопротивляться давлению, вы должны выбираться из тумана».

ГЛАВА 11. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА КАК ПОБЕДА ТЕОКРАТИИ НАД ГОСУДАРСТВОМ

1. Пространство и Время Интеллектуальной Энергии Человека
2. Права человека с позиций научного контроля законов психической энергии
3. Победа Церкви над Государством. Народный суверенитет и Национальный суверенитет.

1. ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭНЕРГИИ ЧЕЛОВЕКА

Как же мы должны определить Права Человека теперь, когда нам известны закономерности психической энергии? Можем ли мы удовлетвориться их прежними формулировками? Очевидно, что нет, ведь Открытие психической энергии подтверждает главный тезис Теократии Платона и Христа: мое царство не от мира сего. Действительно, Христос строил церковь Царствия Небесного, строго отделяя ее от земной жизни и государства, так и Республика Платона ставит своей целью спасение души и царство небесное. В этом смысле, христиане, равно как граждане Республики Платона жили в Пространстве Интеллекта уже при жизни, в интеллектуальном созерцании своих божественных идей.

Б. Рассел, «История западной философии»:

> «Концепцию иного мира евреи и христиане в известном смысле разделяют с поздним платонизмом, но у них она принимает гораздо более конкретную форму, чем у греческих философов. Согласно

> греческой доктрине (которую можно обнаружить во многих произведениях христианской философии, но не в распространенной форме христианства), чувственный мир, существующий в пространстве и времени, является иллюзией; при помощи интеллектуальной и моральной дисциплины человек может научиться жить в вечном мире — единственно реальном».

Как показывает Открытие Психической Энергии эта жизнь в интеллектуальном созерцании как «жизнь не от мира сего» вовсе не была результатом иллюзий или фантазий. Действительно, если законы природы (причинно-следственные связи в основе энергий природы) образуют пассивный интеллект Творца, а Мышление человека как инструмент, способный открывать эти законы, образует Активный интеллект, дарованный человеку Творцом, то мы имеем все основания отделить Пространство Интеллекта от Физического Пространства.

Известно, что теория относительности Эйнштейна доказала единство пространства и времени для материального (физического) мира (пространственно-временной континуум). Однако, интеллектуальная энергия человека движется в другом пространственно-временном континууме — в Пространстве Интеллекта, и это можно доказать. Понятно, что в том виде в котором время определяет физика материальные энергии имеют свое время. Но если понимать время как сознание от прошлого к будущему, как память и накопление знание, как равновесие, рост и линейное движение, то материальные энергии по сути не имеют времени, — ведь они движутся по кругу. Вот почему так трудно бывает понять теорию относительности Эйнштейна: человек понимает время как движение от прошлого к будущему, и В. Оствальд в «Лекциях по Натурфилософии» тоже отделяет «психологическое время» человека от «физического времени». Эйнштейн говорил, что психологическое время — это только примитивное субъективное ощущение, которое не имеет отношений к истинному физическому времени. Однако, как выясняется, это субъективное ощущение времени есть не искажение понимания физического времени, а ощущение течения времени духовной

энергии, которое отлично от физического времени. Примечательно, что первобытное мышление знает только циклическое время (циклический гомеостаз поля Эгосистемы), о чем писали и Леви-Брюль и особенно Мирча Элиаде, который как известно предпочитал психику абориген с их циклическим временем. А вот ощущение течения времени у людей интеллекта всегда есть линейное движение от прошлого к будущему, систематизация информации на уровне научного мышления и получение единой мировоззренческой картины. В то же время, при шизофрении, которую Открытие психической энергии объясняет как взрыв поля Интеллекта, ощущение течения времени вообще прекращается.

В. Оствальд, «Философия природы»:

> *«Согласно с этим времена жизни и не считаются за величины, и фраза: этот день был для меня очень длинным или очень коротким, не кажется нам противоречием или бессмыслицей, хотя она и выражает изменчивость отношения между субъективным и объективным временем......*
> *Вот это-то способность целесообразной деятельности, благодаря прозреванию в ближайшее или отдаленное будущее, и есть самое существенное в опыте. Как же мы достигаем этой способности? Мы достигаем ее посредством сравнения. Благодаря памяти мы в состоянии сопоставлять прошедшие состояния с настоящими, или с другими прошедшими, и при этом мы можем установить, что среди есть много если и не одинаковых, то похожих, то есть таких которые совпадают в некоторых, если не во всех своих частях. Эта способность сравнения есть основное свойство нашего ума; благодаря ей возможно заключение от прошедшего через настоящее к будущему, от которого как мы видим зависит вообще наше существование»*

А, Кемпинский, «Психология шизофрении»:

> *«При шизофрении вся эта сложная пространственно-временная сеть иерархии ценностей подвергается разрушению. Иногда у больных возникает впечатление, что время остановилось — у них нет ни будущего, ни прошлого, быстрое течение времени обратилось в стоячую воду. Они не чувствуют движения времени, не скучают и не спешат, не способны определить, быстро ли проходит для них время или тянется медленно. Своеобразное <не-состояние>, как*

> *это определил один из больных Краковской психиатрической клиники.*
> *Иногда, особенно в острых фазах болезни, наблюдается как бы временная <буря>, прошлое бурно смешивается с будущим и настоящим. Больной переживает то, что было много лет назад так, как если бы это происходило сейчас; его мечтания о будущем становятся реальным настоящим; вся его жизнь — прошлая, настоящая и будущая — как бы концентрируется в одной точке (telescoping — по терминологии экзистенциальной психиатрии). Разные в аспекте размещения на оси времени элементы жизни больного смешиваются и оказываются все вместе в одном временном пункте.*

Платон говорит, что Благо подобно Солнцу, свет которого позволяет глазам человека видеть вещи. Также и Интеллект Господа позволяет разуму человека видеть законы природы, установленные им. Человек с развитым интеллектом всегда движим одной главной фундаментальной потребностью — потребностью в знании, потребностью в истине, то что Рассел называет «mere thirst of knowledge», просто жаждой знания, противопоставляя его марксистским учениям об «экономическом человеке». У человека, у которого интеллект еще не развит, больше проявляются потребности биологии и материальной энергии психики: животная мотивация и «голод тщеславия», как говорит Уэллс. Им труднее обнаружить в себе движение в Пространстве Интеллекта потому, что они собственно еще не поднялись в это пространство и не движутся в нем. Они живут на уровне материальных энергий физического пространства-времени.

Совсем другое дело люди, чей интеллект развит настолько, что фундаментальным движением становится «жажда знания», потребность истины. «Страсть к научным исследованиям — одно из самых ценных качеств человека и наиболее важная область его деятельности. — говорит Рассел в „Брак и мораль“, — По-видимому, эта страсть никак не связана с половой страстью». Люди его уровня интеллекта уже при жизни погружаются в это интеллектуальное созерцание, что делает их людьми «не от мира сего», даже если они в своих честных исканиях истины иногда заблуждаются и отвергают метафизику. Рассел

старался быть материалистом, но правильно говорят о его философии и всей его жизни, что в итоге он оставался всегда метафизиком. То есть его жизненной мотивацией всегда оставалась эта самая «жажда знаний», и он сам постоянно об этом говорит («Человек подобно монаде Лейбница должен отражать мир» — у него много таких совсем не материалистических концепций человека). Мотивация поля Интеллекта у интеллектуально развитых людей становится настолько сильной, что они не только ставят на второй план потребности биологии и физического выживания, но прямо идут на смерть и на муки за истину, если обстоятельства этого требуют. И поскольку, законы нашей психики устроены так, что научный контроль был дан нам в зачатке, а физический родился вместе с человеком готовым, то вся история человечества есть мученичество людей Интеллекта в борьбе с варварами, которые вначале истории были всегда много сильнее. На сегодня — а мы должны помнить, что как говорит Тойнби сроки существования планеты показывают нам, что человечество родилось только вчера, — история человечества это мученичество людей интеллекта во имя истины.

Г. Олпорт, «Становление линости»:

> «Верно, что упражнение талантов способного человека часто вознаграждается. Но упражняется ли он просто для получения вознаграждения? Это кажется маловероятным. И такая мотивация не объясняет влечения, стоящего за гением. Мотив гения — творческая страсть сама по себе. Насколько несерьезно думать о том, что самоотдача Пастера коренилась в его заботах о вознаграждении, здоровье, еде, сне или семье. В пылу исследований он надолго забывал обо всем этом. И такая же страсть двигала гениями, которые в течение жизни не получали почти или совсем никакого вознаграждения, как Галилей, Мендель, Шуберт, Ван Гог и многие другие».

А. Маслоу, «Мотивация и личность»:

> «История человечества знает немало примеров самоотверженного стремления к истине, наталкивающегося на непонимание окружающих, нападки и даже на реальную угрозу жизни. Бог знает, сколько людей повторили судьбу Галилея».

Люди, которые живут в материальном мире, мало интересуясь поисками знаний и истины, в самом деле используют мышление как его понимают дарвинисты (и Юм): как помощника для удовлетворения голода биологического и «голода тщеславия» поля Эгосистемы. Люди, которые живут в Пространстве Интеллекта движимы голодом интеллектуальным, хотя конечно им тоже приходиться уделять время биологическим потребностям (поле Эгосистемы у них как правило не активно). Так как же нам определить Пространство и Время Интеллекта? Где движутся люди в поисках истины и как измерить время этого движения?

Понятно, что они движутся в поле интеллектуальной информации — то есть видят мир в разрезе законов природы, как его неспособны видеть люди, у которых активны только материальные энергии. При чем не любая информация, а именно интеллектуальная информация, то есть законы природы, научная информация. Так как животные тоже обладают чувственной информацией (и физический контроль поля Эгосистемы дает чувственную информацию). Мы говорим именно о формулах интеллекта в основе мироздания. Это Пространство может видеть только Мышление Человека.

А. Маслоу, «Мотивация и личность»:

> «Самоактуализирующиеся люди, как правило занимаются интеллектуальной деятельностью; это ученные исследователи, поэтому можно утверждать, что главное в их случае — интеллектуальная мощь. За некоторыми исключениями можно утверждать, что эти люди озабоченны базовыми проблемами и вечными вопросами, которые принято называть этическими или философскими. Такие люди существуют обычно в максимально широкой системе координат. Образно говоря, они никогда не приближаются к деревьям настолько, чтобы перестать видеть лес. Они работают с универсальными жизненными ценностями, ориентируясь на долговременные, а не сиюминутные интересы. В известном смысле всех их можно считать философами, хотя и самоучками». ....Способность вознестись над обыденностью, умение отрешиться от частностей, расширить горизонты восприятия, посмотреть на вещи в перспективе, sub specie aeternitatis (с точки зрения вечности) имеет огромное социальное значение»

Б. Рассел, «Борьба за счастье»:

> «Если, с другой стороны, ваши привычные мысли всегда содержат исторический взгляд на человеческий путь, начиная с его постепенного зарождения из варварства, и краткость общего существования человека в сравнении с размерами астрономических эр, если, повторяю, такие мысли всегда при вас, вы поймете, что сиюминутная борьба, в которую вы вовлечены, не может быть такого масштаба, чтобы рисковать вернуться назад в темные века варварства, из которых мы с такими трудами выбирались. Нет, больше, если вы переживаете неудачу в достижении сиюминутной цели, вас поддержит та же мысль о преходящем, которая сделала невозможным обращение к унизительному оружию. В вашем распоряжении окажутся помимо промежуточных целей, также задачи отдаленные и медленно раскрывающиеся, задачи, неличные, где вы только один из воинов огромной армии великих людей, прокладывавших дорогу человечеству к цивилизации. Если вы сумеете развить в себе этот взгляд на человечество, вы заложите основу глубокому фундаментальному счастью, которое никогда не покинет вас, как бы ни сложилась ваша личная судьба. Ваша жизнь станет продолжением жизни всех великих людей, имевших общие цели, и с вашей смертью эта нить общей жизни не оборвется, и поэтому покажется вам лишь незначительным инцидентом»

Л. Толстой, «О Жизни»:

> «Он сознает свое разумное происхождение вовсе не таким, каким ему видится его плотское рождение. Спрашивая себя о происхождении своего разумного сознания, человек никогда не представляет себе, чтобы он, как разумное существо, был сын своего отца, матери и внук своих дедов и бабок, родившихся в таком-то году, а он сознает себя всегда не то, что сыном, но слитым в одно с сознанием самых чуждых ему по времени и месту разумных существ, живших иногда за тысячи лет и на другом конце света. В разумном сознании своем человек не видит даже никакого происхождения себя, а сознает свое вневременное и внепространственное слияние с другими разумными сознаниями, так что они входят в него и он в них».

Пространство мы определили: видение законов природы разумом открывает человеку пространство движения невидимое материальным энергиям. Как мы определим Время? Понятно, что Временем движения в Пространстве Интеллекта будет Коли-

чество Накопленного Знания. Таким образом, Время Движения всего человечества в Пространстве Интеллекта измеряется всем объемом научного знания, накопленного нашей цивилизацией. Тогда как время движения отдельного человека будет равно уровню его образования, количество усвоенного знания.

Время Интеллекта также отличается от физического времени как пространство Интеллекта отличается от физического пространства: Люди в своих знаниях переходят границы физического времени, и могут ощущать как свой и опыт прошлого и смотреть в будущее. Маслоу называет этот феномен «трансценденцией времени» и описывает свой собственный опыт. Мильтон в своей знаменитой речи против цензуры называет живыми книги, так как они несут сознание людей, их написавших, и заявляет о бессмертии духа.

А. Маслоу, «Новые рубежи человеческой природы»:

> «2. Трансценденция в метапсихологическом смысле преодоления своей телесности, в частности, при идентификации с бытийными ценностями, так что они становятся внутренними по отношению к Я.
> 3.Трансценденция времени. Например, мне наскучила академическая церемония, в которой я участвую, и я чувствую себя несколько смешным в шляпе и мантии. Но внезапно я начинаю ощущать себя не утомленным и раздраженным человеком, находящимся в данный момент в определенном месте, а неким символом, действующим под знаком вечности. В моем воображении возникает академическая процессия, протянувшаяся из прошлого в будущее далеко-далеко, гораздо дальше, чем я могу видеть. Во главе ее находится Сократ, и многие люди предшествовавших поколений участвуют в ней, а я — последователь и продолжатель всех великих академиков, профессоров и интеллектуалов. И я вижу также процессию, продолжающуюся за мной в неясную, туманную бесконечность, где места в процессии займут еще не родившиеся пока люди, которые станут интеллектуалами, учеными и философами. И я ощущаю приятную дрожь, испытываю большую гордость, что участвую в этой процессии, горжусь своим одеянием и собой как человеком, причастным к великому делу. То есть я стал символом; я нечто вне своей телесности. Я стал не просто индивидом, но «ролью» вечного учителя, платоновской идеей учителя. Трансценденция времени имеет место и в другом смысле, а именно, я могу дружески общаться, очень лично и эмоционально, со Спи-

> нозой, Авраамом Линкольном, Томасом Джефферсоном, Уильямом Джеймсом, Альфредом Н. Уайтхедом и т.д., как если бы они были живы. Тем самым можно сказать, что в определенном смысле они действительно живы».

Д. Мильтон, «Ареопагитика»:

> «Я не отрицаю того, что для церкви и государства в высшей степени важно бдительным оком следить за поведением книг, так же, как и за поведением людей, и в случае надобности задерживать их, заключать в темницу и подвергать строжайшему суду как преступников; ибо книги — не мертвые совершенно вещи, а существа, содержащие в себе семена жизни, столь же деятельные, как та душа, порождением которой они являются; мало того, они сохраняют в себе, как в фиале, чистейшую энергию и экстракт того живого разума, который их произвел. Я знаю, что они столь же живучи и плодовиты, как баснословные зубы дракона, и что, будучи рассеяны повсюду, они могут воспрянуть в виде вооруженных людей. Тем не менее, если не соблюдать здесь осторожности, то убить хорошую книгу значит почти то же самое, что убить человека. Кто убивает человека, убивает разумное существо, подобие Божие; тот же, кто уничтожает хорошую книгу, убивает самый разум, убивает как бы зримый образ Божий. Многие люди своею жизнью только обременяют землю; хорошая же книга — драгоценный жизненный сок творческого духа, набальзамированный и сохраненный как сокровище для грядущих поколений. Поистине, никакое время не может восстановить жизнь, да в этом, быть может, и нет большой потери; но длинный ряд веков часто не в состоянии пополнить потерю отвергнутой истины, утрата которой приносит ущерб целым народам. Поэтому мы должны быть осторожны, преследуя живые труды общественных деятелей, уничтожая созревшую жизнь человека, накопленную и сбереженную в книгах; в противном случае мы можем совершить своего рода убийство, иногда причинить мученичество; если же дело идет о всей печати, то учинить своего рода поголовное избиение, которое не ограничивается просто умерщвлением жизни, но поражает самую квинтэссенцию, самое дыхание разума, убивает не жизнь, а бессмертие».

Наверное лучшим доказательством разделения пространства-времени физического и духовного служит квантовая механика. И «нелокальность» квантов, которая как нельзя более точно подтверждает что квантовая механика относится к другому пространству-времени; и проявления активного интеллек-

та у квантов (известно, что кванты всегда «знают», когда их измеряют). И наконец, эксперименты с «отложенным временем», которые доказывают, что физическое время ничего не значит для квантов. Для них важно только время сознания людей, которые знакомятся с результатами их измерений. Философски это подтверждает правоту Эйнштейна, который отказывался принимать статистические теории, и настаивал, что «бог не играет в кости», и что физический мир детерминирован законами природы. Действительно, классическая физика на «макро» уровне детерминирована законами природы, равно как и квантовая механика. Последняя только показала феномен «активного интеллекта», который мы раньше наблюдали только у человека, и доказала существование пространства-времени Интеллекта как отличного от пространства-времени физического мира. Почему эти особенности физический мир проявляет на «микроуровне» с мельчайшими частицами света, — может потому что это тоже уже духовная энергия? Мне неизвестно. Эйнштейн говорил, что разрешение загадок квантовой механики придет, когда наш уровень знаний будет другим. Действительно Открытие психической энергии позволяет доказать правоту Эйнштейна: реальность законов природы непоколебима и Бог не играет в кости.

Таким образом, для людей поля интеллекта домом является то самое Царствие Небесное Истины, которое они умеют обнаружить уже при жизни. Однако, что это за «Дом» на сегодня, когда научный контроль разрушен? Когда горы мусора шизоидной лже-науки остановили всякое движение в Пространстве Мысли. Задачей человека становится расчистить и привести в порядок свое жилище: вычистить мусор лже-науки и построить прекрасные дороги и города из настоящего знания. Кажется, это Стивен Хокинг говорил, что проблема на сегодня не в отсутствии знания, а засилье ложного знания.

2. ПРАВА ЧЕЛОВЕКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НАУЧНОГО КОНТРОЛЯ ПСИХИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ

Что же такое Права Человека с точки зрения нашего знания о противоборстве духовной и материальной энергии в сознании человека?

Понятно, что главным Правом, о котором все старые Декларации не упоминают, является Право не на жизнь, а Право на Здоровье и Развитие поля Интеллекта человека, на Право не просто жизни животного, а Право на жизнь в Пространстве Интеллекта. Достижение того Царства Небесного и Спасения Души, о котором пеклись и Теократия Платона и Теократия Христианской Церкви. Также и Кьеркегор делит пространство-время материального Эго (отчаяние в отсутствии духа, временное Я) и пространство-время духовного Я (вечное Я). Толстой пишет в философском трактате «О жизни», что Жизнь собственно только тогда и начинается, когда человек научается разделять «свою разумную личность и животную личность» и «подниматься над пространством-временем животной личности». Это очень важный акцент, который делает Толстой, вынеся его даже в название: о том, что Жизнь Человека вовсе не равна его биологическому существованию, и что пространство-время биологической жизни не тождественно пространству-времени духовной жизни. И что Живет, Существует только тот, кто живет в Пространстве Интеллекта Разумной жизни. А о прочих нельзя сказать, что они вообще жили, существовали. На фоне этих высказываний «500 лет жизни элиты» у В. Соловьева, которые он хочет обеспечить «большими деньгами на здоровье» выглядят совсем нелепыми. Он ссылается там на «русскую литературу», которая якобы поддерживает их проекты воскрешения Зверя-Левиафана («Царство Зверя» у Мережковского называется их царизм), однако Толстой уже даже после этих «500 лет жизни» не стал бы с ним разговаривать. Ведь время материальной жизни, будь его не 500 лет, а миллион есть топтание на месте круговорота циклических энергий. И сами они это подтверждают, когда вообще

отвергают и разум и понятие прогресса в «Происхождении суверенитета» и в «Революции консерваторов», и только сокрушаются о том, что время не стоит на месте, в «золотом веке» древних военно-жреческих кастовых обществ.

Потому Толстой и говорит, что нет жизни в материи, есть жизнь только в Интеллекте. Откажитесь от животной личности и подниметесь в Пространство Интеллекта разумной личности на крыльях научного контроля. Мы уже знаем, что человека тянет вниз не его биология, а его поле Эгосистемы, так что научной формулировкой было бы: откажитесь от поля Эгосистемы и поставьте на второй план потребности биологии, подчинив их разумной личности, как говорили Сократ и Толстой.

Л. Толстой, «О жизни»:

> «Но что же такое это разумное сознание? Евангелие Иоанна начинается тем, что Слово, «Logos» (Логос — Разум, Мудрость, Слово), есть начало, и что в нем всё и от него всё».
> Силы пространственные и временные — силы определенные, конечные, несовместимые с понятием жизни; сила же стремления к благу через подчинение разуму есть сила, поднимающая в высоту, — сама сила жизни, для которой нет ни временных, ни пространственных пределов.
> Человек начинает жить истинной жизнью, т. е. поднимается на некоторую высоту над жизнью животной и с этой высоты видит призрачность своего животного существования, неизбежно кончающегося смертью, видит, что существование его в плоскости обрывается со всех сторон пропастями, и, не признавая, что этот подъем в высоту и есть сама жизнь, ужасается перед тем, что он увидал с высоты. Но сила разумного сознания опять поднимает его, опять он видит, опять ужасается и, чтоб не видеть, опять припадает к земле. И это продолжается до тех пор, пока он не признает наконец, что для того, чтобы спастись от ужаса перед увлекающим его движением погибельной жизни, ему надо понять, что его движение в плоскости — его пространственное и временное существование — не есть его жизнь, а что жизнь его только в движении в высоту, что только в подчинении его личности закону разума и заключается возможность блага и жизни. Ему надо понять, что у него есть крылья, поднимающие его над бездной, что если бы не было этих крыльев, он никогда и не поднимался бы в высоту и не видал бы бездны. Ему надо поверить в свои крылья и лететь туда, куда они влекут его».

Понятно поэтому, что «право на жизнь» в Декларации Прав Человека не говорит не о чем. И эту формулировку нужно изменить на «Право на жизнь в Пространстве Интеллекта», или иначе Право на Здоровье и Развитие поля Интеллекта.

И соответственно основная деятельность Международного Института Естественного Права (МИЕП) должна будет состоять в разработке стандартов образования, необходимого для поддержания здоровья поля интеллекта. А также в подчеркивании необходимости для национальных государств привести свои национальные правовые системы в соответствии с этими требованиями к образованию: центральное место институтам образования, как подчеркивают Рассел и Уэллс, и как говорили еще Сократ и Платон в своей Республике, ставя образование новых поколений первостепенной задачей своего государства.

Важно осознать, что оставить человека без образования, которое позволит сохранить здоровье его поля Интеллекта — это все равно, что убить этого человека. Более того, это значит убить его метафизически, убить его для вечности, для Спасения, ибо что есть Спасение если не достижение зрелости Духа? «Кто не родится от Духа Святого, не войдет в Царствие Небесное». Эти слова как раз и говорят о том, что кто не получит должного образования, тот не обретет тех крыльев, о которых пишет Толстой, и не сможет подняться в Пространство Интеллекта.

А. Тойнби, «Цивилизация перед судом истории»:

> «Если верно, как я считаю, что земная церковь никогда не будет идеальным воплощением Царства Небесного, то какой смысл можно было бы вложить в слова молитвы: „Да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя и на земле, как на небе“? Правы ли мы, в конце концов, делая вывод, что история религии на Земле — в отличие от циклического развития цивилизаций с их взлетами и падениями — это движение только по восходящей? Есть ли у нас основания думать, что это развитие будет продолжаться бесконечно? Даже если вид общества, называемый цивилизацией, уступит место исторически более молодому и, вероятно, более духовно возвышенному виду, представленному единым всемирным устойчивым представителем этого вида в форме христианской церкви, не может ли случиться так, что придет время, когда состязание между христианством и перво-

> родным грехом превратится в устойчивое равновесие духовных сил?...Если такова осознанная цель человека для себя и для своего ближнего в лоне христианской воинствующей церкви на Земле, то совершенно очевидно, что по христианскому завету Божья воля воплотится на Земле, как и на Небесах, в неизмеримо более высокой степени, нежели это возможно в любом земном секулярном обществе. Очевидно также, что в лоне воинствующей церкви на Земле добрые социальные задачи земных обществ будут решаться с гораздо большим успехом, чем это может сделать мирское общество. Иными словами, духовный прогресс отдельной личности в этом мире несет с собой гораздо более существенный социальный прогресс, нежели какой-либо другой способ достижения этой цели. Парадоксальный, но глубоко истинный и важный жизненный принцип: самый верный способ достичь цели — это стремиться не к самой этой цели, а к чему-то более высокому и едва ли разрешимому в ее рамках. В этом состоит смысл притчи о выборе Соломона в Ветхом Завете и фразы в Новом Завете об утрате жизни и спасении ее. Таким образом, несмотря на то что замена мирских цивилизаций устойчивым вселенским правлением воинствующей церкви на Земле, без сомнения, почти чудесным образом улучшила бы социальные условия, чего секулярные цивилизации, собственно, и добивались последние шесть тысяч лет, тем не менее цели и критерии прогресса по истинным христианским заповедям на Земле лежали бы вне поля мирской социальной жизни, но в сфере духовной жизни индивидуальной личности на ее пути через земную жизнь от рождения в этот мир до ухода из него».

И потому обеспечить Здоровье поля Интеллекта должно быть определено как базисное Право Человека, и именно контроль за соблюдением этого права должен быть центральной и основной задачей МИЕП. Потому что при решении этой задачи, сами собой решаются все остальные задачи, в особенности те, что связанны с преступностью, насилием и угнетением людей. Ведь Здоровье поля Интеллекта достигается нейтрализацией поля Эгосистемы в том числе (в рамках контроля своей психической энергии). Хотя научный контроль человек включает не только контроль своей энергии, но и знания и контроль физических энергий. И целью наших образовательных систем должно стать во-первых обеспечение всеобщей доступности образования, и во-вторых развитие научного мышления у де-

тей, которое бы сделало интеллектуальный голод их доминирующей мотивацией.

Вторая основная задача МИЕП будет создание Храма Богу-Интеллекту и Великим Мыслителям, как Святым этого Храма. А также списка самых важных книг, минимума необходимого всем, того «круга чтения», составлением которого был озабочен еще Лев Толстой.

Человек священен постольку поскольку Господь ему открыл доступ в Пространство Интеллекта. И соответственно его Право на жизнь в Пространстве Интеллекта тоже священно.

Второй центральной задачей МИЕП в этой связи должен стать Храм Славы Господу за благодать которую он дал человечеству вместе с мышлением. И эта слава проявится в прославлении его святых, великих ученых, мыслителей, пророков, мучеников, которые на пути исканий Истины не жалели себя, и посвятили свои жизни служению правде. Они могли не произносить слова Господь. Они могли оставаться эмпириками как Рассел и Уэллс, но если они честно служили Истине, это и значит что они посвятили себя служению Господу. Так, Уэллс и католик Честертон были большими друзьями, и Уэллс вспоминает своего друга и в «Англичанин смотрит на мир», и в «Новый Мировой Порядок» самыми теплыми и восторженными словами. Еще в большей степени это можно сказать о другом «святом», как называла его дочь-христианка, который сам именовал себя эмпириком и материалистом, о Бертране Расселе.

Честь создания такого Храма принадлежит не мне. Его как видно из ниже приведенных цитат давно создают все те великие умы, которые не могли не осознать что истинная наука и истинная религия -это только стороны одной медали, как говорил А. Эйнштейн.

Жорж Санд, Пьер Леру, «Спиридион»:

> «Я жадно проглотил творения Абеляра, изучил то, что дошло до нас от сочинений Арнольда Брешианского, Петра Вальда и других прославленных еретиков 1—13 веков. Убеждения этих знаменитых людей, которые хотя бы отчасти взяли под свою за-

щиту свободу выбора и права разума, так отвечали потребностям моей души, что я поел гораздо дальше. Я был уверен, что взгляд этих философов на богодухновенность Платона и святость великих языческих философов, предшественников Христа, совершенно точно соответствует тем представлениям, какие христианин должен иметь о доброте, справедливости и величии Господа. Я сурово осуждал священнослужителей эпохи Абеляра и полагал, что на Санском соборе дух Господень пребывал не с гонителями, а с гонимыми. Главное же заключалось в том, что я перестал быть католиком. Поверив, что еретики лишь усовершенствовали католическое учение, я стал поклоняться им с величайшим усердием, я проникся к ним большим почтением чем к отцам церкви. Сказать, что от Абеляра я перешел к Виклифу, от Виклифа к Яну Гусу, от Яна Гуса к Лютеру, а от Лютера к скептицизму, значит изложить историю человеческого ума на протяжении предшествующих столетий. Однако, познакомившись с протестантами, я не мог уже вернуться назад. Вера моя в откровение пошатнулась, религия приняла форму рациональной философии. Я обратился к древним мыслителям, к учению Платона и Зороастра, Конфуция и Эпикура, Платона и Эпиктета, одним словом всех тех, кто еще до Иисуса Христа страстно желал разгадать тайну происхождения и предназначения рода человеческого. Я не считал, что апостол Павел богодухновенностью превосходит Платона, Сократ казалось мне был столь же достоин искупить грехи рода человеческого, что и Иисус из Назарета. Для меня было очевидно, что в Индии о Боге знали ничуть не меньше, чем в Иудее. Юпитер, каким описывали его великие языческие мыслители, представлял, на мой взгляд, божество ничем не уступавшее Иегове. Одним словом сохраняя в душе величайшее почтении и чистейшую любовь к Распятому, я не видел никаких оснований, считая его сыном Божьим, отказывать в этом звании Пифагору, а ученики Пифагора казались мне такими же пламенными апостолами веры, что и последователи Иисуса. Моей религией сделались любовь к добру и потребность в истине. Люди никогда не умели познать вечную истину и поэтому они оставались христианами, хотя христианство на их глазах христианство меняло свой облик. Христианство должно было иметь три эпохи и все три эпохи истекли. Первая, коей символом святой Петр — это устроение иерархии Церкви воинствующей. Вторая, коей символом святой Иоанн, приходится на период от Абеляра до Лютера. Третья, коей символом святой Павел, начинается Лютером и кончается Боссюэ. Это –царство свободы совести и царство познания. Тут кончается христианство и начинается эра новой рели-

гии. Не будем же искать абсолютную истину в букве Евангелия, будем искать ее в откровениях явленных всему человечеству, жившему прежде нас.
Люди будущего в вас осуществиться это пророчество, Грядет время нового откровения, новой религии, нового общества, нового человечества. Религия эта отвергнет не дух христианства, но одни лишь формы его. Станет она христианской религии дочерью, а религия христианская станет ее матерью. Новая религия, дщерь христианства, не отречется от матери, но продолжит дело ее. То чего мать не поняла, объяснит ей, то чего мать не дерзнула свершить, свершит, то, к чему мать лишь приступила, доведет до конца. Вот пророчество истинное, явленное великое Боссюэ в последний его час. Отец Алексей посвятил меня в великие тайны пифагорейства, платонизма и христианства, что все они суть одно и то же учение, и что эта истина абсолютна, но все еще сокрыта покровами, и что человечеству предстоит их разорвать, прежде чем истина явится во всем своем блеске»

Ромен Роллан, «Вселенское Евангелие Вивекананды»:

«Спасение Европы в рационалистической религии, единственной религии приемлемой для людей научного мышления. Адвайта дважды спасала Индию от материализма. Пришествием Будды, который появился во времена самого отвратительного материализма. Пришествием Шанкары, который в то время как материализм вновь овладел Индией, деморализуя высшие классы и отдавая во власть суеверий низшие, возродил Веданту, создав из нее рационалистическую философию. Сегодня нам нужно это яркое солнце интеллектуализма, соединенное с сердцем Будды, полным милосердия и любви. Это соединение даст нам высочайшую философию, где наука и религия соединятся. Это будет религия грядущего и она станет религией всех народов и всех времен. Религия еще только зарождается — она гораздо больше дело будущего, чем настоящего. Нужно ли применять научный метод в исследовании религии? Я отвечаю: да. Если религия будет уничтожена таким исследованием, значит она была бесполезным и вредным суеверием, чем раньше она исчезнет, тем будет полезнее. На каком основании могла бы религия отклониться от контроля разума? Я убежден, что Бог скорее простит тому, кто на основании разума не верит, чем тому, кто верит слепо, избегая разума и мыслию Опыт — единственный источник познания. Наука и религия — две параллельные попытки помочь нам выйти из рабства. Их различие в сфере приложения: Религия говорит об истинах мира метафизического, как химия

> и естественные науки говорят об истинах мира физического».
> Я рекомендую это западным учителям, — говорит Ромен Роллан закончив цитировать Вивекананду, — новой психологии, научно основанной на физиологии духа».

Создание такого Храма, где Святыми стали бы реальные люди, а «житием» реальные истории ученых, положивших жизни служению богу и человечеству очень важно с точки зрения Создания Духовного Меча МИЕП, потому что другим оружием эта организация не располагает. Очень важно четко разграничить полюса Добродетели и Святости с одной стороны, и полюс Порока и Зла с другой стороны. Важно славить Добродетель, и столь же важно позорить Порок. Это оружие Духовного Меча в борьбе с цветущим ныне Сатан-Эго, пожирающим людей до того, как у них будет возможность родиться сознательными существами. Потому и Фромм и Герцен говорили, что люди умирают еще до того, как они успели родиться. И задачей МИЕП будет помочь людям «родиться от Духа», то есть от Интеллекта. И для этого такой Храм, где Религия и Наука, уже взрослые и Зрелые соединяться, как предсказывали Тойнби и Эйнштейн, совершенно необходим.

Помимо великих мыслителей всех времен этот же Храм должен своим Духовным Мечом в борьбе со Злом поддерживать духовную энергию и бороться с Сатан-Эго. Он должен также славить хорошие поступки обычных людей и славить проявления героизма на пути борьбы со злом. И должен предоставить электронную платформу всем участникам «глобального гражданского общества», кто хочет разместить обоснованные жалобы либо на свои правительства, либо на преступность и ее безнаказанность со стороны своих правительств.

3. ПОБЕДА ЦЕРКВИ НАД ГОСУДАРСТВОМ. НАРОДНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ

Государство и Церковь, чтобы выполнять свое назначение физического меча и духовного меча не могут сосуществовать в одном институте: они должны быть разделены. А. Шлезингер пишет, что Америке не справится с задачей мониторинга Прав Человека, потому что как всякое государство, США должны отстаивать свои интересы, и «двойные стандарты» неизбежны. Потому Права Человека должны стать заботой неправительственных организаций. И поскольку ООН также состоит из представительств Государств, то и ООН является организацией правительственной. Или же клубом правительственных организаций, что не меняет существо вещей.

Более того, М. Игнатьев подчеркивает, что США, как все прочие незападные цивилизации, не могут разрешить конфликт между «народным суверенитетом» как выраженной на выборах волей народа, и Правами Человека как Естественным правом научного контроля. Это самая серьезная неразрешимая проблема института прав человека на сегодняшний день: согласование понятий народного суверенитета и прав человека. И она одинаково серьезна и для западных и для незападных цивилизаций. Никто не желает нарушать границы своего государственного суверенитета, позволяя вмешиваться внешним международным организациям и делиться с ними властью. По крайней мере, никто на уровне правительств. Сам народ видимо не стал бы так сильно возражать, ведь неправительственные правозащитные организации это и есть народ. Видимо, причина в том, что следует различать понятия Государственный суверенитет и Народный суверенитет.

М. Игнатьев, «Права человека как политика и как идолопоклонство»:

> «Неохотное вовлечение США поставило эту страну в парадоксальное отношение к оформляющемуся во всем мире правовому порядку,

> основанному на защите прав человека. Поскольку во главе комитета, разрабатывавшего Всеобщую декларацию, стояла Элеонор Рузвельт, Америка как бы способствовала утверждению правозащитных норм по всей планете, продолжая при этом сопротивляться идее о том, чтобы эти самые нормы прилагались к американским гражданам и американским институциям. Вдохновляющая активистов-правозащитников утопия, в рамках которой можно было бы наказывать государства, попирающие права человека, не сочетается с представлением о том, что подобные права черпают свою легитимность из народного суверенитета нации. С точки зрения европейцев и канадцев, например, американское допущение смертной казни является нарушением статьи 3 Всеобщей декларации, но большинство граждан США убеждено в том, что за такой практикой стоит демократически выраженная воля народа. Следовательно, протесты международного правозащитного сообщества отвергаются как несостоятельное вмешательство в чужие дела. По-видимому, в следующие полвека можно ожидать того, что моральный консенсус, оформивший Всеобщую декларацию в 1948 году, продолжит разваливаться»

Иисус пришел, чтобы разделить Государство и Церковь, которые были еще едины в Теократии Антонинов. И он блестяще справился с этой сложнейшей задачей. Ренан пишет, что он относился к государству и всем его институтам с глубокой иронией, и ставил своей целью не войну с ними, как националисты, а четкое отделение церкви как духовного сообщества от государства. Действительно, спасение души для Царствия Небесного стало путеводной звездой христианских сообществ, живших единством поля совести и справедливости и почитавших государство ровно настолько, насколько им позволяли пастыри божьи. Авторитет Духовного меча много превосходил авторитет меча Физического в Средние века, когда церковь христианская еще была пропитана духом своего создателя.

Д.С.Мережковский «Христианство и Государство»:

> «Христианство не преодолело государства; но и государство в христианстве утратило тот абсолютный смысл, который имело в язычестве, — перестало быть религиозной целью и сделалось эмпирическим средством.
>
> Да, недаром и не случайно у моего критика это забвение церкви как реального пути к всечеловечеству. Ведь главная сущность всего ста-

> рого порядка в России и есть поглощение церкви государством, превращение церкви в «департамент дел духовных». Петр, основатель русского абсолютизма, и основал его на этом именно смешении «кесарева с Божиим». Достоевский видел, что «русская церковь в параличе с Петра Великого»; но откуда паралич, не видел или не хотел видеть. И напрасно, возражая мне, князь Е. Трубецкой ссылается на Достоевского, как будто я его не знаю: знаю и отрицаю именно здесь, в отношении к церкви.
>
> То превращение государства в церковь, в котором Достоевский видит спасительное будто бы отличие «богоносной» России от «безбожной» Европы, — еще больший соблазн, чем превращение церкви в государство, папы в кесаря, которое, по мнению Достоевского, происходит в католическом Риме. Пока нельзя соединить, лучше отделить, чем смешивать. Отделение церкви от государства — вот если не последняя, то первая, если не богочеловеческая, то человеческая, но все-таки святая правда современной европейской культуры. А Россия не только не прошла через нее, но и не дошла до нее.
>
> Так называемая «христианская государственность» или «государственное христианство» есть не что иное, как поклонение Христа «Князю мира сего».
>
> Действительное отделение церкви от государства неизмеримо значительнее и глубже того, которое доныне происходило в истории христианства.
>
> Церковь только до тех пор жива и действенна, пока борется с государством, утверждая свою особую, внегосударственную и вненациональную, всечеловеческую правду, «Царство Божие на земле, как на небе».

Государственность — эмпирически-необходимое средство, но не религиозно-свободная цель человечества. Не человек для государства, а государство для человека. Когда же в относительной и преходящей правде национальной государственности утверждается, как делает князь Е. Трубецкой, безусловная и вечная правда всечеловечества, тогда из эмпирического средства государство становится мистическою целью, из доброго, домашнего животного, коня или вола —

в хищного «зверя», в «самое холодное из чудовищ», по слову Ницше, в того «Левиафана», который уже не человеку служит, а человека пожирает. Религия государственности и есть не что иное, как поклонение «зверю».

Для нас сейчас важно дать определения Государству и Церкви с тем, чтобы не путаться больше в разделении их функций и в характере их взаимозависимости. Потому что нельзя отрицать, что такая взаимозависимость существует сегодня, хотя мы не знаем что будет дальше по ходу зрелости поля интеллекта. Уже из метафоры духовного и физического меча, пришедших к нам из Средних веков, мы можем заключить, что Государство есть царство физического контроля, а Церковь — царство научного контроля. Пока врожденный грех человечества не излечен, и люди остаются порочными и подлыми, физический меч Государства также необходим как духовный меч Церкви. М. Игнатьев пишет, что лучшую защиту Прав Человека обеспечивают государства, создавая правоохранительные органы и устанавливая национальные законодательства. И хотя государства всегда коррумпированы и часто обращают сови силовые институты против граждан, все же, заключает Игнатьев, больше защищены те нации, у которых есть свои государства нежели те, кто их не имеет.

Следовательно, мы не можем принять полностью точку зрения Мережковского о том, что Государство и Церковь всецело антагонисты, и относятся друг к другу как Зло к Добру, как Град Сатаны к Граду Божьему. Действительно, все теоретики Государства определяют его прежде всего как «легитимную силу принуждения», как «машину для насилия» (марксизм-ленинизм), как «дьявольские силы насилия» (Макс Вебер). От Бодена, Гоббса и Макиавелли, до Маркса, Ленина и Марса Вебера все настаивают на том, что Государство есть сила физического контроля. Также и К. Поппер определяет его как «силовые институты посредством которых вводится нормативное право угрозой наказания». Действительно в мире, где пока еще не работает право естественное, где разрушен научный контроль и свирепствует война всех против всех физического контроля, нам нужно такое Государство как силовые институты, которые вводят нормативное право (хотя бы нормативное право!).

Однако, столь же очевидно и другое. Чтобы этот физический контроль не превращался в Град Демона, как легко может быть

с физически контролем, как вы понимаете, совершенно необходимо, чтобы продолжала работать схема Средних веков. То есть чтобы над секулярной властью меча физического продолжал осуществляться контроль духовного меча Церкви. Только в этом случае, мы можем быть несколько гарантированы от сползания физического контроля Государства от его заявленных функций быть стражем справедливости правового государства к полнейшей коррупции чиновников, которые оборачивают силовые институты государства против самого населения. Тенденция эта всегда имеет место, и только сила научного контроля в обществе может ее тормозить, и в конечном итоге остановить совсем. Сейчас, как вы знаете научный контроль разрушен, и нет такого института в международной политике который бы, подобно Католической церкви средневековья, осуществлял духовный надзор за коррупцией секулярной власти.

Понятно, что Церковь Научного контроля будет организацией неправительственной, и что это не может быть ни отдельное государство, ни клуб государств по образцу ООН. А подобно ранним христианским церквам –это будет сообщество граждан. Теперь когда у нас уже есть зачатки глобального гражданского общества нам легко представить себе сообщество граждан со всего мира в Международном Институте Естественного Права, который будет осуществлять тот самый научный контроль за национальными правоохранительными системами отдельных государств. Это конечно будет цвет интеллекта и совести всего мира, который будет избираться на время (и переизбираться), и который поставит себе задачи утверждения институтов образования и обеспечения здоровья и развития поля интеллекта по всему миру. И с этих позиций будет контролировать национальные системы права государств. Никакой военной властью он обладать не будет, а только властью духовного меча научного контроля. И поверьте, что если все реализуется правильно, то эта власть значительно превзойдет эффективность в борьбе со злом военных интервенций ООН.

М. Игнатьев ставит одной из неразрешимых проблем института Прав Человека — определение разграничительной линии между национальными суверенитетами государств и границами вмешательства внешних правозащитных организаций. Неразрешимой проблема становится потому, что путают понятия «право нации на самоопределение» и понятие «народный суверенитет».

Так например, Н. Грачев в книге «Происхождение суверенитета» называет понятие «народный суверенитет» — «плохо разработанной юридической фикцией», потому что по его словам, народ никак не может быть субъектом власти. Субъектом власти является Верховное Правительство, утверждает автор, тогда как народ остается только объектом власти. Таким образом, Граче четко делит полюса Управляемых и управляющих, Власти и Подчинения и отводит народу только роль подчинения. Тогда как субъектом власти становится государство, и таким образом мы имеем суверенитет государственный, который отрицает народный суверенитет. По другому этот государственный суверенитет путинисты называют еще Национальным суверенитетом, и отстаивают полную независимость этого «национального суверенитета».

Отсюда становится ясным, что «право нации на самоопределение» в таком контексте путинской теории субъекта и объекта власти не есть право народа на самоопределение, но есть право Верховной власти на самоопределение, прежде всего в отношении прав их собственных граждан. Такое национальное самоопределение отстаивает только абсолютную власть Верховной власти делать со своим народом все, что ей заблагорассудится, и оставить народ незащищенным внешними правозащитными организациями.

Поэтому мы возражаем путинизму, и говорим, что не народ есть фикция, а понятие «нация» есть фикция. А понятие народ как раз очень конкретное понятие, которое как «всеобщая воля», как «воля народа» Руссо существует, как показывает Открытие психической энергии. Ведь что такое единство поля интел-

лекта в этике совести, справедливости и сочувствия и единство научного контроля в единой истине законов природы, как не «всеобщая воля народа»? Ее долго пытались замерить и не могли, потому что мешала болезнь поля Эгосистемы, но теперь мы знаем что всеобщая воля Руссо существует, и что народный суверенитет вовсе не фикция. Таким образом, мы можем приравнять Народный суверенитет и Научный суверенитет как идентичные понятия, потому что правление науки и будет правлением всеобщей воли народа. И если сегодня мы не обладает еще таким разработанным естественным правом в рамках национальных правовых систем, то для того и учреждаем МИЕП, чтобы он как «мир идей Платона» служил образцом совершенства для национальных правовых систем и предупреждал их от коррупции.

Теория абсолютного национального суверенитета Путина является образцовым показателем такого сопротивления государственных суверенитетов против внешнего контроля правозащитных организаций. И если Игнатьев задается вопросом, где проходит линия разграничивающая компетенции государства и правозащитных организации в защите прав индивидов, то Путин очень жестко отвечает — нигде! Его государство претендует на абсолютную власть над душами и телами своего «подчиненного народа», поклоняющегося Верховной власти.

Эми Гатманн, «Предисловие к Правам человека как политика и идолопоклонство» М. Игнатьева:

> «Когда право на коллективное самоопределение отождествляется с защитой национализма, понимаемого как самоопределение народа, оно утрачивает свою связь с защитой отдельного и свободного в своем выборе человека от жестокости, насилия, унижения. По признанию Игнатьева, это происходит из-за того, что „национализм разрешает правозащитную проблему для победивших этнических групп, но при этом порождает новые группы-жертвы, ситуация с правами которых оказывается только хуже“. Коллективное самоопределение необходимо отличать от национализма по той причине, что оно теоретически способно служить средством защиты всех людей от наихудших форм жестокости и угнетения. Нельзя ущемлять

> индивида во имя народа или нации. Преодолевая одну проблему, связанную с правами человека, национализм создает другую, поскольку нации порой позволяют себе дурно обходиться с индивидами, прикрываясь собственным правом на самоопределение. Следовательно, правозащитный режим не согласуется с национализмом, или абсолютным суверенитетом народа, порождаемым правом на коллективное самоопределение. Коллективное самоопределение как человеческое право не влечет за собой права угнетать меньшинства».

Прежде всего надо в самом деле разделить понятия Государственного суверенитета и Народного суверенитета. Эти понятия не равны, и более того пока находятся в антагонизме друг к другу. Тогда мы сможем разделить и компетенцию каждой из сторон. Государственный суверенитет следит за функционированием силовых институтов, за работой правоохранительных органов, обеспечивая функционирование правового государства как оно сегодня есть. А Народный суверенитет через посредство научных институтов и МИЕП осуществляет научный контроль за национальными правовыми системами, приводя их в гармонию с Естественным правом. Таким образом, граждане выступают субъектами научного контроля в МИЕП и объектами юридической власти своих государств. Игнатьев пишет, что утопия правозащитников заставляет их верить в то, что национальные суверенитеты будут со временем упразднены, и что глобальное гражданское общество станет единственной формой человеческого общежития. Это будет возможно только после того, когда потребности в силовых институтах как гарантах правового государства больше не будет. Сумеет человечество когда-нибудь настолько излечится от поля Эгосистемы, мы не можем знать. Важно лишь то, что сегодня совершенно очевидна необходимость Международного Института Естественного права как Церкви духовного меча научного контроля за коррумпированными силовыми институтами государств. И что государства без такого внешнего надзора научного контроля в самом деле склонны превращаться в Грады Сатаны или Левиафаны садомазохизма, как предупреждал Мережковский. И если старые механизмы основанные на Ранних Откровениях

«из которых человечество выросло как младенец из пеленок» по слову Мережковского, уже не работают, то Научная Революция Энергетика позволяет нам новые механизмы, основанные на Открытии законов психической энергии. Научный контроль Естественного права. Важно восстановить эту систему разделения властей, где физический контроль государств находится под контролем естественного права Церкви.

А. Тойнби, «Постижение истории»:

> «В эпоху цивилизаций прогресс, как правило, отождествляется человеком с поступательным совершенствованием какого-либо земного учреждения, будь то племя, город-государство, империя, церковь, определенная система знаний, художественная школа или правовой институт. Если бы подобное понимание смысла прогресса распространилось на странников — жителей Града Божия, они действительно стали бы самыми жалкими среди людей, ибо им, как никому другому, известно, что в земной жизни ни души, отягощенные первородным грехом, ни институты не могут двигать прогресс к совершенству. На материале нашего исследования мы убедились, что идолизация институтов — непростительная интеллектуальная и духовная ошибка, которая приводит к социальной катастрофе, а плата за эту ошибку тем выше, чем благородней институт, взявший на себя роль наместника единого истинного Бога. Помогает ли он человеку найти свой путь к Создателю или нет — вот пробный камень оценки любого института, который становится самоцелью, вместо того чтобы быть средством поиска истинно человеческого пути.
>
> Но если институты — это средства, а не цели, в чем же заключается значение и цель социального наследия, далеко выходящего за временные и пространственные границы всякой отдельной человеческой жизни на Земле? Каждый добрый человек чувствует, что, согласно Божией воле, он должен употребить свою жизнь во благо других людей, причем не только близких ему людей, но и тех, кто отделен от него Временем и Пространством. Единственным средством служения этим неизвестным братьям является институт, который переживает каждого отдельного человека. И люди не только чувствуют, что их земной долг совместим с преданностью Граду Божию, они чувствуют, что будут предателями Града, если откажутся от попытки установить лучший закон земной жизни в несовершенном мире, куда пришли они странниками, а за ними придут другие».

Трагическая история Дианы Спенсер вдохновила меня вновь в очередной раз переформулировать эти истины Научной Революции Энергетика, которые я уже столько раз излагала на в других своих книгах, на русском и на английском языке. И я вижу теперь, что не зря работала, что мне удалось и сказать что-то новое и яснее и четче сформулировать сложные вопросы теории. Я ставила себе целью доказать в этой книге научно, что злые силы сегодня правят миром, что Сатан-Эго людей власти пожирает духовную энергию народа прежде чем она окрепнет и сможет защищать себя. Я сама стала жертвой этих сил не только как ученый, но и как женщина. Потому что в современном мире, в котором провозглашаются такие громкие лозунги свободы и равенства полов, женщины на самом деле остаются рабами. «Женщины негры этого мира», как пел еще Джон Леннон. Я прочувствовала на себе это особенное презрение к женщинам, особенно если они претендует на занятие важной социальной роли: Диана хотела стать послом по гуманитарным вопросам, а я — автор Открытия Психической Энергии. У меня нет никаких сомнений в том, что Диану погубило такое же варварство Сатан-Эго тех, кто считает, что мужчины это те, кто умеет презирать и казнить женщин. Эта славная хрупкая девочка отчаянно боролась до самого конца и не уступила силам зла. Она заслужена стала героем этой книги, которая будет жить много веков после того, как наш век закончится. Я не знаю, каких святых МИЕП утвердит в свой Храм Бога-Интеллекта, но сама буду голосовать в том числе за Диану Спенсер. Она посвятила свою жизнь служению самым обездоленным и угнетенным слоям общества со всем бескорыстием и самоотречением святого, — ведь она не раз рисковала своей жизнью. И не раз покушалась на свою жизнь, следуя тому же душевному порыву римлян и иудеев: лучше не жить, чем жить в мире несправедливости., в мире где торжествует зло.

Если МИЕП как Церкви Научного Контроля суждено когда-нибудь встать и утвердиться, то силы зла вне самого сомнения

будут со временем побеждены. На этой оптимистической ноте позвольте мне завершить эту книгу.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Тесла Лейла Хугаева Тиникашвили

Убийство Святой Дианы

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Rideró
Rideró.ru — издай
книгу бесплатно!